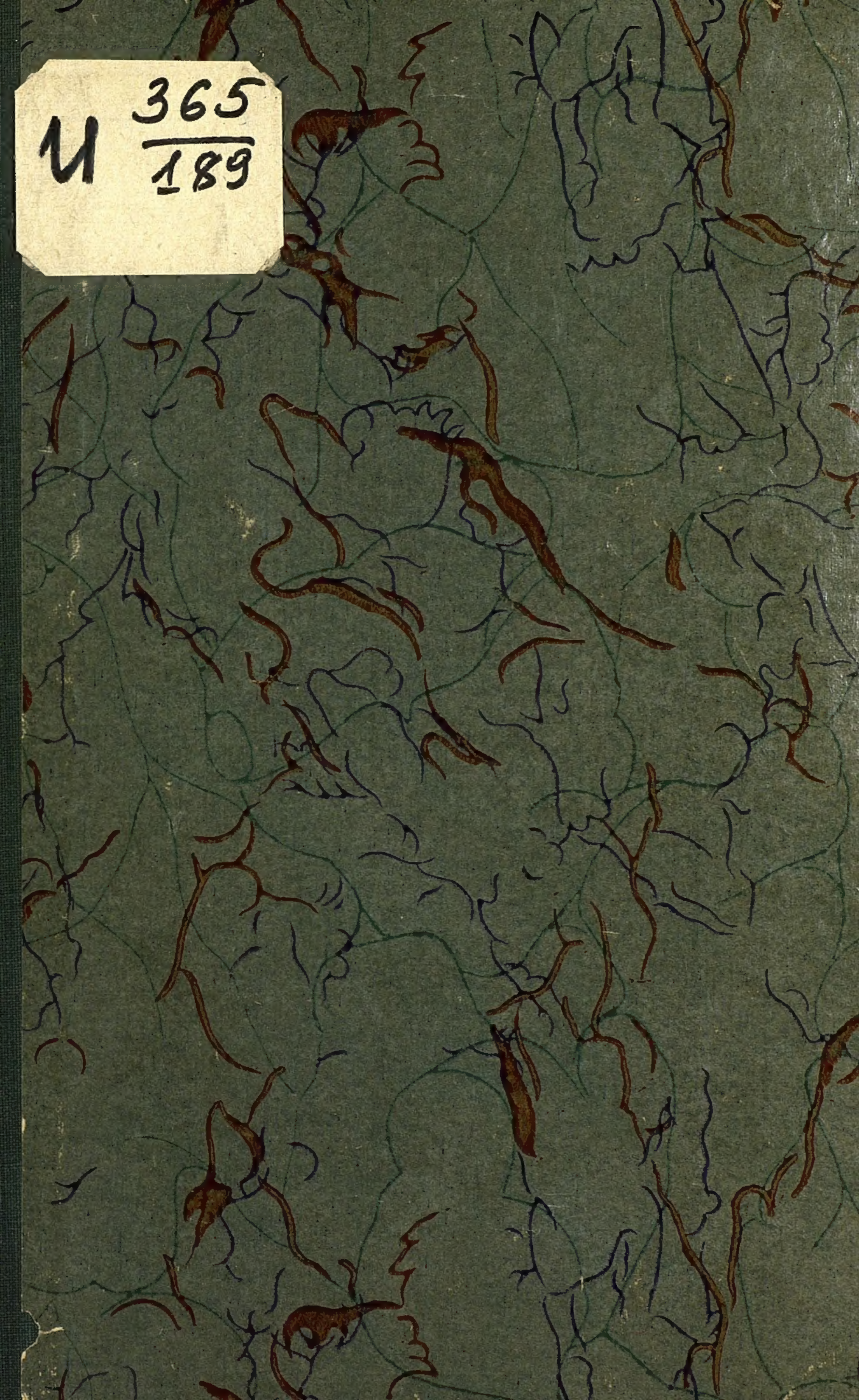
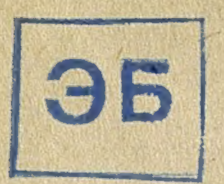
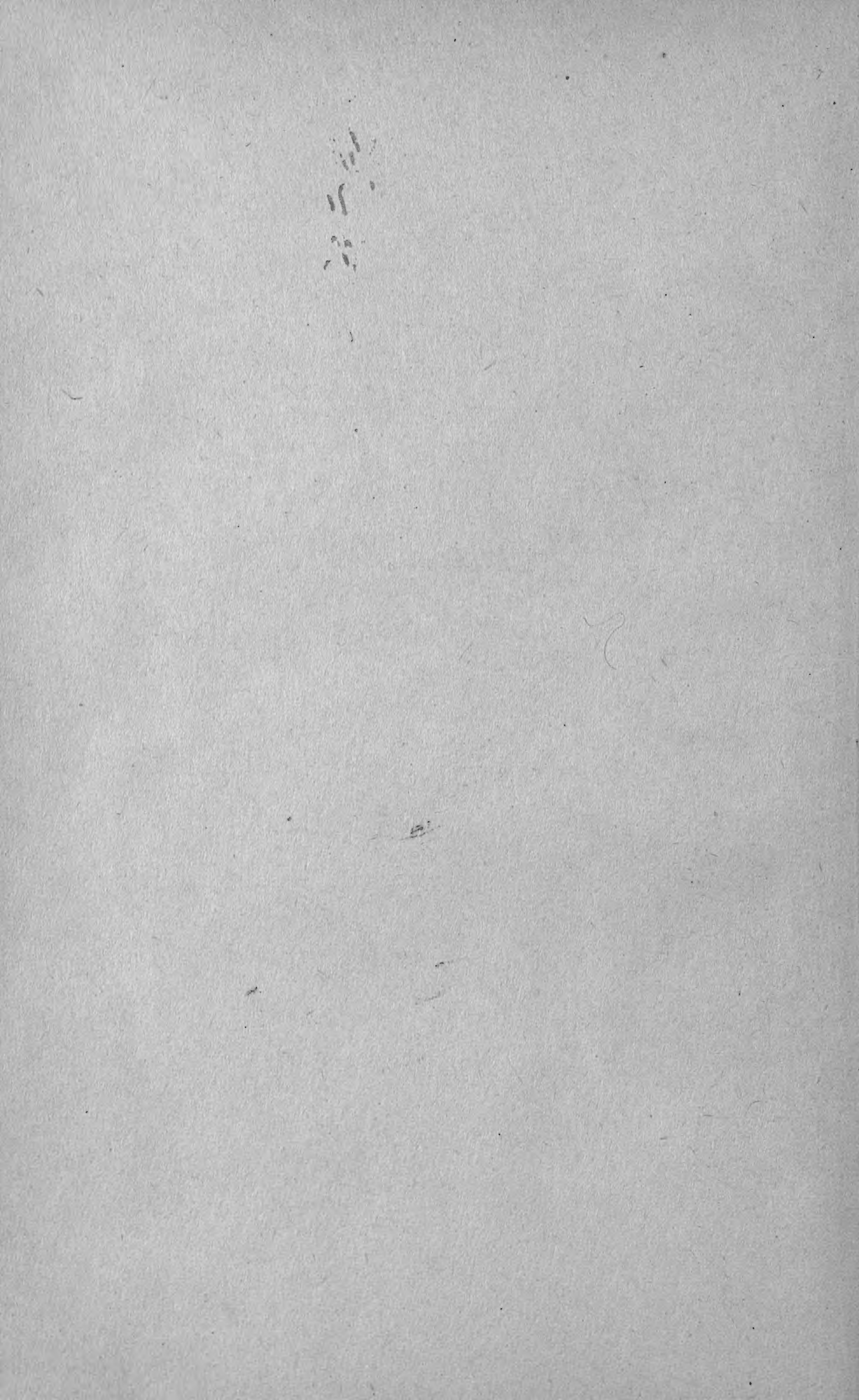

ЭБ

Г. Э. БЛОСФЕЛЬДТЪ.

„ЗАКОННАЯ“

СИЛА СВОДА ЗАКОНОВЪ

ВЪ СВѢТѢ АРХИВНЫХЪ ДАННЫХЪ.

ПЕТРОГРАДЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1917.

Напечатано въ Журналѣ Министерства Юстиціи (1915 г. № 2, 3; 1916 г. № 5, 6; 1917 г. № 1, 2).

Многоуважаемому Сергею Ивановичу Слободчикову на добрую память от автора.

Г. Э. БЛОСФЕЛЬДТЪ.

„ЗАКОННАЯ“ СИЛА СВОДА ЗАКОНОВЪ

ВЪ СВѢТѢ АРХИВНЫХЪ ДАННЫХЪ.

„ЗАКОННАЯ СИЛА“ СВОДА ЗАКОНОВЪ

ВЪ СВѢТѢ АРХИВНЫХЪ ДАННЫХЪ.

Окончательнаго рѣшенія по вопросу о силѣ и значеніи Свода законовъ наукою права еще не произнесено. Не только не составилось communis opinio doctorum о томъ, что представлялъ собою Сводъ при его обнародованіи—законъ ли самъ по себѣ (по терминологіи того времени—положительный законъ) или только обязательный къ употребленію правительственный сборникъ дѣйствующаго законодательства,—но даже выражена была полная безнадежность попытокъ къ научному разрѣшенію того сомнѣнія въ силѣ Свода, которое, по словамъ одного ученаго, возникши уже при самомъ рожденіи Свода, тяготѣетъ, какъ злой рокъ, надъ всей дальнѣйшей его судьбой [1]).

Мало того, не только въ прежнее время, когда государствовѣды впервые лишь подходили къ вопросу о силѣ дѣйствующаго Свода законовъ и когда понятія закона и указа не поддавались сколько-нибудь точному формальному разграниченію по русскому государственному праву, но даже въ самый недавній срокъ, со стороны одного изъ ученыхъ [2]) повторена и отстаивается попытка оживить и даже обосновать содержаніемъ перваго манифеста о

---

[1]) Проф. Шершеневичъ. Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи (Казань, 1898), стр. 85; его же, Курсъ гражданскаго права (Казань, 1902), т. I, вып. 2, стр. 425.

[2]) Проф. Каминка. Сила Свода законовъ, въ газетѣ Право 1908, № 1; его же, Очерки торговаго права (Петр., 1912, изд. 2), т. I, стр. 87 сл.; его же, Рецензія на Законы Гражданскіе, комм. Вормса и проф. Ельяшевича, въ газетѣ Право 1914, № 2, стр. 150.

Сводѣ мнѣніе, окончательно, казалось, утратившее сторонниковъ, о равносильности, именно въ смыслѣ положительнаго закона, перваго и всѣхъ послѣдующихъ изданій Свода и продолженій къ нему, вплоть до своднаго продолженія 1906 года, которое, какъ изданное при дѣйствіи новыхъ Основныхъ законовъ, уже не можетъ быть признаваемо закономъ. И если, съ одной стороны, юристы, не признающіе за первымъ изданіемъ Свода значенія закона, тѣмъ менѣе могутъ присваивать такое значеніе второму и третьему его изданіямъ, то, съ другой стороны, и въ средѣ новѣйшихъ государствовѣдовъ и цивилистовъ иногда отрицается или, по крайней мѣрѣ, не оговаривается различіе между основнымъ и двумя послѣдующими полными изданіями Свода законовъ [1]). И даже Н. М. Коркуновъ, наиболѣе глубоко вникавшій въ историческую обстановку обнародованія Свода 1832 года и этимъ главнѣйше обосновавшій новый свой взглядъ на юридическую природу Свода законовъ, не усматривалъ, повидимому, данныхъ къ различной правовой оцѣнкѣ перваго и остальныхъ его изданій [2]).

Какъ бы ни ставить вопросъ: болѣе широко—о юридическомъ значеніи Свода законовъ вообще, или болѣе узко—о силѣ одного перваго его изданія, основнымъ и центральнымъ является, все равно, вопросъ о дѣйствительномъ содержаніи манифеста 31 января 1833 года, при которомъ былъ выпущенъ въ обращеніе трудъ Сперанскаго.

Возможность различнаго пониманія употребленнаго въ манифестѣ выраженія „законная сила" Свода и пробѣлы, которые чувствуются среди постановленій этого акта, заставляютъ, конечно, обратиться къ мотивамъ его и вообще къ обстоятельствамъ его выработки. Настоящій очеркъ и имѣетъ своею преимущественною цѣлью освѣтить спорный вопросъ архивными данными, на основаніи подлиннаго содержанія всѣхъ относящихся сюда оффиціальныхъ бумагъ и путемъ возстановленія, въ хронологической послѣдовательности, тѣхъ отдѣльныхъ моментовъ, черезъ которые прошло составленіе манифеста объ изданіи Свода законовъ.

---

[1]) Е. В. Васьковскій, Руководство къ толкованію и примѣненію законовъ (Москва, 1913), стр. 20, 21.—В. В. Ивановскій. Указъ и законъ по дѣйствующему русскому законодательству, въ Журн. Мин. Юст. 1912 г. № 5, стр. 33, 34.

[2]) Вполнѣ опредѣленно высказывается въ пользу равносильности перваго и всѣхъ дальнѣйшихъ изданій послѣдователь воззрѣній Коркунова А. І. Пахарнаевъ (Обзоръ дѣйствующаго Свода законовъ, изд. 1909 г., стр. 80).

Хотя не только проф. Коркуновъ [1]), но и всѣ позднѣйшіе изслѣдователи болѣе или менѣе подробно останавливались на исторіи этого манифеста, разыскивая въ журналахъ Государственнаго Совѣта и въ воспослѣдовавшей на одномъ изъ нихъ Высочайшей резолюціи [2]), либо въ представленіи Сперанскаго въ Совѣтъ, отвѣта тому, на что нѣтъ прямого или достаточно выразительнаго указанія въ манифестѣ, тѣмъ не менѣе, даже въ общей совокупности приводимыхъ учеными данныхъ, нельзя признать, чтобы весь наличный для истолкованія историческій матеріалъ былъ дѣйствительно и полностью исчерпанъ. Объясненія этому слѣдуетъ искать въ томъ, что кромѣ Коркунова никто, повидимому, изъ ученыхъ изслѣдователей не имѣлъ доступа къ собраніямъ подлинныхъ матеріаловъ, въ составѣ которыхъ нашли себѣ мѣсто относящіеся къ вопросу документы. Коркуновъ же, если судить по количеству свѣдѣній, имъ сообщаемыхъ при обосновании своего особаго взгляда, не использовалъ исчерпывающимъ образомъ матеріаловъ, находящихся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, и въ частности не ознакомился ни съ хранящимися въ томъ же архивѣ дѣлами Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, ни съ другимъ весьма цѣннымъ наслѣдіемъ Сперанскаго— личными его бумагами, собранными по его смерти въ видѣ 20 тюковъ и десятками лѣтъ хранившимися въ той же формѣ, безъ надлежащей систематизаціи, вмѣстѣ съ оффиціальными, также, къ сожалѣнію, не всегда полными, дѣлами Второго Отдѣленія.

Хотя количество сохранившихся данныхъ не исчерпываетъ всѣхъ моментовъ интересующаго насъ вопроса и хотя ихъ опознаніе затруднялось, во время работы надъ предметомъ настоящей статьи, разрозненностью и неполнотою бумагъ, а также случайностью состава прежнихъ „связокъ“ [3]), тѣмъ не менѣе при совокупномъ обозрѣніи всего наличнаго архивнаго матеріала можно отдать себѣ довольно ясный отчетъ по вопросу о силѣ Свода, про-

---

[1]) Н. М. Коркуновъ. Значеніе Свода законовъ (въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1894, сент., стр. 96 сл. и въ Сборникѣ статей 1877—1897, стр. 77—96).

[2]) Частичному вопросу о значеніи и истинномъ смыслѣ этой резолюціи посвящена была моя замѣтка „Сводъ законовъ—положительный законъ“ въ Журн. Мин. Юст. 1910, № 2, стр. 129 сл.

[3]) Въ настоящее время ознакомленіе съ этими интересными матеріалами значительно облегчено благодаря составленной подробной описи всѣхъ бумагъ въ архивѣ, при чемъ сами бумаги, въ предѣламъ возможности, распредѣлены по времени ихъ составленія, а отчасти и по предметамъ.

слѣдивъ первоначальное его возникновеніе и предполагавшіеся способы разрѣшенія, а равно отраженіе его на дальнѣйшемъ движеніи законоположеній о Сводѣ.

I.

Прежде чѣмъ приступить къ обзору сохранившихся матеріаловъ и къ выводамъ на основаніи ихъ, напомнимъ вкратцѣ исторію составленія Свода законовъ. Начавшись въ 1826 году, на первыхъ же дняхъ по открытіи Второго Отдѣленія [1]), съ подготовительныхъ работъ, заключавшихся въ составленіи Полнаго Собранія Законовъ и подробныхъ „историческихъ сводовъ" по отдѣльнымъ отраслямъ законодательства, изготовленіе самаго Свода прошло, какъ извѣстно, двѣ стадіи: 1) составленіе изъ текста законовъ статей для Свода или, по выраженію Сперанскаго, „законныхъ правилъ" и 2) ревизію и исправленіе этихъ статей при участіи особыхъ ревизіонныхъ комитетовъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ или департаментахъ. Ревизія эта, начавшись уже въ апрѣлѣ 1828 года, шла до мая 1832 года. Еще ранѣе ея окончанія, а именно въ началѣ 1832 года, приступлено было къ печатанію Свода. Къ истеченію этого года печатаніе было закончено.

По разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ нѣсколькихъ относящихся къ дѣлу вопросовъ, Сводъ былъ изданъ при манифестѣ отъ 31 января 1833 г., при чемъ повелѣно ввести его въ дѣйствіе съ 1 января 1835 года. Промежутокъ времени между изданіемъ Свода и вступленіемъ его въ силу употребленъ былъ, согласно особому указанію законодательной власти, на новую повѣрку его, производившуюся, подъ названіемъ „негласной ревизіи", главнымъ образомъ въ особомъ при Министертвѣ Юстиціи ревизіонномъ комитетѣ, на основаніи замѣчаній, возникавшихъ при производствѣ дѣлъ въ названномъ Министерствѣ, въ Сенатѣ и на мѣстахъ. Въ результатѣ этой, сосредоточенной не во Второмъ Отдѣленіи, ревизіонной дѣятельности, а равно и усмотрѣнныхъ самимъ Отдѣленіемъ неточностей, было то, что въ первомъ продолженіи къ Своду помѣ-

---

[1]) Учреждено 31 января, открыто 24 апрѣля 1826 г. Подробности см. у П. М. Майкова, Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 1826—1882. Сжатый, но весьма отчетливый очеркъ событій, предшествовавшихъ учрежденію Второго Отдѣленія, данъ въ статьѣ А. Н. Макарова, Къ исторіи кодификаціи Основныхъ Законовъ (Журн. Мин. Юст. 1912 г. № 10).

щенъ, сверхъ измѣненій, вызванныхъ новыми узаконеніями за 1832 и 1833 годы, цѣлый рядъ дополненій и исправленій, „кои по опыту и наблюденію, при соображеніи статей Свода съ теченіемъ дѣлъ, оказались нужными“ [1]). Продолженіе это, являющееся такимъ образомъ не только дополненіемъ Свода, но и реестромъ необходимыхъ въ немъ исправленій, должно было вступить въ силу „въ совокупности со Сводомъ“ въ срокъ, указанный въ манифестѣ 1833 г. для самаго Свода, т. е. съ 1 января 1835 года. Къ этому же сроку, въ концѣ 1834 года, особыми узаконеніями установлены были по представленію Сперанскаго правила о приложеніи и употребленіи статей Свода въ производствѣ дѣлъ (законъ 12 декабря 1834 г., П. С. З., № 7654), а также о порядкѣ продолженія Свода и о порядкѣ изъясненія и дополненія законовъ при дѣйствіи Свода (законъ 15 декабря 1834 г., въ Полное Собраніе Законовъ не вошедшій). А годъ спустя, слѣдовательно, уже во время дѣйствія Свода, получилъ разрѣшеніе въ Государственномъ Совѣтѣ и послѣдній вопросъ, возникшій въ связи съ упомянутымъ представленіемъ Сперанскаго и отложенный Совѣтомъ на нѣкоторое время,—вопросъ о порядкѣ восполненія пропусковъ и исправленія неточностей и ошибокъ въ Сводѣ законовъ (законъ 30 января 1836 г., въ Полное Собраніе Законовъ не внесенный).

Такова въ краткихъ чертахъ внѣшняя исторія основного изданія Свода законовъ и его введенія въ дѣйствіе. Прежде вступленія въ силу, Своду пришлось, слѣдовательно, пройти слѣдующіе пять этаповъ: 1) самое составленіе (1826—1830 г.г.), 2) первая повѣрка (до мая 1832 г.), 3) нахожденіе въ Государственномъ Совѣтѣ и обнародованіе (январь 1833 г.), 4) такъ называемая негласная ревизія или вторая повѣрка (1833—1834 г.г.) и 5) установленіе относящихся къ употребленію Свода правилъ (конецъ 1834 г.). При этомъ четвертая и пятая стадіи имѣли свое теченіе отчасти и за предѣлами 1 января 1835 г.—юридическаго момента вступленія Свода въ дѣйствіе. Когда же впервые могъ зародиться и когда именно былъ поставленъ и окончательно разрѣшенъ вопросъ о силѣ Свода?

Чтобы отвѣтить на это и въ точности уяснить себѣ взглядъ современниковъ перваго изданія Свода на его значеніе, необходимо остановиться на каждой изъ перечисленныхъ пяти стадій въ отдѣльности, т. е. какъ предшествовавшихъ тому главному законо-

---

[1]) Именной указъ 30 августа 1834 г. (П. С. З., № 7368) о изданіи продолженія Свода узаконеній и о приведеніи онаго въ исполненіе съ 1 января 1835 г.

дательному акту, который, возвѣщая населенію объ окончаніи труда по составленію „законныхъ книгъ“, коснулся и правилъ о ихъ силѣ и дѣйствіи, такъ и на моментѣ, завершившемъ это сложное дѣло,—на узаконеніи 30 января 1836 г., которымъ опредѣленъ былъ на будущее время порядокъ исправленія обнаруживающихся въ Сводѣ ошибокъ.

При этомъ нельзя оставить безъ вниманія и позднѣйшее время, вплоть до воспослѣдованія второго изданія Свода законовъ 1842 года, такъ какъ именно въ теченіе первыхъ лѣтъ дѣйствія Свода могли чаще всего возникать на практикѣ тѣ вопросы, изъ которыхъ слагается самъ по себѣ теоретическій нынѣ вопросъ о его силѣ, а именно: допустимо ли доказываніе ошибочности текста Свода или пропусковъ въ немъ ссылками на подлинныя узаконенія, и получили ли силу и свойства закона вслѣдствіе включенія въ Сводъ такія постановленія, которыя сами по себѣ до того времени законами не были, какъ, напр., циркулярныя предписанія Министровъ.

II.

Приступая къ работамъ по Своду законовъ и лично начертавъ оглавленіе отдѣльныхъ частей [1]), Сперанскій полагалъ закончить порученное ему дѣло въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ царствованія Августѣйшаго инціатора всего труда. Въ этотъ срокъ Сперанскій включалъ и время, необходимое на составленіе уложеній („исправленныхъ сводовъ“) [2]) гражданскаго и уголовнаго на основаніи имѣвшихъ быть изготовленными сводовъ этимъ обширнымъ отдѣламъ законодательства. Составленіе уложеній законамъ полицейскимъ и хозяйственнымъ (въ противоположность „законамъ судебнымъ“) Сперанскій считалъ, какъ это видно изъ собственноручной его записки „Предположенія къ окончательному составленію законовъ“, представленной имъ Государю, совмѣстно съ тремя другими записками, въ началѣ января 1826 года [3]), ненужнымъ, безпримѣрнымъ и почти невозможнымъ.

[1]) Прежде всего по своду законовъ гражданскихъ, наиболѣе, повидимому, интересовавшему Сперанскаго.

[2]) О значеніи, придававшемся въ то время понятіямъ: сводъ, уложеніе, сводъ исправленный, уложеніе сводное, уложеніе исправленное, см. у Л. А. Кассо, „Къ исторіи Свода законовъ гражданскихъ“ въ Журн. Мин. Юст. 1904 г. № 3.

[3]) Опубликованы А. Ѳ. Бычковымъ въ „Русской Старинѣ“ февраль 1876 г. въ статьѣ: „Къ 50-лѣтію II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи“.

Почти не ошибившись въ срокѣ, поскольку дѣло касалось самаго образованія статей Свода,—къ 1 января 1830 г. всѣ своды уставовъ были закончены [1]),—онъ не ожидалъ, что почти столько же времени потребуется въ общей сложности на ревизію ихъ въ мѣстахъ управленія. Неудивительно поэтому то нетерпѣніе, которое сквозитъ въ нѣкоторыхъ всеподданнѣйшихъ докладахъ Сперанскаго о ходѣ дѣла въ ревизіонныхъ комитетахъ, для коихъ окончательнымъ срокомъ работъ было поставлено 1 іюня 1830 года. Но въ половинѣ 1832 года, на 7-мъ году послѣ учрежденія Второго Отдѣленія, и эта часть работы—исправленіе по замѣчаніямъ комитетовъ и дополненіе по успѣвшимъ послѣдовать съ 1826 г. по 1 января 1832 г. новымъ узаконеніямъ—получила свое завершеніе. „Седьмилѣтніе непрерывные труды" по составленію Свода подъ собственнымъ вѣдѣніемъ Императора, о которыхъ говоритъ манифестъ 1833 года, труды, составлявшіе, по словамъ Сперанскаго [2]), „ежедневное, непрерывное, единственное упражненіе избранныхъ къ тому чиновниковъ", оставили въ архивѣ Второго Отдѣленія сравнительно скудные слѣды. Закрѣпленіе въ оффиціальныхъ бумагахъ и „дѣлахъ" получили только тѣ стадіи изготовленія Свода, въ которыхъ принимали участіе посторонніе вѣдомства, иначе говоря, точный письменный слѣдъ имѣетъ лишь моментъ провѣрки проектовъ Второго Отдѣленія ревизіонными комитетами. Что же касается времени самаго составленія проектовъ, то, хотя черновики ихъ и сохранились [3]), тѣмъ не менѣе среди дѣлъ Второго Отдѣленія никакихъ особыхъ производствъ (въ канцелярскомъ смыслѣ) объ этомъ не значится, какъ не имѣется полнаго подбора и даже перечня всеподданнѣйшихъ докладовъ не только за это, но и за все послѣдующее время руководительства Сперанскаго работами по Своду [4]).

---

[1]) Въ томъ числѣ и сводъ основныхъ законовъ, не входившій въ первоначальную программу работъ (см. у А. Н. Макарова, назв. ст.).

[2]) „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ Законовъ", изд. 1833 г., стр. 182.

[3]) См. № 481—535 по описи дѣлъ II Отдѣленія, перешедшихъ изъ Кодификаціоннаго Отдѣла въ архивъ Государственнаго Совѣта (ср. П. М. Майковъ, О Сводѣ законовъ Россійской Имперіи, стр. 48).

[4]) Какъ отмѣчаетъ бар. А. Э. Нольде (Журн. Мин. Нар. Просв., 1908 г. № 5, стр. 179), въ переплетенныхъ книгахъ всеподданнѣйшихъ докладовъ за 1801—1839 г.г. имѣется всего 1 томъ въ объемѣ около 140 листовъ,—тогда какъ впослѣдствіи доклады за одинъ годъ занимаютъ по нѣсколько сотъ страницъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что и въ печатномъ спискѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ по Второму Отдѣленію не значится ни одного доклада за время съ

Значительную часть того, что сохранилось отъ этого времени, слѣдуетъ разыскивать въ составѣ тѣхъ разнаго свойства бумагъ и матеріаловъ, которые послѣ смерти Сперанскаго перешли изъ его личнаго кабинета въ архивъ Второго Отдѣленія и находятся нынѣ въ архивѣ Государственнаго Совѣта [1]), а отчасти и среди рукописей Сперанскаго, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ [2]), и туда же перешедшихъ бумагъ одного изъ близкихъ его сотрудниковъ Рѣпинскаго. Все это наслѣдіе еще ждетъ своего разбора и своихъ изслѣдователей [3]).

При такой разрозненности и неполнотѣ сохранившихся матеріаловъ весьма затруднительно произнести окончательное сужденіе, возникалъ или не возникалъ у непосредственныхъ участниковъ этого громаднаго труда вопросъ о будущей силѣ Свода или хотя бы о способѣ утвержденія производимой ими работы. Впредь до обнаруженія въ будущемъ, когда весь сохранившійся матеріалъ— смѣемъ надѣяться—подвергнется систематизаціи, прямыхъ въ ту или другую сторону данныхъ, остается только сопоставить тѣ немногія указанія объ отношеніи къ источникамъ, какія встрѣчаются въ матеріалахъ, успѣвшихъ сдѣлаться достояніемъ юридической литературы или зарегистрированныхъ въ дѣлахъ архива Государственнаго Совѣта.

Извѣстно, что 24 апрѣля 1826 г., въ первомъ собраніи чиновъ вновь образованнаго Второго Отдѣленія, Сперанскій читалъ и объяснялъ составленное имъ „наставленіе“ о порядкѣ трудовъ Отдѣленія [4]).

1827 по 1839 годъ (годъ смерти Сперанскаго), между тѣмъ какъ общеизвѣстно, что Сперанскій еженедѣльно представлялъ Государю меморіи о занятіяхъ чиновниковъ и кромѣ того нерѣдко входилъ съ всеподданнѣйшими записками для разрѣшенія встрѣчавшихся вопросовъ. Явленіе это можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что доклады Сперанскаго Государю почитались, такъ сказать, личными его докладами, непосредственно Второму Отдѣленію не принадлежавшими, такъ какъ Сперанскій никакой офиціальной должности по этому Отдѣленію не занималъ.

[1]) Подъ общимъ названіемъ „Дѣла и бумаги гр. М. М. Сперанскаго“: по VI реестру дѣлъ, переданныхъ б. Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, № 814—849; по новѣйшей описи архива Государственнаго Совѣта: ч. I, № 1—215 и ч. II, № 1—16).

[2]) О причинахъ разрозненности матеріаловъ см. у бар. А. Э. Нольде (Журн. Мин. Нар. Прос. 1908 г. № 5, стр. 179).

[3]) Существеннѣйшую помощь дѣлу такихъ изслѣдованій оказали бы поименованныя хранилища, если бы взяли на себя совмѣстный трудъ печатнаго объединенія тѣхъ историческихъ матеріаловъ, которые имѣютъ непосредственное отношеніе до составленія и разработки Свода.

[4]) Майковъ, II Отдѣленіе, стр. 149. Самое „Наставленіе“ (находящееся въ Императ. Публ. Библ.) приведено тамъ же въ приложеніи I. Но еще ранѣе от-

Наставленіемъ этимъ предстоявшіе „труды къ составленію Свода" раздѣлялись на 2 степени: 1) составленіе выписокъ изъ законовъ и 2) историческое и догматическое изложеніе законодательства. Выписи должны быть „точными и вѣрными" (въ другомъ мѣстѣ: „выписка должна содержать самое полное и точное изложеніе существующаго закона, тѣми же словами, какъ онъ изображенъ въ текстѣ"), для того, чтобы и послѣдующее, на нихъ основанное, догматическое изложеніе по каждому предмету законодательства было „точное, вѣрное, совершенно сообразное съ выпиской". При этомъ, однако, Сперанскій не требовалъ „буквальнаго" слѣдованія источникамъ. Предусматривая возможность, при изложеніи статей, „сводить разсѣянное во многихъ указахъ во-едино", онъ установляетъ уже и для составленія выписокъ два отступленія отъ требованія полнаго совпаденія съ источниками: „1) когда законъ общій излагается въ видѣ частнаго случая (что нерѣдко бываетъ въ дѣлахъ тяжебныхъ), тогда въ выпискахъ должно частныя выраженія замѣнять общими, и 2) когда законъ разсѣянъ въ разныхъ указахъ, такъ что къ главному его изложенію въ одномъ указѣ приведено въ другомъ нѣсколько словъ въ поясненіе, дополненіе, отмѣну или ограниченіе, тогда въ выпискѣ они должны быть сведены и уложены въ одну статью". Допуская, слѣдовательно, не только объединенія, но и обобщенія со стороны лицъ, производившихъ выписки, при чемъ возможны, конечно, уже существенныя въ отношеніи формы отступленія отъ подлиннаго текста, Сперанскій, само собою разумѣется, хотѣлъ оставаться осторожнымъ и поэтому предлагалъ „статьи сего рода отмѣчать особыми знаками для того, чтобы, при пересмотрѣ ихъ, можно было удостовѣриться въ точности выраженій и въ вѣрномъ изложеніи смысла закона".

Давая, нѣсколько лѣтъ спустя, руководящія указанія для провѣрки произведенныхъ работъ, Балугьянскій въ утвержденныхъ имъ 21 февраля 1831 г. „Правилахъ, наблюдаемыхъ при исправленіи Сводовъ" [1]), вновь настаиваетъ на „вѣрности изложенія",

---

крытія занятій II Отдѣленія Сперанскій имѣлъ случай, въ одной изъ записокъ о будущемъ Сводѣ законовъ, намѣтивъ содержаніе Свода въ видѣ 6 книгъ, указать, что „по сему размѣщенію (въ томъ числѣ, слѣдовательно, и по „уложеніямъ" гражданскому и уголовному) излагается существующій законъ, сколь можно, тѣми же самыми словами, какъ онъ стоитъ въ текстѣ указа".

[1]) Правила эти сохранились въ отдѣленіи V дѣла 1828 г. № 10 Второго Отдѣленія объ учрежденіи при министерствахъ и главныхъ управленіяхъ комитетовъ для разсмотрѣнія Свода законовъ... и объ исправленіи онаго по замѣчаніямъ сихъ комитетовъ и въ другихъ отношеніяхъ.

требуя (ст. 10) повѣрки содержанія текста съ приведенными подъ нимъ узаконеніями и отмѣчая, что сіе есть главная работа редактора, на которую ему должно обратить величайшее вниманіе. Средствами повѣрки указаны (ст. 11): а) открытіе главнаго, нынѣ дѣйствующаго закона и относящихся къ объясненію онаго другихъ узаконеній, б) сравненіе съ замѣчаніями комитетовъ и в) сравненіе съ духомъ цѣлаго состава главы или отдѣленія, къ коему статья принадлежитъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподаны отсутствовавшія въ правилахъ для выписокъ указанія относительно „слога" статей. Приводимъ ихъ полностью:

„Слогъ исправить тамъ только, гдѣ примѣчены будутъ въ немъ какая-либо неясность или слова слишкомъ старыя и невразумительныя, сохраняя однакоже оныя, если они не замѣнены въ послѣдующихъ узаконеніяхъ новыми, ставя изъясненіе оныхъ въ скобкахъ" (ст. 16). „Вообще держаться словъ закона съ слѣдующими ограниченіями: а) древній слогъ перевести на слогъ законовъ послѣдующихъ временъ; б) если указъ содержитъ въ себѣ самую сущность текста, то и прописать оный съ наблюденіемъ предыдущаго замѣчанія; в) доводы къ изданію закона, если бы гдѣ-либо въ настоящемъ изложеніи они вкрались, отмѣнить, развѣ бы безъ нихъ законоположеніе было непонятно; г) если встрѣтятся двѣ статьи Свода одинаковыя или повторительныя, то ихъ соединить въ одну, но съ строгимъ наблюденіемъ, чтобы ничего существеннаго выпущено не было" (ст. 17).

Не трудно видѣть, что при всемъ стремленіи сохранить близость къ источникамъ, эти правила открывали довольно широкую возможность, хотя бы и чисто внѣшняго, усовершенствованія.

Въ позднѣйшее время, когда всѣ работы по Своду уже были выполнены, Сперанскій, давая отчетъ по этому труду, былъ менѣе опредѣлененъ, не упоминая, напримѣръ, ничего о допущенныхъ при составленіи и, по сущности дѣла, совершенно неизбѣжныхъ обобщеніяхъ, а равно и объ отступленіяхъ отъ языка подлинниковъ. Такъ, въ 1832 году, въ составѣ одной изъ записокъ въ Государственный Совѣтъ [1]), и вслѣдъ за тѣмъ въ своемъ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ" [2]), Сперанскій свидѣтельствуетъ, что изложеніе статей должно было производиться „тѣми же словами, какъ стоятъ въ текстѣ", а если онѣ составляются изъ

¹) Записка „О силѣ и дѣйствіи Свода", стр. 2, п. IV.
²) Обозрѣніе, стр. 164, 165.

многихъ указовъ, то „или словами главнаго указа, съ нужнымъ изъ другихъ дополненіемъ, или другими словами, но въ полномъ, совокупномъ ихъ смыслѣ и по возможности близко къ тексту". Въ другомъ мѣстѣ того же Обозрѣнія [1]), установляя примѣнимость правилъ Бэкона къ составленію нашего Свода, Сперанскій изображаетъ предѣлы слѣдованія тексту источниковъ такъ: „1) тѣ статьи Свода, кои основаны на одномъ дѣйствующемъ указѣ или постановленіи, излагать тѣми самыми словами, какія стоятъ въ текстѣ, *безъ малѣйшаго ихъ измѣненія* [2]) (число сихъ статей есть самое большое); 2) тѣ статьи, кои составлены изъ двухъ или болѣе указовъ, излагать словами указа главнаго, съ присоединеніемъ изъ другихъ словъ, кои служатъ ему дополненіемъ или поясненіемъ; 3) статьи, составленныя изъ соображенія многихъ указовъ, излагать по тому смыслу, какой они представляютъ въ ихъ совокупности, и притомъ 4) подъ каждой статьею означать съ точностью тѣ указы и постановленія, изъ коихъ она составлена" [3]).

Сокращеній, однако, при этомъ не допускалось, ибо правила Бэкона „о сокращеніи слишкомъ многословныхъ и обширныхъ законовъ" принято было, по словамъ „Обозрѣнія" (что вполнѣ согласуется и съ приведенными выше правилами Балугьянскаго) лишь въ смыслѣ исключенія изъ Свода тѣхъ частей закона, которыя содержатъ изложеніе дѣла или случая, подавшаго поводъ къ закону, и разсужденій и уваженій, бывшихъ въ виду при постановленіи закона, но не въ смыслѣ лучшаго и сокращеннаго изложенія самаго текста закона.

Вотъ мѣры и пріемы, преподанные руководителями Второго Отдѣленія своимъ сотрудникамъ для сохраненія „единства закона". Фотографическая точность воспроизведенія всего безъ исключенія матеріала ими не достигалась уже по одному тому, что вышеприведенныя правила допускали изложеніе содержанія многихъ до одного предмета относящихся указовъ по ихъ совокупному смыслу. Тѣмъ не менѣе болѣе исчерпывающихъ правилъ для сохраненія если не буквы, то во всякомъ случаѣ смысла и дѣйствительнаго содержанія источниковъ едва-ли можно было преподать. Слѣдуя имъ въ точности, сотрудники Сперанскаго могли закрывать глаза передъ всякими у нихъ возникавшими вопросами о несовершен-

---

[1]) Обозрѣніе, стр. 106—108.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Съ нѣсколько большею подробностью эти пріемы опредѣлены были Балугьянскимъ въ письмѣ 23 марта 1832 г. къ Дашкову (см. ниже, стр. 26, 27).

ствахъ редакціи, пробѣлахъ и т. п. и во всякомъ случаѣ не видѣть необходимости особаго санкціонированія той все-таки иногда лишь производной формы изложенія, которая у нихъ получалась [1]).

Сохранилось, однако, свидѣтельство, что Сперанскій соединялъ съ работою редакторовъ и другія ожиданія. Онъ предложилъ чиновникамъ, „если они замѣтятъ въ теченіе работы своихъ неясность или неполноту нашихъ законовъ, или, по соображенію съ другими уложеніями, откроется имъ недостатокъ какой-либо части нашего узаконенія, отмѣчать о томъ на особомъ листѣ" [2]). Такого рода замѣтки могли имѣть назначеніе: или, какъ справедливо уже указывалось въ литературѣ [3]), въ качествѣ матеріала для составленія уложеній, или же для внесенія соотвѣтствующихъ законодательныхъ представленій въ Государственный Совѣтъ, чтобы состоявшимися законами пополнить составляемый Сводъ,—чему, дѣйствительно, и были примѣры въ 1830—1832 годахъ [4]). При такомъ раздѣленіи свода и уложенія могло, пожалуй, и не возникать вопроса, въ какомъ порядкѣ вырабатываемый текстъ будетъ сдѣланъ обязательнымъ.

Каждый законченный трудъ, послѣ просмотра его Сперанскимъ, представлялся „на Высочайшее благоусмотрѣніе" [5]). Конечно, это не имѣло того значенія, что проекту испрашивалось Высочайшее утвержденіе или хотя бы предварительное Высочайшее одобреніе. Подобное представленіе являлось лишь актомъ отчетности передъ Государемъ, какъ и тѣ меморіи, которыя ему представлялись еженедѣльно Сперанскимъ о занятіяхъ чиновниковъ.

Доводилъ-ли Сперанскій до свѣдѣнія Государя о тѣхъ сомнѣ-

---

[1]) Это, впрочемъ, признаетъ и Сперанскій, говоря на стр. 166 Обозрѣнія о двухъ формахъ одного и того же закона: первообразной (въ источникахъ) и производной (въ Сводѣ).

[2]) Меморія 5 мая 1826 г. № 2. Цитируемъ по статьѣ А. Н. Макарова (Ж. М. Ю., стр. 227).

[3]) А. Н. Макаровъ. Назв. ст., стр. 227.

[4]) Л. А. Кассо. Къ исторіи Свода законовъ гражданскихъ (Журн. Мин. Юст. 1904 г., № 3, стр. 64). Бар. А. Э. Нольде. Рецензія на труды Майкова (Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г. № 5, стр. 178).

[5]) Объ этомъ у П. М. Майкова, II Отд., стр. 179. Въ качествѣ примѣра приведемъ слѣдующій всеподданнѣйшій докладъ Сперанскаго отъ 21 января 1830 г.: „Освободясь отъ болѣзни, имѣю счастіе Вашему Императорскому Величеству донести, что труды 2-го Отдѣленія Собственной Канцеляріи, въ теченіе минувшаго года оконченные, изготовлены къ поднесенію ихъ на Высочайшее усмотрѣніе, когда повелѣть будетъ благоугодно".

ніяхъ при составленіи статей, которыя не могли не возникать у его сотрудниковъ при работѣ и у него самого при провѣркѣ ихъ труда, этого пока не установлено. Весьма возможно, что особыхъ докладовъ объ этомъ не производилось, потому что всѣ проекты должны были пройти черезъ ревизію комитетовъ въ подлежащихъ вѣдомствахъ, и только тогда могла оказаться дѣйствительная надобность рѣшающаго слова при разногласіяхъ. Предвидѣлись ли Сперанскимъ такія разногласія въ тотъ моментъ, когда онъ предлагалъ учрежденіе этихъ комитетовъ, сказать трудно. Какъ видно изъ всеподданнѣйшей его записки „о пользѣ Свода и употребленіи“, составленной въ самый разгаръ работъ, отъ 14 января 1828 г. [1]), Сперанскій представлялъ себѣ введеніе Свода въ употребленіе немедленно послѣ удостовѣренія посредствомъ особой комиссіи „въ его точности“, т. е. послѣ ревизіи, имѣвшей замѣнить собою то „утвержденіе подлежащею властью“, котораго требовали правила Бэкона при составленіи corpus legum [2]). Весь вопросъ для Сперанскаго въ то время, при составленіи названной записки по поводу окончанія проекта Свода гражданскихъ законовъ, заключался лишь въ томъ, ввести ли Сводъ въ употребленіе именно въ видѣ „свода“, или же принять Сводъ основаніемъ къ скорѣйшему составленію *уложеній* судебныхъ законовъ. Всѣ личныя симпатіи его лежали на сторонѣ уложеній; своды онъ считалъ лишь необходимой „срединой“ передъ уложеніемъ. Эти предположенія (отраженіе которыхъ можно усмотрѣть, въ отношеніи „земскихъ законовъ“, уже въ „Наставленіи о порядкѣ работъ“ 1826 г. и въ запискахъ, представленныхъ Императору еще до образованія Второго Отдѣленія) [3]) выразились, между прочимъ, въ составленномъ Сперанскимъ тогда же въ 1828 году Высочайшемъ рескриптѣ на имя кн. Долгорукаго [4]). Въ немъ высказана была мысль,—въ

---

[1]) Опубликована А. Ѳ. Бычковымъ въ составѣ очерка: „Къ 50-лѣтію II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи“ въ „Русской Старинѣ“ за 1876 г. (мартъ).

[2]) Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній, стр. 110.

[3]) Въ одной изъ такихъ записокъ, въ составѣ будущихъ 6 книгъ Свода законовъ, книги III и IV названы прямо „*Уложеніемъ* гражданскимъ съ уставомъ судопроизводства“ и „*Уложеніемъ* уголовнымъ съ уставомъ судопроизводства“.

[4]) Отъ 23 апрѣля 1828 г., относительно образованія при Министерствѣ Юстиціи комитета для провѣрки составленныхъ во Второмъ Отдѣленіи сводовъ. Текстъ этого рескрипта приведенъ на стр. 182 труда П. М. Майкова (Второе Отдѣленіе).

выраженіяхъ, совпадающихъ съ употребленными въ составленномъ около того же времени „Введеніи къ Своду гражданскихъ законовъ“ [1]),—что Своды законовъ гражданскихъ должны „служить основаніемъ къ уложенію“; чѣмъ будетъ „полнѣе и точнѣе“ сводъ, „тѣмъ и уложеніе можетъ быть совершеннѣе“ [2]). Сохранились указанія, что въ 1828 году, дѣйствительно, приступлено было и къ самому составленію уложенія гражданскимъ законамъ [3]).

---

[1]) Подписано Сперанскимъ 8 мая 1828 г. „Введеніе“ опубликовано Калачовымъ въ его Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, кн. II, 1859 г., стр. 1—7.

[2]) Едва-ли можно считать отголоскомъ этой мысли, какъ нѣкоторые думаютъ, то мѣсто рѣчи Государя въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта 19 января 1833 г., гдѣ онъ сказалъ: „вмѣсто новыхъ законовъ я велѣлъ собрать *сперва* вполнѣ и привести въ порядокъ тѣ, которые уже существуютъ“. Во всякомъ случаѣ въ манифестѣ 31 января не содержится уже ни малѣйшаго намека на предстоящую выработку уложеній, хотя Сперанскій, повидимому, пытался указать на это въ послѣсловіи составлявшагося имъ проекта манифеста. Въ одномъ изъ сохранившихся черновыхъ набросковъ его имѣется слѣдующее, перечеркнутое карандашомъ, мѣсто: „Установляя на сихъ правилахъ единообразный въ отечественныхъ нашихъ законахъ порядокъ.... Мы желали достигнуть двоякой цѣли: во-первыхъ, удостовѣрить единствомъ и простотою силу и дѣйствіе законовъ въ настоящемъ и, во-вторыхъ, положить твердое основаніе къ постепенному ихъ усовершенію въ будущемъ. Мы уповаемъ достигнуть... второй цѣли тѣмъ, что въ единообразномъ составѣ законовъ удобнѣе будетъ и обозрѣніе каждой изъ частей въ сообщности и дополнить недостающее и устраивать недовершенное“. То, что сохранилось изъ этихъ строкъ въ составѣ манифеста 31 января, уже не можетъ быть разсматриваемо какъ намѣреніе воспользоваться сводомъ для переработки въ уложенія. И дѣйствительно, Императоръ Николай съ самаго начала относился, повидимому, скептически къ расчетамъ Сперанскаго на уложенія. Не отвергая, можетъ быть, конечной цѣли Свода —служить матеріаломъ для изготовленія уложеній по двумъ главнымъ отраслямъ права: гражданской и уголовной, Государь еще въ 1827 г. (а по свидѣтельству П. М. Майкова, II Отд., стр. 140),—и раньше, въ началѣ 1826 г., признавъ необходимымъ отложить до времени составленіе этихъ двухъ уложеній, готовъ совершенно удовольствоваться догматическимъ Сводомъ. Въ благодарственномъ своемъ письмѣ Сперанскому изъ лагеря при Красномъ Селѣ за присылку историческаго изложенія гражданскихъ законовъ, онъ пишетъ: „Въ семъ обширномъ трудѣ, бдительностью вашей столь скоро совершенномъ, пріятно Мнѣ видѣть основаніе другого, еще важнѣйшаго, коего успѣхъ отъ самаго начала минувшаго столѣтія былъ предметомъ постоянныхъ желаній и попеченій всѣхъ Моихъ предшественниковъ и, какъ вамъ извѣстно, одною изъ первыхъ мыслей Моихъ при вступленіи на прародительскій престолъ“.

[3]) Нефедьевъ. Причины и цѣль изданія Полнаго Собранія и Свода Законовъ съ точки зрѣнія Сперанскаго (Казань. 1889 г.), стр. 9—11.

Если, такимъ образомъ, можно считать доказаннымъ [1]), по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ своду законовъ гражданскихъ, что Сперанскій пребывалъ въ увѣренности близкой замѣны составленнаго Свода утвержденнымъ законодательною властью новымъ уложеніемъ,—можетъ быть, даже ранѣе, чѣмъ Сводъ этотъ вообще вступитъ въ силу, то не слѣдуетъ удивляться тѣмъ вольнымъ и невольнымъ отступленіямъ отъ содержанія первоисточниковъ, которыя найдены изслѣдователями въ составѣ 1-й части X тома и происхожденіе которыхъ они склонны объяснить заимствованіями изъ французскаго либо австрійскаго права, или изъ предшествовавшихъ кодификаціонныхъ трудовъ барона Розенкампфа [2]).

---

[1]) Подборъ доказательствъ тому, что Сводъ въ глазахъ Сперанскаго былъ лишь подготовительною ступенью къ уложеніямъ, см. у А. Н. Макарова (назв. ст., стр. 226 и 227). Сюда можно отнести также слѣдующее, въ запискѣ 1862 года, свидѣтельство барона Корфа, одного изъ наиболѣе близкихъ сотрудниковъ и впослѣдствіи біографа творца Свода: „Дѣйствительно, гр. Сперанскій никогда не признавалъ Сводъ за трудъ окончательный и смотрѣлъ на него единственно какъ на матеріалъ для составленія, впослѣдствіи, настоящихъ уложеній, невозможныхъ или, по крайней мѣрѣ, очень ненадежныхъ безъ предварительнаго обозрѣнія того, что уже есть....“ Правда, нѣсколько далѣе, въ той же своей запискѣ (Дѣло II Отд. 1862 г. № 95), авторъ прибавляетъ: „.... должно прійти къ заключенію, что если Сперанскій и имѣлъ подобную мысль, то едва-ли самъ не видѣлъ въ ней лишь мечту, не лишенную величія, идеалъ, къ которому законодательство можетъ стремиться, но который осуществить ни ему, ни ближайшимъ преемникамъ его не суждено“.

[2]) См. изслѣдованія Пахмана (Исторія кодификаціи гражданскаго права, т. II), Кассо (Журн. Мин. Юст. 1904 г. № 3), Винавера (Журн. Мин. Юст. 1895 г. № 10), Шершеневича (Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи, стр. 94—97). Примѣры несоотвѣтствія источникамъ указаны также въ изданіи „Законы Гражданскіе. Практич. и теоретич. комментарій, подъ ред. Вормса и проф. Ельяшевича“ (напр., вып. 2, стр. 377). Самъ Сперанскій въ своемъ „Введеніи къ Своду гражданскихъ законовъ“ упоминаетъ объ иностранныхъ кодексахъ, но лишь въ качествѣ матеріала для оглавленія: Сводъ „долженъ имѣть два главныя свойства: полноту и точность. Для достиженія первой цѣли, при составленіи подробнаго оглавленія предметовъ, въ Сводъ входящихъ, съ одной стороны, пріемлемы были въ соображеніе лучшіе въ семъ родѣ образцы въ римскомъ, французскомъ, прусскомъ и австрійскомъ законодательствѣ, а съ другой прилагаемо было все попеченіе, дабы ничего не пропустить, что въ нашихъ законахъ къ гражданскому порядку относиться можетъ“. (Архивъ ист. и практ. свѣд. Калачова, кн. II, стр. 5).—Примѣры несовпаденія съ источниками по другому отдѣлу законодательства (ст. 66 Осн. Зак. и имѣющія съ нею связь иныя статьи Свода 1832 г.) мы находимъ въ изслѣдованіи В. А. Григорьева „Объявляемый указъ“ (Журн. Мин. Юст. 1914 г. № 8, стр. 108).

Но и помимо тѣхъ дополненій къ тексту существовавшихъ законовъ, которыя вызывались требованіями систематики или являлись плодомъ искавшаго теоретическихъ обобщеній ума Сперанскаго [1]), отступленія отъ источниковъ, если не по существу, то по формѣ были неизбѣжны какъ по свойству правилъ, преподанныхъ для составленія выписокъ и для образованія статей, такъ не менѣе того уже въ виду необходимости написать Сводъ законовъ единообразнымъ современнымъ языкомъ, взамѣнъ устарѣвшаго и иногда малопонятнаго языка памятниковъ двухъ предшествующихъ столѣтій. Достаточно въ этомъ отношеніи сравнить статьи дѣйствующаго Свода законовъ, показанныя въ цитатахъ основанными на уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 года, съ текстомъ и содержаніемъ подлежащихъ статей этого уложенія, чтобы убѣдиться въ невозможности буквальнаго воспроизведенія этихъ мѣстъ въ Сводѣ. Наконецъ, составители Свода совсѣмъ и не скрывали вносимыхъ ими, по соображеніямъ систематики, новшествъ. Если открыть изданіе 1832 года, то весьма часто статьи его оправданы, вмѣсто ссылокъ на цитаты, такими объясненіями: основана на соображеніи частныхъ примѣровъ, явствуетъ изъ существа такихъ-то узаконеній, основана на обычаяхъ, или же еще менѣе опредѣленнымъ указаніемъ: см. ниже [2]). Встрѣчаются также статьи (напр.,

---

[1]) Интереснымъ въ этомъ отношеніи представляется свидѣтельство барона М. А. Корфа, который въ 1862 году, въ запискѣ объ отдѣленіи въ нашемъ законодательствѣ законовъ отъ распоряженій административныхъ, писалъ: „Важный недостатокъ первоначальной идеи заключался въ томъ, что при составленіи Свода старались на всѣ вопросы теоріи непремѣнно доискаться отвѣтовъ въ такомъ законодательствѣ, котораго преобладающій характеръ всегда былъ казуистическій, и нерѣдко, чтобы только найти такой отвѣтъ, обращались къ постановленіямъ, изданнымъ для однихъ частныхъ случаевъ, или для одной потребности временной и преходящей, насильственно извлекая изъ нихъ общія правила". (Дѣло II Отд. 1862 г., № 95).

[2]) Приводимъ нѣсколько примѣровъ такихъ статей:

Т. I, Осн. Зак., ст. 71. Привилегіи, дарованныя Верховною Самодержавною Властію частнымъ лицамъ или обществамъ, изъемлютъ ихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ по тѣмъ предметамъ, на которые въ тѣхъ привилегіяхъ содержатся точныя постановленія. — *Сіе явствуетъ изъ самаго существа привилегій и изъ образа примѣненія оныхъ.*

Т. III, ст. 2. Различіе вѣроисповѣданія или племени не препятствуетъ опредѣленію въ службу, если желающіе вступить въ оную имѣютъ на сіе право на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ. — *Ср. узаконенія о вѣротерпимости и манифесты о присоединеніи разныхъ областей и народовъ къ Имперіи.*

Т. III, ст. 151 . . . . съ другой стороны въ общемъ порядкѣ гражданской

Осн. Зак. ст. 53), правила которыхъ оправданы въ цитатахъ только „примѣрами“, при чемъ здѣсь же перечисляется рядъ такихъ примѣровъ, и статьи безъ всякихъ ссылокъ на узаконенія.

Но, какъ ни естественны были, по условіямъ работы, случаи сознательнаго или безсознательнаго правотворчества кодификаторовъ 1826—1830 годовъ и хотя размѣры этого творчества никогда не шли такъ далеко, чтобы уничтожить какія-нибудь существующія нормы [1]), во всякомъ случаѣ приходится признать, что работа по Своду 1832 года не была простымъ воспроизведеніемъ источниковъ, а являлась, хотя Сперанскій и не хотѣлъ этого признать [2]), *истолкованіемъ* существующаго права. И уже по одному сему, по современнымъ взглядамъ, сообщеніе дѣйствующему праву такой новой формы (structura nova legum) требовало уподобленія

службы замѣщеніе должности не присвояетъ никому соотвѣтствующаго классу оной чина. . . . — *Сіе видно изъ того, что въ общихъ гражданскихъ штатахъ классы должностей полагаются токмо за урядъ.*

Т. III, ст. 581. Столовыя и квартирныя деньги не составляютъ общей принадлежности содержанія гражданскихъ чиновниковъ и опредѣляются не по чинамъ, но штатами для нѣкоторыхъ только должностей въ особенности или лично Высочайшими повелѣніями. — *Сіе основано на соображеніи частныхъ примѣровъ, по несуществованію положительнаго закона.*

Т. III, ст. 346. Для выслуги чиновъ свыше статскаго совѣтника никакихъ лѣтъ не опредѣляется, и пожалованіе въ оные, въ уваженіе отъ личныхъ заслугъ и ревностной службы, зависитъ единственно отъ Высочайшаго соизволенія, по представленіямъ начальствъ или по непосредственному Высочайшему усмотрѣнію.— *Сіе явствуетъ изъ того, что пожалованіе въ чины свыше статскаго совѣтника не подвергнуто по законамъ никакому ограниченію и что вообще на предметъ сей не существуетъ никакихъ положительныхъ правилъ.*

Т. VII, ст. 24, примѣчаніе. Правила, содержащіяся въ сей статьѣ, а равно и въ послѣдующихъ, при коихъ не приведено узаконеній, *основаны на обычаяхъ и порядкѣ,* принятыхъ по Монетному Управленію.

Т. IX, ст. 350. Изъ числа городскихъ обывателей разночинцы . . . не могутъ пріобрѣтать фабрикъ и заводовъ . . . — *Сіе явствуетъ изъ того, что имѣть фабрики и заводы предоставлено одному дворянству, купечеству и крестьянамъ по торговымъ свидѣтельствамъ.*

Т. X, ст. 1629. Повѣренный, дѣйствуя въ судѣ вмѣсто вѣрителя, представляетъ его лицо и потому пользуется по порученному ему дѣлу всѣми правами, въ довѣренности ему предоставленными, и несетъ всѣ обязанности, на него въ довѣренности возложенныя. — *Сіе явствуетъ изъ существа вѣрющихъ писемъ. . .*

[1]) Л. А. Кассо. Къ исторіи Свода законовъ гражданскихъ, Журн. Мин. Юст. 1904 г. № 3, стр. 61.

[2]) Во Введеніи къ Своду законовъ гражданскихъ (1828 г.) онъ говоритъ: „Сводъ есть вѣрное изображеніе того, что есть въ законахъ: но онъ не есть ни дополненіе ихъ, ни *толкованіе*“.

законныхъ книгъ новому закону и соотвѣтствующаго санкціонированія. Правда, число статей, образованныхъ „по собственному соображенію редакторовъ“, впослѣдствіи, въ стадіи провѣрки сводовъ въ ревизіонныхъ комитетахъ, значительно сократилось [1]). Но, если въ этомъ отношеніи дѣятельность комитетовъ способствовала приближенію Свода къ его источникамъ, то съ другой стороны эти же комитеты внесли въ Сводъ законовъ начало, не согласовавшееся съ заданіемъ его быть сборникомъ однихъ только законовъ, вслѣдствіе включенія въ Сводъ, по настоянію ревизіонныхъ комитетовъ, учрежденныхъ при департаментахъ, цѣлаго ряда циркулярныхъ предписаній министровъ [2]). Если этимъ предписаніямъ предстояло присвоить ту силу, какую имѣли внесенныя въ Сводъ изъ Полнаго Собранія Законовъ Высочайше утвержденныя постановленія, то для сего требовался, очевидно, особый актъ законодательной власти, или для каждаго изъ нихъ порознь, или общій для всего Свода.

Переходимъ къ ближайшему разсмотрѣнію дѣятельности комитетовъ, дѣйствительно приведшей къ постановкѣ общаго вопроса о силѣ будущаго Свода законовъ.

III.

Выше уже упоминалось, что, намѣчая организацію работъ, Сперанскій имѣлъ въ виду повѣрку трудовъ Второго Отдѣленія въ подлежащихъ вѣдомствахъ. Размѣры этой повѣрки не вполнѣ, однако, сошлись съ тою ролью, какую онъ, повидимому, желалъ отвести ревизіоннымъ комитетамъ.

Здѣсь критиками выступали лица, практически и въ подробностяхъ знакомыя съ цѣлыми отдѣлами законодательства, каждое

---

[1]) Нѣсколько примѣровъ, относящихся до свода основныхъ законовъ, приведено у А. Н. Макарова (назв. ст., Журн. Мин. Юст. 1912 г. № 10, стр. 251 и 252).

[2]) Среди такихъ, обязанныхъ этой сторонѣ дѣятельности комитетовъ, постановленій Свода обращаетъ на себя вниманіе понынѣ сохранившееся въ первобытной чистотѣ въ уставѣ объ общественномъ призрѣніи (прил. къ ст. 290 т. XIII, изд. 1892 г.) положеніе о богадѣльняхъ. Въ противоположность другимъ постановленіямъ, истинное (циркулярное) происхожденіе коихъ можно установить только при разборѣ цитатъ, въ этомъ положеніи особымъ примѣчаніемъ (при ст. 1) пояснено, что оно „утверждено Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ и препровождено имъ къ губернаторамъ при циркулярномъ предписаніи отъ 8 апрѣля 1826 года, для руководства“.

по своей спеціальности. Вполнѣ естественно поэтому, что, хотя въ качествѣ непосредственной задачи этихъ комитетовъ было поставлено только „общее обозрѣніе" Сводовъ,—такъ, во всякомъ случаѣ, истолковалъ свою задачу, какъ мы увидимъ ниже, главный изъ этихъ комитетовъ,—тѣмъ не менѣе и онъ, по свидѣтельству Балугьянскаго, и всѣ прочіе комитеты входили въ обсужденіе и самой редакціи отдѣльныхъ статей, настаивая на большей ихъ близости къ источникамъ [1]). Къ этому имѣлось, впрочемъ, извѣстное основаніе и въ словахъ Высочайшаго рескрипта 23 апрѣля 1828 г., выставлявшаго цѣлью общаго обозрѣнія Свода: „дабы тѣмъ положительно удостовѣриться въ полнотѣ его и *точности*", и въ слѣдующемъ поясненіи этихъ словъ, содержавшемся въ Высочайшемъ повелѣніи Министру Финансовъ 12 іюля 1829 г.: „обозрѣть... въ полнотѣ и точности, т. е. 1) всѣ-ли дѣйствующіе нынѣ въ каждой части законы представлены въ Сводѣ *въ истинной ихъ силѣ*, 2) не приведено ли законовъ излишнихъ, кои отмѣнены послѣдующими".

Первымъ по времени и по значенію изъ этихъ комитетовъ, производившихъ свою работу съ апрѣля 1828 по май 1832 г., былъ образованный въ силу упомянутаго рескрипта 1828 г. комитетъ для ревизіи свода гражданскихъ законовъ подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи князя Долгорукаго. Впослѣдствіи, подъ предсѣдательствомъ Дашкова, въ немъ разсматривались и другія наиболѣе важныя части Свода: уголовные законы, учрежденіе Сената и законы основные [2]). Хотя занятія въ этомъ комитетѣ, получившемъ оффиціальное названіе Высочайше учрежденнаго для обозрѣнія составленныхъ во II Отдѣленіи сводовъ, а во Второмъ Отдѣленіи, для краткости, именовавшагося „сенаторскимъ" (очевидно, на томъ основаніи, что въ составъ этого комитета входило два сенатора), происходили въ присутствіи редактора подлежащей части и начальника Втораго Отдѣленія (статсъ-секретаря Балугьянскаго) и этимъ достигалось значительное упрощеніе при разрѣшеніи возникавшихъ

---

[1]) См. записку Сперанскаго „О силѣ и дѣйствіи Свода", п. VI.

[2]) Проектъ свода основныхъ законовъ, по важности ли ихъ содержанія или какъ не касающійся опредѣленнаго вѣдомства, представленъ былъ Сперанскимъ сначала въ Государственный Совѣтъ, для разсмотрѣнія въ немъ на томъ же основаніи, какъ прочіе своды были разсмотрѣны въ подлежащихъ комитетахъ, т. е. лишь для провѣрки въ отношеніи вѣрности изложенія и сообразности съ существующими законами. Разсмотрѣнія этого проекта въ Совѣтѣ однако не состоялось (дѣло Отд. Зак. Гос. Канц. 1831 г. № 2; см. у Макарова, назв. ст. (Журн. Мин. Юст. 1912 г. № 10, стр. 235, 236).

при „обозрѣніи“ вопросовъ, тѣмъ не менѣе болѣе важныя изъ намѣчаемыхъ исправленій вносились въ журналы, для представленія ихъ при всеподданнѣйшихъ докладахъ на Высочайшее усмотрѣніе. Въ нѣсколько иномъ порядкѣ происходила повѣрка въ прочихъ семи (не носившихъ названія „Высочайше учрежденныхъ“) ревизіонныхъ комитетахъ, образовывавшихся по министерскимъ департаментамъ по мѣрѣ окончанія разныхъ частей Свода. Но и здѣсь составлялись, въ тѣхъ случаяхъ, когда не достигалось соглашенія въ текстѣ статей между представителями Второго Отдѣленія и членами комитета, письменныя „примѣчанія“, также представлявшіяся на Высочайшее усмотрѣніе и препровождавшіяся потомъ во Второе Отдѣленіе. Изъ такого рода замѣчаній (въ общей сложности до 2000) образовалось во Второмъ Отдѣленіи обширное дѣло въ 6 частяхъ съ приложеніемъ [1]).

Въ составѣ этихъ именно матеріаловъ находятся первыя указанія на возникшій среди лицъ, повѣрявшихъ Сводъ, вопросъ о будущей его силѣ. На вопросъ этотъ навели, какъ и слѣдовало ожидать, два обстоятельства: отношеніе выработанныхъ статей къ источникамъ и стремленіе вѣдомствъ включить въ Сводъ, кромѣ матеріала, имѣвшагося въ виду Вторымъ Отдѣленіемъ, также и циркулярныя ихъ распоряженія.

Еще весною 1830 года Министръ Финансовъ графъ Канкринъ, возвращая во Второе Отдѣленіе разсмотрѣнные въ департаментскихъ комитетахъ нѣкоторые уставы казеннаго управленія, высказывалъ пожеланіе включенія въ нихъ распоряженій главныхъ начальствъ. Такъ, въ письмѣ 8 апрѣля [2]) онъ писалъ: „Къ сему считаю нужнымъ присовокупить, что, какъ извѣстно вашему превосходительству, уставы по всѣмъ частямъ управленія не объемлютъ всѣхъ подробностей и весьма недостаточны; почему для введенія ихъ въ дѣйствіе и при перемѣнахъ обстоятельствъ безпрерывно имѣли мѣсто особыя распоряженія главныхъ начальствъ. Предписанія оныхъ, приводя и поддерживая сіи уставы, такъ сказать, въ движеніи, нынѣ составляютъ необходимыя къ онымъ дополненія. Посему, если бы предписать къ исполненію въ губерніяхъ одни уставы, то они не могутъ почитаться достаточнымъ руководствомъ въ управленіи какой-либо части, а, напротивъ, она немедленно пріостановится, и возродится тысяча вопросовъ“. Та же мысль

[1]) Дѣло II Отд. 1828 г. № 10.
[2]) № 873.

высказывается въ отзывахъ 27 мая и 1 іюня 1830 г. [1]): „Финансовые законы по существу дѣла приводятся повременамъ въ дѣйствіе наставленіями, образцовыми разрѣшеніями, объясненіями и распоряженіями министерства, почему я и нахожу неудобнымъ опустить ихъ въ сводахъ узаконеній по сей части, кои бы безъ того остались однимъ скелетомъ. Касательно же того, можно-ли таковымъ министерскимъ предписаніямъ дать полную *законную силу*, я полагаю, что вопросъ сей требуетъ *особаго разрѣшенія по всѣмъ вообще* составленнымъ во Второмъ Отдѣленіи Канцеляріи Его Величества сводамъ" [2]). „Если теперь издать Сводъ, не упоминая, что сіи министерскія предписанія остаются въ своей силѣ, то непремѣнно послѣдуетъ то, что всѣ мѣста и лица обратятся вновь со множествомъ вопросовъ, движеніе дѣлъ пріостановится и не станетъ времени повторять вдругъ все то, что въ теченіе многихъ лѣтъ мало по малу было устроено и разрѣшено; и сверхъ того о многомъ, что чрезъ долголѣтнюю практику *сравнялось съ силою закона*, должно будетъ представлять на рѣшеніе высшаго правительства" [3]).

Что вопросъ о включеніи такихъ предписаній съ настойчивостью ставился при самомъ разсмотрѣніи проектовъ въ ревизіонныхъ комитетахъ со стороны представителей департаментовъ и что это притязаніе заставляло задумываться присутствующихъ въ этихъ комитетахъ редакторовъ Второго Отдѣленія, это видно по одному изъ служебныхъ рапортовъ барона М. А. Корфа [4]). Здѣсь, между прочимъ, онъ обращается къ своему начальнику Балугьянскому съ вопросомъ, слѣдуетъ-ли оставлять въ составѣ сводовъ циркулярныя предписанія и другія внутреннія постановленія министерствъ, когда они содержатъ въ себѣ не объявленіе Высочайшей воли, а одно распоряженіе самого министра. Указывая на многократное возникновеніе этого вопроса въ ревизіонныхъ комитетахъ и на различное его разрѣшеніе, бар. Корфъ съ своей стороны, разобравъ юридическую природу такихъ предписаній, приходитъ къ выводу, что, помимо другихъ имъ указываемыхъ причинъ, включенію такихъ предписаній въ своды препятствуетъ и самое названіе ихъ сводами *законовъ*. Балугьянскій, найдя это и другія замѣчанія [5]) „весьма основательными и соотвѣтствующими

---

[1]) № 10829 и 1607.

[2]) Отзывъ 27 мая 1830 г.—Курсивы наши.

[3]) Отзывъ 1 іюня 1830 г.—Курсивъ нашъ.

[4]) 3 сент. 1830 г. (дѣло II Отд. 1830 г. № 32, по арх. 1009).

[5]) Въ этомъ же рапортѣ бар. Корфъ возбудилъ и другой вопросъ, также не

цѣли", воздержался однако отъ немедленнаго конкретнаго отвѣта, предложивъ приступить къ занятіямъ на основаніяхъ, по которымъ поступаютъ и прочіе чиновники. Лишь въ началѣ 1831 года, въ упоминавшихся выше „Правилахъ, наблюдаемыхъ при исправленіи сводовъ", вполнѣ опредѣленно выражено (ст. 8): „Циркуляры или предписанія министерствъ, когда они содержатъ въ себѣ объявленіе Высочайшей воли, должно будетъ приводить подъ текстъ, хотя бы они и не были отпечатаны въ Полномъ Собраніи... Если же циркуляры содержатъ въ себѣ одно распоряженіе самого министра: то ихъ изъ Свода исключать, ибо циркуляры не суть законы, и если допустить въ Сводъ нѣкоторые циркуляры, то нѣтъ причины ихъ не допустить всѣхъ. Собраніе же полное циркуляровъ не существуетъ". При всей послѣдовательности этой точки зрѣнія выдержать ее, однако, не удалось. Въ особенности уступчивымъ пришлось быть по отношенію къ Министерству Финансовъ, хотя бы потому, что значительная часть таможеннаго устава основана была на однихъ только предписаніяхъ. Трудно сказать, какъ велико было общее количество внѣдренныхъ въ Сводъ въ этомъ порядкѣ административныхъ постановленій. Сперанскій не считалъ во всякомъ случаѣ, благодаря этому, затемненнымъ основное назначеніе Свода. Въ запискѣ „о силѣ и дѣйствіи Свода" (III часть внесеннаго въ Государственный Совѣтъ представленія) онъ писалъ: „Сіе требованіе (о помѣщеніи нѣкоторыхъ циркулярныхъ предписаній) исполнено, и во всѣхъ тѣхъ уставахъ, гдѣ таковыя циркулярныя предписанія были предъявлены, содержаніе ихъ въ приличныхъ мѣстахъ означено со ссылкою на самое предписаніе, чтобъ тѣмъ *отличить его отъ закона* [1]) и поставить силу его въ тѣхъ самыхъ предѣлахъ, какіе закономъ ему присвоены". Соотношеніе же между Сводомъ и предписаніями, въ него не вошедшими, Сперанскій объяснилъ, нѣсколько позднѣе, въ письмѣ къ Главноуправляющему Путями Сообщенія графу К. Ѳ. Толю, слѣдующимъ образомъ: „Какъ Сводъ представляетъ единственно существо *законовъ* [1]), т. е. общихъ постановленій, Высочайшею властью утвержденныхъ, и не касается предписаній, отъ главнаго начальства исходящихъ, то и не должно искать въ немъ сихъ предписаній; пропускъ ихъ не должно считать опущеніемъ въ Сводѣ, ибо они въ планъ

лишенный для насъ значенія, а именно вопросъ, кто долженъ имѣть рѣшающій голосъ при установленіи окончательной редакціи статей Свода: въ случаѣ несогласія редактора съ замѣчаніемъ комитетовъ въ министерствахъ, „что и по чьему разрѣшенію принимать за истинное законное начало"?

[1]) Курсивъ нашъ.

его не входили. Сила сихъ предписаній, независимо отъ Свода, остается неприкосновенною въ тѣхъ предѣлахъ, какіе для сего постановлены общимъ закономъ, т. е. всѣ предписанія, съ закономъ согласныя, должны быть съ точностью исполняемы, хотя ихъ и нѣтъ въ Сводѣ; о предписаніяхъ же, закону противныхъ, должно быть представлено начальству на разрѣшеніе" [1]).

Итакъ, уже въ 1830 году, въ связи съ указывавшеюся департаментскими комитетами необходимостью включенія въ Сводъ нѣкоторыхъ министерскихъ распоряженій, высказываема была мысль о необходимости общаго по всѣмъ сводамъ разрѣшенія вопроса о присвоеніи такимъ распоряженіямъ „полной законной силы". Въ болѣе широкой постановкѣ вопросъ о силѣ всего изданія всталъ передъ Высочайше учрежденнымъ при Министерствѣ Юстиціи комитетомъ, производившимъ обозрѣніе важнѣйшихъ частей будущаго Свода.

Занимаясь въ началѣ 1832 года повѣркою свода основныхъ законовъ, Комитетъ этотъ усмотрѣлъ, что нѣкоторыя постановленія проекта основаны или единственно на бывшихъ примѣрахъ, или же на заключеніяхъ и выводахъ, хотя и совершенно справедливыхъ, но не заимствованныхъ изъ точныхъ словъ общихъ узаконеній, между тѣмъ какъ при разсмотрѣніи Свода законовъ комитетъ наблюдалъ, чтобы онъ былъ основанъ во всѣхъ статьяхъ на постановленіяхъ положительныхъ и полную законную силу имѣющихъ. Въ виду этого комитетъ полагалъ необходимымъ, чтобы Второе Отдѣленіе испросило Высочайшее разрѣшеніе, слѣдуетъ ли подобные параграфы оставить въ сводѣ основныхъ законовъ или изъ онаго исключить. Въ естественной съ этимъ связи, а, можетъ быть, и вслѣдствіе приближавшагося окончанія работъ комитета (остальные своды имъ къ этому времени уже были разсмотрѣны), въ засѣданіяхъ его 8 и 15 марта возбужденъ былъ и болѣе общій вопросъ, „въ какомъ видѣ представленные комитету своды долженствуютъ быть изданы и будутъ ли почитаться текстомъ закона, такъ чтобы всѣ присутственныя мѣста обязывались ссылаться на сей текстъ въ своихъ рѣшеніяхъ, или же только одобреннымъ отъ правительства руководствомъ, изъ коего оныя могли бы познавать истинный разумъ существующихъ узаконеній и усматривать связь ихъ во всей совокупности". Присутствовавшій въ тѣхъ засѣданіяхъ Балугьянскій объяснилъ, что это будетъ

[1]) Письмо 30 октября 1833 г.

зависѣть отъ Высочайшаго усмотрѣнія и что воля Его Величества по сему предмету ему совершенно неизвѣстна, но что при всемъ томъ Второе Отдѣленіе составляло своды въ такомъ видѣ и по такимъ планамъ, въ какихъ обыкновенно составляются уложенія, уставы и учрежденія какъ въ нашемъ, такъ и въ другихъ государствахъ. Уклонившись такимъ образомъ отъ прямого отвѣта впредь до полученія авторитетныхъ указаній свыше, Балугьянскій заключительными своими словами все-таки призналъ, что, по его личному мнѣнію, Сводъ долженъ почитаться *обязательнымъ и единственнымъ текстомъ закона* [1]). Въ послѣдовавшемъ черезъ недѣлю письменномъ отзывѣ на имя Дашкова [2]) Балугьянскій, очевидно, уже послѣ инструкцій, полученныхъ отъ Сперанскаго, ближе вошелъ въ объясненіе этого предмета и, между прочимъ, далъ слѣдующее описаніе пріемовъ составленія статей Свода [3]): 1) статьи законовъ, объемлющихъ цѣлые предметы законодательства, внесены отъ слова до слова изъ самаго законоположенія; нѣтъ другой перемѣны касательно сего рода узаконеній, какъ только въ перемѣнѣ плана, въ размѣщеніи предметовъ: что разсѣяно во множествѣ нѣсколькихъ уставовъ, положеній или учрежденій, Вторымъ Отдѣленіемъ собрано въ одинъ составъ, сохраняя всегда

---

[1]) Вышеприведенное объясненіе Балугьянскаго приведено здѣсь въ томъ видѣ, какъ оно передано (въ кавычкахъ) во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Дашкова, неизвѣстнаго числа, мая мѣсяца 1832 г. Въ представленномъ около того же времени (1 іюня 1832 г.) всеподданнѣйшемъ докладѣ Сперанскаго эта часть объясненій Балугьянскаго изложена нѣсколько иначе (болѣе близко къ содержанію письменнаго его отзыва): „при составленіи сводовъ принимаемо было правиломъ излагать всѣ статьи ихъ не только въ точномъ смыслѣ закона, но и тѣми же самыми словами, поколику то возможно, и всѣ комитеты, коимъ по Высочайшему повелѣнію порученъ былъ пересмотръ сводовъ, поступали доселѣ на семъ же самомъ основаніи, т. е. предлагали постановленія не только въ смыслѣ статей, но и въ самыхъ словахъ, дабы болѣе сблизить ихъ съ словами самаго закона".

[2]) 23 марта 1832 г. № 149. Списокъ съ этого отзыва (объясненія) сохранился въ бумагахъ Сперанскаго (по описи № 161, л. 7—13).

[3]) Приводимъ эту часть въ возможной подробности не только по значенію ея для предмета настоящей статьи, но и потому, что „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ" (см. стр. 106, 107 и 164) почти не останавливается на этомъ моментѣ, между тѣмъ какъ здѣсь собственно заключается первое и, сколько знаемъ, единственное описаніе техническихъ пріемовъ составленія Свода, пріемовъ, которые впослѣдствіи стали обниматься не совсѣмъ правильнымъ названіемъ „кодификаціоннаго порядка", „кодификаціонной переработки законовъ".

внутренность статей отъ слова до слова... 2) что касается до законовъ, обнимающихъ не цѣлые предметы узаконеній, а только измѣняющихъ или объясняющихъ оныя, то, гдѣ какая-либо статья главнаго положенія послѣдующимъ узаконеніемъ отмѣнена, тамъ въ Сводѣ вмѣсто бывшаго приведенъ отъ слова до слова новый законъ, съ пропущеніемъ только словъ, которыя сами собою разумѣются въ содержаніи предыдущей статьи. Гдѣ же законы прежніе только изъясняются или дополняются, тамъ Второе Отдѣленіе вносило самыя слова изъясняющаго или дополняющаго указа съ сохраненіемъ словъ прежняго, содержащаго въ себѣ сущность онаго; 3) наконецъ, въ случаяхъ, кои разрѣшаются или частными указами, общую силу имѣющими, или нѣкоторыми статьями главныхъ узаконеній, гдѣ смыслъ закона темный или неопредѣлительный, тамъ Второе Отдѣленіе по необходимости составляло изъ сихъ статей одну, наблюдая смыслъ главнаго закона на основаніи указовъ 29 іюля 1821 г. и 31 октября 1823 г. (28708 и 29642), гдѣ сказано въ первомъ: „чтобы сенаторы при рѣшеніи дѣлъ излагали свои мнѣнія свободно, не стѣсняясь ничѣмъ и основывая сужденія свои единственно на существѣ дѣла и на прямомъ разумѣ законовъ“ [1]), а во второмъ: „если бы по множеству узаконеній и указовъ встрѣтилось затрудненіе въ избраніи и приложеніи закона, подъ который разсматриваемое дѣло подходитъ, то въ такихъ случаяхъ, находясь въ невозможности согласить буквальный смыслъ одного закона съ таковымъ же смысломъ другого, самая необходимость предписываетъ, особенно въ высшихъ судебныхъ инстанціяхъ, слѣдовать общему духу законодательства и держаться точному смыслу законовъ, наиболѣе сему общему духу законодательства соотвѣтствующихъ“.

Изъ этихъ объясненій, заключаетъ Балугьянскій, комитетъ долженъ усмотрѣть, что Второе Отдѣленіе поступило въ изложеніи статей Свода точно такъ, какъ бы должно поступать, если бы онъ изложенъ былъ *въ видѣ текста* [2]).

Вслѣдствіе такого отзыва, которому комитетъ не могъ не придать значеніе оффиціальнаго заключенія Второго Отдѣленія, онъ

---

[1]) Нынѣ статья 240 учр. Сенат. (изд. 1892 г.).

[2]) Препровождая это свое „объясненіе по вопросу, должно ли почитать составленные во Второмъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи своды законовъ текстомъ или руководствомъ“, Балугьянскій просилъ Дашкова „приказать внести оное на усмотрѣніе комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія помянутыхъ сводовъ“ (письмо 23 марта 1832 г. № 149).

рѣшилъ, включивъ этотъ отзывъ въ свой журналъ, довести до свѣдѣнія Государя, что, слѣдуя указаніямъ Высочайшаго рескрипта объ *общемъ* лишь *обозрѣніи* Свода, онъ, комитетъ, входилъ въ повѣрку параграфовъ, представляющихся извлеченіями изъ разныхъ узаконеній безъ воспроизведенія точныхъ ихъ словъ, лишь тогда, когда какое-либо мѣсто подавало поводъ къ сомнѣнію. Между тѣмъ, если Сводъ долженъ быть не только руководствомъ и указаніемъ къ правильному разумѣнію законовъ, но и вполнѣ замѣнить собою законы, то такой пріемъ провѣрки является уже недостаточнымъ: для убѣжденія въ полной правильности статей необходимо точнѣйшимъ образомъ удостовѣриться не только въ совершенной соотвѣтственности каждаго параграфа со множествомъ статей, разсѣянныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, но еще и въ томъ, равносильно ли каждое выраженіе сокращеннаго текста со всѣми статьями, кои оно замѣнить долженствуетъ. А такая повѣрка въ отношеніи къ точности выраженій затруднительнѣе даже составленія новаго уложенія. Сознаваясь такимъ образомъ, что подобная работа ему не по силамъ, комитетъ въ заключеніе высказываетъ мысль, что разсмотрѣнный имъ догматическій Сводъ можетъ быть полезенъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ основаніе къ будущему уложенію и *какъ руководсто къ правильному приложенію и разумѣнію законовъ*.

Представляя это заключеніе комитета на Высочайшее усмотрѣніе, Дашковъ, будучи освѣдомленъ о намѣреніи Государя издать Сводъ „въ видѣ общаго и положительнаго закона, на коемъ всѣ рѣшенія присутственныхъ мѣстъ и всѣ судебныя дѣйствія должны быть основаны“, безъ отмѣны притомъ прежнихъ законовъ [1]), предостерегаетъ, въ качествѣ Министра Юстиціи, объ опасностяхъ двойного законодательства (полнаго—въ видѣ подлинныхъ узаконеній и сокращеннаго—въ видѣ догматическаго Свода) въ дѣлѣ суда и потому рекомендуетъ, на тотъ случай, если введеніе Свода въ законную силу уже предрѣшено, сдѣлать это съ постепенностью. Для этого слѣдуетъ издать Сводъ *сперва въ видѣ простого руководства* и, разославъ его во всѣ губернскія мѣста, потребовать отъ нихъ представленія въ теченіе

[1]) Изданіе Свода въ видѣ текста, имѣющаго полную законную силу, но съ отмѣною подлинныхъ узаконеній, Дашковъ приравниваетъ къ изданію настоящаго исключительнаго уложенія, которое, имѣя свои преимущества, вызвало бы въ то же время и важныя неудобства, такъ какъ едва-ли смогло бы обнять всѣ случаи, разрѣшаемые дѣйствующими узаконеніями.

2 лѣтъ тѣхъ поясненій и пополненій, какія признаны будутъ нужными въ Сводѣ. Вмѣстѣ съ соотвѣтственнымъ усовершенствованіемъ Свода этимъ путемъ совершилось бы подготовленіе къ принятію новаго текста въ основаніе судебныхъ дѣйствій.

Прежде чѣмъ записка эта, помѣченная, безъ указанія дня, маемъ 1832 года, успѣла вслѣдствіе болѣзни Дашкова, препятствовавшей ему явиться къ Государю, поступить на разсмотрѣніе Императора Николая (это случилось послѣ 4 іюня), Сперанскій 1 іюня 1832 г., на послѣдней аудіенціи передъ своимъ отъѣздомъ, по болѣзни, за границу, докладывалъ со своей стороны о сужденіяхъ, бывшихъ въ комитетѣ по вопросу о значеніи Свода. Онъ объяснялъ при этомъ, что еще въ половинѣ минувшаго (1831 г.) во Второмъ Отдѣленіи обращено было вниманіе на то, какимъ образомъ своды должны быть введены въ дѣйствіе, и что для этого тогда же намѣчены были три работы: составленіе указателя указовъ для пріисканія ихъ въ Сводѣ (т. е. такъ называемыхъ хронологическихъ указателей), составленіе историческаго очерка всѣхъ работъ по Своду (который соотвѣтствуетъ выпущенному въ 1833 году очерку подъ названіемъ „Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ“) и, наконецъ, составленіе распорядительнаго указа (т. е. будущаго манифеста 31 января 1833 г.), при коемъ Своды должны быть изданы. Въ этомъ указѣ, проектъ котораго, съ надлежащими объясненіями, можетъ быть въ свое время, съ Высочайшаго соизволенія, разсмотрѣнъ въ Государственномъ Совѣтѣ, будутъ означены порядокъ приложенія Свода къ дѣламъ и образъ, коимъ надлежитъ приводить статьи Свода въ судебныхъ выпискахъ и опредѣленіяхъ, указаны будутъ случаи, въ коихъ можно и должно ссылаться прямо на указы, когда дѣла касаться будутъ давнопрошедшаго времени, въ коемъ дѣйствовали еще указы, впослѣдствіи отмѣненные и въ Сводъ потому не вошедшіе, означенъ будетъ порядокъ ежегоднаго продолженія Свода и другія разныя подробности. Отлагая до этого времени изслѣдованіе и разрѣшеніе вопроса, возникшаго въ комитетѣ, Сперанскій заканчиваетъ докладъ просьбою о сообщеніи замѣчаній комитета, если они поступятъ въ его отсутствіе, во Второе Отдѣленіе. Согласно этому, на поступившемъ вслѣдъ за тѣмъ всеподданнѣйшемъ рапортѣ Дашкова Государемъ положена была резолюція о сообщеніи его на разсмотрѣніе Сперанскому, что и было исполнено письмомъ Танѣева (начальника Перваго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи) отъ 8 іюня.

Въ приведенномъ, въ главныхъ его частяхъ, докладѣ Сперанскаго упоминается вскользь о происходившемъ во Второмъ Отдѣленіи обмѣнѣ мыслей по вопросу о введеніи Свода въ дѣйствіе. Письменныхъ объ этомъ слѣдовъ намъ найти не удалось. Весьма возможно, что отраженіемъ этихъ же мыслей и бесѣдъ было то мѣсто всеподданнѣйшаго доклада Сперанскаго 22 января 1831 г. съ предположеніями о трудахъ Второго Отдѣленія на 1831 годъ, въ которомъ намѣчалось участіе въ дѣлѣ изданія Свода Государственнаго Совѣта. Участіе это, по тогдашнимъ предположеніямъ Сперанскаго, должно было состоять въ слѣдующемъ: а) въ рѣшеніи спорныхъ мѣстъ, при ревизіи оказавшихся, б) въ рѣшеніи дѣла о Сводѣ [1]) по формѣ и в) въ чтеніи нигдѣ не ревизованной книги объ основныхъ законахъ, при чемъ это послѣднее могло бы быть осуществлено во время печатанія прочихъ книгъ. Предположенія эти впослѣдствіи измѣнились. Спорныя въ Сводѣ мѣста, по которымъ не состоялось соглашенія между особымъ комитетомъ и Вторымъ Отдѣленіемъ, начали восходить на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта только съ 1835 года, т. е. лишь какъ слѣдствіе негласной ревизіи. Чтенія основныхъ законовъ въ Совѣтѣ не происходило, хотя они, дѣйствительно, и были представлены туда Сперанскимъ въ маѣ 1831 г., но, пролежавъ полгода безъ движенія, были взяты имъ обратно, для внесенія, согласно всеподданнѣйшему его докладу, на разсмотрѣніе особаго комитета, которому было поручено обозрѣніе сводовъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Послѣднее затѣмъ, довольно неясное по редакціи, указаніе на „дѣло о Сводѣ по формѣ“ слѣдуетъ, повидимому, понимать въ смыслѣ вопроса о тѣхъ различныхъ формахъ, въ которыхъ можетъ осуществиться употребленіе Свода (въ формѣ ли главной и исключительной, или главной, но не исключительной, и т. п.) [2]).

Не выразивъ такимъ образомъ во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ опредѣленнаго заключенія по возникшему вопросу, Сперанскій однако въ тѣ же самые дни имѣлъ уже случай высказать свое отношеніе къ дѣлу введенія Свода въ дѣйствіе. Въ сохранившемся письмѣ его къ Министру Финансовъ гр. Канкрину отъ 2 іюня 1832 г. онъ извѣщаетъ о состоявшемся со стороны Государя одобреніи на введеніе въ употребленіе по таможнямъ свода таможенныхъ учрежденій и уставовъ „отдѣльно и прежде другихъ

---

[1]) Въ подлинникѣ, очевидно, по опискѣ сказано: „о судѣ“.
[2]) См. III часть Записки Сперанскаго въ Государственный Совѣтъ.

сводовъ, *какъ руководство*, преподаваемое имъ на сей предметъ отъ главнаго ихъ начальства для единообразія въ ихъ дѣйствіи",— для чего тогда же препровождено было въ министерство 200 экземпляровъ этого Свода. Хотя мѣра эта, въ дѣйствительности, осуществленія и не получила, тѣмъ не менѣе изъ вышеуказаннаго эпизода можно сдѣлать извѣстные выводы: или что въ то время (въ серединѣ 1832 года) Сперанскій склонялся къ приданію всему Своду вообще значенія только пособія, т. е. сборника законовъ, при которомъ рѣшающее значеніе остается за подлинными узаконеніями, или же что такой способъ пользованія въ видѣ руководства предполагался имъ на первое только время, впредь до вступленія Свода въ силу закона. Тѣ же заключенія находятъ себѣ опору въ дальнѣйшей перепискѣ, происходившей между Вторымъ Отдѣленіемъ и департаментомъ внѣшней торговли въ концѣ 1832 года по поводу того же таможеннаго устава, на который (послѣ двукратнаго уже его пересмотра) были присланы изъ Министерства Финансовъ, вмѣсто преподанія Свода къ руководству таможеннымъ учрежденіямъ, новыя замѣчанія. Въ письмѣ отъ 19 декабря (№ 503) къ директору департамента Бибикову Балугьянскій, давъ характеристику Свода [1]), останавливается и на моментѣ введенія его въ дѣйствіе. „Всѣ своды вообще, въ томъ числѣ и таможенный,—пишетъ онъ,—не могутъ быть введены въ дѣйствіе, ни выпущены въ какое либо публичное обращеніе иначе, какъ по именному Высочайшему повелѣнію [2]); при введеніи же ихъ въ дѣйствіе (время сего дѣйствія еще не опредѣлено, и, вѣроятно, назначенъ будетъ срокъ для всѣхъ сводовъ общій) ограждены будутъ, сколько мнѣ извѣстно, двумя общими правилами: 1) что всякій законъ дѣйствующій и всякое распоряженіе, въ силу закона вошедшее, хотя бы оно и пропущено было въ Сводѣ, сохраняетъ свою силу и не считается отмѣнен-

[1]) „Сводъ не исправляетъ узаконеній, а представляетъ ихъ такъ, какъ они есть, со всѣми ихъ совершенствами и могущими въ нихъ быть недостатками. Къ исправленію сихъ недостатковъ и къ уничтоженію противорѣчій есть свой путь, закономъ установленный. Что принадлежитъ до Свода, то онъ дополняетъ недостатки одного закона токмо тогда, когда находитъ сіе дополненіе въ другомъ такъ же дѣйствующемъ законѣ; онъ соглашаетъ и противорѣчія, но только тогда, когда они находятся въ двухъ законахъ разнаго времени: ибо тогда послѣдній законъ самъ собою уничтожаетъ прежній, съ нимъ несогласный. Но, когда противорѣчіе находится въ одномъ и томъ же узаконеніи, тогда Сводъ, не имѣя средства его согласить, оставляетъ его неприкосновеннымъ".

[2]) Судя по исправленію въ черновикѣ, указаніе на именное Высочайшее повелѣніе сдѣлано, повидимому, самимъ Сперанскимъ.

нымъ потому токмо, что оно не помѣщено въ Сводѣ; 2) что, если бы какая либо статья Свода заключала въ себѣ смыслъ несогласный со смысломъ закона, на коемъ она основана, то въ случаѣ сомнѣнія рѣшить оное по точнымъ словамъ закона или распоряженія, пришедшаго въ законную силу" [1]). Къ этому Балугьянскій добавляетъ, что по силѣ приведенныхъ двухъ правилъ, если бы въ Сводѣ открыты были, при употребленіи его на мѣстахъ, пропуски или измѣненія, то подлежащія исправленія будутъ вводимы въ Сводъ при изданіи ежегодныхъ къ нему продолженій. Изъ приведенной выписки во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что въ распорядительномъ указѣ Второе Отдѣленіе предполагало предусмотрѣть возможность пополненія и исправленія Свода законовъ на основаніи подлинныхъ узаконеній и что не имѣлось въ виду отмѣнять этимъ Сводомъ дѣйствія его источниковъ.

Въ такомъ положеніи дѣло обстояло въ 1832 году во время печатанія Свода. Изъ свѣдѣній, здѣсь приведенныхъ, мы склонны вывести слѣдующія заключенія:

1) Творецъ Свода *Сперанскій* былъ принципіальный сторонникъ уложеній; ихъ слѣдовало составить, по его мнѣнію, непосредственно послѣ провѣрки сводовъ. При этой точкѣ зрѣнія Сводъ законовъ, въ качествѣ таковаго, или совсѣмъ не долженъ былъ получить самостоятельнаго дѣйствія, или получить его лишь на короткое время, и поэтому вопросъ о силѣ Свода являлся въ глазахъ Сперанскаго, до послѣдняго, по крайней мѣрѣ, времени, второстепеннымъ. При такихъ условіяхъ и принимая во вниманіе, что по весьма многимъ частямъ Свода составленія уложеній не предполагалось, слѣдуетъ признать, что Сперанскій не связывалъ съ выполненіемъ Свода утраты силы его источниковъ.

2) *Балугьянскій* удостовѣрялъ, какъ начальникъ Второго Отдѣленія, что работы велись такъ, чтобы между статьями Свода и ихъ источниками всегда было полное соотвѣтствіе, и что посему вполнѣ допустимо приданіе ему значенія обязательнаго и единственнаго текста. При этомъ однако онъ вполнѣ опредѣленно выражаетъ мысль, что всѣ источники должны сохранить силу дѣйствующаго закона, и къ нимъ именно слѣдуетъ обращаться во всѣхъ случаяхъ сомнѣній, такъ какъ за ними остается первенствующее значеніе.

---

[1]) Попутно обращаемъ вниманіе читателя, что въ приводимой здѣсь бумагѣ (черновикъ письма составленъ бар. М. Корфомъ) выраженія „сила закона" (въ пунктѣ 1) и „законная сила" (въ пунктѣ 2) употреблены какъ синонимы.

3) *Императоръ Николай*, по ясному своему практическому уму, съ самаго начала заявилъ себя сторонникомъ немедленнаго вступленія въ силу Свода именно въ качествѣ Свода, „въ видѣ общаго и положительнаго закона“ (притомъ безъ отмѣны прежнихъ узаконеній).

4) *Комитетъ для обозрѣнія сводовъ* при Министерствѣ Юстиціи, констатируя къ концу своихъ работъ недостаточность ихъ для приданія Своду силы обязательнаго текста, ибо для этого требуется установленіе полнаго соотвѣтствія между статьями Свода и ихъ источниками, склоненъ признать поэтому за Сводомъ лишь значеніе руководства.

5) Равнымъ образомъ и Министръ Юстиціи *Дашковъ*, являясь противникомъ „сокращеннаго текста“ (уложенія) въ условіяхъ русской дѣйствительности, въ особенности въ случаѣ сохраненія въ силѣ источниковъ, желаетъ придать Своду значеніе лишь руководства къ пріисканію законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, въ предвидѣніи иного со стороны Государя рѣшенія, онъ предлагаетъ двухгодичную отсрочку для введенія Свода въ дѣйствіе въ видѣ текста, съ тѣмъ чтобы въ это время, по указаніямъ практики, Сводъ былъ исправленъ и пополненъ, т. е. подвергнутъ вторичной повѣркѣ.

6) Въ концѣ 1832 года, слѣдовательно, наканунѣ разрѣшенія вопроса о силѣ Свода, Второе Отдѣленіе предусматривало возможность пробѣловъ и неточностей въ Сводѣ и поэтому намѣревалось прямо выразить въ распорядительномъ указѣ о введеніи Свода въ дѣйствіе допустимость рѣшенія дѣлъ по подлиннымъ узаконеніямъ, если бы они оказались пропущенными въ Сводѣ или если бы статьи Свода были несогласны со смысломъ подлиннаго закона.

7) Въ отношеніи вопроса объ утвержденіи самаго Свода разныхъ мнѣній не было. Ни порядокъ первоначальныхъ работъ, ни провѣрка въ ревизіонныхъ комитетахъ не внушали составителямъ Свода и его критикамъ мысли, чтобы поднесеніемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ по встрѣчавшимся вопросамъ и вообще личнымъ участіемъ Императора результатамъ работъ сообщалось значеніе Высочайше утвержденныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ не предвидѣлось и необходимости участія въ установленіи текста Свода со стороны Государственнаго Совѣта. Этому не мѣшало ни то обстоятельство, что при составленіи Свода допускались обобщеніе частныхъ указовъ и устраненіе неясностей на почвѣ общаго духа законодательства, т. е. пріемы, выходящіе за предѣлы обыкновеннаго законосведенія, ни то, что не всегда достигалось соглашеніе между под-

лежащимъ вѣдомствомъ и II Отдѣленіемъ о редакціи статей, ни наконецъ то, что по настоянію ревизіонныхъ комитетовъ при департаментахъ Сводъ законовъ былъ дополненъ многими постановленіями, не имѣвшими силы Высочайше утвержденныхъ и потому не предполагавшимися первоначально ко включенію. Участіе Государственнаго Совѣта признавалось въ 1832 году необходимымъ лишь по вопросу объ изданіи распорядительнаго указа.

Коротко формулируя предметъ существовавшихъ въ 1832 году разномыслій, можно сказать, что составители Свода были за оставленіе въ силѣ источниковъ его и, для того чтобы оставить возможность коррективовъ къ нему, предпочитали не присвоивать Своду значенія исключительнаго текста, сохраняя преимущество за источниками,—Государь же считалъ необходимымъ немедленно придать ему безусловную силу положительнаго закона. Среднимъ между этими противоположными мнѣніями было предложеніе Дашкова: признать Сводъ въ качествѣ единственнаго основанія рѣшеній, но не сейчасъ, а послѣ новой практической, въ теченіе 2 лѣтъ, его провѣрки, впредь же до сего считать Сводъ простымъ руководствомъ. Не трудно видѣть, что компромиссное предложеніе стояло ближе къ мнѣнію Монарха и потому не могло не одержать, въ концѣ концовъ, верха надъ предположеніями Сперанскаго и его сотрудниковъ. При этомъ въ основѣ создавшагося такимъ образомъ разногласія между Сперанскимъ и Дашковымъ лежало не различіе пониманія текущихъ потребностей практики и даже не различная оцѣнка выполненнаго Вторымъ Отдѣленіемъ труда, а скорѣе всего, можно думать, вопросъ о выдвинутомъ на очередь вторичномъ пересмотрѣ Свода, съ точки зрѣнія соотвѣтствія его источникамъ, на что требовались и время и новая, быть можетъ, затрата силъ Второго Отдѣленія. Такъ какъ Сперанскій продолжалъ смотрѣть на своды лишь какъ на ступень къ усовершенствованнымъ уложеніямъ и стремился скорѣе приступить къ этой работѣ, то предложеніе Дашкова не могло не казаться, въ его глазахъ, излишнею и безцѣльною тратою времени.

IV.

Немедленно вслѣдъ за окончаніемъ печатанія Свода, Сперанскій, согласно съ предположеніемъ, высказаннымъ имъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 1 іюня 1832 года (о которомъ упоминалось въ предыдущемъ отдѣлѣ), поднесъ Государю обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, вмѣстѣ съ проектомъ ма-

нифеста о введеніи Свода въ дѣйствіе. Матеріалы эти, съ частью которыхъ Сперанскій успѣлъ ознакомить Государя еще раньше, при личномъ устномъ докладѣ (при чемъ отдѣлъ о силѣ и дѣйствіи Свода прочитанъ былъ полностью, а другіе отдѣлы—въ извлеченіи), представлены были на особенное Его Императорскаго Величества усмотрѣніе при всеподданнѣйшемъ донесеніи 8 января 1833 г. По возвращеніи этихъ матеріаловъ отъ Государя, дѣло о Сводѣ законовъ внесено было, согласно съ Высочайшимъ указаніемъ, въ Государственный Совѣтъ. Здѣсь оно завершилось уже черезъ двѣ недѣли изданіемъ манифеста 31 января 1833 г. Спѣшность, которую придавали этому дѣлу и самъ Государь, и Сперанскій, дала возможность разрѣшить его въ два засѣданія Общаго Собранія (если не считать промежуточнаго между ними засѣданія для подписанія журнала по первому засѣданію) и въ одно департаментское засѣданіе. При этомъ, въ отступленіе отъ обычнаго теченія дѣлъ [1]), разборъ вопроса начался въ Общемъ чрезвычайномъ Собраніи, и на долю Департамента Законовъ выпала лишь задача обсудить самый проектъ манифеста, составленный на основаніи общихъ по вопросу сужденій въ первомъ Общемъ Собраніи.

Бумаги, служащія отраженіемъ этихъ отдѣльныхъ моментовъ движенія дѣла, находятся въ составѣ слѣдующихъ архивныхъ матеріаловъ Государственнаго Совѣта: въ дѣлѣ Департамента Законовъ о Сводѣ законовъ Россійской Имперіи 1833 г. № 2, гдѣ помѣщены самое представленіе Сперанскаго и послѣдующія сношенія по дѣлу, а равно окончательный проектъ манифеста съ карандашною резолюціею Государя; въ собраніи журналовъ Департамента Законовъ за 1833 годъ (ч. 1, т. 31), въ собраніи журналовъ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта за 1831—1872 г. г. и въ Собраніи Высочайшихъ постановленій (т. 44) [2]). По Второму Отдѣленію соотвѣтствующаго „дѣла“ въ свое время заведено не было, и относящіяся къ нашему вопросу бумаги приходится разыскивать въ упоминавшихся выше связкахъ различныхъ бумагъ, поступившихъ во Второе Отдѣленіе послѣ смерти Сперанскаго. Среди послѣднихъ сохранилось значительное количество черновиковъ, списковъ и замѣтокъ, относящихся до введенія Свода въ дѣй-

---

[1]) Учрежденіе Государственнаго Совѣта (т. I 1832 г.), ст. 27, 28.

[2]) Въ собраніи меморій Общаго Собранія Государственнаго Совѣта за 1833 годъ отдѣльныхъ матеріаловъ по засѣданіямъ 19 и 26 января нѣтъ, такъ какъ Государю представлены были подлинные журналы обоихъ этихъ засѣданій (ч. I, л. 384 и 475, ч. II, л. 1).

ствіе, но нашлись, кромѣ того, и нѣкоторыя оффиціальныя письма, которыхъ къ дѣлу Департамента законовъ не пріобщено.

На основаніи общей совокупности всѣхъ этихъ матеріаловъ обрисовывается слѣдующая постепенность движенія дѣла о Сводѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.

15 января состоялась разсылка Свода законовъ, а именно: 2 экземпляра, при письмѣ Сперанскаго того же числа, Предсѣдателю Государственнаго Совѣта, изъ коихъ одинъ „для внесенія въ Государственный Совѣтъ", 38 экземпляровъ членамъ Совѣта и 2 Государственному Секретарю Марченкѣ и Свиньину.

17 января Сперанскій вноситъ при препроводительномъ письмѣ къ князю Кочубею, Предсѣдателю Государственнаго Совѣта: 1) обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, въ трехъ частяхъ: I) обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ съ 1700—1826 г., II) обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ съ 1826 г. по настоящее время и III) о силѣ и дѣйствіи Свода [1]), и 2) статьи, къ третьей части сего обозрѣнія принадлежащія.

19 января состоялось извѣстное засѣданіе Общаго Собранія, въ личномъ присутствіи Императора Николая. Послѣ вступительной его рѣчи, продолжавшейся болѣе часа и касавшейся хода работъ по составленію Свода и внесенія въ этотъ Сводъ учрежденія Императорской Фамиліи, происходило чтеніе обозрѣнія историческихъ свѣдѣній, а затѣмъ обсуждался вопросъ о значеніи Свода. Составленный по засѣданію журналъ не отличается подробностью. Рѣчь Государя занесена только въ краткомъ очеркѣ [2]). Сущность происходившихъ преній совсѣмъ не передана, и вообще кардинальному вопросу о силѣ Свода удѣлено не много мѣста.

26 января: 1) Сперанскій препровождаетъ къ Государственному Секретарю проектъ манифеста, составленный согласно рѣшенію, послѣдовавшему въ Общемъ Собраніи 19 января, присовокупляя, что вопросъ о правилахъ повѣрки Свода долженъ быть предложенъ Государственному Совѣту отдѣльно отъ вопроса о манифестѣ [3]);

---

[1]) Въ частяхъ II и III Обозрѣнія (почему-то оставленнаго Сперанскимъ безъ подписи) встрѣчается много собственноручныхъ исправленій и дополненій какъ самого Сперанскаго (въ части II), такъ и барона Корфа (въ части III, которою ему, повидимому, пришлось много заниматься), произведенныхъ, очевидно, въ послѣднюю минуту. Въ заключительныхъ однако пунктахъ послѣдней части, гдѣ изложены 4 „предположенія", ни вставокъ, ни сокращеній и вообще поправокъ нѣтъ; вѣроятно, послѣ ея провѣрки эта часть была переписана заново.

[2]) Бар. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго, стр. 317, 318 вын.

[3]) По указанію П. М. Майкова (Второе Отдѣленіе, прилож., стр. 7),

2) состоялось то засѣданіе Общаго Собранія, въ которомъ при подписаніи журнала предыдущаго засѣданія произошло разногласіе по поводу словъ этого журнала: „разослать Сводъ“; объ этомъ составленъ отдѣльный журналъ (26 января 1833 г. № 3).

27 января послѣдовала извѣстная резолюція Государя по поводу этого разногласія, въ которой Сводъ охарактеризованъ „какъ положительный законъ“.

29 января—письмо Предсѣдателя Государственнаго Совѣта къ Сперанскому [1]) съ изъясненіемъ воли Государя о передѣлкѣ ст. 6 проекта манифеста и предварительномъ ея, до обсужденія въ Совѣтѣ, представленіи на Высочайшее одобреніе.

30 января: 1) Предсѣдатель Государственнаго Совѣта объявляетъ Высочайшее повелѣніе о предстоящемъ внесеніи въ Департаментъ Законовъ переработаннаго проекта манифеста и извѣщаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателя означеннаго Департамента, что внесенный въ Департаментъ проектъ манифеста, какъ заключающій въ себѣ статью, составленную на иномъ, нежели одобренный Государемъ журналъ, началѣ, долженъ быть признанъ несостоявшимся и что вмѣсто него будетъ внесенъ на слѣдующій день другой проектъ; 2) Сперанскій представляетъ новый проектъ манифеста [2]), снабженный собственноручною надписью Государя: „читалъ и нахожу совершенно согласнымъ съ Моимъ желаніемъ“.

31 января состоялось, въ присутствіи Министра Юстиціи, засѣданіе Департамента Законовъ для разсмотрѣнія проекта манифеста. Проектъ найденъ совершенно сообразнымъ началамъ, принятымъ въ засѣданіи Общаго Собранія 19 января и впослѣдствіи по журналу 26 января Высочайше утвержденнымъ; постановлено внести проектъ въ Общее Собраніе (журн. Деп. Зак. 31 января 1833 г. № 2).

1 февраля: 1) засѣданіе для той же цѣли Общаго Собранія, въ присутствіи Государя. Проектъ найденъ изложеннымъ во всемъ согласно началамъ, въ присутствіи Его Императорскаго Величества въ засѣданіи 19 января постановленнымъ и впослѣдствіи, по журналу 26 января, Высочайше утвержденнымъ; положено представить

едва-ли однако вполнѣ основательному, письмо однороднаго содержанія было отправлено и къ Предсѣдателю Государственнаго Совѣта.

[1]) Письма этого въ дѣлѣ Государственнаго Совѣта не приведено, но оно находится среди бумагъ Сперанскаго.

[2]) О поступленіи его въ Департаментъ Законовъ имѣется особая бумага кн. Кочубея отъ того же 30 января.

проектъ манифеста къ Высочайшему подписанію (журн. Общ. Собр. 1 февраля 1833 г.); 2) въ тотъ же день подписаніе манифеста, съ помѣткою его однако датою 31 января, и 3) отправленіе исполнительныхъ бумагъ.

Если такимъ образомъ въ настоящее время является возможнымъ установить почти до мельчайшихъ подробностей хронологическую, начиная съ 8 января 1833 г., послѣдовательность движенія вопроса о введеніи Свода въ дѣйствіе, то нельзя, къ сожалѣнію, освѣтить это движеніе и уловить происходившія измѣненія воспроизведеніемъ всѣхъ тѣхъ документовъ, которые отражали отдѣльные моменты въ этомъ дѣлѣ, нельзя потому, что нѣкоторыя изъ такихъ бумагъ не сохранились ни въ подлинникѣ, ни въ точной копіи. Такъ, намъ неизвѣстна въ точности та редакція Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, въ которой оно было представлено Сперанскимъ Государю при всеподданнѣйшемъ докладѣ 8 января, и, что́ для насъ еще важнѣе, не извѣстенъ документально тотъ первоначальный проектъ манифеста, который былъ приложенъ къ этому докладу [1]). Не сохранилось, по странной случайности, и въ составѣ дѣлъ Государственнаго Совѣта проекта манифеста, который, какъ вполнѣ опредѣленно указано въ препроводительномъ отношеніи Сперанскаго къ Предсѣдателю Совѣта, былъ имъ представленъ въ Совѣтъ въ нѣсколькихъ варіантахъ вмѣстѣ съ Обозрѣніемъ историческихъ свѣдѣній, подъ названіемъ „статей, къ третьей части сего обозрѣнія принадлежащихъ“.

Кое-что изъ недостающаго, но не всегда съ достаточною полнотою и точностью, оказалось возможнымъ возстановить на основаніи тѣхъ довольно многочисленныхъ черновиковъ, отрывковъ и набросковъ, которые нашлись среди бумагъ Сперанскаго. Для полнаго однако изображенія всей картины приходится, главнымъ образомъ вслѣдствіе отсутствія на черновикахъ указаній, къ какому времени они относятся,—прибѣгать въ дальнѣйшемъ изложеніи иногда къ догадкамъ и предположеніямъ.

Передавая съ достаточною подробностью, въ предѣлахъ отношенія къ интересующему насъ вопросу, содержаніе важнѣйшихъ изъ сохранившихся документовъ въ слѣдующей главѣ, считаемъ нелишнимъ указать въ настоящемъ мѣстѣ на имѣющіяся вообще

---

[1]) У П. М. Майкова, назв. соч., на стр. 185 имѣется намекъ на существованіе такого проекта, но въ числѣ другихъ цѣнныхъ приложеній къ его книгѣ этого документа, къ сожалѣнію, не воспроизведено.

въ литературѣ воспроизведенія нѣкоторыхъ изъ вышеупомянутыхъ матеріаловъ.

Первыя двѣ части „Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ“ сдѣлались общимъ достояніемъ въ виду выхода ихъ, подъ тѣмъ же названіемъ, особымъ въ 1833 году изданіемъ, повтореннымъ затѣмъ безъ всякихъ измѣненій въ 1837 году [1]. Третья часть внесенной въ Государственный Совѣтъ Сперанскимъ записки, равно какъ имѣющія непосредственное къ ней отношеніе нѣсколько страницъ второй части [2], въ это изданіе не включены. Вмѣсто того въ немъ помѣщенъ манифестъ 31 января 1833 г., явившійся отвѣтомъ на поставленные въ этой части записки вопросы.

Достояніемъ литературы записка „о силѣ и дѣйствіи Свода“ стала лишь въ 1861 году, будучи помѣщена, съ разрѣшенія барона М. А. Корфа, сотрудникомъ его по Императорской Публичной Библіотекѣ А. Ѳ. Бычковымъ въ издававшемся Калачовымъ „Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи“ (въ книгѣ VI за 1859 годъ). Какъ оказывается однако изъ сравненія ея съ запискою въ подлежащемъ дѣлѣ Государственнаго Совѣта, текстъ ея не только значительно уступаетъ по объему, но во многомъ не совпадаетъ и по содержанію съ оффиціальною редакціею. Такъ, вмѣсто четырехъ предположеній о силѣ Свода, у Калачова приведено всего три,—что̀ и послужило причиной нѣкоторыхъ неправильныхъ указаній тѣхъ ученыхъ (въ частности, проф. Коркунова), которые основывались на этомъ опубликованномъ текстѣ. Съ другой стороны, въ репродукціи Калачова имѣется нѣсколько страницъ, посвященныхъ вопросу о циркулярахъ министровъ, между тѣмъ какъ оффиціальный текстъ записки этого вопроса не касается вовсе [3]. Возникшее отсюда предположеніе, что Калачовъ воспроизвелъ какую-либо изъ прежнихъ редакцій записки,

---

[1]) Изданіе это еще не разошлось. Имѣется въ продажѣ также вышедшій въ 1833 году переводъ Обозрѣнія на французскомъ языкѣ.

[2]) Выпущено все, что касалось возникшаго въ комитетѣ для обозрѣнія сводовъ въ Министерствѣ Юстиціи вопроса о томъ, быть ли Своду текстомъ или только руководствомъ. Изложивъ мнѣніе комитета, Сперанскій такъ закончилъ 2 часть Обозрѣнія: „Въ семъ положеніи дѣло сіе представлено при всеподданнѣйшемъ донесеніи на особенное Его Императорскаго Величества усмотрѣніе. Вопросъ, отъ сего возникшій, по важности его изложенъ во всемъ пространствѣ въ 3 части Обозрѣнія“.

[3]) Есть еще и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія, различія, напр., въ формулировкѣ, а отчасти и мотивировкѣ второго предположенія, гдѣ указано на возможность, послѣ ревизіи Свода на опытѣ и внесенія соотвѣтствующихъ ис-

вполнѣ подтвердилось при сравненіи опубликованнаго текста съ сохранившимися среди бумагъ Сперанскаго нѣсколькими варіантами [1]). Два изъ сохранившихся 5 экземпляровъ оказались совпадающими по содержанію съ запискою въ Архивѣ Калачова, при чемъ на одномъ изъ нихъ имѣется карандашная помѣтка: проектъ первоначальный, а другой [2]) послужилъ, какъ можно судить по нѣкоторымъ позднѣйшимъ помѣткамъ для переписчика, тѣмъ оригиналомъ, съ котораго былъ напечатанъ помѣщенный у Калачова текстъ. Соотвѣтствующая тетрадь въ главныхъ частяхъ написана почеркомъ бар. Корфа и представляетъ собою, вѣроятно, первый переписной экземпляръ съ первоначальной рукописи Сперанскаго.

Явившійся отвѣтомъ на III часть записки Сперанскаго журналъ Общаго Собранія 19 января приведенъ въ наиболѣе полномъ видѣ въ историческомъ очеркѣ Майкова „Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи", хотя, слѣдуетъ замѣтить, приводимый въ немъ текстъ не представляетъ воспроизведенія подлиннаго журнала, а заимствованъ отчасти изъ извлеченій, помѣщенныхъ въ юбилейномъ изданіи Государственной Канцеляріи „Государственный Совѣтъ 1801—1901 г. [3])", отчасти изъ оказавшихся въ бумагахъ Сперанскаго записи рѣчи Государя и другихъ частей журнала. Въ томъ же историческомъ очеркѣ [4]) впервые оглашены упоминавшіяся выше письма Сперанскаго и кн. Кочубея отъ 26 и 29 января, относящіяся къ представленію и передѣлкѣ проекта манифеста. Что касается журнала Общаго Собранія 26 января и послѣдовавшей на немъ резолюціи Государя по поводу происшедшаго разногласія по журналу перваго Общаго Собранія, то содержаніе ихъ воспроизводится почти у всѣхъ авторовъ, затрагивавшихъ вопросъ о силѣ Свода, а также въ упомянутомъ выше юбилейномъ изданіи о Государственномъ Совѣтѣ.

V.

Вкратцѣ изложивъ, въ концѣ 2-ой части „Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ", извѣстный намъ изъ III главы обмѣнъ взглядовъ, происшедшій между Министерствомъ Юстиціи и Вто-

---

правленій, перейти отъ второго предположенія къ первому и объявить Сводъ закономъ исключительнымъ.

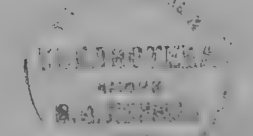
[1]) Въ связкахъ № 117, 150, 161.

[2]) Находится въ связкѣ № 161, л. 41—62.

[3]) Стр. 56—58.

[4]) Приложенія IV и V (на стр. 7 и 8 приложеній).

рымъ Отдѣленіемъ по вопросу о будущей силѣ Свода, Сперанскій посвящаетъ подробному разбору этого вопроса особый III-ій отдѣлъ обширной своей, внесенной въ Государственный Совѣтъ, записки. Приступая къ обсужденію вопроса „во всемъ его пространствѣ“, авторъ задается тою же дилеммою, какая была выставлена передъ Государемъ еще за полгода передъ тѣмъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Дашкова. Долженъ-ли Сводъ быть признаваемъ *какъ законъ* (у Дашкова—какъ текстъ закона, или какъ текстъ, имѣющій полную и преимущественную законную силу), или же только *какъ руководство* къ познанію закона? Констатируя еще разъ: а) что составленный II Отдѣленіемъ Сводъ есть „уложеніе законовъ безъ измѣненій“, тогда какъ „уложеніе есть сводъ законовъ съ большимъ или меньшимъ исправленіемъ“, б) что первою цѣлью систематизаціи законовъ было практическое употребленіе составленнаго сборника въ видѣ закона, в) что статьи излагались тѣми же словами, безъ малѣйшей перемѣны, какъ они находятся въ текстѣ закона, а при необходимости соединенія многихъ указовъ—въ полномъ ихъ смыслѣ, безъ сокращеній, и словами по возможности близкими къ тексту, г) что при ревизіи Свода исправлялись не только смыслъ, но и самое изложеніе статей, когда оно оказывалось несходнымъ со словами закона,—Сперанскій указываетъ, что слова Высочайшаго повелѣнія „удостовѣриться положительно въ полнотѣ и точности“ требовали ревизіи равно строгой, независимо отъ назначенія Свода: быть ли ему основаніемъ новаго уложенія или основаніемъ производства дѣлъ текущихъ, и что ревизія, напр., законовъ гражданскихъ не должна была представить трудностей, если не прибѣгать къ математическому пути провѣрки, дѣйствительно невозможному, а произвести ее путемъ практическимъ, во всѣхъ дѣлахъ управленія и суда обыкновенно употребляемымъ. Такъ именно, продолжаетъ записка, и поступали ревизіонные комитеты на протяженіи 4-хъ лѣтъ, не ограничиваясь такъ называемымъ общимъ обозрѣніемъ, а примѣнивъ повѣрку строгую, подробную, въ нѣкоторыхъ статьяхъ даже до мелочей нисходящую. Эти разсужденія, въ связи съ не лишеннымъ колкости упоминаніемъ о „пришедшей уже при концѣ ревизіи мысли о другой высшей достовѣрности“, о которой не возникало вопроса въ теченіе 4-хъ лѣтъ, направлены (какъ объ этомъ можно судить, между прочимъ, изъ описанія въ концѣ II-й части Обозрѣнія сомнѣнія, заявленнаго въ 1832 году въ Комитетѣ для обозрѣнія сводовъ) противъ всеподданнѣйшаго доклада Дашкова и, въ частности, противъ указаній

Комитета при Министерствѣ Юстиціи на недостаточность его полномочій въ томъ видѣ, какъ они были выражены въ рескриптѣ (составленномъ Сперанскимъ) при его учрежденіи, и на непосильность для него той провѣрки, какая необходима для приданія Своду силы текста, а не руководства.

Разобравъ затѣмъ, послѣ этой, такъ сказать, полемической части, со свойственными автору мастерствомъ, обстоятельностью и убѣдительностью, различныя „пользы" Свода, а именно „достовѣрность въ производствѣ дѣлъ, укрощеніе ябеды и подбора указовъ, соглашеніе большей части противорѣчій, извлеченіе законовъ изъ неизвѣстности, помрачающей ихъ силу, прочность и удобство постепеннаго ихъ усовершенія, начало твердаго систематическаго обученія", записка переходитъ къ анализу поставленнаго вопроса. „Сводъ самъ по себѣ не есть новый законъ, но другая форма того же самаго закона. Употребленіе сей формы въ дѣлахъ можетъ быть разнообразно: 1) какъ формы закона главной, единственной и исключительной, или 2) какъ формы главной, но не исключительной, допускающей дѣйствіе и прежней формы въ опредѣленныхъ случаяхъ, или 3) какъ простого внѣшняго руководства къ указанію закона и къ лучшему его познанію, наконецъ, 4) какъ формы законной, которая должна дѣйствовать сперва совокупно съ прежнею формою, а потомъ, когда опытъ утвердитъ ее, должна дѣйствовать одна" [1]). При первомъ предположеніи текстъ законовъ служитъ только доказательствомъ источниковъ статей, но употребленія самъ по себѣ не имѣетъ, при второмъ—въ нѣкоторыхъ случаяхъ допускается обращеніе къ самому тексту закона; при третьемъ—онъ остается единственнымъ основаніемъ рѣшенія, Сводъ же есть лишь пособіе къ его розысканію и познанію смысла; при четвертомъ—основаніемъ къ рѣшенію служитъ по прежнему текстъ закона, но обязательно приводить и соотвѣтствующія статьи Свода. Разобравъ удобства и неудобства каждаго изъ этихъ приложеній Свода, записка не содержитъ однако прямого указанія, которое же въ концѣ-концовъ слѣдуетъ принять рѣшеніе. Видно лишь полное отрицаніе ею третьяго способа—низведенія Свода, какъ того хо-

[1]) Въ первоначальной редакціи записки (напечатанной въ Архивѣ Калачова) соотвѣтствующее мѣсто гласило: „Если Сводъ принятъ будетъ какъ законъ, то употребленіе его можетъ быть двояко: какъ законъ единственный и исключительно дѣйствующій, или же какъ законъ, коего дѣйствіе извѣстными только случаями будетъ ограничено. Если Сводъ принятъ будетъ какъ руководство, то дѣйствіе его состоять можетъ только въ указаніи закона и въ большемъ или меньшемъ пособіи къ познанію его смысла. Отсюда *три* предположенія".

тѣлъ Комитетъ для обозрѣнія сводовъ при Министерствѣ Юстиціи [1]), на степень простого пособія (руководства) къ пріисканію законовъ.

Всего подробнѣе записка останавливается на второмъ способѣ. Усматривая единственный его недостатокъ въ томъ, что онъ не сообщаетъ дѣлу примѣненія Свода той простоты и единообразія, которыя присущи первому предположенію, записка отмѣчаетъ въ качествѣ большихъ его преимуществъ: 1) возможность принимать въ соображеніе *не внесенные* въ Сводъ указы и постановленія, если въ производствѣ дѣла встрѣтится какой-либо случай, не находящій себѣ достаточнаго опредѣленія въ Сводѣ, и 2) возможность рѣшать дѣло, въ случаѣ *неясности* статьи Свода, по совокупному соображенію ея съ текстомъ закона, изъ коего она составлена. Но какъ поступать, если статья Свода окажется—что совершенно невѣроятно, по утвержденію редакторовъ Свода—несходной съ ея источникомъ, т. е. неправильно изложенной? Считая вторичную ревизію не достигающею абсолютной достовѣрности, записка предлагаетъ,—на тотъ случай, если сомнѣнія, выраженныя однимъ изъ ревизіонныхъ комитетовъ, найдутъ себѣ поддержку противъ увѣренія редакторовъ,—добавить къ приведеннымъ выше двумъ случаямъ обращенія къ подлинному тексту третій, постановивъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ найдено будетъ *несходство* между статьями Свода и текстомъ закона, надлежитъ слѣдовать предпочтительно сему послѣднему. Правда, такое заявленіе будетъ означать нѣкоторое колебаніе, неувѣренность правительства въ собственномъ его мнѣніи. Это неудобство могло бы быть устранено при принятіи четвертаго способа, которому подобаетъ наименованіе переходнаго: во все время, необходимое для того, чтобы опытъ рѣшилъ сомнѣніе, возникшее при второмъ предположеніи, законы приводятся *совмѣстно* со статьями Свода, и такимъ образомъ и пропускъ въ Сводѣ, и неясность его статьи, и, наконецъ, даже и неправильное ея изложеніе будутъ устранены приведеніемъ въ дѣлѣ подлиннаго текста. Правда, и въ этомъ случаѣ получается впечатлѣніе нерѣшительности, но это будетъ явленіемъ временнымъ, только покуда Сводъ дѣйствуетъ лишь въ видѣ оффиціальнаго руководства. Послѣ же установленія опытомъ, что Сводъ можетъ идти и одинъ безъ текста, возможно будетъ перейти ко второму или первому предположенію, по усмотрѣнію.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе записки, представлен-

---

[1]) Въ данномъ мѣстѣ записки этотъ Комитетъ названъ уголовнымъ ревизіоннымъ Комитетомъ.

ной Сперанскимъ въ Государственный Совѣтъ и являющейся такимъ образомъ тѣмъ оффиціальнымъ документомъ, съ которымъ единственно можетъ быть сопоставляемо принятое Совѣтомъ рѣшеніе, чтобы установить взаимоотношеніе между его заключеніемъ и мнѣніемъ Второго Отдѣленія. Слѣдуетъ однако замѣтить, что, прежде чѣмъ записка получила вышеприведенное содержаніе, она подвергалась измѣненіямъ. Въ этомъ прежде всего убѣждаетъ упоминавшійся выше варіантъ записки, опубликованный въ 1861 году Калачовымъ и заключающій въ себѣ не четыре, а только три основныхъ способа къ разрѣшенію вопроса о силѣ Свода: либо Сводъ есть единственное основаніе рѣшенія дѣлъ (предположеніе 1-е), либо подлинный законъ остается имъ (предположеніе 3-е), либо примѣняется преимущественно Сводъ и лишь въ особыхъ случаяхъ законъ (предположеніе 2-е). Основанный на собственноручномъ черновикѣ Сперанскаго, носящемъ слѣды имъ же производившихся поправокъ, варіантъ этотъ, внѣ сомнѣнія, является тѣмъ первоначальнымъ видомъ записки, въ которомъ выражались собственные взгляды Сперанскаго. Подтвержденіемъ тому служатъ заключительныя слова черновика (у Калачова оставленныя безъ воспроизведенія): „проектъ закона, при семъ прилагаемый, основанъ на второмъ предположеніи", каковое предположеніе, какъ допускающее обращеніе, въ сомнительныхъ случаяхъ, къ первоисточникамъ, встрѣчало наибольшее сочувствіе у авторовъ Свода (см. приведенную въ главѣ III [1]) переписку Второго Отдѣленія съ Министерствомъ Финансовъ). Хотя „проекта закона" въ составѣ сохранившагося черновика III части записки, равно какъ и въ переписномъ экземплярѣ бар. Корфа, не приведено, тѣмъ не менѣе къ содержанію его, по всей вѣроятности, относится написанный также собственною рукою Сперанскаго проектъ изъ 13 статей, равномѣрно сохранившій слѣды поправокъ и близко напоминающій по своему изложенію сужденія, которыя высказывались въ 1832 году [2]). Такъ, этимъ проектомъ не возбранялось въ прошеніяхъ и объясненіяхъ частныхъ лицъ ссылаться прямо на указы и постановленія и приводить законы, въ Сводѣ не помѣщенные. Въ случаѣ сомнѣнія о смыслѣ закона, когда оно можетъ быть разрѣшено ка-

---

[1]) Стр. 31, 32.

[2]) Подлинный черновикъ Сперанскаго и нѣкоторыя его части въ переписанномъ видѣ сохранились въ Архивѣ Гос. Сов. въ связкѣ № 117, а въ полномъ переписанномъ рукою бар. Корфа видѣ, съ поправками Сперанскаго, въ связкѣ № 154 (л. 29—37).

кимъ-либо дѣйствующимъ постановленіемъ, предписывается принимать его основаніемъ къ рѣшенію, хотя бы оно не было помѣщено въ Сводѣ. Имѣется особое указаніе на сохраненіе въ силѣ предписаній высшаго начальства, хотя бы не заключающихся въ Сводѣ, и т. п. Здѣсь же, въ заключительной части, высказана мысль о назначеніи Свода, между прочимъ, служить къ усовершенствованію законодательства. Всѣ эти подробности, вмѣстѣ съ сущностью проектированныхъ постановленій, не сходящіяся съ видоизмѣненнымъ и болѣе краткимъ содержаніемъ другихъ редакцій манифеста, равно какъ и характеръ имѣющихся карандашныхъ поправокъ, заставляютъ предположить, что этотъ проектъ, вмѣстѣ съ запискою въ томъ видѣ, какъ она опубликована Калачовымъ, были тѣми самыми бумагами, которыя лично читались Сперанскимъ Государю при первомъ его докладѣ и, подвергшись, можетъ быть, тутъ же нѣкоторымъ исправленіямъ по его указанію, нѣсколько позже, 8 января, были представлены въ переписанномъ видѣ на благоусмотрѣніе Императора.

Дальнѣйшія перипетіи этого дѣла, въ промежутокъ времени между 8 января и днемъ внесенія представленія въ Государственный Совѣтъ (17 января), остаются для насъ пока невыясненными. Когда и въ какомъ видѣ вернулся докладъ отъ Государя, подъ чьимъ непосредственнымъ вліяніемъ создались дополненія, внесенныя Сперанскимъ въ записку и въ проектъ распорядительнаго указа (манифеста), когда именно включено „четвертое предположеніе“,— всему этому опредѣленныхъ слѣдовъ не сохранилось. По нѣкоторымъ помѣткамъ на черновикахъ возможно только заключить, что извѣстною гранью здѣсь служило 15 января. Такъ, на одной изъ тетрадокъ, заключающихъ записку о силѣ и дѣйствіи сводовъ съ тремя предположеніями, имѣется карандашная помѣтка: „проектъ первоначальный, до 15 генваря 1833“. На обложкѣ другого экземпляра той же записки (почерка бар. Корфа), подвергшагося поправкамъ и дополненіямъ Сперанскаго, при чемъ послѣ третьяго предположенія имъ собственноручно вставлено на поляхъ четвертое предположеніе („признать текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію такъ же, какъ онъ признается и нынѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, чтобы своды были приводимы вмѣстѣ съ законами, изъ коихъ они составлены“), обозначена дата: 15 генв. 1833. На подобной же, однако не совсѣмъ полной, запискѣ имѣется однородная надпись „предположенія, исправленныя 15 генв. 1833“. Та же, наконецъ, дата, сопровождаемая указаніемъ „измѣненное“, имѣется еще на тетрадкѣ,

относящейся спеціально къ четвертому предположенію, и безъ такого указанія—на статьяхъ, соотвѣтствующихъ третьему предположенію. Изъ всего этого слѣдуетъ заключить, что именно 15 января, слѣдовательно, въ день отсылки Свода законовъ къ Председателю Государственнаго Совѣта и за два дня до внесенія въ Совѣтъ всего представленія, къ составу прежней записки добавлено было 4-е предположеніе, суть котораго заключалась въ приданіи Своду законовъ значенія лишь „руководства къ удобнѣйшему познанію и однообразному приложенію законовъ", съ тѣмъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приводятся законы, приводились *вмѣстѣ съ ними* и статьи Свода [1].

Если допустить, что 15 января было датою возвращенія бумагъ отъ Государя, представленныхъ ему при всеподданнѣйшемъ докладѣ 8 января, то приходится искать объясненія, почему на ихъ просмотръ потребовалась необычная для условій движенія настоящаго дѣла продолжительность въ цѣлую недѣлю. Возможно, конечно, предположить, что Императоръ Николай пожелалъ выслушать по поводу заключенія Сперанскаго мнѣніе Министра Юстиціи Дашкова, уже имѣвшаго случай представить Государю свои соображенія въ маѣ 1832 года. Но предположеніе это не оправдывается, во-первыхъ, тѣмъ, что сохранившаяся на докладѣ Сперанскаго собственноручная его помѣтка: „Государь Императоръ, удостоивъ прочтенія и *одобренія*, соизволилъ возвратить сіи бумаги для предъявленія ихъ въ Совѣтъ" указываетъ какъ бы на отсутствіе какихъ бы то ни было измѣненій со стороны Государя, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что добавленное 4-ое предположеніе, присвоивавшее Своду, хотя и не навсегда, значеніе руководства, не соотвѣтствовало по своему содержанію взгляду самого Государя. Остается такимъ образомъ предположить, что четвертый способъ былъ дополнительно включенъ самимъ же Сперанскимъ какъ изъ желанія придать исчерпывающую полноту всѣхъ возможныхъ рѣшеній, такъ и, можетъ быть, для того, чтобы пойти навстрѣчу тому компромиссному предложенію между намѣреніемъ Государя и заключеніемъ Комитета для обозрѣнія сводовъ, которое было сдѣлано Дашковымъ въ его майскомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ.

Оставаясь и послѣ этого добавленія сторонникомъ основного своего предположенія, которое помѣчено вторымъ номеромъ (Сводъ есть главное, но не исключительное основаніе рѣшенія дѣлъ),

---

[1]) Такого рода указанія содержались въ составѣ сохранившихся 5 пунктовъ (въ связкѣ № 161, л. 87—88) „статей къ 4-му предположенію".

Сперанскій считаетъ вполнѣ допустимымъ предварительное введеніе Свода въ видѣ руководства, подъ условіемъ, однако, позднѣйшаго разрѣшенія—очевидно, особымъ законодательнымъ актомъ—вопроса о силѣ Свода въ смыслѣ 2-го предположенія. При этомъ имъ не отвергается возможность, въ зависимости отъ указаній опыта, осуществленія даже 1-го предположенія, т. е. приданія Своду не только преимущественной, но даже и исключительной формы закона [1]). Нельзя однако не замѣтить, что очертанія 4-го предположенія не такъ ясны, какъ предыдущихъ. Съ одной стороны, они колеблются между чисто техническимъ пріемомъ приведенія законовъ въ производствѣ дѣлъ и комбинацією, по существу, второго и третьяго предположеній (въ началѣ дѣйствія своего Сводъ есть только руководство, впослѣдствіи преимущественное основаніе въ рѣшеніи дѣлъ). Съ другой стороны, самая формулировка: „признать текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію такъ же, какъ онъ признается и нынѣ; но въ то же время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и въ заключеніе ихъ смысла приводимы были статьи Свода имъ соотвѣтствующія“—даже не вполнѣ совпадаетъ съ поясненіями къ этому предположенію, изъ коихъ видно, что такое значеніе руководства предполагалось лишь въ качествѣ переходнаго способа, на время. Уже одни эти обстоятельства способны подтвердить вышесказанное, что 4-ое предположеніе является позднѣйшимъ, наскоро составленнымъ наслоеніемъ.

Предлагая на усмотрѣніе Государственнаго Совѣта четыре способа, Сперанскій присоединилъ къ каждому изъ нихъ соотвѣтствующій проектъ заключенія. Воспроизвести ихъ полностью нынѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ возможности, потому что, какъ упоминалось выше, въ дѣлахъ Департамента Законовъ эти проекты не сохранились. Сколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ, черно-

[1]) Такая возможность и, болѣе того, прямая желательность присвоенія Своду, въ концѣ-концовъ, значенія исключительнаго текста высказывалась Сперанскимъ въ объясненіяхъ второго своего предположенія въ первоначальной редакціи его записки, составленной внѣ соображенія съ намѣреніями и взглядами другихъ лицъ и не заключавшей 4-го предположенія. Здѣсь, по поводу допустимости обращенія, въ случаяхъ пропуска или сомнѣнія въ смыслѣ, отъ Свода къ тексту закона, указывалось на достиженіе, путемъ такой постепенной ревизіи Свода на самомъ опытѣ и внесенія соотвѣтствующихъ исправленій въ него при ежегодномъ продолженіи, все большей точности и полноты Свода, и затѣмъ было сказано: если случаи сего рода будутъ рѣдки и ничтожны, тогда по указанію опыта съ достовѣрностью можно уже будетъ *перейти отъ второго предположенія къ первому* и объявить Сводъ *закономъ исключительнымъ*.

викамъ и спискамъ въ бумагахъ Сперанскаго, число статей ко второму предположенію было 6, къ третьему—5 и къ четвертому—тоже 5 [1]). Во всѣхъ этихъ проектахъ заключительная статья относилась къ сроку, съ котораго должно было начаться употребленіе Свода, но срокъ этотъ нигдѣ прямо не обозначенъ („начать единовременно во всѣхъ мѣстахъ съ...“), въ намѣреніи предоставить его опредѣленіе усмотрѣнію Государственнаго Совѣта.

Какъ же отнесся Государственный Совѣтъ къ четыремъ предположеніямъ автора записки, не высказавшаго въ ней окончательнаго своего заключенія? Въ литературѣ прочно установилось мнѣніе, что Совѣтъ постановилъ рѣшеніе вопреки мнѣнію Сперанскаго. Такому заключенію способствовало то, что Сперанскій былъ въ меньшинствѣ, когда произошло разногласіе при подписаніи перваго журнала, и что ему пришлось передѣлывать проектъ манифеста, имъ составленный ранѣе означеннаго разногласія. Въ основѣ этого заключенія лежитъ однако то невѣрное положеніе Коркунова, что „на обсужденіе Общаго Собранія были предложены не три намѣченныхъ Сперанскимъ предположенія относительно опредѣленія силы Свода, а четыре, и притомъ не такъ ясно формулированныхъ, какъ это было сдѣлано въ запискѣ Сперанскаго“ [2]). Очевидно, проф. Коркуновъ высказалъ такой взглядъ только потому, что онъ исходилъ (какъ это доказывается и другими мѣстами его извѣстной статьи „Значеніе Свода законовъ“) не изъ оффиціальнаго текста записки, внесеннаго въ Совѣтъ, а изъ того, который опубликованъ былъ Калачовымъ [3]). Однородную ошибку въ отношеніи числа существовавшихъ „предположеній“, и по тому же самому, повидимому, основанію, но еще въ большей мѣрѣ, допустилъ и самъ біографъ Сперанскаго—бар. М. А. Корфъ, упоминая въ своемъ описаніи историческаго засѣданія Государственнаго Совѣта только о трехъ въ немъ обсуждавшихся предположеніяхъ [4]).

---

[1]) Связки № 154 и 158. Статей къ первому предположенію намъ отыскать не удалось.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г. Сент., стр. 100.

[3]) Другая, можетъ быть, причина установившемуся мнѣнію та, что происшедшему разногласію и послѣдовавшей, въ разрѣшеніе его, Высочайшей резолюціи придавалось, до недавняго времени, совсѣмъ не то значеніе, какое они имѣли въ дѣйствительности. Подробности см. въ замѣткѣ „Сводъ законовъ—положительный законъ,“ Журн. Мин. Юст. 1910 г. № 2, стр. 129 и слѣд.

[4]) Жизнь графа Сперанскаго, т. II, стр. 318. На эту ошибку бар. Корфа указалъ уже Коркуновъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г. Сент., стр. 99), правильно отмѣтивъ, что приводимыя Корфомъ свѣдѣнія заимствованы не изъ жур-

Усмотрѣнію Совѣта запиской Сперанскаго предлагались, какъ мы видѣли, четыре комбинаціи, изъ которыхъ автору наиболѣе соотвѣтствующею обстоятельствамъ казалась вторая, но допускалась, безъ особыхъ сомнѣній, и четвертая—переходная форма. Тѣ же 4 предположенія угодно было предложить „на особенное уваженіе" Общаго Собранія и Государю, лично присутствовавшему въ спеціально назначенномъ для этого дѣла засѣданіи 19 января. Не только число вопросовъ, но даже ихъ редакція въ журналѣ не отличается отъ формулировки ихъ въ запискѣ Сперанскаго [1]). Не-

нала Государственнаго Совѣта, а изъ записки Сперанскаго о силѣ и дѣйствіи Свода. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако ему слѣдовало сравнить эту записку, какъ она изложена у Калачова, съ подлиннымъ ея содержаніемъ въ дѣлѣ Гос. Совѣта, и тогда онъ избѣжалъ бы ошибки, въ которую впалъ самъ, относительно числа предположеній, выдвинутыхъ Сперанскимъ.

[1]) Для наглядности приводимъ ихъ въ сравнительномъ изложеніи, при чемъ различія редакцій отмѣчены курсивомъ.

По запискѣ, внесенной въ Государственный Совѣтъ:	*По журналу Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 19 января 1833 г.*
Отсюда четыре предположенія:	Изъ сего возникли слѣдующіе вопросы:
Предположеніе первое: признать статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, такъ, чтобъ текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ статьи составлены, но не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ.	*1)* признать-ли статьи Свода единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, такъ, чтобъ текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ статьи составлены, но не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ?
Предположеніе второе: признать статьи Свода закономъ дѣйствующимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, чтобъ, въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ, можно было обращаться къ самому тексту закона и въ немъ искать разрѣшенія *).	*2)* признать-ли статьи Свода закономъ дѣйствующимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, чтобъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ можно было обращаться къ самому тексту закона и въ немъ искать разрѣшенія?

*) Первоначальная редакція (см. въ Арх. Калачова) этого пункта была болѣе опредѣленной: признать статьи Свода закономъ, но не единственнымъ и не исключительнымъ, а дѣйствующимъ въ тѣхъ только случаяхъ, гдѣ нѣтъ сомнѣнія ни о существованіи закона, ни о смыслѣ его; какъ же скоро предстанетъ сіе сомнѣніе, то прибѣгать къ самому тексту закона и разрѣшать его предпочтительно по сему тексту.

Предположеніе третіе: признать прежній текстъ закона единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ рѣшенія, а статьи Свода считать токмо средствомъ совѣщательнымъ къ прiисканію ихъ и познанію ихъ смысла.	*3)* признать-ли прежній текстъ закона единственнымъ и исключительнымъ основаніемъ рѣшенія, а статьи Свода считать токмо средствомъ совѣщательнымъ къ прiисканію ихъ и познанію ихъ смысла?

большое отступленіе заключается лишь въ постановкѣ четвертаго вопроса, гдѣ, кромѣ исключенія малозначащихъ словъ „и въ заключеніе ихъ смысла“, вставлено не бывшее въ формулѣ Сперанскаго указаніе: „въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени“. Добавленіе это однако не только нельзя признать измѣненіемъ предположенія Сперанскаго, а слѣдуетъ, наоборотъ, считать вполнѣ соотвѣтствующимъ дѣйствительному его намѣренію и болѣе удачною формулировкою послѣдняго, такъ какъ въ объяснительной части записки этотъ „переходный“ способъ рекомендовался лишь на „время, потребное къ тому, чтобы опытъ рѣшилъ сомнѣніе, при второмъ предположеніи возникшее“.

„Многія и продолжительныя разсужденія“, которыя, по свидѣтельству оффиціальнаго журнала Общаго Собранія, имѣлъ Государственный Совѣтъ, остались для потомства, къ сожалѣнію, неизвѣстными, такъ какъ не запечатлѣны въ этомъ журналѣ. Не недостатокъ времени былъ тому причиной, потому что между засѣданіемъ 19 января и слѣдующимъ, когда журналъ предъявленъ былъ къ подписанію, прошла цѣлая недѣля. Полное изложеніе происходившихъ дебатовъ признавалось, по всей вѣроятности, излишнимъ, потому что личное присутствіе Государя устраняло какъ необходимость ближайшаго его ознакомленія съ содержаніемъ высказанныхъ разныхъ мнѣній, такъ и вообще самую возможность разногласія, подлежавшаго послѣдующему разрѣшенію Монарха. Не болѣе подробностей о засѣданіи приводитъ и баронъ Корфъ въ своемъ жизнеописаніи гр. Сперанскаго [1]). Отмѣчая только, что третье предположеніе было тотчасъ отклонено, такъ какъ съ принятіемъ его Сводъ не получалъ никакого законнаго значенія, никакой обязательной силы и, не принадлежа собственно къ законодательству, былъ бы почти то же самое, что частные труды нашихъ законовѣдцевъ, и всѣ столѣтнія усилія кончились бы только большою учебною книгою,—бар. Корфъ прибавляетъ, что выборъ между

Предположеніе четвертое: признать текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію такъ же, какъ онъ признается и нынѣ; но въ то же время постановить, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ *и въ заключеніе ихъ смысла* приводимы были статьи Свода имъ соотвѣтствующія.	и 4) признать-ли, *въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени*, текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію также, какъ онъ признается и нынѣ, но въ то же время постановить, чтобы вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи Свода имъ соотвѣтствующія?

[1]) Приводимыя у него данныя (Жизнь гр. Сперанскаго, т. II, стр. 317, 318) нашли себѣ воспроизведеніе въ юбилейномъ изданіи Государственной Канцеляріи „Государственный Совѣтъ. 1801—1901“ (стр. 57, 58).

остальными (двумя) предположеніями далъ поводъ къ пространнымъ разсужденіямъ. Ограничившись этимъ краткимъ указаніемъ при описаніи засѣданія, Корфъ въ другомъ мѣстѣ своей книги [1]) приводитъ довольно подробныя сужденія современниковъ изъ лагеря противниковъ Свода; возможно, что нѣкоторыя изъ этихъ сужденій впервые были высказаны именно въ Общемъ Собраніи 19 января 1833 г.

Но, какъ ни различны, быть можетъ, были высказанные членами Государственнаго Совѣта взгляды на предназначеніе Свода, вынесенное рѣшеніе было однако единогласнымъ. Общее Собраніе признало, что „во всѣхъ отношеніяхъ полезно и достоинству Правительства соотвѣтственно издать Сводъ *въ видѣ законовъ*, коимъ въ рѣшеніяхъ *исключительно* руководствоваться должны (?); но, дабы дать время присутственнымъ мѣстамъ болѣе ознакомиться съ изданіемъ законовъ нашихъ въ сей новой формѣ, то на обращеніе ихъ *въ полную и исключительную силу* постановить двухгодичный срокъ и именно 1 генваря 1835 года“ [2]).

Изъ приведенной части журнала нельзя не вывести вполнѣ опредѣленнаго заключенія, что изъ тѣхъ трехъ коренныхъ предположеній, которыя имѣлись въ виду (а именно: 1) рѣшать исключительно по Своду, 2) рѣшать по Своду, но съ правомъ обращаться въ опредѣленныхъ случаяхъ къ тексту закона, 3) рѣшать исключительно по тексту закона), Общее Собраніе отдало рѣшительное предпочтеніе первому, т. е. что Сводъ долженъ быть единственнымъ основаніемъ въ рѣшеніи дѣлъ, съ устраненіемъ дѣйствія подлинныхъ узаконеній. Отодвинувъ однако вступленіе Свода въ силу на два года съ тѣмъ, чтобы за это время произведена была практическая его повѣрка, Общее Собраніе тѣмъ самымъ дало утвердительный отвѣтъ и на четвертый вопросъ, ему предложенный: признать-ли въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію, какъ это было и до сего, но съ означеніемъ тутъ же и статей Свода [3]). Такимъ образомъ рѣшеніе Государственнаго Совѣта составляло комбинацію перваго и четвертаго пред-

---

[1]) Т. II, стр. 320—323.—См. также Майковъ, О Сводѣ законовъ, стр. 52.

[2]) Курсивы наши.

[3]) Разница между этимъ отвѣтомъ и 4-мъ предположеніемъ въ формулировкѣ записки Сперанскаго единственно та, что, вмѣсто того чтобы окончательно разрѣшить вопросъ о силѣ Свода (въ смыслѣ 1-го или 2-го предположенія) лишь по истеченіи испытательнаго его періода, Общее Собраніе постановило теперь же объявить его имѣющимъ силу закона съ 1 января 1835 г.

положенія: съ 1 января 1835 г. Сводъ есть законъ, а до этого срока—только руководство.

Такъ именно понималъ состоявшееся рѣшеніе и самъ Сперанскій. Это въ точности видно изъ собственноручныхъ его замѣтокъ, сохранившихся въ числѣ его бумагъ, подъ названіемъ „матеріалы къ журналу Совѣта“ [1]). Здѣсь прямо сказано слѣдующее: „Въ Совѣтѣ приняты совокупно два предположенія: первое и четвертое. Первое состоитъ въ томъ, чтобы ввести Сводъ какъ законъ. Четвертое состоитъ въ томъ, чтобы въ теченіе нѣкотораго времени ввести его какъ обязательное руководство къ закону, чтобы ознакомить дѣлопроизводителей со Сводомъ, а потомъ ввести уже какъ законъ. Первое предположеніе есть всегдашнее, второе временное, переходное къ первому... Такимъ образомъ предложенный Совѣту вопросъ о силѣ и дѣйствіи Свода разрѣшенъ въ Общемъ Собраніи тѣмъ, что сіе дѣйствіе раздѣлено на двѣ эпохи. *Первая* предварительная и вмѣстѣ испытательная эпоха начинается съ полученіемъ Свода въ каждомъ мѣстѣ и продолжается 2 года, т. е. по 1 января 1835 г. Въ первой эпохѣ Сводъ во всѣхъ мѣстахъ употребляется какъ руководство. Въ значеніи руководства статьи Свода приводятся вездѣ и во всѣхъ дѣлахъ послѣ текста; но рѣшенія въ теченіе сей эпохи основываются предпочтительно на текстѣ. Въ значеніи испытанія статьи Свода подлежать будутъ примѣчаніямъ въ томъ мѣстѣ и въ томъ порядкѣ, какой для сего будетъ установленъ [2]). Во *второй* эпохѣ Сводъ принимается въ значеніи закона, и статьи его однѣ признаются закономъ дѣйствующимъ и приводятся повсемѣстно какъ главное основаніе въ рѣшеніи дѣлъ“.

Не трудно засимъ видѣть, насколько состоявшееся въ Общемъ Собраніи рѣшеніе какъ по своему существу, такъ даже и по принятому двухлѣтнему сроку, который долженъ былъ раздѣлять Сводъ въ качествѣ руководства и въ качествѣ закона, было близко къ предложенію, выдвинутому Министромъ Юстиціи Дашковымъ въ маѣ 1832 г. во всеподданнѣйшемъ его докладѣ по поводу возникшихъ въ Комитетѣ для обозрѣнія сводовъ вопросовъ. Предложеніе это буквально гласило: „издать сокращенный текстъ сперва въ видѣ простого *руководства* и, разославъ экземпляры во всѣ при-

---

[1]) Связка № 161 по описи, *л.* 14—17.

[2]) Какъ видно изъ тѣхъ же матеріаловъ, здѣсь имѣются въ виду подлежавшіе отдѣльному соображенію Департамента Законовъ вопросы: а) во всѣхъ ли мѣстахъ допустить сіе примѣчаніе, или токмо въ Сенатѣ и б) какъ учредить порядокъ сихъ примѣчаній и исправленій.

сутственныя мѣста, вмѣнить имъ въ обязанность, каждому по своей части, представить въ теченіе *двухъ лѣтъ* [1]) тѣ поясненія и пополненія, какія признавать будутъ нужными въ семъ Сводѣ, съ тѣмъ чтобы по истеченіи срока правительство могло воспользоваться оными для его усовершенствованія; тѣмъ самымъ можно было бы познакомить умы съ правильнѣйшимъ изложеніемъ законовъ и приготовить къ принятію новаго текста въ основаніе судебныхъ дѣйствій".

Въ соотвѣтствіи съ вышеприведенными сужденіями Общаго Собранія (а равно съ предложеніемъ Дашкова), резолютивная часть журнала гласитъ:

„I. Сводъ законовъ издать нынѣ же и разослать во всѣ присутственныя мѣста. II. При семъ изданіи объявить, что Сводъ содержитъ въ себѣ одни дѣйствующія только нынѣ узаконенія, и что чрезъ два года, то есть съ 1-го генваря 1835-го года получитъ онъ *исключительную силу закона* [1]). III. Министру Юстиціи составить положеніе, какимъ образомъ учреждена быть можетъ, на основаніи предыдущихъ статей, негласная ревизія въ удостовѣреніе: не откроется ли при производствѣ дѣлъ противорѣчій или неясности въ Сводѣ законовъ, или же пропусковъ, изъясненія или дополненія требующихъ. IV. Департаменту Законовъ предоставить разсмотрѣть совокупно съ Министромъ Юстиціи, какъ упомянутый проектъ положенія для предполагаемой ревизіи, такъ и проектъ манифеста, при коемъ Сводъ законовъ имѣетъ быть изданъ, и заключеніе Департамента Законовъ внести на уваженіе Общаго Собранія Государственнаго Совѣта".

Если сравнить содержаніе первыхъ двухъ отдѣловъ съ ихъ мотивами, какъ они изложены въ журналѣ, то оно, дѣйствительно, исчерпываетъ сущность того, что имѣлось въ виду. Единственное, что не отмѣчено въ заключительной части, это—цѣль, ради которой присвоеніе Своду силы закона отодвигалось на два года. Въ журналѣ цѣль эта выражена была слѣдующими словами: „дабы дать время присутственнымъ мѣстамъ болѣе *ознакомиться* [1]) съ изданіемъ законовъ нашихъ въ сей новой формѣ", Сперанскій же ее понималъ, какъ видно по вышеприведенной выпискѣ изъ его замѣтокъ, нѣсколько шире, связывая такое ознакомленіе съ цѣлями практической повѣрки Свода (таковая предусматривалась и самимъ журналомъ) и требуя для сего приведенія, въ дѣлахъ, послѣ текста законовъ, также и статей Свода, почему и присвоивалъ Своду на

---

[1]) Курсивъ нашъ.

это время значенiе „руководства“ или даже „обязательнаго руководства“. Резолютивная часть, совершенно не опредѣляя цѣли, прямо предписываетъ отдѣломъ I немедленную разсылку Свода по присутственнымъ мѣстамъ [1]). Оставаясь въ предѣлахъ *мотивовъ* журнала, нельзя, конечно, усмотрѣть какой-либо существенной разницы между ними и содержанiемъ отдѣла I: предварительная разсылка закона, на время vacatio legis, не можетъ имѣть иной цѣли, какъ заблаговременное, передъ вступленiемъ его въ силу, ознакомленiе съ нимъ будущихъ примѣнителей. Если однако сравнить резолютивную часть съ содержанiемъ *вопросовъ* въ журналѣ, на которые она давала отвѣтъ, а именно вопросовъ 1-го и 4-го, то приходится признать, что, вполнѣ исчерпывая первое предположенiе, резолютивная часть (а именно отдѣлъ I ея) не упоминаетъ о *совокупномъ приведенiи* въ дѣлахъ, въ теченiе перваго времени пользованiя Сводомъ, какъ существующихъ подлинныхъ законовъ, такъ и соотвѣтствующихъ имъ статей Свода.

Эта именно маленькая подробность—неозначенiе порядка пользованiя Сводомъ, въ видѣ руководства, въ теченiе двухъ лѣтъ его vacatio въ качествѣ закона—и послужила причиною разногласiя, неожиданно создавшагося въ слѣдующемъ засѣданiи Общаго Собранiя 26 января, когда предстояло подписать журналъ засѣданiя отъ 19 января. Какъ значится въ составленномъ по этому поводу особомъ (или, какъ его назвалъ Сперанскiй въ письмѣ къ гр. Васильчикову,—дополнительномъ) журналѣ, одни члены — большинство 19 особъ [2])—признали изложенiе журнала правильнымъ и вѣрно составленнымъ, а другiе—меньшинство изъ 13 особъ [3])—отозвались, что слова „разослать Сводъ“ они понимали въ томъ смыслѣ, чтобы разослать *къ руководству* по полученiи Свода, *совокупно съ существующими законами.*

Краткость приведеннаго журнала и отсутствiе въ немъ надлежащаго противоположенiя между мнѣнiями большинства и мень-

[1]) Даже и здѣсь, въ упоминанiи разсылки Свода, можно усмотрѣть связь съ цитированнымъ выше мнѣнiемъ Дашкова, гдѣ также предусматривалась разсылка во всѣ присутственныя мѣста.

[2]) Его Императорское Высочество, гр. Витгенштейнъ, кн. Лобановъ-Ростовскiй, гр. Литта, кн. Голицынъ 1-й, гр. Толстой, Пашковъ, Эссенъ, гр. Васильчиковъ, гр. Нессельроде, гр. Чернышевъ, кн. Ливенъ, гр. Канкринъ, кн. Долгорукой, гр. Грабовскiй, кн. Меньшиковъ, Вилламовъ, Блудовъ и *Дашковъ*.

[3]) Мордвиновъ, гр. Головкинъ, кн. Волконскiй, Сукинъ, кн. Голицынъ 2-й, Рожницкiй; гр. Голенищевъ-Кутузовъ, гр. Красинскiй, Кушниковъ, *Сперанскiй*, Енгель, кн. Друцкiй-Любецкiй, гр. Толь.

шинства заставляютъ нѣсколько его пояснить. По формулировкѣ возникшаго разногласія послѣднее сводилось какъ будто бы только къ правильному или неправильному составленію журнала, т. е. соотвѣтствію или несоотвѣтствію его постановленному 19 января рѣшенію. Между тѣмъ здѣсь коренилось не столь важное въ канцелярскомъ смыслѣ, но болѣе глубокое въ существѣ разномысліе, по вопросу о томъ, какъ или, вѣрнѣе, въ какихъ предѣлахъ слѣдуетъ пользоваться Сводомъ до 1 января 1835 г.: въ качествѣ ли оффиціальнаго руководства [1]), дѣлая ссылки на его статьи на ряду съ обычнымъ приведеніемъ всѣхъ относящихся къ дѣлу законовъ, или же пользоваться имъ только, такъ сказать, неоффиціально, въ видѣ простого пособія, и поэтому не помѣщать въ рѣшеніяхъ никакого на Сводъ законовъ указанія. Какъ мы видѣли, четвертое предположеніе Сперанскаго, а также и соотвѣтствующій 4-й вопросъ, предложенный Общему Собранію, предусматривали въ теченіе испытательнаго періода Свода именно совокупное цитированіе и подлинныхъ законовъ, и статей Свода. Вполнѣ понятно поэтому, что Сперанскій оказался въ числѣ тѣхъ 13 членовъ (т. е. меньшинства), которые находили необходимымъ дополнить заключительную часть журнала указаніемъ на пользованіе Сводомъ, на первое время, въ качествѣ руководства и на совокупное съ существующими законами цитированіе его статей. Невнесеніе въ предстоявшій къ изданію манифестъ такого указанія означало бы, конечно, что до 1835 года все остается по старому: присутственныя мѣста должны дѣйствовать такъ, какъ если бы Свода совсѣмъ не существовало. Между тѣмъ именно для ознакомленія со Сводомъ и для попутной его провѣрки важно было, съ точки зрѣнія меньшинства, чтобы должностныя лица еще до введенія Свода въ дѣйствіе, путемъ обязательнаго приведенія въ рѣшеніяхъ ссылокъ на Сводъ, на ряду съ выписываніемъ подлинныхъ указовъ, поставлены были въ служебную необходимость его изученія. Большинство же членовъ, и въ числѣ ихъ Министръ Юстиціи Дашковъ (хотя мнѣніе меньшинства совершенно, собственно, сходилось съ личнымъ его предположеніемъ, изложеннымъ передъ Государемъ въ майскомъ докладѣ), полагали, очевидно, что такое совокупное цитированіе имѣетъ свои неудобства, нарушая установившійся порядокъ и какъ

---

[1]) Въ письмѣ 29 января къ Сперанскому, Предсѣдатель Государственнаго Совѣта кн. Кочубей довольно точно назвалъ это разногласіе „недоумѣніемъ, происшедшимъ по вопросу, обратить ли нынѣ Сводъ законовъ къ руководству всѣхъ присутственныхъ мѣстъ“.

бы вызывая гласно на ревизію Свода всѣхъ чиновниковъ и судей, между тѣмъ какъ Государь въ засѣданіи выразилъ мысль о предоставленіи этого права въ губерніяхъ не далѣе губернскихъ прокуроровъ, и притомъ лишь въ видѣ негласнаго распоряженія [1]). Поэтому они и находили достаточнымъ разослать Сводъ съ предвареніемъ, что съ 1 января 1835 г. его слѣдуетъ непосредственно примѣнять въ дѣлахъ,—безъ какого либо упоминанія о порядкѣ пользованія Сводомъ въ теченіе 1833 и 1834 годовъ.

Чѣмъ объяснить появленіе этого разномыслія, такъ сказать, послѣ дѣла и несмотря на состоявшееся въ Общемъ Собраніи *единогласное* рѣшеніе всего вопроса о Сводѣ? Вѣрнѣе всего тѣмъ, что, насколько подробно обсуждался въ засѣданіи 19 января вопросъ о значеніи Свода *послѣ* введенія его въ дѣйствіе, настолько мало остановились, вѣроятно,—принципіально рѣшивши, что до 1835 г. Сводъ долженъ быть только пособіемъ,—на вопросѣ, какъ именно: оффиціально или неоффиціально, слѣдуетъ пользоваться имъ до означеннаго срока. А это, очевидно, дало основаніе Сперанскому и другимъ членамъ думать, что четвертое его предложеніе принято полностью,—въ каковомъ смыслѣ, какъ мы видѣли выше, и изображены въ его „матеріалахъ къ журналу“ результаты засѣданія. Дашковъ же, во всеподданнѣйшемъ докладѣ котораго предлагалось издать Сводъ сперва въ видѣ руководства съ тѣмъ, чтобы въ теченіе 2 лѣтъ губернскія мѣста представили свои замѣчанія на Сводъ, и вмѣстѣ съ нимъ остальные 18 членовъ считали, вѣроятно, задачею будущаго проекта Министра Юстиціи о негласной ревизіи Свода опредѣлить порядокъ провѣрки его на мѣстахъ и потому находили излишнимъ и неудобнымъ указывать въ настоящее время какія-либо подробности пользованія Сводомъ вслѣдъ за его разсылкою.

Неожиданно открывшееся по Общему Собранію разномысліе предстояло разрѣшить Государю. Какъ и слѣдовало ожидать, Императоръ Николай не всталъ на сторону того мнѣнія, которое влекло за собою либо новое обсужденіе вопроса, либо, по крайней мѣрѣ, передѣлку, хотя бы и небольшую, составленнаго журнала и заключенія. Согласно съ мнѣніемъ большинства, Государь нашелъ, что заключенія Совѣта выражены въ журналѣ въ той именно формѣ, какъ слѣдовало. Но Монархъ не ограничился простымъ разрѣшеніемъ разногласія. Желая разсѣять возникшія сомнѣнія и дорожа,

---

[1]) Журналъ Общаго Собранія 19 января 1833 г.

очевидно, надлежащимъ уясненіемъ со стороны всѣхъ участвовавшихъ окончательнаго рѣшенія, принятаго въ предыдущемъ засѣданіи при ближайшемъ его участіи, Государь счелъ нужнымъ положить на журналѣ пространную резолюцію. Написанная внизу первой и вверху второй страницъ журнала Общаго Собранія отъ 26 января и помѣченная Государственнымъ Секретаремъ Марченко состоявшеюся 27 января, резолюція эта въ полномъ ея видѣ гласитъ (сохраняемъ орѳографію и собственноручно Государемъ подчеркнутыя мѣста):

„Журналъ составленъ совершенно правильно, согласно моимъ намѣреніямъ въ Совѣтѣ изреченнымъ. Сводъ разсылается нынѣ же какъ положительный законъ котораго исключительное дѣйствіе начнется съ 1 генваря 1835 года. Руководствоватся онымъ нынѣ же дозволяется только въ такомъ смыслѣ, что подъ каждою статьею означены всѣ законы, которыя до каждаго предмѣта касаются и которыя по нынѣшней формѣ судопроизводства всѣ въ приговорѣ или опредѣленіи прописаны быть должны; но отнюдь не вписывая собственной статьи свода, котораго законная сила начинается съ 1835 года“.

Резолюція распадается и по внѣшнему своему виду, и по содержанію на три части. Первая, наиболѣе короткая, направлена къ разрѣшенію того формальнаго разногласія, которое обнаружилось при подписаніи журнала въ засѣданіи 26 января. Удостовѣряя совершенную правильность журнала по засѣданію 19 января, резолюція, благодаря дальнѣйшему ея указанію: „согласно моимъ намѣреніямъ, въ Совѣтѣ изреченнымъ“ [1]), безъ обиняковъ въ то

[1]) Резолюція написана карандашомъ и не вездѣ одинаково разборчива. Этимъ объясняется, почему Марченко, воспроизводя, какъ принято въ оффиціальныхъ документахъ, въ концѣ журнала текстъ Высочайшей резолюціи, принялъ недостаточно ясно написанное слово „изреченнымъ“ за похожее на него слово „изложеннымъ“. Въ такомъ видѣ эта резолюція воспроизводилась въ курсахъ государственнаго права и до недавняго времени у всѣхъ изслѣдователей вопроса о Сводѣ. Правильность предлагаемаго чтенія „изреченнымъ“ подтверждается однако однимъ изъ писемъ Сперанскаго къ гр. Васильчикову, въ черновикѣ коего это мѣсто резолюціи дважды цитировано именно въ этомъ чтеніи (см. ниже стр. 63 и 64).

же время свидѣтельствуетъ о роли, которую сыграло личное мнѣніе Самодержавнаго Монарха, подтверждая этимъ догадку, что только благодаря присутствію Государя могло состояться то въ конечномъ результатѣ единогласное рѣшеніе Совѣта, о коемъ говорится въ журналѣ. Вторая и третья части резолюціи содержатъ поясненіе къ состоявшемуся въ Общемъ Собраніи заключенію, въ частности къ отдѣламъ I и II его: Сводъ имѣетъ почитаться за *положительный законъ* (по редакціи отдѣла II: получитъ исключительную силу закона) съ 1 января 1835 г., а до того времени имъ можно только *руководствоваться* [1]), т. е. обращаться къ нему какъ къ пособію, гдѣ можно найти въ приведенныхъ подъ статьями источникахъ („цитатахъ") перечень всѣхъ относящихся къ данному предмету законоположеній; на эти именно первоисточники, а не на статьи Свода, и слѣдуетъ, по прежнему, ссылаться въ рѣшеніяхъ, выписывая всѣ законы въ отдѣльности. Короче говоря, резолюція предписываетъ: несмотря на разсылку Свода, оффиціальное производство до 1835 года остается неизмѣннымъ, съ 1 же января означеннаго года надлежитъ примѣнять единственно текстъ Свода законовъ, не обращаясь болѣе къ первоисточникамъ.

Приведенное содержаніе резолюціи и обстоятельства, ее вызвавшія, не оставляютъ никакого сомнѣнія ни въ отношеніи значенія, какое Сводъ долженъ былъ получить послѣ введенія его въ дѣйствіе, ни относительно пользованія имъ до его вступленія въ силу. Резолюціею этою лишній разъ подтверждается единогласное мнѣніе Государственнаго Совѣта, что Сводъ долженъ имѣть исключительную силу закона, и разрѣшается то несущественное разногласіе, которое касалось порядка употребленія Свода въ теченіе испытательнаго его періода: слѣдуетъ ли, приводя по прежнему текстъ законовъ, къ дѣлу относящихся, ссылаться вмѣстѣ съ тѣмъ и на соотвѣтствующія статьи Свода (мнѣніе меньшинства со Сперанскимъ) или же, прибѣгая къ нему лишь какъ къ вспомогательному средству для пріисканія законовъ, остаться при существующемъ порядкѣ ихъ приведенія.

Правильность такого пониманія явствуетъ изъ слѣдующаго сопоставленія подлежащихъ мѣстъ журналовъ Общаго Собранія и Высочайшей резолюціи.

---

[1]) Правильнѣе было бы употребить въ данномъ случаѣ выраженіе „пользоваться".

Вопросы по журналу Общаго Собранія.	Резолютивная часть журнала.	Мнѣніе меньшинства.	Высочайшая резолюція.
1) Признать-ли статьи Свода *единственнымъ основаніемъ* въ рѣшеніи дѣлъ, такъ чтобы текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ статьи составлены, но не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ?	II. При семъ изданіи объявить, что Сводъ содержитъ въ себѣ одни дѣйствующія только узаконенія, и что чрезъ два года, то есть съ 1 января 1835 года, получитъ *исключительную силу закона.*		Сводъ разсылается нынѣ же какъ *положительный законъ,* котораго *исключительное дѣйствіе* начнется съ 1 января 1835 года.
4) Признать-ли въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго времени текстъ закона основаніемъ къ рѣшенію такъ же, какъ онъ признается и нынѣ, но въ то же время постановить, чтобы *вмѣстѣ съ нимъ приводимы были статьи Свода, имъ соотвѣтствующія?*	I. Сводъ законовъ издать нынѣ же и разослать во всѣ присутственныя мѣста.	.... разослать *къ руководству* по полученіи Свода, *совокупно съ существующими законами.*	*Руководствоваться* онымъ нынѣ же дозволяется только въ такомъ смыслѣ, что подъ каждою статьею означены всѣ законы, которые до каждаго предмета касаются и которые по нынѣшней формѣ судопроизводства всѣ въ приговорѣ или опредѣленіи прописаны быть должны; но *отнюдь не вписывая собственной статьи Свода,* котораго законная сила начинается съ 1835 года.

Изъ сказаннаго усматривается:

1) что по вопросу о значеніи Свода законовъ вообще (отдѣлъ II заключительной части журнала 19 января) разногласія въ Государственномъ Совѣтѣ не было: въ немъ состоялось единогласное рѣшеніе, соотвѣтствовавшее волѣ Верховнаго руководителя работъ по Своду, чтобы этотъ Сводъ имѣлъ силу и значеніе положительнаго закона;

2) что происшедшее разногласіе касалось порядка пользованія Сводомъ до введенія его въ дѣйствіе, т. е. до 1 января 1835 г. (отдѣлъ I заключительной части журнала 19 января);

3) что разногласіе это состояло единственно въ томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ приводить въ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ, наряду съ законами, ссылки на статьи Свода [1]);

4) что, такимъ образомъ, резолюція Императора Николая не имѣла цѣлью, какъ это очень часто утверждалось въ литературѣ, разрѣшить разнорѣчіе по коренному вопросу о силѣ Свода законовъ (ибо такого разнорѣчія совсѣмъ и не было), а относилась единственно къ вопросу о порядкѣ пользованія Сводомъ въ видѣ руководства, до времени пользованія имъ въ качествѣ закона, и

5) что взгляды Государя и Сперанскаго—въ этой стадіи дѣла—расходились только по второстепенному вопросу, нужно или не нужно, при пользованіи Сводомъ въ теченіе 1833 и 1834 годовъ, на ряду съ выписками изъ дѣйствующихъ законовъ, цитировать также и образованныя на основаніи этихъ законовъ статьи Свода.

Выводы эти находятъ себѣ дальнѣйшее подтвержденіе какъ въ первоначальномъ проектѣ манифеста, который былъ выработанъ и сообщенъ Сперанскимъ въ Департаментъ Законовъ до разногласія въ Общемъ Собраніи, такъ и въ характерѣ послѣдовавшихъ въ этомъ проектѣ измѣненій.

Постановляя 19 января свое рѣшеніе по предложеннымъ ему вопросамъ, Общее Собраніе предоставило Департаменту, между прочимъ, „разсмотрѣть совокупно съ Министромъ Юстиціи проектъ манифеста, при коемъ Сводъ законовъ имѣетъ быть изданъ“. Того или тѣхъ проектовъ къ каждому изъ четырехъ предположеній въ отдѣльности, которые были приложены къ представленію Сперанскаго въ Государственный Совѣтъ, какъ указывалось выше, не сохранилось. Разсмотрѣнію Департамента могъ подлежать только одинъ изъ этихъ проектовъ, наиболѣе близкій къ принятому въ Общемъ Собраніи

[1]) Въ этомъ отношеніи авторъ принужденъ сдѣлать небольшую поправку къ тому своему мнѣнію, которое было высказано имъ, относительно сущности разногласія, въ 1910 году (Ж. М. Ю. 1910 г. № 2, стр. 133).

рѣшенію, съ цѣлью дальнѣйшей его передѣлки, или же заново составленный проектъ, вполнѣ отвѣчавшій той комбинаціи 1-го и 4-го предположеній, въ какую вылилось это рѣшеніе. Составленіе такого проекта, очевидно, взялъ на себя самъ Сперанскій. Въ бумагахъ его, дѣйствительно, сохранился среди другихъ набросковъ собственноручный черновикъ, вполнѣ совпадающій съ текстомъ проекта, имъ оффиціально, при письмѣ на имя Государственнаго Секретаря, препровожденнаго, съ соизволенія Государя, для внесенія въ Департаментъ Законовъ. Препроводительное письмо помѣчено 26-мъ января [1]), т. е. тѣмъ самымъ днемъ, когда произошло разногласіе по поводу журнала 19 января, но было отправлено, очевидно, ранѣе начала Общаго Собранія, въ которомъ принималъ участіе и самъ Сперанскій. Проектъ этотъ [2]) состоялъ изъ 6 статей. Содержаніе его ни въ коей мѣрѣ не расходится съ сужденіями журнала, хотя, можетъ быть, онъ былъ составленъ внѣ соображенія съ работой по журналу, одновременно производившейся въ Государственной Канцеляріи. Статья 1 этого проекта выясняетъ законную силу Свода; статья 2 перечисляетъ случаи, когда разрѣшается ссылаться непосредственно на законы; статья 3 предусматриваетъ порядокъ поясненія и дополненія законовъ въ будущемъ; статья 4 служитъ выраженіемъ сужденій Общаго Собранія о соблюденіи, кромѣ Свода законовъ, и предписаній министровъ, издававшихся и впредь могущихъ быть издаваемыми въ видѣ мѣръ распорядительныхъ, въ руководство при исполненіи, въ предупрежденіе сомнѣній и въ охраненіе смысла закона; статья 5 установляетъ срокъ вступленія Свода въ силу (1 января 1835 г.) и, наконецъ, статья 6 предписываетъ присутственнымъ мѣстамъ, до наступленія этого срока, основывая по прежнему рѣшенія на отдѣльныхъ законахъ, приводить вмѣстѣ съ этими законами также и соотвѣтствующія имъ статьи Свода. [3]) Послѣдняго рода подробности, какъ указывалось выше, журналъ не содержалъ, ни въ объяснительной, ни въ резолютивной своей части, но по своей сущности она вполнѣ

---

[1]) Текстъ его см. у Майкова, Второе Отдѣленіе, прил. IV.

[2]) Онъ находится въ дѣлѣ Департамента Законовъ 1833 г. № 2.

[3]) Среди бумагъ Сперанскаго (связка № 154, л. 66) сохранился набросокъ еще 7-ой статьи, относящейся, повидимому, къ этому же проекту, но въ оффиціальную его редакцію не включенной. Она гласила: На томъ же основаніи, на коемъ присутственнымъ мѣстамъ поставляется въ обязанность въ теченіе вышеозначеннаго срока приводить вмѣстѣ съ указами статьи Свода, предоставляется и частнымъ лицамъ приводить оныя по дѣламъ ихъ, въ присутственныхъ мѣстахъ производящимся.

соотвѣтствовала постановкѣ четвертаго вопроса, заключавшаго указаніе на такое совмѣстное цитированіе. Былъ-ли выработанный Сперанскимъ проектъ манифеста представленъ имъ на предварительное разсмотрѣніе Государя, установить съ точностью нельзя. Правда, сообщая проектъ Государственному Секретарю, Сперанскій упоминалъ о соизволеніи на это Государя, но возможно, что Высочайшее повелѣніе касалось не содержанія проекта, а лишь самаго внесенія его со стороны Сперанскаго и порядка его заслушанія.

Происшедшее неожиданно разногласіе не замедлило отразиться на судьбѣ внесеннаго проекта манифеста, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное участіе Императора Николая Павловича въ его редактированіи. Прежде всего предполагавшееся Сперанскимъ на 27-ое число засѣданіе Департамента Законовъ для обсужденія этого проекта, конечно, не могло состояться впредь до разрѣшенія разногласія. А затѣмъ, послѣ того какъ Государь своею резолюціею 27 января отвергъ допустимость ссылокъ на статьи Свода на ряду съ подлинными законами въ теченіе испытательнаго его періода, вышеупомянутая заключительная статья 6 манифеста уже не могла быть сохранена въ томъ видѣ, какъ ее проектировалъ Сперанскій. Вслѣдствіе этого весь проектъ, внесенный имъ 26 января, объявленъ былъ, письмомъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта кн. Кочубея отъ 30 января къ Предсѣдателю Департамента Законовъ гр. Васильчикову, „согласно указанію Его Величества, несостоявшимся“, съ тѣмъ, чтобы въ Департаментъ Законовъ былъ внесенъ на слѣдующій день другой проектъ, составленный по послѣднимъ Его Величества повелѣніямъ. За день передъ тѣмъ, 29 января, кн. Кочубей, сообщая Сперанскому копію журнала Общаго Собранія съ Высочайшею резолюціею отъ 27 января, увѣдомилъ его вмѣстѣ съ тѣмъ, что согласно его, кн. Кочубея, докладу Государь, въ отвращеніе дальнѣйшей медленности въ окончаніи сего дѣла, повелѣлъ, чтобы Сперанскій, сообразивъ статью 6 проекта манифеста, составилъ оную вновь и предварительно представилъ ее Его Величеству, съ тѣмъ, чтобы, послѣ полученія одобренія Государя этой статьи, она была обращена въ Департаментъ Законовъ для общаго съ другими частями соображенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщалось, что, согласно личному Государя указанію, и при обсужденіи проекта манифеста въ Общемъ Собраніи статья эта должна считаться получившею предварительное Высочайшее разрѣшеніе [1]).

---

[1]) Письмо это, копіи съ котораго въ дѣлѣ Государственнаго Совѣта о Сводѣ

Во исполненіе настоящаго порученія о переработкѣ статьи 6, Сперанскій предполагалъ, какъ это усматривается изъ сохранившагося „проекта статьи манифеста, составленнаго по послѣднему предположенію“ [1]), присвоить этой статьѣ слѣдующее изложеніе: „Впрочемъ какъ при статьяхъ Свода означены въ ссылкахъ законы, къ каждому предмету принадлежащіе: то дозволяется и до сего срока [2]) справляться съ сими ссылками и руководствоваться ими для удобнѣйшаго самыхъ законовъ прінсканія“. Вмѣстѣ съ направленіемъ этой статьи по назначенію Сперанскій считалъ необходимымъ высказать, въ письмѣ на имя Предсѣдателя Департамента Законовъ, свои соображенія о томъ, какого рода дѣлопроизводственное дѣйствіе, въ отношеніи къ предстоящему Общему Собранію, должно вызвать то или иное заключеніе Департамента Законовъ по поводу новой редакціи статьи 6. Онъ писалъ:

„....Если вновь предположенная статья признана будетъ Департаментомъ нужною, то Предсѣдателю Государственнаго Совѣта предоставить огласить въ Общемъ Собраніи, что Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ оба журнала засѣданія 19 января, какъ главный, такъ и дополнительный, соизволилъ признать, что первый изъ нихъ составленъ совершенно правильно и согласно намѣреніямъ, Его Величествомъ въ самомъ засѣданіи изреченнымъ, и что посему дѣйствіе Свода до наступленія положеннаго срока должно быть ограничено однимъ только дозволеніемъ справляться съ нимъ для удобнѣйшаго прінсканія законовъ, какъ то подробно изложено въ 6-ой статьѣ проекта манифеста. Если, напротивъ, въ Департаментѣ новая статья признана будетъ ненужною и манифестъ будетъ заключаться однѣми статьями ей предшествующими, то Предсѣдателю Государственнаго Совѣта предоставить объявить въ Общемъ Собраніи, что Его Императорское Величество, разсмотрѣвъ оба журнала засѣданія 19 января, какъ главный, такъ и дополнительный, соизволилъ признать, что первый изъ нихъ составленъ совершенно правильно и согласно намѣреніямъ,

---

законовъ нѣтъ, сохранилось среди бумагъ Сперанскаго (связка № 159, л. 13, 14) и приведено полностью у Майкова (Второе Отдѣленіе, прил. V). Сообщаемыя въ письмѣ свѣдѣнія могутъ служить доказательствомъ, какъ близко Императоръ Николай входилъ во всѣ подробности настоящаго дѣла и насколько сильна была его рѣшимость, послѣ происшедшаго разногласія, взять это дѣло подъ личное свое наблюденіе и руководство.

[1]) Связка № 154, л. 59 и 68.

[2]) Т. е. до 1 января 1835 г.

Его Императорскимъ Величествомъ въ самомъ засѣданіи изреченнымъ".

Заимствуя приводимыя свѣдѣнія изъ черновика письма къ гр. Васильчикову, сохранившагося въ бумагахъ Сперанскаго, и не найдя въ дѣлахъ Государственнаго Совѣта самаго письма, мы не можемъ утверждать, было ли оно въ дѣйствительности отправлено и оно ли именно послужило причиною полнаго устраненія изъ манифеста статьи 6. Не трудно однако догадаться, что въ результатѣ переработки статьи 6 въ смыслѣ устраненія обязательной, на ряду съ подлинными законами, ссылки на статьи Свода должна была, естественно, возникнуть мысль о ненужности вообще подобной статьи. И дѣйствительно, какъ скоро отпадаетъ обязанность цитированія или поименованія постановленій Свода законовъ, послѣдній утрачиваетъ какое бы то ни было оффиціальное значеніе, и пользованіе имъ въ качествѣ справочника или пособія предоставляется всецѣло усмотрѣнію должностного лица. При этихъ условіяхъ руководствованіе Сводомъ теряетъ всякое юридическое значеніе, и поэтому дозволительное постановленіе проектированной статьи 6 лишается своей цѣны. Не высказывая прямо этого соображенія въ письмѣ, Сперанскій имѣлъ, вѣроятно, случай отмѣтить его непосредственно передъ Государемъ, которому обязанъ былъ представить измѣненный проектъ манифеста на предварительное одобреніе. Вполнѣ возможно, однако, и то, что исключеніе этой статьи произошло по личному почину Государя, подтвержденіемъ чему можетъ служить объясненіе, данное, какъ увидимъ ниже, Государемъ въ заключительномъ засѣданіи Совѣта по этому дѣлу 1 февраля.

Какъ бы то ни было, статья 6 проекта на обсужденіе Департамента Законовъ, противно указаніямъ Предсѣдателя Совѣта, совершенно не поступала. Но это было не единственнымъ измѣненіемъ, внесеннымъ, ранѣе обсужденія въ Департаментѣ Законовъ, въ проектъ манифеста въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ препровожденъ 26 января Сперанскимъ къ Государственному Секретарю. Устраненіе статьи 6 о порядкѣ пользованія Сводомъ въ качествѣ руководства до 1 января 1835 г. повлекло за собою исключеніе изъ статьи 5 указанія на причины, почему вступленіе Свода въ силу отсрочено до означеннаго срока. Отпала также статья 4, касавшаяся дальнѣйшаго дѣйствія министерскихъ предписаній, хотя, вполнѣ соотвѣтствуя сужденіямъ журнала Общаго Собранія, она не могла встрѣтить возраженій. Очевидно, указанія ея, не относясь непосредственно до Свода законовъ, считались излишними, какъ сами собою разу-

мѣющіяся. Сокращеніе произошло также и въ составѣ статьи 2 проекта, вслѣдствіе исключенія пункта 4 ея, дозволявшаго и впредь цитировать межевые законы, хотя и включенные въ Сводъ, по прежнему, въ виду предстоявшаго въ ближайшемъ будущемъ завершенія государственнаго межеванія. Что всѣ эти сокращенія исходили отъ самого Государя, можно съ достовѣрностью предполагать потому, что въ нихъ обнаруживается основная его точка зрѣнія на Сводъ, какъ на единственную и обязательную основу рѣшеній. Государь же лично предопредѣлилъ и то редакціонное измѣненіе, которое вытекало изъ вышеприведенныхъ сокращеній, а именно перемѣщеніе изъ статьи 5 указанія на срокъ вступленія Свода въ силу во главу всѣхъ правилъ о Сводѣ. Доказательствомъ этому и вообще тому близкому участію, которое угодно было принимать Государю въ дѣлѣ установленія содержанія и редакціи манифеста, служитъ подшитый къ дѣлу Департамента Законовъ листокъ, на которомъ имъ собственноручно запечатлѣна эта новая статья 1 будущаго манифеста: „Сводъ имѣетъ воспріять законную свою силу и дѣйствіе съ 1-го генваря 1835 г.“, и показана послѣдовательность остальныхъ трехъ статей воспроизведеніемъ начальныхъ ихъ словъ. Окончательный проектъ изъ 4-хъ статей, составленный на основаніи этихъ Высочайшихъ указаній, вновь былъ просмотрѣнъ Государемъ, который вставилъ при этомъ въ статьѣ 2-й слово „тогда“, и засимъ при надписи: „Читалъ и нахожу совершенно согласнымъ съ моимъ желаніемъ“ внесенъ 30 января въ Департаментъ Законовъ. Къ этому новому проекту относится и послѣдующая приписка Государственнаго Секретаря В. Р. Марченко на журналѣ Общаго Собранія 26 января, вслѣдъ за подписями 32-хъ членовъ: „Вслѣдствіе сего составленъ проектъ манифеста о Сводѣ законовъ, и Государственному Совѣту объявлено г. Предсѣдателемъ онаго Высочайшее повелѣніе“.

Установленные въ вышеуказанномъ довольно сложномъ и необычномъ порядкѣ содержаніе и текстъ будущаго манифеста уже не встрѣтили ни въ Департаментѣ Законовъ, ни въ Общемъ Собраніи никакихъ сомнѣній.

Первый, разсмотрѣвъ проектъ въ засѣданіи 31 января, въ присутствіи Министра Юстиціи, нашелъ его „совершенно сообразнымъ началамъ, принятымъ въ засѣданіи Государственнаго Совѣта въ Общемъ Собраніи 19 сего генваря и впослѣдствіи по журналу 26 генваря Высочайше утвержденнымъ“, и потому положилъ внести проектъ въ Общее Собраніе. Это послѣднее, въ засѣданіи 1 февраля,

вновь удостоенномъ личнаго присутствія Императора Николая Павловича, со своей стороны нашло „означенный проектъ изложеннымъ во всемъ согласно началамъ, въ присутствіи Его Императорскаго Величества въ засѣданіи 19 генваря постановленнымъ и впослѣдствіи по журналу 26 генваря Высочайше утвержденнымъ“, почему и положило представить оный къ Высочайшему подписанію. На этомъ краткомъ журналѣ, въ томъ же, вѣроятно, засѣданіи составленномъ или и заранѣе заготовленномъ, имѣется, послѣ подписей членовъ, слѣдующая, протокольнаго свойства, запись Государственнаго Секретаря Марченко: „Поднесенный при семъ журналѣ проектъ Манифеста Государь Императоръ подписать изволилъ 31-мъ числомъ генваря 1833 года, изъяснивъ въ присутствіи Государственнаго Совѣта, по утвержденіи проекта, причиною тому, что 7 лѣтъ назадъ состоялось въ сей день повелѣніе о собраніи законовъ и составленіи изъ оныхъ Свода. Въ сіе же засѣданіе, удостоенное Высочайшаго присутствія, Его Императорское Величество соизволилъ повторить мысли свои, что до 1835 года Сводъ можетъ служить присутственнымъ мѣстамъ руководствомъ или такъ сказать указателемъ къ прiисканію на всякій нужный случай дѣйствующихъ законовъ, но текстъ Свода въ видѣ положительнаго закона въ актахъ судебныхъ не будетъ приводимъ прежде означеннаго срока; наконецъ, что изъясненіе таковое въ Манифестѣ призналъ Его Величество излишнимъ и неумѣстнымъ“.

Вторая часть этой записи важна для насъ въ томъ отношеніи, что служитъ изустнымъ самого Государя подтвержденіемъ точнаго смысла положенной имъ на журналѣ 26 января резолюціи и вышеизъясненной сущности вызвавшаго ее разногласія и, кромѣ того, указываетъ на причину, почему Государь пошелъ далѣе первоначальнаго своего желанія. Содержаніе резолюціи по вопросу о значеніи Свода въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ вызывало, какъ объяснено выше, лишь передѣлку статьи 6 проекта, въ смыслѣ возможности руководствоваться Сводомъ до 1 января 1835 г. въ качествѣ пособія, безъ права ссылаться на него. Окончательное же устраненіе изъ манифеста статьи 6 и съ нею всякихъ указаній на роль Свода въ теченіе испытательнаго его періода въ качествѣ „указателя къ прiисканію на всякій нужный случай дѣйствующихъ законовъ“ послѣдовало вслѣдствіе признанія со стороны Государя изъясненія въ манифестѣ такой само по себѣ понятной вещи излишнимъ и даже неумѣстнымъ, ибо какое же иное значеніе, какъ не для ознакомленія, могла бы имѣть разсылка Свода столь много ранѣе его вступленія въ силу.

Такова—за время прохожденія черезъ законодательное горнило—исторія подписаннаго 1 февраля, но помѣченнаго, въ силу особаго соображенія, 31-мъ января 1833 г., Высочайшаго манифеста объ изданіи Свода законовъ Россійской Имперіи (II П. С. З., № 5947)[1]). Соотношеніе между нимъ и проектомъ 26 января, признаннымъ „несостоявшимся", видно изъ слѣдующаго ихъ сопоставленія (различія отмѣчены курсивомъ).

Высочайшій манифестъ.	**Проектъ 26 января.**
Препровождая сіи Законныя Книги въ Правительствующій Сенатъ, *Постановляемъ нижеслѣдующія правила о силѣ ихъ и дѣйствіи:*	Препровождая сіи Законныя Книги въ Правительствующій Сенатъ, *Повелѣваемъ привести ихъ въ надлежащую силу и дѣйствіе съ наблюденіемъ нижеслѣдующихъ правилъ:*
1. Сводъ имѣетъ воспріять законную свою силу и дѣйствіе съ 1 января 1835 года.	(см. ниже конецъ ст. 5).
2. Законная сила Свода имѣетъ *тогда* состоять въ приложеніи и приведеніи статей его въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ; и вслѣдствіе того во всѣхъ *тѣхъ* случаяхъ, гдѣ прилагаются и приводятся законы и гдѣ или составляются изъ нихъ особыя выписки, или же указуется токмо ихъ содержаніе, вмѣсто того прилагать, приводить и дѣлать указанія *и ссылки* на статьи Свода, дѣлу приличныя.	1. Законная сила Свода имѣетъ состоять въ приложеніи и приведеніи статей его въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ, и вслѣдствіе того во всѣхъ случаяхъ, гдѣ прилагаются и приводятся законы и гдѣ или составляются изъ нихъ особыя выписки, или же указуется токмо ихъ содержаніе, вмѣсто того прилагать, приводить и дѣлать указанія на статьи Свода, дѣлу приличныя.
3. Всѣ Указы и Постановленія, послѣ 1 января 1832 года состоявшіеся и въ Сводъ не вошедшіе, такъ какъ и тѣ, кои впредь состоятся, доколѣ при еже-	2. Всѣ указы и постановленія, послѣ 1 января 1832 года состоявшіеся и въ Сводъ не вошедшіе, такъ какъ и тѣ, кои впредь состоятся, доколѣ при еже-

[1]) Подлинный манифестъ находится въ Сенатскомъ архивѣ (Высочайшіе указы и повелѣнія, кн. 499, л. 7—11). Изображеніе первой и послѣдней его страницъ помѣщено въ изданіи „Исторія Правительствующаго Сената за 200 лѣтъ", т. III, послѣ стр. 450 и 452.

годномъ продолженіи Свода не войдутъ они въ составъ его, приводить по числамъ ихъ и означеніямъ непосредственно. Приводить также непосредственно: 1) всѣ мѣстные законы, гдѣ они дѣйствуютъ, доколѣ по принятымъ для сего мѣрамъ не будутъ они составлены въ особые Своды; 2) узаконенія, принадлежащія къ управленію Народнаго Просвѣщенія и Государственнаго Контроля, коихъ Уставы, по предназначенному въ сихъ частяхъ преобразованію, не могли еще быть окончены; 3) узаконенія, къ Управленію Иностранныхъ Исповѣданій принадлежащія.

4. Какъ Сводъ Законовъ ничего не измѣняетъ въ силѣ и дѣйствіи ихъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ: то какъ въ случаѣ неясности самаго закона въ существѣ его, такъ и въ случаѣ недостатка или неполноты его, порядокъ поясненія и дополненія остается тотъ же, какой существовалъ донынѣ.

годномъ Свода продолженіи не войдутъ они въ составъ его, приводить по числамъ ихъ и означеніямъ непосредственно. Приводить также непосредственно: 1) всѣ мѣстные законы, гдѣ они дѣйствуютъ, доколѣ по принятымъ для сего мѣрамъ не будутъ они составлены въ особые Своды; 2) узаконенія, принадлежащія къ управленію Народнаго Просвѣщенія и Государственнаго Контроля, коихъ уставы, по предназначенному въ сихъ частяхъ преобразованію, не могли еще быть окончены; 3) узаконенія, къ Управленію Иностранныхъ Исповѣданій принадлежащія; 4) *хотя законы межевые и находятся въ Сводѣ; но какъ государственное межеваніе приближается уже къ своему совершенію: то приводить сіи законы по прежнему.*

3. Какъ Сводъ Законовъ ничего не измѣняетъ въ силѣ и дѣйствіи ихъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ: то какъ въ случаѣ неясности самаго закона въ существѣ его, такъ и въ случаѣ недостатка или неполноты его, порядокъ поясненія и дополненія остается тотъ же, какой существовалъ донынѣ.

4. Въ семъ порядкѣ сохраняютъ свое мѣсто и предписанія, исходящія отъ высшаго начальства къ лицамъ ему подчиненнымъ въ видѣ мѣръ распорядительныхъ, въ руководство при

исполненіи, въ предупрежденіе сомнѣній, въ охраненіе смысла закона отъ неправильнаго толкованія и разнообразныхъ понятій. Сила сихъ предписаній остается въ тѣхъ же самыхъ предѣлахъ, какіе закономъ для нихъ постановлены.

5. Установляя на сихъ правилахъ силу и дѣйствіе Свода, вмѣстѣ съ тѣмъ признали Мы за благо, какъ для охраненія единообразія въ приложеніи его, такъ и для того, чтобъ всѣмъ мѣстамъ и лицамъ дать болѣе удобности вникнуть въ существо его, познать расположеніе его частей и ознакомиться съ порядкомъ, въ коемъ законы нынѣ дѣйствующіе распредѣлены и изложены въ статьяхъ его, *постановить срокъ, съ коего онъ имѣетъ воспріять свою силу*; *срокъ сей назначается 1 января 1835 года.*

6. Между тѣмъ до наступленія сего срока всѣ мѣста и лица, какъ въ образѣ приложенія законовъ вообще, такъ и въ подробностяхъ производства дѣлъ, какъто въ составленіи выписокъ изъ законовъ, или въ указаніи и ссылкахъ на оные, держась порядка доселѣ существующаго и утверждая свои рѣшенія и опредѣленія на точной ихъ силѣ, совокупно съ тѣмъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приводятся и указуются законы, имѣютъ вмѣстѣ съ ними приводить и дѣлать указанія на статьи Свода, имъ со-

отвѣтствующія. Особенные указатели, при каждой книгѣ Свода приложенные, будутъ служить имъ къ тому руководствомъ. Симъ постепенно образуется навыкъ и удобство употребленія. Сей порядокъ приведенія статей Свода имѣетъ воспріять свое начало съ самаго времени полученія Свода въ каждомъ мѣстѣ, и будетъ продолжаемъ до срока, въ предыдущей статьѣ постановленнаго.

На основаніи совокупности приведенныхъ въ настоящей главѣ данныхъ мы въ правѣ заключить:

1) что между Высочайшимъ манифестомъ 31 января 1833 г. и журналомъ Государственнаго Совѣта 19 января нѣтъ никакого разнорѣчія: манифестъ выражаетъ то же самое, что было рѣшено Совѣтомъ въ первомъ его Общемъ Собраніи;

2) что на постановленіяхъ манифеста о силѣ Свода не отразилось ни въ какой мѣрѣ происшедшее 26 января разногласіе: оно прошло, такъ сказать, мимо него, потому что касалось одной изъ деталей второстепеннаго вопроса объ употребленіи Свода до вступленія его въ силу;

3) что манифестомъ придана Своду непререкаемая сила *закона* (хотя его источники и не объявлены отмѣненными); въ манифестѣ это выражено словами „законная сила", въ резолюціи Государя и въ послѣдующемъ ея изъясненіи словами „положительный законъ" [1]), въ журналѣ Государственнаго Совѣта—„исключительная сила закона" и въ предшествовавшихъ матеріалахъ по Министерству Юстиціи—„полная и преимущественная законная сила" и „текстъ, имѣющій полную законную силу";

---

[1]) Выраженіе „положительный законъ" равносильно было тому, что въ настоящее время мы понимаемъ подъ непререкаемымъ, постояннымъ закономъ. Въ видѣ примѣра можно привести слѣдующій отрывокъ изъ представленія Государственнаго Секретаря Марченки въ Комитетъ Министровъ отъ 16 сентября 1831 г.: „Журналомъ Комитета, Высочайше утвержденнымъ 4 декабря 1828 г., о разрядахъ пенсій по всѣмъ вѣдомствамъ положено: составленнымъ по предмету сему расписаніемъ, которое издается *не въ видѣ положительнаго закона*, руководствоваться въ видѣ временнаго постановленія, доколѣ время и опытъ покажутъ, какія будетъ нужно сдѣлать дополненія, о чемъ и представить Комитету Министровъ по истеченіи года"...

4) что отсрочка вступленія Свода въ законную силу до 1 января 1835 г. соотвѣтствовала мнѣнію и предложенію, впервые высказаннымъ въ половинѣ 1832 года Министромъ Юстиціи Дашковымъ, и не только не отвергалась, но и встрѣтила откликъ у Сперанскаго;

5) что изъ допускавшихся въ запискѣ Сперанскаго рѣшеній, принятое Совѣтомъ рѣшеніе отличалось отъ предлагавшагося только тѣмъ, что объявленіе Свода законовъ состоялось не вслѣдъ за его провѣркой на практикѣ, а при самой уже его разсылкѣ, и

6) что самое содержаніе Свода законовъ никакому обсужденію въ Совѣтѣ не подвергалось и подвергнуться не могло, потому что, говоря словами одного изъ позднѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ, контроль надъ кодификаціонными работами, по самому существу своему составляя трудъ кабинетный, несогласенъ съ назначеніемъ высшаго законодательнаго учрежденія и даже, по самому роду и образу требующейся тутъ дѣятельности, для него невозможенъ [1]).

VI.

Прослѣдивъ выше во всей доступной подробности исторію составленія манифеста 31 января 1833 г., обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію его содержанія.

Онъ состоитъ изъ двухъ частей, при чемъ первая, историческая, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы введеніе къ предписаніямъ, вошедшимъ во вторую часть. Прежде всего манифестъ указываетъ на тѣ два заданія, которыя поставилъ себѣ Государь для приведенія отечественныхъ законовъ „въ ясность и твердый порядокъ". Исполненіе этихъ заданій привело къ составленію въ 1830 году Полнаго Собранія Законовъ, а нынѣ къ изготовленію „правильнаго

[1]) Журналъ Высочайше учрежденнаго Комитета для рѣшенія вопроса о ходѣ, какой должно дать разсмотрѣнію и утвержденію III-й части Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ (Дѣло II Отдѣленія № 198а/1862 г.).—Та же приблизительно мысль высказана была гр. Блудовымъ во всеподданнѣйшемъ его докладѣ (7 октября 1848 г. № 57) по поводу изданія новой части Свода законовъ—уставовъ счетныхъ: „Общій Сводъ законовъ при введеніи его въ дѣйство былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, впрочемъ не для повѣрки, которая послѣ всѣхъ предшествовавшихъ тому подробныхъ ревизій (въ комитетѣ изъ сенаторовъ и въ комитетахъ по министерствамъ) была, конечно, не нужна, а сверхъ того и совершенно невозможна въ такомъ собраніи, какъ Государственный Совѣтъ, но лишь для сообщенія членамъ предварительнаго точнаго свѣдѣнія о семъ трудѣ, о свойствѣ и назначеніи онаго".

и единообразнаго Свода законовъ", содержащаго „въ точной ихъ силѣ, безъ всякаго въ существѣ ихъ измѣненія" всѣ тѣ, послѣдовавшіе до 1 января 1832 года, законы, которые сохраняютъ силу и дѣйствіе къ означенному моменту. Состоявшееся послѣ названнаго срока и имѣющее воспослѣдовать въ будущемъ законодательство будетъ распредѣляемо „въ ежегодномъ Свода продолженіи, въ цѣляхъ сохраненія въ полнотѣ и единствѣ состава законовъ, единожды устроеннаго". Опредѣливъ такимъ образомъ соотношеніе выпущенныхъ двухъ сборниковъ и намѣтивъ пополненіе Свода третьяго рода періодическимъ сборникомъ подъ названіемъ продолженій, манифестъ ставитъ Своду законовъ слѣдующую задачу: *удостовѣрить* силу и дѣйствіе законовъ въ настоящемъ и служить твердымъ основаніемъ къ ихъ постепенному усовершенствованію въ будущемъ.

Какъ бы зафиксировавъ, слѣдовательно, все изданное до опредѣленнаго момента законодательство, выпускаемыя подъ наименованіемъ Свода законныя книги должны получить свои собственныя силу и дѣйствіе, опредѣленію которыхъ и посвящена вторая часть манифеста.

Состоя изъ 4-хъ статей, эта—юридическая—часть манифеста должна была, какъ видно изъ разсмотрѣнной выше исторіи его составленія, опредѣлить значеніе Свода не со времени выпуска его въ свѣтъ (препровожденія въ Правительствующій Сенатъ и разсылки на мѣста), а лишь со времени выбраннаго Государственнымъ Совѣтомъ срока вступленія его въ силу. Сообразно сему во главѣ правилъ (ст. 1) поставлена статья, назначающая начальнымъ срокомъ для воспріятія Сводомъ своего дѣйствія 1-ое января 1835 года. Дальнѣйшее содержаніе манифеста должно служить выраженіемъ принятаго Совѣтомъ и дважды подкрѣпленнаго Монархомъ въ личныхъ его волеизъявленіяхъ начала, по смыслу котораго статьи Свода получаютъ „исключительную силу закона" или значеніе „положительнаго закона" съ „исключительнымъ дѣйствіемъ". Начало это соотвѣтствовало, въ схемѣ четырехъ возможныхъ рѣшеній вопроса о силѣ Свода, тому предположенію, которое поставлено было Сперанскимъ на первомъ мѣстѣ и гласило: „признать статьи Свода единственнымъ основаніемъ рѣшеній, такъ, чтобы текстъ законовъ служилъ только доказательствомъ источниковъ, изъ коихъ статьи составлены, но не былъ бы самъ собою въ дѣлахъ употребляемъ" [1]).

---

[1]) Хотя Государственный Совѣтъ и принялъ комбинацію перваго и четвертаго предположеній, но въ самомъ манифестѣ 4-ое предположеніе не могло по-

Ближайшее опредѣленіе юридическаго значенія Свода заключается въ статьѣ 2 манифеста. Внѣшнимъ своимъ видомъ она мало напоминаетъ формулировку той мысли, которая, согласно вышесказанному, положена была въ ея основу въ предыдущихъ стадіяхъ дѣла. По своему построенію статья 2 является, прежде всего, продолженіемъ статьи 1, присвоющей Своду „законную силу и дѣйствіе“,—какъ бы поясняя, въ чемъ именно будетъ заключаться эта законная сила. „Законная сила имѣетъ тогда состоять въ приложеніи и приведеніи статей его въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ“. Это правило, устанавливая одну какъ-бы дѣлопроизводственную подробность, на чтó слѣдуетъ ссылаться въ канцелярскихъ докладахъ по разрѣшаемымъ дѣламъ,—не содержитъ, дѣйствительно, тѣхъ выраженій, въ которыя облекалось предположеніе о Сводѣ какъ о единственномъ основаніи рѣшеній. Тѣмъ не менѣе, если сопоставить приведенное правило со статьею 1-ою, которую оно развиваетъ, и со второю пояснительною къ нему половиною статьи 2, то истинное его значеніе обрисовывается уже совсѣмъ иначе.

Какъ понимать выраженіе „законная сила“, употребленное въ 1-ой статьѣ въ сочетаніи со словомъ „дѣйствіе“, а во 2-ой—безъ него? Проф. Коркуновъ, правильно указывая [1]), что законную силу имѣютъ не законы, а то, что основано на законѣ: судебныя рѣшенія, правительственныя распоряженія,—упускаетъ однако изъ вида: 1) что, хотя манифестъ и вышелъ изъ-подъ пера такого мастера его и, можно сказать, создателя дѣлового языка, какъ Сперанскій, тѣмъ не менѣе вполнѣ естественно, если и онъ отдалъ дань своему времени, когда строгая терминологія не являлась отличительнымъ качествомъ ни текущаго законодательства, ни даже при перевоплощеніи прежняго законодательства въ Сводѣ законовъ [2]), и 2) что именно въ духѣ дѣлового языка того времени было обращеніе въ прилагательныя того, что собственно подле-

---

лучить отраженія, такъ какъ все, что касалось Свода въ значеніи на первое время руководства, относилось къ сроку *до* 1 января 1835 г. и потому, какъ мы видѣли выше, не подлежало упоминанію въ манифестѣ.

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г. Сент., стр. 111.

[2]) Удачный этому примѣръ приводитъ М. А. Лозина-Лозинскій (Журн. Мин. Юст. 1897 г. № 5, стр. 114), ссылаясь на ст. 68 основныхъ законовъ 1832 г., гдѣ по отношенію къ судебному рѣшенію употреблено выраженіе „сила закона“. Въ сосѣдней 67 статьѣ тотъ же терминъ нашелъ себѣ примѣненіе къ постановленіямъ законодательнаго свойства (сепаратнымъ указамъ).

жало означенію путемъ существительнаго въ родительномъ падежѣ. Яркій этому примѣръ мы находимъ въ томъ же самомъ манифестѣ въ выраженіи „законныя книги"; въ настоящее время, конечно, Сводъ могъ бы быть названъ только книгами законовъ [1]. Весьма употребительнымъ въ то время было также выраженіе „законныя правила" вмѣсто „правила закона" [2]).

Въ подтвержденіе равносильности выраженій „законная сила" и „сила закона" можно привести цѣлый рядъ примѣровъ изъ матеріаловъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ занимающему насъ вопросу. Такъ, въ упоминавшейся выше [3]) перепискѣ между Вторымъ Отдѣленіемъ и Департаментомъ внѣшней торговли, происходившей въ концѣ 1832 года, Балугьянскій на пространствѣ нѣсколькихъ строкъ писалъ: „распоряженіе, вошедшее *въ силу закона*" и „распоряженіе, пришедшее *въ законную силу*". И самъ Сперанскій употребилъ, въ одной изъ болѣе раннихъ своихъ записокъ, выраженіе „законная сила" въ смыслѣ „сила закона": „уложеніе не есть новое законодательство, никогда не было предписанія все перемѣнить.... напротивъ, намѣреніе правительства всегда было сохранить все, что временемъ и опытомъ пришло *въ законную силу*" [4]). Еще ближе—а именно, непосредственно къ манифесту 31 января,—относится слѣдующій отрывокъ изъ отношенія конца 1834 года [5]) Государственнаго Секретаря къ Министру Юстиціи: „Мѣры, въ сихъ запискахъ предполагаемыя, должны быть разсмотрѣны въ Государственномъ Совѣтѣ и распубликованы заблаговременно, прежде 1 января 1835 года,—срока, съ коего Сводъ получитъ *силу и дѣйствіе закона*". Наконецъ, неопровержимымъ доказательствомъ тому же служитъ изложенный примѣнительно къ манифесту 31 января Высочайшій указъ 1 іюня 1845 г. (П. С. З., № 19146) объ изданіи первыхъ двухъ частей Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. Здѣсь сказано: „сіи первыя части

---

[1]) Примѣръ: Высочайшее повелѣніе 23 іюня 1914 г. (Собр. узак., ст. 2048) о порядкѣ разсылки правительственнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ книгъ законовъ.—Впрочемъ, уже въ Сводѣ 1832 г. (т. I, осн. зак., ст. 52, прим., п. 1) встрѣчается, въ видѣ названія, „книга законовъ", предназначенная для вписыванія въ нее всѣхъ присылавшихся въ губернію новыхъ узаконеній, учрежденій или указовъ.

[2]) Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о Сводѣ законовъ, стр. 163.

[3]) Стр. 31, 32.

[4]) Кассо. Къ исторіи Свода законовъ гражданскихъ, 1904 г., стр. 13, 14 вын.

[5]) 2 ноября 1834 г. № 422.

Свода.... должны воспріять *полную силу и дѣйствіе закона* съ 1 января 1846 года" [1]).

Если, въ виду изложеннаго, признать, что Своду законовъ, вступающему въ дѣйствіе съ 1 января 1835 г., статьею 1 манифеста присвоена, съ того срока, сила закона, то постановленіе статьи 2 является опредѣленіемъ того послѣдствія, которое вытекаетъ изъ признанія Свода закономъ: всѣ дѣла управленія и суда должны быть рѣшаемы на основаніи его статей. Это значитъ, что въ основу рѣшеній долженъ быть полагаемъ тотъ, по выраженію Дашкова, „сокращенный текстъ" законовъ, въ который вылились въ догматическомъ сводѣ прежніе отдѣльные акты законодательства, счетомъ, какъ указано въ Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній [2]), до 35 тысячъ. Что статья 2 не ограничивается, какъ это кажется на первый взглядъ, установленіемъ одной только обязательности ссылокъ на Сводъ вмѣсто прежнихъ ссылокъ на подлинные указы, а идетъ значительно далѣе, видно изъ того, что первою ея частью предписывается не просто „приведеніе" статей Свода, а „*приложеніе* и приведеніе" ихъ. Сочетаніе это едва-ли является случайнымъ [3]) и едва-ли употреблено лишь для установленія извѣстнаго внѣшняго соотвѣтствія по отношенію ко второй части той же статьи, гдѣ предусмотрѣны различные, укоренившіеся въ практикѣ присутственныхъ мѣстъ, способы указанія законовъ, и *въ числѣ ихъ* тѣ случаи, гдѣ „прилагаются и приводятся" законы [4]). Въ со-

---

[1]) Относительно 3-ей части Свода мѣстныхъ узаконеній въ указѣ 12 ноября 1864 г. (П. С. З. № 41443) сказано было только: „ввести въ дѣйствіе съ 1 іюля 1865 г.", т. е. безъ упоминанія о присвоеніи этой части „силы закона". Объясняется это, надо думать, тѣмъ, что въ Сводъ мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній включенъ былъ рядъ постановленій, являвшихся, дѣйствительно, новымъ, дотолѣ не существовавшимъ, закономъ. По этой же причинѣ въ томъ же указѣ (ст. 3) было отмѣчено, что статьи Свода, заключающія въ себѣ необходимыя къ дѣйствовавшимъ доселѣ законамъ дополненія, примѣняются лишь къ тѣмъ дѣламъ, кои возникнутъ по обнародованіи Свода. Относительно происшедшей полемики по вопросу о силѣ Прибалтійскаго Свода см. „Очерки русскаго государственнаго права" бар. Б. Э. Нольде, стр. 355—356.

[2]) Обозр., стр. 91, вын.; по табели, приложенной къ Обозрѣнію, ихъ около 36 тысячъ.

[3]) Въ Именныхъ указахъ 4 марта 1843 г. и 12 мая 1858 г. (16584, 33140) о второмъ и третьемъ изданіяхъ Свода предписывается лишь „ссылаться" или дѣлать „ссылки и указанія" на статьи этихъ изданій.

[4]) По поводу замѣны прилагавшихся выписокъ изъ указовъ и постановленій означеніемъ приличныхъ статей Свода см. ст. III Высочайше утвержденнаго 12 декабря 1834 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта (7654).

четаніи, употребленномъ въ первой половинѣ статьи, „приложеніе“ слѣдуетъ скорѣе понимать въ томъ смыслѣ, что текстъ Свода есть единственное мѣрило, которое можетъ быть *прилагаемо* къ данному правовому явленію, т. е. въ смыслѣ выраженія „примѣненіе“. Опору такому предположенію мы находимъ, напр., въ статьѣ 59 основныхъ законовъ 1832 г., которая гласила: ....каждый законъ воспріемлетъ свою силу и долженъ быть *прилагаемъ* къ дѣламъ не прежде, какъ со дня полученія его въ томъ мѣстѣ, къ исполненію коего оный подлежитъ [1]).

Что при такомъ „приложеніи“ статьи Свода, подлинный текстъ ея источниковъ не могъ уже сохранить своей силы, будучи поглощенъ или покрытъ текстомъ въ Сводѣ, видно изъ той же 2-й статьи манифеста. Опредѣливъ сначала существо законной силы, она тутъ же поясняетъ то измѣненіе въ дѣлопроизводствѣ, которое должно явиться слѣдствіемъ примѣненія статей Свода: во всѣхъ тѣхъ случахъ, гдѣ прилагались и приводились *законы* и гдѣ или составлялись изъ нихъ особыя выписки, или же указывалось только ихъ содержаніе, надлежитъ *вмѣсто того* прилагать, приводить и дѣлать указанія и ссылки на *статьи Свода*, дѣлу приличныя. Устраняя такимъ образомъ возможность обоснованія рѣшеній прежними отдѣльными узаконеніями [2]), эта часть манифеста тѣмъ самымъ, хотя и не expressis verbis, возбраняетъ всякій переходъ отъ Свода къ тексту его источниковъ,—что и предусматривалось Сперанскимъ,—правда, лишь въ видѣ отрицательной стороны,—при объясненіи перваго предположенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ однако слѣдуетъ здѣсь же отмѣтить, что ни въ составѣ статьи 2, ни въ какомъ либо иномъ мѣстѣ манифеста не указано ни прямо, ни косвенно, на *отмѣну* прежняго законодательства (и, въ частности, нигдѣ не дано выраженія началу: не считать закономъ, чего нѣтъ въ Сводѣ). Этого рода умолчаніе не можетъ ни въ коемъ случаѣ считаться простымъ пробѣломъ манифеста. Наоборотъ, ему слѣдуетъ придать

---

[1]) Въ томъ же смыслѣ ст. 65 осн. зак. 1832 г.; ст. 19, п. 1, прим. 1 учр. Сенат. 1892 г.; ст. 171 учр. мин. 1892 г.

[2]) Согласно дѣйствовавшимъ въ то время правиламъ дѣлопроизводства въ правительственныхъ и судебныхъ мѣстахъ (Сводъ зак. 1832 г., т. II, ст. 124; т. X, ст. 1864), всякая выписка изъ законовъ подлежала слѣдующему со стороны секретаря удостовѣренію: сія записка изъ дѣла учинена правильно и указы приличные выписаны всѣ, и болѣе приличныхъ указовъ не имѣется, въ чемъ и подлежу отвѣтственности по законамъ за всякую неисправность.

значеніе отрицанія подобной отмѣны. Ибо нигдѣ среди сужденій по вопросу о силѣ Свода не высказывалось предположенія прямой отмѣны указовъ [1]), и, противно тому, имѣется неподверженное сомнѣнію свидѣтельство Дашкова, что Императоръ Николай настаивалъ на изданіи „догматическаго Свода въ видѣ общаго и положительнаго закона,... *не отмѣняя* притомъ и законовъ, дарованныхъ Августѣйшими предшественниками“ [2]). Едва-ли поэтому правильно положеніе, высказанное проф. Шершеневичемъ [3]), что манифестъ 31 января 1833 г., пунктами 1 и 2, отмѣнилъ всѣ прежніе, до него дѣйствовавшіе законы, начиная съ уложенія 1649 года. Такая огульная отмѣна не была бы возможною уже потому, что, какъ извѣстно, Сводъ законовъ не обнялъ всего предшествующаго законодательства, ибо для нѣкоторыхъ его отдѣловъ предполагались особые своды, какъ-то для законовъ военныхъ, военно-морскихъ, православной церкви, удѣльнаго вѣдомства, для мѣстныхъ узаконеній разныхъ окраинъ, а обработка нѣкоторыхъ другихъ отдѣловъ, хотя и укладывающихся въ программу общаго Свода законовъ, была отложена, въ связи съ переходнымъ состояніемъ законодательства по этимъ частямъ, до болѣе благопріятнаго времени. При этихъ условіяхъ, даже и при желаніи формально отмѣнить все то, что уже прежде утратило силу, или, будучи обновлено либо такъ или иначе исчерпано при составленіи Свода законовъ, замѣнялось текстомъ послѣдняго, такая отмѣна представила бы существенныя трудности при ея формулированіи. Не лишено, кромѣ того, значенія и указаніе Малышева [4]), что правительство смотрѣло на Сводъ какъ на structura nova veterum legum, какъ на улучшенную только форму прежнихъ законовъ, ни въ чемъ не измѣняющую ихъ по существу, и потому не могло предписать прямой отмѣны прежнихъ законовъ. Если говорить объ отмѣнѣ, то это возможно лишь въ тѣхъ предѣлахъ, какіе указываетъ тотъ же ученый-кодификаторъ: такъ какъ Сводъ, несмотря

---

[1]) Если Сперанскій въ той части своей записки, которая касается перваго предположенія, и упоминалъ объ „отрѣшеніи“ всѣхъ прежнихъ постановленій, то онъ относилъ это собственно къ постановкѣ дѣла по Своду Юстиніана. Къ тому же отрѣшеніе не равнозначуще отмѣнѣ.

[2]) См. стр. 28.

[3]) Шершеневичъ. Исторія кодификаціи гражданскаго права въ Россіи (Казань 1898), стр. 85.

[4]) Кр. Малышевъ. Курсъ общаго гражданскаго права Россіи, т. I, стр. 190, 291.

на утвержденіе статьи 4 манифеста, въ нѣкоторыхъ его постановленіяхъ все-таки былъ закономъ новымъ, то онъ отмѣнилъ и измѣнилъ прежніе законы настолько, насколько они оказываются несогласными съ точнымъ смысломъ его постановленій.

Предписавъ въ статьѣ 2, въ видѣ обязательнаго правила, приведеніе всегда указаній и ссылокъ на статьи Свода, законодатель могъ относить это требованіе, конечно, только къ тому правовому матеріалу, который подлежалъ вмѣщенію и могъ быть помѣщенъ въ Сводъ 1832 года. Поэтому въ статьѣ 3 манифеста перечислены тѣ изъятія, когда, впредь до времени, надлежитъ приводить указы и постановленія непосредственно, по числамъ ихъ и означеніямъ. Статья 3 поименовала всего пять такихъ изъятій: 1) все то, что состоялось и состоится въ будущемъ послѣ 1 января 1832 года, т. е. послѣ срока, взятаго въ качествѣ предѣльнаго для включенія въ печатаемый Сводъ новѣйшаго законодательства; 2) мѣстныя узаконенія; 3) узаконенія по вѣдомству народнаго просвѣщенія; 4) узаконенія по Государственному Контролю и 5) узаконенія объ иностранныхъ исповѣданіяхъ. Перечень этотъ не представляется однако исчерпывающимъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ вводной части манифеста, гдѣ упоминается, въ качествѣ не сведенныхъ въ единообразный составъ, о военныхъ и о морскихъ постановленіяхъ, а также изъ позднѣйшаго—въ составѣ правилъ 12 декабря 1834 г. о приложеніи и употребленіи Свода въ производствѣ дѣлъ (П. С. З., № 7654, ст. VI)—дополненія этого перечня указаніемъ на узаконенія счетоводства и почтовыя. Всѣ такого рода постановленія, какъ не вошедшія, по той или другой причинѣ, въ изданный Сводъ, подлежали и впредь примѣненію по тексту подлинныхъ узаконеній, который могъ быть разысканъ и въ Полномъ Собраніи Законовъ.

Попутно съ этими указаніями, статья 3 манифеста повторяетъ выраженную уже во вступительномъ его отдѣлѣ мысль о предстоящемъ ежегодномъ продолженіи Свода, въ которомъ будетъ распредѣляемо по порядку Свода вновь выходящее законодательство. Не предрѣшая прямо той силы, какую будутъ имѣть такія продолженія, манифестъ не предусматриваетъ въ то же время никакого иного, кромѣ выпуска продолженій, способа согласованія вышедшаго Свода съ будущимъ движеніемъ законодательства. Иными словами: предвидя и предуказывая „продолженіе Свода“, основной законодательный актъ о Сводѣ отнюдь не касается и совершенно не имѣетъ въ виду возможности переизданія Свода, т. е. замѣны Свода 1832 года новымъ,

въ томъ же порядкѣ составленнымъ, Сводомъ. Точно такъ же и на два года позже изданныя правила 15 декабря 1834 г. „о порядкѣ продолженія Свода и о порядкѣ изъясненій и дополненій законовъ при дѣйствіи Свода“ предусматриваютъ пополненіе Свода тѣми или другими постановленіями исключительно „введеніемъ ихъ въ продолженіе Свода“, а не въ послѣдующее его изданіе. Не можетъ поэтому не казаться весьма сомнительнымъ внесенное въ литературу указаніе, что первоначально предполагалось составлять новыя изданія Свода каждое десятилѣтіе [1]). Въ манифестѣ и развивавшихъ его постановленіяхъ, во всякомъ случаѣ, нѣтъ и отдаленнѣйшаго намека на это, и едва-ли у ихъ составителей вообще могла возникать и самая мысль о предстоящемъ когда-либо переизданіи Свода. Не даромъ Сперанскій всѣми силами стремился, вслѣдъ за послѣдовавшимъ изданіемъ Свода, обезпечить ему и на будущее время сохраненіе его системы и для этого провелъ черезъ Государственный Совѣтъ (въ составѣ упоминавшагося выше необнародованнаго узаконенія 15 декабря 1834 г., ст. 5 и 6) правило, чтобы при составленіи новыхъ уставовъ сохранялся въ главномъ расположеніи ихъ частей, по возможности [2]), тотъ планъ, по коему устроенъ соотвѣтствующій уставъ въ Сводѣ, и чтобы подъ статьями новыхъ законоположеній означалось, въ поясненіе, дополненіе, отмѣну, перемѣну, въ ограниченіе и въ замѣну какихъ именно статей Свода онѣ издаются. Косвеннымъ доказательствомъ тому же можетъ служить тотъ фактъ, что, когда въ 1835 году, въ виду полностью разошедшагося изданія 1832 г. и вторичной его перепечатки 1833 г., потребовалось третье тисненіе Свода, то оно было выполнено не въ видѣ новаго изданія въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова, т. е. со включеніемъ измѣненій и дополненій, указанныхъ въ продолженіи 1834 года,—что́ не составило бы бо́льшаго труда,—а въ видѣ простой перепечатки Свода 1832 года, не повторяя лишь тѣхъ типографскихъ и мелкихъ редакторскихъ погрѣшностей, которыя, подъ названіемъ опечатокъ, перечислены были на 26 заключительныхъ страницахъ названнаго продолженія. При этомъ достойно вниманія, что какъ этому третьему, такъ и второму тисненіямъ

---

[1]) Коркуновъ. Значеніе Свода законовъ. Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г. Сент., стр. 115.—Э. Понтовичъ. Основные законы и „кодификація“. Русская Мысль. 1910, кн. VII, стр. 166.

[2]) Указаніе „по возможности“ добавлено было въ Государственномъ Совѣтѣ; предположеніе Сперанскаго носило, слѣдовательно, еще болѣе рѣшительный характеръ.

придано было именно названіе *изданій*, между тѣмъ какъ никакого подобія тѣмъ трудамъ Второго Отдѣленія, которые вышли впослѣдствіи подъ названіемъ изданій 1842 и 1857 годовъ, повторныя эти тисненія не имѣли.

Остается разсмотрѣть статью 4, въ которой многіе усматриваютъ противорѣчіе началу, выраженному въ 1-й статьѣ. Сущность правила, поставленнаго заключительнымъ пунктомъ манифеста, состоитъ въ томъ, что порядокъ поясненія, въ случаѣ усмотрѣнной въ законѣ неясности, и дополненія закона, въ случаѣ его недостатка или неполноты, остается и впредь тотъ же самый, какой существовалъ до изданія Свода. Если обратиться для выясненія, какой именно порядокъ здѣсь имѣется въ виду, къ подлежащимъ постановленіямъ того времени, долженствовавшимъ, въ силу приведеннаго указанія, сохранить полное свое значеніе и при дѣйствіи Свода законовъ, то изъ постановленій этихъ, внесенныхъ въ Сводъ 1832 г. въ видѣ статей 49 и 52 основныхъ законовъ, развиваемыхъ въ подлежащихъ мѣстахъ учрежденія Правительствующаго Сената и учрежденій Министерствъ [1]), а также въ статьѣ 257 общаго учрежденія губернскаго, видно, что въ случаѣ неясности или недостатка существующаго закона надлежитъ представлять, по порядку, своему начальству, а послѣднее обязано представить Правительствующему Сенату или министерству, по принадлежности, для дальнѣйшаго съ ихъ стороны направленія, въ установленномъ порядкѣ, на Высочайшее благоусмотрѣніе. Эти, слѣдовательно, правила, исходящія изъ обратнаго Судебнымъ Уставамъ (уст. гражд. суд., ст. 9, 10) начала: „никакое судебное мѣсто не можетъ рѣшить дѣла, если нѣтъ на оное яснаго закона“ [2]), подтверждены были, во всей ихъ неприкосновенности, и на будущее время. Возникаетъ вопросъ, чѣмъ вызывалась необходимость подкрѣпленія этихъ правилъ и порядка, самымъ обстоятельствомъ изданія Свода съ силою закона собственно ни въ какой мѣрѣ не затрогиваемыхъ и потому, казалось бы, въ особомъ подтвержденіи не нуждающихся. Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе умѣстенъ, что ни въ журналѣ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 19 января, ни въ запискѣ Сперанскаго, внесенной въ Совѣтъ, нѣтъ никакихъ сужденій, которыя могли бы обосновать упомянутое постановленіе или, по крайней мѣрѣ, дать ключъ къ его происхожденію. Возможны два объясненія.

---

[1]) Т. I, св. учр. гос. (1832 г.), ст. 459, 471 п. 1, 831 п. 2, 836, 1650 п. 6.
[2]) Общ. учр. губ. (т. II, 1832 г.), ст. 257.

Во-первыхъ, у будущихъ примѣнителей Свода законовъ могла, предположительно, возникнуть мысль, что замѣна отдѣльныхъ указовъ новымъ текстомъ Свода влечетъ, быть можетъ, за собою измѣненіе соблюдавшагося прежде сложнаго порядка представленія о встрѣчаемыхъ сомнѣніяхъ (по начальству, въ инстанціонной послѣдовательности), ибо извѣстно было, что Сводъ законовъ составленъ совершенно внѣ тѣхъ центральныхъ и высшихъ государственныхъ установленій, на которыя возлагались по общему порядку законоподготовительная и законосовѣщательная функціи, и, слѣдовательно, выясненіе всякихъ по Своду сомнѣній могло бы перейти къ тому самому Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, которое занималось его составленіемъ [1]). Для предупрежденія такого заключенія и надлежало, слѣдовательно, постановить, что поясненіе и пополненіе *Свода* законовъ можетъ быть достигаемо тѣмъ же путемъ, какой былъ предписанъ для сего по отношенію къ дѣйствовавшимъ до вступленія Свода въ силу отдѣльнымъ *законамъ*.

Такъ какъ однако статья 4 говоритъ не о поясненіи и дополненіи именно Свода законовъ, а о неясности, недостаткѣ и неполнотѣ закона вообще, то болѣе вѣроятнымъ представляется другое объясненіе. Означенная статья манифеста есть одно изъ немногихъ его постановленій, которыя не подвергались никакимъ измѣненіямъ въ теченіе всего сложнаго процесса его выработки [2]). Оно имѣлось уже въ томъ наиболѣе пространномъ (изъ 13 статей) проектѣ, который, по высказанному выше предположенію [3]), былъ

---

[1]) Попутно отмѣтимъ интересную подробность: манифестъ ни однимъ словомъ не обмолвился о Второмъ Отдѣленіи и его роли въ дѣлѣ созданія Свода. Объяснить это можно или тѣмъ, что, входя въ составъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, II Отдѣленіе являлось какъ бы исполнительнымъ лишь органомъ Государя, почему въ манифестѣ и сказано: „седьмилѣтніе непрерывные труды по составленію Свода совершены *подъ собственнымъ вѣдѣніемъ* Нашимъ", или необычайною скромностью главнаго редактора Свода и вмѣстѣ составителя манифеста, или, наконецъ, совокупностью обѣихъ этихъ причинъ.

[2]) На этомъ основаніи приходится отвергнуть догадку г. Пахарнаева (Обзоръ дѣйствующаго Свода законовъ, изд. 1909 г., стр. 80), имъ выражаемую на основаніи указаній статьи 4: „Легче остановиться на мысли, что указаніе, такъ твердо высказанное въ резолюціи на журналѣ Гос. Совѣта отъ 19 янв. 1833 г., могло быть признано черезъ нѣсколько дней самимъ высокимъ Авторомъ ея подлежащимъ извѣстному смягченію въ манифестѣ, чѣмъ увѣровать, что статью 2 этого манифеста слѣдуетъ истолковывать какъ повелѣніе—исключительно руководствоваться Сводомъ законовъ".

[3]) Стр. 45.

представленъ Сперанскимъ Государю при первоначальной его запискѣ о силѣ и дѣйствіи Свода и который служилъ выраженіемъ основного намѣренія Сперанскаго признать за Сводомъ силу закона, не устраняющаго однако, въ случаяхъ сомнѣнія, дѣйствія подлиннаго текста законовъ. Статья 12 этого проекта гласила: вообще, какъ Сводъ ничего не измѣняетъ въ силѣ дѣйствующихъ законовъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ, то какъ въ случаѣ неясности самаго закона въ существѣ его, такъ и въ случаѣ недостатка или неполноты порядокъ и поясненія и дополненія остается тотъ же, какой существовалъ донынѣ.

Имѣя свой опредѣленный смыслъ въ качествѣ заключительнаго постановленія послѣ ряда статей, перечислявшихъ тѣ случаи, когда допустимо обращеніе, вмѣсто Свода, къ тексту закона (пропускъ въ Сводѣ и т. п.), приведенное правило не было неумѣстно и въ составѣ проекта, составленнаго согласно первому предположенію о силѣ Свода, т. е. въ случаѣ признанія за нимъ, въ цѣляхъ единства и простоты, значенія исключительнаго текста. Это видно изъ слѣдующаго, любопытнаго по своей жизненной правдивости, разсужденія Сперанскаго относительно неудобствъ перваго предположенія,—разсужденія, имѣвшагося въ первоначальной редакціи III-й части его записки и не перешедшаго въ переработанную, въ этомъ мѣстѣ до полной неузнаваемости, окончательную ея редакцію, какъ она внесена была въ Государственный Совѣтъ.

„Со времени Уложенія у насъ введено постоянное правило: въ недостаткѣ яснаго закона представлять по начальству на высшее усмотрѣніе и ожидать разрѣшенія. Въ настоящемъ разнообразномъ состояніи нашихъ законовъ судебное мѣсто рѣдко можетъ съ достовѣрностью сказать, что нѣтъ на данный случай яснаго закона; всегда есть для него опасность выговора или взысканія, если оно затруднитъ дѣло излишнимъ вопросомъ, ибо строго воспрещено просить указа на указъ. Подъ страхомъ сего запрещенія судья испытываетъ всѣ средства, дѣлаетъ всевозможныя изысканія, чтобы открыть законъ или по крайней мѣрѣ изъ соображенія многихъ законовъ извлечь смыслъ, хотя отчасти къ дѣлу приличный, прежде нежели рѣшится представлять о недостаткѣ закона; но, когда ему сказано будетъ: „вотъ единственный законъ въ Сводѣ, всѣ другія изысканія тщетны“, тогда при малѣйшемъ сомнѣніи онъ будетъ просить высшаго разрѣшенія. Такимъ образомъ, хотя сомнѣнія отъ Свода и не увеличатся, но предлоги къ сомнѣніямъ и покушенія къ вопросамъ умножатся. Но какимъ же образомъ преграждены сіи пред-

логи при исключительномъ дѣйствіи уложеній въ другихъ государствахъ?

Въ государствахъ сихъ при изданіи уложеній постановлено на случай недостатка яснаго закона совсѣмъ другое правило: судья, невзирая на сей недостатокъ, обязанъ рѣшить дѣло по здравому смыслу, т. е. по общимъ началамъ законовѣдѣнія, а какъ законовѣдѣніе у нихъ есть наука, и наука, уже въ практику перешедшая и значительнымъ сословіемъ законовѣдцевъ поддерживаемая, то и нѣтъ тамъ опасности допустить сіе правило; оно ограждено, впрочемъ, правомъ жалобы и апелляціи на тотъ случай, если бы здравый разумъ судьи впалъ въ заблужденіе, а во Франціи оно ограждено сверхъ того и особеннымъ установленіемъ, имѣющимъ право отставлять всѣ рѣшенія, законамъ или установленнымъ формамъ противныя. Правда, что и у насъ есть правило [въ указахъ 1821 г. іюля 29 (№ 28708) и 1823 г. окт. 31 (№ 29642)], по коему, въ случаѣ сомнѣнія въ законахъ по разнообразному ихъ смыслу, велѣно въ рѣшеніи дѣлъ руководствоваться общимъ духомъ законодательства. Это есть почти то же, что разрѣшать случай по общимъ началамъ законовѣдѣнія; но, во-первыхъ, въ Сводѣ не будетъ уже сего разнообразія, и, во-вторыхъ, если-бъ оно и было, то правило сіе, полезное для высшихъ мѣстъ, едва-ли можно безусловно допустить для нижнихъ".

Изъ приведеннаго разсужденія становится яснымъ первоначальное назначеніе статьи 4. Она стремилась указать, что, при обнаруженіи неясности или недостатка изложеннаго въ Сводѣ закона, слѣдуетъ поступать такъ, какъ поступали прежде въ примѣненіи къ указамъ, и притомъ въ отношеніи не только порядка испрошенія разъясненій встрѣтившимся недоумѣніямъ, но — что еще важнѣе — самыхъ условій возбужденія такого рода дѣлъ. Иначе говоря, статья 4 стремилась рекомендовать всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, съ одной стороны, не увеличивать, противъ прежняго, числа своихъ представленій по начальству о встрѣчаемыхъ въ законахъ сомнѣніяхъ [1]), а съ другой — не стремиться разрѣшить всякое

[1]) Въ томъ же совершенно духѣ составленъ вышедшій вслѣдъ за Сводомъ законовъ сенатскій указъ 20 февраля 1833 г. (П. С. З., № 5992), гласящій: во исполненіе Высочайшаго повелѣнія 14 янв. 1833 г. всѣмъ начальникамъ губерній предписать, чтобъ они, въ случаѣ сомнѣнія въ примѣненіи вновь выходящихъ постановленій къ прежде изданнымъ законамъ, требовали разрѣшеній токмо тогда, когда ими дѣйствительно будутъ встрѣчены затрудненія въ исполненіи оныхъ, или когда самый буквальный смыслъ изданнаго закона подастъ поводъ

дѣло, не взирая на встрѣчаемый недостатокъ въ законѣ, по общимъ началамъ законовѣдѣнія, какъ это допускается на западѣ при дѣйствіи тамъ уложеній. Въ основаніи послѣдняго требованія могла лежать, конечно, та главнымъ образомъ мысль (не считая недостатка въ юридическомъ образованіи), что Сводъ законовъ *не есть уложеніе*, а есть лишь составъ законовъ существующихъ, безъ всякаго въ существѣ ихъ измѣненія [1]). Выраженіемъ этой именно мысли и должны служить первыя строки статьи 4: „какъ Сводъ законовъ ничего не измѣняетъ въ силѣ и дѣйствіи ихъ, но приводитъ ихъ только въ единообразіе и порядокъ". Служа по своему мѣсту и изложенію, прежде всего, мотивомъ для установленнаго въ статьѣ 4 положенія, приведенныя слова являются въ то же время повтореніемъ характеристики Свода, данной во вводной части всего манифеста, и поэтому не только не противорѣчатъ, какъ склонны думать нѣкоторые изслѣдователи, статьѣ 1-й, но въ извѣстной мѣрѣ обосновываютъ и ее самое [2]). Дѣйствительно, провозглашеніе за Сводомъ значенія закона, безъ особаго законодательнаго разсмотрѣнія его содержанія, могло произойти только потому, что Сводъ воспроизвелъ (или обновилъ) текстъ исключительно существующихъ уже законоположеній. Эта причинная связь нашла себѣ прямое выраженіе въ двухъ журналахъ Департамента Законовъ (1834 г. № 116 и 1835 г. № 107), гдѣ повторено слѣдующее указаніе: „какъ Сводъ не есть законъ новый, но составъ законовъ существующихъ, и какъ *посему именно и присвоена ему сила закона*...".

Хотя цитированныя выше соображенія Сперанскаго не повторены въ подробности, какъ уже отмѣчалось, въ окончательной редакціи его записки, внесенной въ Государственный Совѣтъ, тѣмъ не менѣе въ истинномъ назначеніи статьи 4—предупредить умно-

---

къ недоразумѣнію; и что, если когда встрѣчено ими будетъ въ законахъ сомнѣніе, то въ семъ случаѣ руководствовались бы правилами, изложенными въ 101 статьѣ Высочайшаго о губерніяхъ учрежденія (по Своду 1832 г. ст. 329 св. учр. губ.).

[1]) Съ теоретической стороны наиболѣе, вѣроятно, правъ проф. Васьковскій, который находитъ, что цѣлью Свода, несомнѣнно, была инкорпорація дѣйствующаго права, но что въ результатѣ работъ получилось „нѣчто среднее между инкорпораціей и кодексомъ" (Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ. Одесса. 1901. Вып. 33).

[2]) Отрицаютъ противорѣчіе между ст. 1 и 4 также М. А. Лозина-Лозинскій (Кодификація законовъ по русскому госуд. праву, Журн. Мин. Юст. 1897 г. № 5, стр. 119) и проф. Васьковскій (назв. соч., стр. 303, вып. 34), признающій за начальною частью статьи 4 только энунціативный характеръ.

женіе случаевъ представленія по начальству—не приходится сомнѣваться еще и потому, что полтора года спустя, когда Сперанскимъ, въ развитіе манифеста 31 января, составлено и внесено было на законодательное разсмотрѣніе подробное наставленіе о приложеніи и употребленіи статей Свода въ производствѣ дѣлъ, въ этомъ наставленіи, въ отдѣлѣ „о дополненіяхъ и поясненіяхъ закона", значилась слѣдующая (8-я) статья:

„По силѣ манифеста 31 января 1833 г. порядокъ поясненія и дополненія закона, въ случаяхъ его неясности или недостатка, сохраняется тотъ же, какой существовалъ донынѣ; посему въ приложеніи статей Свода къ призводству дѣлъ, когда встрѣтится въ нихъ какое-либо *важное*[1]) недоумѣніе, или не найдено въ нихъ будетъ на предлежащій случай закона, тогда порядкомъ, для сего установленнымъ, представлять о семъ по начальству; но при семъ всѣмъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстамъ подтверждается *не прежде* приступать къ таковымъ представленіямъ, какъ *по прилежномъ изысканіи и соображеніи всѣхъ статей* Свода, къ дѣлу относящихся, *удостовѣрясь съ точностью* о дѣйствительномъ недостаткѣ или неясности закона" [2]).

Правда, что и эта статья не получила своего осуществленія, будучи сначала отложена, а засимъ замѣнена правиломъ иного свойства въ особомъ узаконеніи 20 января 1836 г. Это обстоятельство вызвано, однако, было не неправильностью проектированнаго постановленія или несоотвѣтствіемъ его взглядамъ Государственнаго Совѣта, а по совершенно другимъ основаніямъ [3]), и потому не колеблетъ значенія вышеприведенной выписки въ качествѣ поясненія той мысли, какая влагалась Сперанскимъ въ статью 4 манифеста.

---

[1]) Всѣ въ этой выпискѣ курсивы наши.

[2]) Интересно отмѣтить, какъ близка и по мысли, и по изложенію эта статья къ одному изъ постановленій первоначальнаго проекта закона о Сводѣ, гласившему (ст. 10, ч. 1-я): „Общее правило, чтобъ въ случаяхъ недоумѣнія по недостатку яснаго закона представлять по начальству и ожидать разрѣшенія,—сохраняется во всей его силѣ; но при семъ правительственнымъ и судебнымъ мѣстамъ снова подтверждается не просить указа на указъ и не прежде приступать къ таковымъ представленіямъ, какъ удостовѣрясь съ точностью въ дѣйствительномъ недостаткѣ закона"....

[3]) У Коркунова (Значеніе Свода законовъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1894, Сент., стр. 103—108) и у Майкова (Второе Отдѣленіе, стр. 202—206) этому посвящено нѣсколько страницъ.

Таково взаимное соотношеніе и содержаніе каждаго изъ четырехъ пунктовъ законоположенія 31 января 1833 г. Оцѣнивая его во всей совокупности и имѣя въ виду, что обѣ послѣднихъ статьи являются не болѣе, какъ подтвержденіемъ существующаго порядка, и не вызывали никакихъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ, возможно свести все содержаніе манифеста къ слѣдующему положенію: съ 1 января 1835 года надлежитъ, вмѣсто отдѣльныхъ узаконеній (понимая подъ ними законы, указы и восполняющія законъ министерскія предписанія), которыя состоялись до 1 января 1832 года, примѣнять, въ видѣ единаго закона, подлежащія статьи Свода законовъ.

Только въ этомъ именно смыслѣ и могъ отразиться манифестъ 31 января 1833 г. на текстѣ тѣхъ статей Свода 1832 года, которыя, опредѣляя порядокъ производства дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, исходили изъ иного начала и посему требовали, въ зависимости отъ предуказанной перемѣны, формальнаго согласованія съ манифестомъ 31 января. Сюда относились, прежде всего, статья 124 тома II и однородная съ нею статья 1864 тома X, которыми на обязанность секретарей въ присутственныхъ и судебныхъ мѣстахъ возлагалось означать всѣ приличные дѣлу *указы* и которыя, слѣдовательно, подлежали бы небольшому видоизмѣненію въ смыслѣ означенія всѣхъ приличныхъ дѣлу *статей Свода* или, выражаясь болѣе общимъ образомъ, *узаконеній*. Ни та, ни другая, однако, статьи не подверглись такому измѣненію въ первомъ продолженіи къ Своду законовъ, вышедшемъ въ 1834 году и обнимавшемъ узаконенія за 1832 и 1833 годы. Едва-ли это было дѣломъ простой случайности. Правда, вторая изъ названныхъ двухъ статей была забыта вообще, такъ какъ продолжала оставаться безъ всякаго измѣненія вплоть до изданія Свода 1857 г. [1]). Первая, однако, статья общаго губернскаго учрежденія, какъ и рядъ другихъ статей томовъ I и II, подверглись надлежащему согласованію во второмъ продолженіи къ Своду, вышедшемъ въ 1835 году и обнимавшемъ узаконенія за трехлѣтіе 1832—1834 г.г., т. е. въ томъ продолженіи, въ которое подлежалъ включенію законъ 12 декабря 1834 г. (П. С. З., № 7654), установившій, въ развитіе манифеста о Сводѣ, подробныя правила о приложеніи и употребленіи его въ производствѣ дѣлъ.

Сопоставляя эти обстоятельства, возможно объяснить отсутствіе

---

[1]) Томъ X 1832 г. ст. 1864=ст. 2461 изд. 1842 г.=ст. 461 кн. II изд. 1857 г.

въ первомъ продолженіи согласованія статей Свода съ манифестомъ 31 января [1]) или тѣмъ соображеніемъ, что ко времени выхода этого продолженія (въ августѣ 1834 г.) Сводъ не вступалъ еще въ силу закона, или — что́ болѣе вѣроятно—тѣмъ, что на очереди стояло изданіе вышеуказанныхъ подробныхъ правилъ о порядкѣ приложенія статей Свода, которымъ предстояло, въ сущности, обнять собою все почти содержаніе манифеста. И дѣйствительно, какъ только послѣдовало въ концѣ 1834 года утвержденіе этихъ правилъ (за исключеніемъ одной статьи), такъ они (въ распубликованной ихъ части) внесены были въ Сводъ, въ видѣ приложенія къ ст. 346 тома I, и съ ними, въ совокупности съ подлежащими пунктами манифеста, согласованы были разныя статьи I и II томовъ. Тогда же впервые получило формальное оправданіе заблаговременно, ранѣе самаго манифеста о Сводѣ, внесенное, по Своду 1832 года, въ учрежденіе Государственнаго Совѣта слѣдующее (безцитатное) пояснительное примѣчаніе къ статьѣ 130, требовавшей въ поступающихъ въ Совѣтъ дѣлахъ полной выписки изъ законовъ по тому предмету, о коемъ предстоитъ разсуждать Совѣту: „Само собою разумѣется, что выписка изъ законовъ, приведенныхъ уже въ составъ Свода, можетъ состоять токмо въ означеніи статей того Свода“. Обоснованіе свое это поясненіе получило лишь въ связи съ узаконеніемъ 12 декабря 1834 г., для согласованія съ которымъ въ продолженіи 1835 года (ст. 130, прим. 2) къ нему добавлены были слова: „какъ о семъ подробно опредѣлено въ правилахъ, къ статьѣ 346 приложенныхъ“.

Какъ время согласованія статей Свода съ правилами его примѣненія, такъ и самый способъ этого согласованія показываютъ, что редакторами Свода кодификаціонное значеніе придавалось не столько самому манифесту 31 января 1833 г., сколько постановленіямъ 12 декабря 1834 г., опредѣлившимъ различныя стороны пользованія новымъ законодательнымъ сборникомъ. И дѣйствительно, если сравнить манифестъ съ названными правилами, то нельзя не прійти къ выводу, что первый въ значительной долѣ поглощенъ вторыми. Прежде всего должна быть признана утра-

---

[1]) Въ видѣ единственнаго отъ этого отступленія можно указать на примѣчаніе къ ст. 346 т. I (учр. Сенат.), образованное по прод. 1834 г. и заключающее, между прочимъ, указаніе на Сводъ законовъ, оправданное ссылкою на п.п. 2 и 3 манифеста 31 января. Такое указаніе считалось въ данномъ мѣстѣ, вѣроятно, неизбѣжнымъ, въ связи съ другимъ, на основаніи иныхъ законовъ, поясненіемъ, оказавшимся необходимымъ къ одному изъ пунктовъ статьи 346.

тившею силу статья 3 манифеста, какъ замѣненная болѣе точнымъ постановленіемъ статьи VI закона 1834 г. [1]), о случаяхъ приведенія законовъ не по Своду, а по времени ихъ изданія. Полностью исчерпано равнымъ образомъ и содержаніе статьи 2 манифеста, вслѣдствіе включенія въ правила 1834 года (ст. I—III) подробныхъ указаній, какъ надлежитъ поступать въ случаяхъ, когда требовались выписки изъ законовъ, и въ случаяхъ простыхъ ссылокъ на законы [2]). Остаются, слѣдовательно, только статьи 1 и 4 манифеста, формально не утратившія силы и послѣ изданія правилъ 1834 года, при чемъ вторая изъ этихъ статей, какъ отмѣчалось уже выше, не представляла собою новаго постановленія, а лишь подтверждала дѣйствующія узаконенія.

Въ виду сказаннаго опредѣленіе силы перваго изданія Свода законовъ должно основываться не на одномъ манифестѣ 1833 года, а на совокупности тѣхъ правовыхъ данныхъ, которыя имѣлись ко времени введенія Свода въ дѣйствіе, т. е. на срокъ 1 января 1835 года, и значились: а) для самаго Свода, вмѣстившаго законодательный матеріалъ по 1 января 1832 года,—въ манифестѣ 31 января 1833 г. (П. С. З., № 5947), б) для перваго къ нему продолженія, въ которое, кромѣ исправленій Свода на основаніи негласной ревизіи, вошли вновь вышедшія узаконенія за 1832 и 1833 годы,—въ Именномъ указѣ 30 августа 1834 г. (П. С. З., № 7368), повелѣвшемъ „привести оное (продолженіе) въ срокъ, манифестомъ установленный, а именно съ 1 января 1835 года, въ законную силу и дѣйствіе въ совокупности со Сводомъ, дополняя и замѣняя статьи Свода, гдѣ слѣдуетъ, статьями продолженія, имъ соотвѣтствующими", и в) для Свода и для продолженія вмѣстѣ—въ упоминавшихся выше правилахъ 12 декабря 1834 г. (П. С. З., № 7654), важныхъ для насъ, помимо того, что было отмѣчено прежде, въ томъ еще отношеніи, что въ нихъ разрѣшенъ вопросъ о предѣлахъ обратнаго дѣйствія Свода [3]) и что означенный въ манифестѣ срокъ 1 января 1832 г., къ которому пріурочена была переплавка предыдущаго законодательства, замѣненъ (ст. VI, п. 1) позднѣйшимъ на два года срокомъ 1 января 1834 года [4]).

---

[1]) См. ст. 6 приложенія къ ст. 346 т. I, по прод. 1835 г.

[2]) См. ст. 1—3 и вводную часть приложенія къ ст. 346 т. I, по прод. 1835 г.

[3]) См. ст. V и VII=ст. 5 и 7 приложенія къ ст. 346 т. I, по прод. 1835 г.

[4]) Правила 12 декабря 1834 г. представляютъ интересъ еще и въ другомъ отношеніи, а именно очевидною преемственностью нѣкоторыхъ своихъ статей отъ предположеній и сужденій, высказывавшихся раньше при выработкѣ проекта

Какіе выводы, теоретическаго и практическаго свойства, могутъ быть сдѣланы изъ выше разобраннаго содержанія манифеста объ изданіи Свода законовъ и изъ дополнившихъ его ко времени вступленія Свода въ силу законоположеній?

Прежде всего надлежитъ, казалось бы, признать, что, подобно тому, какъ при ближайшемъ изслѣдованіи всѣхъ данныхъ не оказалось предполагавшейся несогласованности между манифестомъ и тѣми законодательными сужденіями, которыя ему предшествовали, такъ нельзя, вопреки высказывавшемуся нѣкоторыми изслѣдователями мнѣнію, усмотрѣть и какого-либо внутренняго противорѣчія между отдѣльными статьями манифеста. Весь онъ проникнутъ одною мыслью, что Сводъ законовъ есть самъ по себѣ законъ,—законъ хотя и не новый по содержанію, ибо новыхъ, чуждыхъ прежнему законодательству—praeter и contra legem,—нормъ Сводъ законовъ не содержитъ [1]), но имѣющій силу и значеніе закона новаго съ самостоятельнымъ бытіемъ, какъ бы особо санкціонируемаго въ манифестѣ въ виду новой единообразной формы изложенія въ единомъ сборникѣ почти всего дѣйствующаго законодательства. Санкція эта заключается въ признаніи за Сводомъ, съ опредѣленнаго срока и взамѣнъ прежнихъ отдѣльныхъ указовъ, полной силы закона.

На этомъ основаніи мы должны признать господствующую теорію о значеніи перваго изданія Свода, наиболѣе полно и обоснованно изложенную М. А. Лозина-Лозинскимъ [2]), совершенно соотвѣтствую-

---

манифеста, но въ окончательную его редакцію не вошедшихъ. Сюда относится, напр., статья VIII, допускающая въ видѣ временной льготы ссылки въ прошеніяхъ частныхъ лицъ на указы и являющаяся отголоскомъ подобнаго правила въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ проектовъ манифеста Сперанскаго. Равнымъ образомъ и статья IX, о силѣ пояснительныхъ предписаній высшаго начальства, почти буквально соотвѣтствуетъ статьѣ 4 проекта манифеста 26 января (см. выше на стр. 68, 69) и, исходя изъ сужденій Сперанскаго въ первоначальной его запискѣ о силѣ и дѣйствіи Свода, является какъ бы отвѣтомъ на затронутый въ Государственномъ Совѣтѣ и нашедшій отраженіе въ журналѣ Общаго Собранія 19 января 1833 г. вопросъ о дѣйствіи циркуляровъ при наличности Свода.

[1]) Это вновь подтверждаетъ, хотя и по другому поводу, чѣмъ пунктъ 4 манифеста, статья VIII правилъ 1834 г. своимъ указаніемъ: какъ Сводъ не постановляетъ законовъ вновь, но есть только составъ законовъ существующихъ....

[2]) Кодификація законовъ по русскому государственному праву, Журн. Мин. Юст. 1897 г., № 4 и 5.—Полнаго вниманія также заслуживаютъ приводимыя Н. И. Лазаревскимъ (Русское госуд. право, т. I, изд. 1913 г., стр. 624, вып.) соображенія практическаго свойства, которыя заставляютъ относиться къ Своду 1832 г. какъ къ закону.

щею какъ самому манифесту, такъ и всей исторіи его составленія. Если же спросить себя, къ какому виду законовъ, по своему образованію и условіямъ того времени, можетъ быть отнесенъ сборникъ, получившій въ вышеозначенномъ порядкѣ санкцію, то въ этомъ отношеніи, думаемъ, нѣтъ рѣшительныхъ препятствій признать вмѣстѣ съ проф. Коркуновымъ [1]), что Сводъ 1832 года, какъ новая форма изложенія прежнихъ законовъ, былъ плодомъ толкованія дѣйствующаго закона и, получивъ Высочайшую санкцію, является собою какъ бы актъ автентической интерпретаціи. Дѣйствительно, внутреннія основанія, по которымъ Своду признано было возможнымъ придать силу закона безъ постатейнаго и вообще всякаго его разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ, заключались въ предполагаемой правильности обновленнаго въ немъ (производнаго) изложенія прежде изданныхъ узаконеній, правильности, обезпеченной близостью къ законодательной власти и непосредственнымъ руководительствомъ Монарха. Всякій же актъ автентическаго толкованія („преподаваемаго Высочайшею властью изъясненія истиннаго разума законовъ") [2]), въ противоположность другимъ видамъ толкованія, является безусловно для всѣхъ обязательнымъ, ибо, какъ исходящій отъ законодательной власти, онъ не только равносиленъ закону, а есть, въ сущности, самъ по себѣ законъ. Дальнѣйшее подобіе автентическому толкованію заключается въ томъ, что тексту Свода присвоена была въ извѣстной мѣрѣ обратная сила, такъ какъ, согласно статьѣ V правилъ 12 декабря 1834 г., рѣшенію по статьямъ Свода подлежали всѣ дѣла, возникшія *ранѣе* 1 января 1835 года, хотя бы по онымъ уже изготовлены были записки для рѣшенія, если только еще не приступлено къ рукоприкладству на нихъ. Интерпретаціонная функція Второго Отдѣленія по отношенію къ законодательству, предшествовавшему 1 января 1832 (или 1834) года, выразилась не только въ истолкованіи взаимнаго отношенія,—въ смыслѣ замѣны, измѣненія, дополненія, поясненія, ограниченія или отмѣны,—всѣхъ отдѣльныхъ узаконеній по одному предмету (эта сторона толковательной дѣятельности оставалась за Вторымъ Отдѣленіемъ и послѣдовательно замѣнявшими его кодификаціонными учрежденіями также и по отношенію къ позднѣйшему, послѣ указаннаго срока, законодательству). Она распро-

---

[1]) Значеніе Свода Законовъ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г. Сент., стр. 111, 112 и 115.

[2]) Таково опредѣленіе въ законѣ 6 іюня 1905 г. (Собр. узак., 999, I, ст. 1).

странялась въ этомъ случаѣ также на самое содержаніе каждаго отдѣльнаго узаконенія, само по себѣ взятаго, и могла привести въ результатѣ къ установленію въ Сводѣ видоизмѣненнаго текста такого узаконенія, согласно съ усвоеннымъ его пониманіемъ. Приданія сего рода новой формы въ Сводѣ узаконеніямъ, вышедшимъ послѣ вышеуказаннаго объединительнаго срока, конечно, уже быть не могло, и такого свойства полномочіе, можетъ быть, приписывалось, но никогда не принадлежало такъ называемому „кодификаціонному порядку“.

Но, каковы бы ни были тѣ основанія, которыя обусловили приданіе Своду „законной силы“, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, то, что вступленіе его въ дѣйствіе сопровождалось присвоеніемъ ему всей силы Высочайше утвержденнаго текста и значенія единственнаго основанія рѣшеній. Изъ этого вытекали слѣдующія, въ отношеніи Свода 1832 года и равносильнаго ему продолженія 1834 года, практическія послѣдствія.

Во-первыхъ, получили полную силу закона такія включенныя въ Сводъ постановленія, которыя до того этой силы не имѣли или располагали не всѣми ея аттрибутами. Оффиціальное признаніе этого положенія заключается, между прочимъ, въ представленіи Кодификаціоннаго отдѣла въ Государственный Совѣтъ о планѣ его трудовъ по разработкѣ Свода законовъ, гдѣ [1]) сказано: „первое изданіе Свода утверждено было въ порядкѣ законодательномъ, и вслѣдствіе сего сила и значеніе закона сообщены были и такимъ, вошедшимъ въ его составъ, статьямъ, которыя были заимствованы изъ источниковъ, не удовлетворяющихъ всѣмъ формальнымъ, установленнымъ для законовъ, условіямъ“. Сюда принадлежатъ:

а) Статьи, внесенныя Вторымъ отдѣленіемъ безъ ссылки на предшествующія узаконенія, какъ, напр., приведенное выше примѣчаніе къ ст. 130 учрежденія Государственнаго Совѣта относительно замѣны полныхъ выписокъ изъ законовъ простымъ означеніемъ статей Свода, или же вообще безцитатныя статьи, во множествѣ встрѣчающіяся въ Сводѣ 1832 г. и имѣющія назначеніемъ служить только связью между другими статьями, почему и назывались Сперанскимъ переходными [2]).

б) Статьи въ разныхъ уставахъ (больше всего въ уставѣ таможенномъ), основанныя на циркулярныхъ предписаніяхъ министровъ. Хотя въ Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о Сводѣ зако-

---

[1]) Представленіе 15 февраля 1885 г. № 97, стр. 27.

[2]) Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній, стр. 165, вын.

новъ [1]) Сперанскій, объясняя появленіе въ немъ такихъ, не имѣющихъ значенія закона, постановленій настояніями ревизіонныхъ комитетовъ, прибавляетъ, что въ статьяхъ подобнаго образованія сдѣланы вездѣ ссылки „на самое предписаніе, чтобы тѣмъ отличить его отъ закона и *поставить силу его въ тѣхъ предѣлахъ, какіе закономъ ему присвоены*“, тѣмъ не менѣе никакого различія между этими и другими статьями Свода, въ отношеніи ихъ юридической силы, признано быть не можетъ. На вышеприведенныя слова слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на случайно сохранившееся, но сохраненію не подлежавшее послѣ изданія манифеста, указаніе изъ II части записки, внесенной въ Государственный Совѣтъ, когда еще не было извѣстно, какое изъ намѣченныхъ Сперанскимъ предположеній будетъ принято Совѣтомъ. Что это есть не болѣе, какъ недосмотръ, вкравшійся при приспособленіи Обозрѣнія для печатанія, и что, наоборотъ, возвышеніе включенныхъ въ Сводъ предписаній, благодаря манифесту, на степень закона ясно сознавалось Сперанскимъ и его сотрудниками, видно изъ слѣдующаго. Внося въ 1834 году въ Государственный Совѣтъ свои предположенія о порядкѣ продолженія Свода на будущее время, Сперанскій высказывался противъ дальнѣйшаго внесенія въ Сводъ пояснительныхъ предписаній министровъ безъ Высочайшаго утвержденія и мотивировалъ это слѣдующимъ образомъ: „если сей родъ поясненій допустить въ Сводѣ, тогда они примутъ свойства закона и нельзя уже будетъ впослѣдствіи ихъ измѣнить безъ Высочайшаго указа; между тѣмъ какъ мнѣніе министра можетъ быть перемѣнено не только его преемникомъ, но и имъ самимъ по лучшему усмотрѣнію обстоятельствъ“ [2]). Еще съ большею опредѣленностью это же выражено въ одномъ изъ журналовъ Комитета о повѣркѣ сводовъ при Министерствѣ Юстиціи [3]), гдѣ между прочимъ сказано:

---

[1]) Стр. 177.

[2]) Дѣло Деп. Зак. Гос. Сов. 1834 г. № 116, л. 9.—Дѣятельнѣйшій сотрудникъ творца Свода, бар. М. А. Корфъ, разбирая впослѣдствіи въ одной изъ извѣстныхъ своихъ записокъ 1862 г. недостатки Свода, отнесъ къ ихъ числу то, что „составители Свода (1832 г.) не проложили довольно точной межи между законами въ собственномъ смыслѣ и предписаніями или правительственными распоряженіями, и пробѣлы, представлявшіеся въ дѣйствительныхъ законахъ, нерѣдко восполняли даже инструкціями и циркулярами министровъ, т. е. тѣмъ, что дотолѣ всякій день могло быть измѣняемо и отмѣняемо по собственному усмотрѣнію министровъ, но, войдя разъ въ Сводъ, становилось уже, черезъ то самое, на степень обязательнаго для нихъ самихъ и ихъ преемниковъ правила“.

[3]) 4 февраля 1835 г. № 48 въ дѣлѣ II Отдѣленія № 1127, прил.

„Комитетъ, соображая отзывъ... съ силою манифеста 1833 г., на основаніи коего Сводъ воспринялъ нынѣ силу и дѣйствіе закона,... находитъ, что ни въ семъ манифестѣ, ни въ самомъ Сводѣ не постановлено никакого различія между статьями, основанными дѣйствительно на законахъ положительныхъ, и тѣми, въ коихъ сдѣланы указанія на одни только министерскія распоряженія; и, слѣдовательно, въ случаѣ необходимости министръ не въ правѣ уже самъ собою сдѣлать въ сихъ послѣднихъ никакого измѣненія или дополненія, если не будетъ на сіе въ Сводѣ общаго поясненія...“

в) Полную силу закона получили также статьи, основанныя на необнародованныхъ въ установленномъ порядкѣ указахъ. Хотя требованіе, для общеобязательности постановленія, предварительнаго его обнародованія не могло играть въ эпоху, предшествовавшую появленію особаго законосовѣщательнаго учрежденія, всей той роли, какъ въ позднѣйшее время, тѣмъ не менѣе уже въ XVIII вѣкѣ существовало правило, что законъ получаетъ обязательную силу не прежде, какъ со дня его объявленія, и что только при этомъ условіи никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона [1]). А ко времени приступа къ работамъ по Своду уже произошли случаи, когда необнародованныя постановленія признаны были недѣйствительными [2]). Самое обнародованіе принадлежало, какъ и теперь, Правительствующему Сенату и производилось имъ путемъ тисненія закона, сообщенія его Синоду и разсылки, при указахъ, присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ. Въ губерніяхъ публикація происходила печатными листами отъ губернскаго правленія, прочитывавшимися, въ особыхъ случаяхъ, во

---

[1]) Осн. зак. (т. I, 1832 г.), ст. 60, 62. Ср. 1720 февр. 10 (3515); 1738 авг. 22 (7638); 1764 март. 17 (12190); 1775 нояб. 7 (14392) ст. 95.

[2]) Примѣръ (приведенъ въ представленіи Кодификаціоннаго Отдѣла въ Государственный Совѣтъ 15 февр. 1885 г. № 97, стр. 51): Въ 1825 году (П. С. З., № 30472) удостоилось Высочайшаго утвержденія мнѣніе Государственнаго Совѣта по одному частному дѣлу, гдѣ шла рѣчь о примѣненіи состоявшагося 26 февраля 1763 г. сенатскаго указа относительно воспрещенія супругамъ продавать одинъ другому недвижимую собственность. Указъ этотъ, хотя и состоявшійся въ присутствіи Императрицы Екатерины II въ Правительствующемъ Сенатѣ, вслѣдствіе нераспубликованія его признанъ былъ недѣйствительнымъ со стороны Комиссіи составленія законовъ, которая находила необходимымъ, для приложенія этого указа къ дѣламъ, предварительное его опубликованіе, при чемъ дѣйствіе его должно было бы считаться не со дня его воспослѣдованія, а со дня публикаціи и даже полученія его въ каждомъ мѣстѣ. Заключеніе Комиссіи было раздѣлено большинствомъ членовъ Государственнаго Совѣта.

всеобщее услышаніе по приходскимъ церквамъ [1]).—Полное Собраніе Законовъ составлялось, какъ извѣстно, не всегда считаясь съ тѣмъ, было ли каждое изъ помѣщаемыхъ въ немъ узаконеній въ свое время обнародовано [2]). Поэтому и въ Сводъ законовъ, заимствовавшій свое содержаніе изъ Полнаго Собранія, могли перейти постановленія, опубликованію не подвергшіяся. Но, и независимо того, самъ Сводъ законовъ пополняемъ былъ нерѣдко узаконеніями, которыя не нашли себѣ мѣста, по ихъ неизвѣстности, въ Полномъ Собраніи. Сюда относятся, прежде всего, тѣ постановленія, которыя, какъ сказано въ примѣчаніи 3 къ статьѣ 57 осн. зак. 1832 г., не измѣняя и не дополняя общихъ узаконеній, но опредѣляя только распорядокъ мѣстнаго исполненія и по предметамъ своимъ къ общему свѣдѣнію и наблюденію не слѣдуя, обращались къ исполненію единственно тѣхъ мѣстъ и лицъ, къ коимъ они по существу принадлежатъ. Не подвергшись посему обнародованію, многія изъ постановленій этого рода были однако существенно важны для Свода законовъ, гдѣ весьма подробно опредѣлялся внутренній „распорядокъ“, и потому нашли себѣ мѣсто въ проектахъ сводовъ. Такъ, въ учрежденіяхъ Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ имѣлся рядъ статей, основанныхъ на Высочайше утвержденныхъ 12 и 27 іюня 1827 г. запискахъ предсѣдателей названныхъ высшихъ установленій, а въ учрежденіяхъ министерствъ—постановленія, заимствованныя изъ необнародованныхъ мнѣній Государственнаго Совѣта за 1829—1831 годы относительно сокращенія дѣлопроизводства по разнымъ вѣдомствамъ. Когда, при исправленіи сводовъ на основаніи отпечатаннаго къ 1830 году Полнаго Собранія Законовъ, у редакторовъ возникъ вопросъ, слѣдуетъ-ли оставлять въ Сводѣ узаконенія, не попавшія въ Полное Собраніе, то, какъ видно изъ преподанныхъ Балугьянскимъ въ началѣ 1831 года „правилъ, наблюдаемыхъ при исправленіи сводовъ“, вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ (ст. 7) въ утвердительномъ смыслѣ, на томъ основаніи, что „нѣкоторыя изъ не вошедшихъ въ Собраніе узаконеній могутъ быть необходимы для полноты и вѣрности сводовъ“. Обратный же этому вопросъ, представлявшійся на Высочайшее усмотрѣніе, не слѣдуетъ-ли вклю-

---

[1]) Осн. зак. (1832 г.), ст. 57 и прим. 1; учр. Сенат., ст. 275; уст. пред. прест., ст. 112, 116.

[2]) Какъ усматривается изъ предисловія къ Полному Собранію, день обнародованія указа, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ извѣстенъ, подлежалъ означенію особой отмѣткой въ примѣчаніяхъ подъ указами.

чить въ Полное Собраніе то или другое необнародованное узаконеніе, разрѣшался большею частью въ отрицательномъ смыслѣ [1]). Еще въ большей степени включеніе въ Сводъ необнародованныхъ постановленій явилось послѣдствіемъ замѣчаній, которыя были сдѣланы вѣдомствами во время разсмотрѣнія въ комитетахъ [2]). Благодаря всему этому даже и въ нынѣ дѣйствующемъ Сводѣ встрѣчается довольно много цитатъ за старое время безъ означенія номеровъ по Полному Собранію, и сохранились статьи, почти полностью основанныя на необнародованномъ постановленіи [3]). Такимъ образомъ произошло то, что, хотя ни Полное Собраніе, ни Сводъ законовъ не предназначались къ роли обнародованія законовъ, тѣмъ не менѣе оглашеніе во второмъ изъ этихъ сборниковъ такихъ дотолѣ формально не обнародованныхъ постановленій устранило, конечно, для частнаго лица, со времени вступленія Свода въ силу закона, возможность „отговариваться невѣдѣніемъ" ихъ.

Во-вторыхъ, присвоеніе одинаковой силы всѣмъ постановленіямъ, включеннымъ въ Сводъ 1832 года, должно было повлечь за собою, для нѣкоторыхъ изъ нихъ, измѣненіе того порядка, въ которомъ они до включенія въ Сводъ могли быть измѣняемы или отмѣняемы. Такъ, облеченныя въ статьи Свода постановленія министровъ получили, какъ мы видѣли, обязательную силу и для нихъ самихъ, и они уже не могли, внѣ обращенія къ Высочайшей власти, замѣнить прежнія свои постановленія другими. Едва-ли, конечно, слѣдуетъ, по вопросу о порядкѣ измѣненія статей Свода, независимо отъ источника, изъ котораго онѣ образовались, идти такъ далеко, какъ то было указано гр. Блудовымъ въ одномъ изъ его всеподданнѣйшихъ докладовъ (по поводу приступа ко второму изданію Свода), а именно, что „текстъ Свода есть Высочайше утвержденный нынѣ дѣйствующій законъ, который не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ Высочайше утвержденнымъ *мнѣніемъ Государственнаго Совѣта*". Уже изъ хронологическаго указателя къ продолженію 1839 года видно, насколько сильно отражались на Сводѣ, кромѣ мнѣній Государственнаго Совѣта, также положенія Комитета Министровъ, Сибирскаго Комитета и другого происхожденія Высочайшія

---

[1]) Примѣры этому см. у Майкова, Второе Отдѣленіе, стр. 164—166.

[2]) См. дѣло II Отдѣленія 1828 г. № 10.

[3]) Такъ, статья 483 учр. мин., относительно полномочій Министра Финансовъ по разсрочкамъ платежей и взысканій въ казну, основана въ главной своей части на мнѣніи Гос. Сов. 19 дек. 1829 г., принадлежащемъ къ упомянутой выше категоріи необнародованныхъ постановленій о сокращеніи дѣлопроизводства.

повелѣнія. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что, поскольку этого не было предоставлено той или другой административной власти особымъ, нарочитымъ постановленіемъ закона, измѣненіе внесенныхъ въ Сводъ правилъ низшаго порядка уже не могло имѣть мѣста тѣмъ именно порядкомъ, въ какомъ они въ свое время были установлены.

Дальнѣйшимъ логическимъ послѣдствіемъ законной силы Свода должно бы быть признаніе его текста, съ 1 января 1835 года, неприкосновеннымъ и для самихъ составителей Свода, т. е. не допускающимъ дальнѣйшихъ исправленій или улучшеній, поскольку таковыя не могутъ быть обоснованы, согласно коренному правилу законосведенія (нашей „кодификаціи"), *позднѣйшими* (съ 1 января 1834 г.) узаконеніями. Такого рода выводъ не столь однако несомнѣненъ, какъ остальные, и является въ извѣстной мѣрѣ условнымъ, потому что вопросъ той или иной передѣлки въ Сводѣ по инициативѣ его составителей слишкомъ тѣсно связанъ съ болѣе общимъ вопросомъ о порядкѣ устраненія вкравшихся въ Сводъ ошибокъ. Этотъ же послѣдній вопросъ разрѣшенъ былъ не къ самому вступленію Свода въ силу, а, какъ увидимъ ниже, нѣсколько позже.

Въ-третьихъ, признаніе за редакціею въ Сводѣ значенія единственнаго текста устранило возможность, какъ въ дѣлопроизводствѣ правительственныхъ мѣстъ, такъ и для частныхъ лицъ, опираться на прежде примѣнявшійся текстъ, если бы послѣдній оказался не совпадающимъ съ основанною на немъ статьею Свода. Если правила 12 декабря 1834 г. и установили для частныхъ лицъ ту льготу, что они временно, впредь до усмотрѣнія [1]), могли ссылаться въ прошеніяхъ, вмѣсто статей Свода, на указы, то это отнюдь не означало возможности домогаться рѣшенія именно по тексту указовъ, потому что тѣмъ же самымъ постановленіемъ (ст. VIII), которымъ разрѣшено присутственнымъ мѣстамъ не возвращать прошеній со ссылками на указъ, подтверждена была однако обязанность ихъ основывать рѣшенія свои на статьяхъ Свода. По-

---

[1]) Была ли вообще, и когда именно, формально прекращена эта льгота, установить намъ не удалось. Вѣроятно, частныя лица весьма скоро привыкли къ Своду и недолго пользовались предоставленною имъ льготою,—почему въ прямой ея отмѣнѣ и не настояло нужды. Тѣмъ не менѣе страннымъ анахронизмомъ звучитъ упоминаніе въ ст. 7 приложенія къ ст. 66 (прим.) дѣйствующаго учрежденія Сената о томъ, что ссылка частнаго лица въ прошеніи, вмѣсто статей Свода, на „указы" не должна влечь за собою возвращенія, по сей единственно причинѣ, такого прошенія безъ производства по нему.

этому требованіе статьи 65 осн. зак. 1832 г. о томъ, что „законы должны быть исполняемы по точному и буквальному смыслу оныхъ безъ всякаго измѣненія или распространенія“, надлежало относить со времени Свода именно къ его тексту, а не къ подлинному изложенію первоисточниковъ, если они инкорпорированы въ Сводѣ. Эти источники могли имѣть отнынѣ значеніе лишь для историческаго толкованія и, въ лучшемъ случаѣ, значеніе законодательныхъ матеріаловъ.

Не могло не произойти существеннаго измѣненія въ области толкованія и въ томъ отношеніи, что теперь значительно расширился систематическій элементъ этого толкованія, благодаря размѣщенію законодательства въ Сводѣ по рубрикамъ и внесенію въ него ряда новыхъ заголовковъ, въ источникахъ, можетъ быть, отсутствовавшихъ. Этому новому распредѣленію законовъ въ Сводѣ придавалось столь существенное значеніе, что при установленіи правилъ негласной ревизіи предписано было „не касаться систематическаго распредѣленія статей и не допускать о томъ никакихъ разсужденій“ [1]), и этимъ всей системѣ Свода, даже и въ мелкихъ подраздѣленіяхъ, придано свойство непререкаемости.

Сообразно съ этими послѣдствіями измѣнилось въ извѣстной мѣрѣ и значеніе Полнаго Собранія Законовъ. Являясь по мысли, положенной въ его основаніе, подготовительнымъ сборникомъ для составленія Свода законовъ, содержащимъ достовѣрный и по возможности полный законодательный матеріалъ, Собраніе это не предназначалось къ естественной по выходѣ Свода смерти. Наоборотъ, въ предисловіи къ тому I Полнаго Собранія [2]) было сказано: „Сводъ долженъ быть и будетъ послѣдствіемъ Собранія, но *не можетъ замѣнить* его, а, напротивъ, на немъ онъ долженъ утверждаться“. Это написано было Сперанскимъ въ 1830 году и могло выражать тогдашнія предположенія о соотношеніи между Сводомъ и его источниками. Ко времени же вступленія Свода въ силу на основаніяхъ, указанныхъ въ манифестѣ 1833 г. и въ развивающихъ его правилахъ, Полное Собраніе получило уже по преимуществу историческое значеніе. Любопытнымъ подтвержденіемъ такого взгляда можетъ служить слѣдующая резолюція Императора Николая на всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Блудова 18 января 1847 г. относительно снабженія уѣздныхъ присутствен-

---

[1]) Выс. утв. 16 марта 1833 г. мнѣніе Гос. Сов., ст. 2, п. 2.

[2]) Стр. XVII, XVIII.

ныхъ мѣстъ книгами перваго Полнаго Собранія [1]): „Не вижу никакой въ томъ нужды, ибо Полное Собраніе законовъ есть книга нынѣ чисто историческая, въ которой уѣзднымъ судамъ никакой нужды нѣтъ“.

Всѣ вышеприведенныя положенія имѣютъ въ виду одинъ опредѣленный моментъ—1 января 1835 года, когда Сводъ законовъ впервые долженъ былъ получить свое дѣйствіе. Относясь, слѣдовательно, *къ Своду* въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ находился къ этому сроку [2]), т. е. къ Своду 1832 года съ тѣми въ немъ исправленіями, на основаніи негласной ревизіи, и дополненіями на основаніи узаконеній, послѣдовавшихъ по 1 января 1834 года, которыя нашли себѣ мѣсто въ первомъ продолженіи, наши выводы исходятъ изъ того *о Сводѣ* законодательства, которое успѣло образоваться къ тому же 1 января 1835 года. Этимъ объясняется, почему въ предыдущемъ изложеніи не удѣлено мѣста случаямъ конфликтовъ между статьями Свода и ихъ источниками, т. е. не дано освѣщенія вопросу, получили ли допущенныя въ первомъ изданіи Свода вольныя и невольныя ошибки противъ источниковъ законоустановительную силу. Если бы, за отсутствіемъ иныхъ указаній законодателя, намъ предстояло по силѣ необходимости разрѣшить поставленный вопросъ исключительно на основаніи манифеста 31 января и правилъ употребленія Свода, то проводимая выше точка зрѣнія на первое изданіе, какъ на законъ, обязывала бы, конечно, отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно (кромѣ развѣ случая полнаго пропуска указа въ Сводѣ, потому что пунктъ 2 манифеста предписываетъ приложеніе статьи Свода лишь *вмѣсто* указа и, слѣдовательно, по буквѣ не можетъ быть относимъ къ тѣмъ слу-

---

[1]) Собраніе всеподданнѣйшихъ докладовъ по II Отд. 1847 г. № 59.—Предположеніе это возникло въ связи съ намѣченнымъ въ то время пополненіемъ Собранія указами за прежніе годы, разысканными въ различныхъ архивахъ (дѣло II Отд. 1845 г. № 76). Для облегченія дальнѣйшихъ въ этомъ отношеніи изысканій въ архивахъ присутственныхъ и другихъ мѣстъ, въ 1851 году былъ отпечатанъ Общій хронологическій указатель къ Полному Собранію Законовъ (1649—1850 г.г.). Полнаго осуществленія планъ отпечатанія всѣхъ дополнительно доставленныхъ узаконеній не получилъ. Въ 1855 году отпечатаны были, подъ названіемъ Дополненія ко Второму Полному Собранію Законовъ Россійской Имперіи, только узаконенія, относящіяся къ 1825—1850 годамъ.

[2]) Въ чистомъ своемъ видѣ, какъ совершенно правильно указываетъ бар. А. Э. Нольде (Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г. № 5, стр. 180), изданіе Свода 1832 г. никогда силы не имѣло.

чаямъ, когда „вмѣсто указа“ нельзя привести никакой соотвѣтствующей статьи Свода). Въ дѣйствительности, однако, вопросъ о томъ или другомъ значенiи ошибокъ вообще не можетъ быть ставимъ въ плоскости основного законодательнаго акта о Сводѣ. Правда, Сперанскiй вполнѣ опредѣленно коснулся въ своей запискѣ о силѣ и дѣйствiи Свода, при разсмотрѣнiи взаимныхъ выгодъ и невыгодъ перваго и второго предположенiй, тѣхъ случаевъ, когда, противно чаянiямъ, въ Сводѣ оказались бы пропускъ указа или несходство, неправильное изложенiе и даже противоположность съ закономъ, на которомъ статья основана. Имѣя однако прямое отношенiе только ко второму предположенiю (гдѣ обязательно было въ точности установить, въ какихъ именно случаяхъ возможно обращаться отъ Свода къ самому тексту закона), вопросъ этотъ не могъ найти себѣ отраженiя въ манифестѣ уже потому, что второе предположенiе принадлежало къ числу отвергнутыхъ Государственнымъ Совѣтомъ. Но болѣе того. Именно предусматривавшаяся возможность подобныхъ ошибокъ и послужила, вѣроятно, главною побудительною причиною—хотя въ журналѣ Общаго Собранiя на первомъ мѣстѣ упомянуто не это, а необходимость предварительнаго ознакомленiя со Сводомъ присутственныхъ мѣстъ,—для принятiя перваго предположенiя съ поправками, вытекавшими изъ четвертаго предположенiя, т. е. для признанiя силы закона за Сводомъ не немедленно вслѣдъ за его изданiемъ, а лишь черезъ двухлѣтнiй промежутокъ, въ теченiе котораго, предполагалось, *всѣ* вкравшiяся ошибки будутъ выяснены повѣркою Свода при производствѣ дѣлъ и исправлены въ продолженiи. При наличiи такого предположенiя всѣ опредѣленiя манифеста исходили изъ начала безусловной правильности труда Второго Отдѣленiя, и поэтому не въ рамкахъ манифеста можно искать отвѣта тому, какъ быть въ случаяхъ обнаружившихся въ Сводѣ ошибокъ. Вопросъ этотъ поставленъ былъ лишь тогда, когда производившаяся согласно правиламъ 16 марта 1833 г. практическая повѣрка Свода подтвердила опасенiе наличности въ немъ такихъ ошибокъ и когда выяснилось, что даже не всѣ изъ разсматриваемыхъ уже случаевъ этого рода могутъ найти себѣ разрѣшенiе ко времени вступленiя Свода въ силу. Выдвинутый Министромъ Юстицiи Дашковымъ въ концѣ 1834 года, въ связи съ внесеннымъ въ Государственный Совѣтъ проектомъ Сперанскаго о приложенiи и употребленiи Свода законовъ въ производствѣ дѣлъ, частный этотъ вопросъ по своей сложности не успѣлъ получить разрѣшенiя ко времени введенiя Свода

въ дѣйствіе. Лишь 20 января 1836 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта по этому вопросу, подъ названіемъ „о порядкѣ дополненія и поясненія Свода законовъ", открывшее новую или, вѣрнѣе, дополнительную, секретную для обывателя (въ виду необнародованія) страницу въ вопросѣ о силѣ Свода. Явившись послѣдствіемъ примѣненія правилъ 16 марта 1833 г., новелла 1836 года не можетъ быть обсуждаема отдѣльно отъ установленной тѣми правилами „негласной ревизіи" Свода, которая поэтому заслуживаетъ особаго очерка.

VII.

Широкій по замыслу и еще возросшій въ своемъ значеніи и объемѣ по мѣрѣ его выполненія, трудъ, возложенный на Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, требовалъ, конечно, повѣрки не только со стороны самихъ участниковъ и руководителей этого труда, но и за предѣлами Второго Отдѣленія. Такая повѣрка входила и въ самую программу Сперанскаго и производилась, какъ мы видѣли изъ предыдущихъ главъ, въ ревизіонныхъ комитетахъ подлежащихъ вѣдомствъ въ теченіе почти четырехъ лѣтъ, до мая 1832 года. Къ концу этихъ повѣрочныхъ работъ выяснилось, однако, въ главномъ изъ комитетовъ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, что пріемъ „общаго обозрѣнія" сводовъ для провѣрки Свода „въ отношеніи къ точности выраженій" оказывается недостаточнымъ. Въ виду этого Дашковъ рекомендовалъ, прежде введенія Свода въ законную силу, придать ему на два года значеніе руководства, въ теченіе которыхъ губернскія мѣста обязаны были бы представить тѣ поясненія и пополненія, какія они признаютъ нужными въ Сводѣ, съ тѣмъ, чтобы по истеченіи срока правительство могло воспользоваться поступившими замѣчаніями для усовершенствованія Свода.

Сперанскій не привѣтствовалъ такого предположенія, считая его,—быть можетъ, не вполнѣ основательно,—вторичною повѣркою, вытекающею исключительно изъ „пришедшей уже при концѣ ревизіи мысли о другой высшей достовѣрности", и потому постарался дать этому предположенію отпоръ въ общей своей запискѣ о силѣ и дѣйствіи Свода, представленной сначала Государю и затѣмъ въ Государственный Совѣтъ. Въ первоначальной запискѣ онъ писалъ: „Никакая единовременная ревизія, развѣ бы она про-

должалась еще столько же, сколько и самое составленіе Свода, не можетъ удостовѣрить съ точностью, что въ немъ никакая подробность не пропущена и что всѣ и самомалѣйшія распоряженія введены въ составъ его. Одинъ токмо опытъ, одно ежедневное практическое употребленіе Свода можетъ произвесть сію достовѣрность". Въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, но ту же по существу мысль о возможности одной только „постепенной ревизіи Свода на самомъ опытѣ" Сперанскій высказалъ и въ окончательной своей запискѣ, внесенной въ Государственный Совѣтъ 17 января 1833 г.: „Установить-ли вторичную ревизію? Но и она, можетъ быть, не дойдетъ до рѣшительной, единогласной достовѣрности: ибо въ порядкѣ истинъ сего рода нѣтъ доказательствъ математическихъ; одинъ опытъ можетъ рѣшить дѣло". Считая достаточною и вполнѣ достигшею своей цѣли ту повѣрку, которая производилась въ 8 ревизіонныхъ комитетахъ и была обращена „на статьи болѣе или менѣе темныя, сомнѣнію подлежащія", Сперанскій тѣмъ не менѣе далекъ былъ отъ мысли о безошибочности выполненнаго подъ его руководствомъ труда и поэтому-то и отдавалъ предпочтеніе второму предположенію о силѣ Свода, при которомъ, вслѣдствіе допустимости въ извѣстныхъ случаяхъ перехода отъ статей Свода къ тексту источниковъ, достигалась возможность исправленія, буде оказались бы, вкравшихся ошибокъ [1]). Подъ вторичной ревизіей онъ понималъ повтореніе, въ той или иной формѣ, того повѣрочнаго процесса, который уже пройденъ былъ въ центральныхъ учрежденіяхъ и въ особомъ при Министерствѣ Юстиціи комитетѣ для обозрѣнія сводовъ. Относясь безусловно отрицательно къ такого рода постатейной провѣркѣ, Сперанскій мирился и даже признавалъ желательною опытную повѣрку, но силами самого Второго Отдѣленія или же—уже въ видѣ компромисса съ мнѣніемъ Дашкова—со стороны какого-либо высшаго установленія. На эту мысль наводитъ записка, сохранившаяся среди бумагъ Сперанскаго въ

---

[1]) Въ первоначальной запискѣ соотвѣтствующее мѣсто гласитъ: „ибо каждый случай, когда дѣло рѣшено будетъ не по статьямъ Свода, но по тексту закона, будетъ служить практическимъ на самый Сводъ примѣчаніемъ; онъ будетъ доказывать, что въ статьѣ есть или пропускъ, или недостатокъ въ изложеніи. Хотя нѣтъ причины предполагать, чтобы число сихъ случаевъ было значительно, но они возможны, и сію самую возможность должно обратить въ пользу. Собирая сіи случаи воедино, можно будетъ при ежегодномъ продолженіи Свода вводить въ оный и тѣ исправленія, кои отъ сей ревизіи возникнутъ".

архивѣ Государственнаго Совѣта [1]), и имъ самимъ начертанный проектъ вторичной ревизіи Свода.

Объяснивъ въ запискѣ существо ревизіи и тотъ ея путь, который былъ примѣненъ при самомъ составленіи Свода и его просмотрѣ, и упомянувъ, что возникшее въ ревизіонномъ комитетѣ сомнѣніе въ законной достовѣрности Свода заставляетъ изыскать другой путь его повѣрки, Сперанскій намѣчаетъ въ качествѣ таковогоо слѣдующую мѣру. Надлежитъ взять нѣсколько дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, окончательно рѣшенныхъ, и на мѣсто указовъ, въ рѣшительныхъ ихъ опредѣленіяхъ означенныхъ, поставить соотвѣтствующія имъ статьи Свода. Если по сему приложенію найдено будетъ, что статьи Свода въ полной мѣрѣ замѣняютъ указы, то этимъ утвердится заключеніе о полной возможности примѣненія статей Свода къ дѣламъ, не перемѣняя ничего въ существѣ законныхъ рѣшеній, и вообще, въ соединеніи съ первымъ путемъ повѣрки, усилится достовѣрность Свода въ такой степени, какой только въ семъ родѣ дѣла можно достигнуть. Предлагаемый опытъ дастъ также матеріалъ для сужденія, которая изъ двухъ формъ, прежняя или новая, для производства самаго дѣла удобнѣе, т. е. въ которой изъ двухъ примѣненіе закона къ дѣлу облегчительнѣе и вѣрнѣе.

Еще любопытнѣе развитіе этой мысли въ сопровождающихъ короткую эту записку: 1) правилахъ комитету, учрежденному для вторичной ревизіи Свода, и 2) наставленіи чиновникамъ Второго Отдѣленія для приготовленія дѣлъ, поступающихъ въ ревизіонный комитетъ. Согласно первому изъ этихъ проектовъ, для вторичной ревизіи имѣетъ быть учрежденъ особый комитетъ въ составѣ Государственнаго Совѣта, изъ нѣсколькихъ его членовъ [2]) и двухъ сенаторовъ, при чемъ въ него же входятъ съ совѣщательнымъ голосомъ Сперанскій и Министръ Юстиціи, а для объясненій присутствуютъ Государственный Секретарь и начальникъ Второго Отдѣ-

---

[1]) По описи бумагъ Сперанскаго, № 117, л. 131—135. Какъ указываетъ бар. А. Э. Нольде (Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г. № 5, стр. 182), въ архивѣ Государственнаго Совѣта эти записки сохранились и въ переписанномъ видѣ; одну изъ нихъ (наставленіе)—почерка Рѣпинскаго—мы видѣли въ связкѣ № 150, л. 28.

[2]) Таковыми авторъ проекта намѣтилъ: гр. Головкина въ качествѣ предсѣдателя, Новосильцова, Кушникова (всѣ три—члены Департамента Законовъ) и кн. Долгорукаго.

ленія. Поручаемая комитету ревизія должна состоять въ опытѣ приложенія статей Свода къ самому дѣлопроизводству, для чего имѣетъ быть доставлено изъ Правительствующаго Сената извѣстное число рѣшительныхъ опредѣленій, съ присоединеніемъ къ нимъ выписокъ изъ законовъ. Дѣла эти должны поступить первоначально во Второе Отдѣленіе, для подготовки и разработки его чиновниками и послѣдующаго внесенія начальникомъ этого Отдѣленія въ комитетъ. Заключенія комитета излагаются въ журналахъ, составляемыхъ тѣми же докладчиками изъ Второго Отдѣленія. Для доставленія дѣлъ и для ихъ подготовки Отдѣленіемъ поставлены опредѣленные, весьма краткіе, сроки. По окончаніи работъ комитета долженъ быть составленъ протоколъ, въ которомъ комитетъ „представитъ общее обозрѣніе порученнаго ему дѣла и присоединитъ свое заключеніе объ удобнѣйшемъ образѣ введенія Свода въ законное дѣйствіе". Выработанное для чиновниковъ наставленіе, въ которомъ опредѣлялся методъ ихъ работы, заканчивалось указаніемъ на необходимость изложенія съ ихъ стороны рѣшенія по дѣлу тѣми же самыми словами, какъ оно стоитъ въ опредѣленіи Сената, съ помѣщеніемъ на мѣсто указовъ статей Свода и съ представленіемъ перечня указовъ излишнихъ или неправильно приведенныхъ въ выпискахъ и опредѣленіяхъ.

Всѣ эти три проекта помѣчены Сперанскимъ датою 11 января 1833 г. и, слѣдовательно, относятся къ тѣмъ днямъ, которые непосредственно слѣдовали за состоявшимся 8 января представленіемъ Государю матеріаловъ, относящихся къ введенію Свода въ дѣйствіе. Проекты эти, вызванные, вѣроятно, создавшимся настроеніемъ въ пользу дальнѣйшей провѣрки изготовленныхъ сборниковъ, не получили однако никакого движенія, потому ли, что они, вызывая неизбѣжно отсрочку въ обнародованіи Свода, не встрѣтили одобренія со стороны Императора, или потому, что самъ Сперанскій отказался отъ нихъ, предпочтя выдвинуть четвертое предположеніе къ разрѣшенію вопроса о силѣ Свода—приданіе ему на нѣкоторое время значенія руководства, при условіи совмѣстнаго цитированія и законовъ, и статей Свода (что́ весьма близко напоминаетъ предложенный въ проектахъ методъ провѣрки на опытѣ). Какъ бы то ни было, записка, внесенная въ Государственный Совѣтъ, не содержитъ никакихъ даже намековъ на вторичную ревизію въ стѣнахъ Государственнаго Совѣта, и выборъ того или иного изъ выдвинутыхъ „предположеній" не поставленъ этою запискою въ прямую зависимость, какъ въ приведенномъ выше

проектѣ Сперанскаго, отъ результатовъ новаго обозрѣнія Свода со стороны его достовѣрности. Знаменательнымъ однако и не лишеннымъ значенія для пониманія дальнѣйшаго отношенія Сперанскаго къ вопросу о вторичной ревизіи остается тотъ фактъ, что въ разсмотрѣнныхъ выше правилахъ онъ отводилъ главную роль Второму Отдѣленію, съ устраненіемъ вѣдомственнаго содѣйствія, и думалъ привлечь къ этому дѣлу лишь авторитетъ особой коллегіи при законодательномъ учрежденіи.

Государственный Совѣтъ, выбравъ соединеніе перваго и четвертаго предположеній, не вдавался въ подробности вопроса объ использованіи для цѣлей провѣрки двухгодичнаго срока до введенія Свода въ законную силу. Въ журналѣ Общаго Собранія 19 января отмѣчено только, что „впродолженіе сего времени правительство можетъ сдѣлать нѣкоторыя негласныя распоряженія, дабы для провѣрки при производствѣ новыхъ дѣлъ не откроется ли какихъ противорѣчій между законами, въ Сводѣ приведенными, или пропусковъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ дано порученіе, отдѣлами III и IV заключенія: а) „Министру Юстиціи составить положеніе, какимъ образомъ учреждена быть можетъ.... негласная ревизія въ удостовѣреніе, не откроется-ли при производствѣ дѣлъ противорѣчій или неясности въ Сводѣ законовъ, или же пропусковъ, изъясненія или дополненія требующихъ“, и б) Департаменту Законовъ разсмотрѣть совокупно съ Министромъ Юстиціи упомянутый проектъ положенія для предполагаемой ревизіи, и заключеніе о немъ, равно какъ и о проектѣ манифеста, при коемъ имѣетъ быть изданъ Сводъ законовъ, внести на уваженіе Общаго Собранія. При этомъ, въ руководство Министру и Департаменту,—поставлено слѣдующее Высочайшее указаніе: „что сей мѣры простирать не можно въ губерніяхъ далѣе, какъ до губернскихъ прокуроровъ“.

Давая это порученіе, Общее Собраніе разсчитывало, вѣроятно, на совмѣстное разсмотрѣніе съ манифестомъ о Сводѣ и правилъ о ревизіи. Этотъ расчетъ однако не оправдался, несмотря на то, что, вслѣдствіе происшедшаго по журналу 19 января разногласія, составленіе манифеста нѣсколько затянулось, и тѣмъ самымъ удлинилось и время для выработки правилъ о ревизіи. Чтобы, въ ожиданіи поступленія отъ Министра Юстиціи его проекта, не откладывать разсмотрѣнія готоваго проекта манифеста, Сперанскій, по порученію Государя, еще 26 января писалъ Государственному Секретарю, одновременно съ сообщеніемъ ему проекта манифеста, что вопросъ о правилахъ повѣрки Свода имѣетъ быть предложенъ

на разсужденіе Государственнаго Совѣта отдѣльно отъ вопроса о манифестѣ [1]). И если промежутокъ времени между разсмотрѣніемъ въ Департаментѣ Законовъ манифеста—засѣданіе 31 января—и приступомъ къ обсужденію проекта Министра Юстиціи—засѣданіе 3 февраля—былъ совершенно незначителенъ, не превышая 4-хъ дней, то формальное завершеніе этотъ послѣдній проектъ получилъ только 16 марта 1833 г., т. е. на цѣлыхъ полтора мѣсяца позже, нежели былъ утвержденъ манифестъ 31 января. Гдѣ причина этой медленности?

Министерство Юстиціи проявило въ этомъ дѣлѣ достаточно быстроты. Уже 2 февраля, т. е. на другой день послѣ полученія оффиціальнаго увѣдомленія о данномъ ему порученіи, Дашковъ препроводилъ къ Государственному Секретарю, для внесенія въ Совѣтъ, записку о негласной ревизіи, съ приложенными къ ней проектами циркуляровъ: а) сенатскимъ канцеляріямъ, на имя оберъ-прокуроровъ и б) губернскимъ прокурорамъ [2]). На слѣдующій день записка уже обсуждалась въ Департаментѣ Законовъ, но встрѣтила, надо думать, сомнѣнія и возраженія, потому что понадобилось еще два департаментскихъ засѣданія, 17 и 24 февраля, прежде чѣмъ дѣло могло перейти въ Общее Собраніе.

Въ запискѣ своей, составленной, судя по скрѣпѣ, директоромъ департамента Дегаемъ, представлявшимъ, повидимому, главную силу и при первой ревизіи Свода, Дашковъ объяснялъ, что, исполняя порученіе Государственнаго Совѣта, онъ „особенно старался учредить предположенную повѣрку въ такомъ видѣ, чтобы оная отнюдь не изъявляла со стороны правительства сомнѣнія въ правильномъ составленіи Свода, но чтобы съ достиженіемъ желаемой цѣли оная казалась производящимъ ее мѣстамъ и лицамъ способомъ къ пріобрѣтенію ими самими надлежащаго навыка въ употребленіи Свода, долженствующаго чрезъ два года воспріять силу исключительнаго текста законовъ, и къ благовременному разрѣшенію могущихъ возникнуть по сему предмету недоразумѣній“. Средствами для достиженія этой цѣли должны были служить: 1) ограниченіе соображенія Свода съ выписками изъ законовъ, составляемыми при производствѣ дѣлъ, только въ департаментѣ

---

[1]) См. у П. М. Майкова („Второе Отдѣленіе“) приложеніе IV.

[2]) Дѣло Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта 1833 г. № 7 о правилахъ для негласной повѣрки Свода законовъ.

Министерства Юстиціи, на консультаціи и въ канцеляріяхъ Сената, а въ губерніяхъ—только со стороны прокуроровъ при просмотрѣ сообщаемыхъ имъ изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ протоколовъ и опредѣленій; 2) сосредоточеніе присылаемыхъ въ Министерство Юстиціи замѣчаній въ особомъ комитетѣ, уже занимавшемся повѣркою сводовъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ [1]) (подъ предсѣдательствомъ Дашкова, съ присоединеніемъ къ прежнему составу гр. Панина и нѣсколькихъ другихъ членовъ „изъ опытныхъ законовѣдцевъ", по выбору Министра); 3) періодическое внесеніе тѣхъ изъ поступающихъ замѣчаній, которыя признаны будутъ заслуживающими уваженія, на основаніи статьи 4 манифеста 31 января, для окончательнаго разсмотрѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ; 4) установленіе, отнюдь не касаясь систематическаго распредѣленія статей: соотвѣтствуютъ-ли статьи Свода существу и разуму узаконеній, изъ коихъ оныя составлены; вѣрны-ли ссылки, подведенныя подъ каждою статьею, и нѣтъ-ли важныхъ пропусковъ, какъ въ ссылкахъ на узаконенія, такъ и въ самомъ текстѣ Свода; 5) изданіе особой циркулярной инструкціи „подъ видомъ благовременнаго пріученія сенатскихъ канцелярій и губернскихъ прокуроровъ къ употребленію Свода", съ тѣмъ, чтобы въ ней объяснена была польза, какую собственно для себя будутъ почерпать судьи и дѣлопроизводители изъ соображенія статей Свода съ производимыми выписками изъ законовъ, и заключалось предписаніе производить такое соображеніе при разрѣшеніи каждаго дѣла и представлять встрѣтившіяся затрудненія, недоразумѣнія и сомнѣнія ежемѣсячно на усмотрѣніе Министра; 6) „домашнее распоряженіе" въ департаментѣ и на консультаціи Министерства Юстиціи о тщательномъ, при докладѣ каждаго дѣла, сличеніи выписокъ съ текстомъ Свода и внесеніе встрѣтившихся затрудненій на разсмотрѣніе комитета; 7) примѣненіе такой же практической ревизіи и въ другихъ министерствахъ и главныхъ управленіяхъ по доходящимъ до нихъ дѣламъ, съ внесеніемъ признанныхъ основательными замѣчаній въ Государственный Совѣтъ; 8) разсылка облекаемымъ обязанностью ревизіи мѣстамъ и лицамъ достаточнаго числа экземпляровъ Свода [2]) и учрежденіе на 2 года особой при

---

[1]) Кромѣ выполненія этой основной своей задачи, комитетъ разсмотрѣлъ еще уставъ о службѣ и сводъ основныхъ государственныхъ законовъ.

[2]) Необходимые для такой разсылки экземпляры: 48 для сенатскихъ канце-

названномъ комитетѣ канцеляріи (подъ названіемъ временнаго отдѣленія департамента Министерства Юстиціи), съ отпускомъ на ея содержаніе 25 тысячъ рублей въ годъ.

Приложенные къ запискѣ проекты циркуляровъ служили выраженіемъ намѣченныхъ въ пунктѣ 5 видовъ о введеніи Свода, до наступленія срока оффиціальнаго его дѣйствія, въ частное употребленіе. Въ случаѣ открывшейся при повѣркѣ неполноты или невѣрности выписки, послѣдняя подлежала исправленію со стороны канцеляріи, а если сомнѣніе будетъ относиться къ тексту Свода, то, не останавливая производства самаго дѣла, надлежитъ представлять объ этомъ сомнѣніи особыми докладными записками въ Министерство, куда также должна быть еженедѣльно доставляема перечневая вѣдомость всѣхъ сличенныхъ такимъ образомъ статей Свода. Для губернскихъ прокуроровъ правила эти видоизмѣнялись въ томъ смыслѣ, что объ исправленіи усмотрѣнныхъ въ выпискахъ неполноты или невѣрности они немедленно должны предлагать тому присутственному мѣсту, откуда поступило къ нимъ опредѣленіе, а о встрѣченныхъ сомнѣніяхъ по отношенію къ Своду доносить ежемѣсячными вѣдомостями въ департаментъ Министерства Юстиціи.

Изъ приведеннаго содержанія записки Дашкова усматривается, что, какъ и предположенія самого Сперанскаго, она имѣла въ виду повѣрку Свода исключительно практическимъ путемъ,—свѣркою на конкретныхъ дѣлахъ выписокъ изъ законовъ со статьями Свода. Разница же между планомъ того и другого состояла въ слѣдующемъ: 1) Сперанскій собирался произвести пробу на рядѣ рѣшенныхъ уже въ Сенатѣ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, а Дашковъ намѣчалъ длительную повѣрку на находящихся еще въ производствѣ дѣлахъ, и притомъ не только въ столичныхъ канцеляріяхъ, но и въ губернскихъ учрежденіяхъ, черезъ посредство губернскихъ прокуроровъ; 2) ревизія пріурочивалась Сперанскимъ къ Государственному Совѣту, для каковой цѣли при немъ подлежалъ учрежденію особый комитетъ, а вся подготовительная работа и докладъ въ комитетѣ возлагались на чиновъ Второго Отдѣленія; согласно же плану Дашкова къ этому дѣлу призывались министерства, при чемъ главная роль отводилась Министерству Юстиціи и тому при немъ комитету, который уже прежде занимался повѣр-

---

лярій и Министерства Юстиціи и 56 для прокуроровъ затребованы были 14 февраля (1833 г.).

кою сводовъ, а Второе Отдѣленіе не должно было имѣть даже представителя въ этомъ комитетѣ. Неудивительно поэтому, что авторъ Свода и его сотрудники не могли отнестись съ одобреніемъ къ проекту Дашкова, который совершенно устранялъ ихъ отъ всякаго участія въ этой второй ревизіи и, возлагая оцѣнку поступающихъ замѣчаній исключительно на Министерство Юстиціи, ставилъ единственнымъ, кромѣ себя, судьей въ этомъ дѣлѣ законодательное учрежденіе. Сперанскій не замедлилъ, вѣроятно, проявить несочувственное свое отношеніе къ такому проекту въ первомъ же засѣданіи Департамента Законовъ, и въ возникшемъ отсюда столкновеніи разныхъ мнѣній и слѣдуетъ, повидимому, искать объясненія той медленности, съ которой проходилъ въ Государственномъ Совѣтѣ проектъ негласной ревизіи.

Журналъ Департамента Законовъ [1]) совершенно не отразилъ этой предполагаемой нами борьбы, но, что таковая, дѣйствительно, происходила,—свидѣтельствомъ тому можетъ служить сохранившаяся въ бумагахъ Сперанскаго собственноручная его замѣтка [2]), ярко рисующая отношеніе его къ проекту своего соперника и побѣдителя въ вопросахъ о силѣ и дѣйствіи Свода. Всегда щепетильно корректный, мягкій и сдержанный, Сперанскій не поскупился здѣсь въ выраженіяхъ отрицательной характеристики проекта. Находя, что Министръ Юстиціи не опредѣлилъ въ своемъ проектѣ существа сомнѣній, какія могутъ встрѣтиться, а между тѣмъ ревизія необходимо должна имѣть свои предѣлы (именно полноту и точность изложенія каждой статьи Свода), онъ требуетъ внесенія соотвѣтствующаго поясненія въ инструкцію: иначе оберъ-секретарямъ и прокурорамъ, которые ставятся въ положеніе ревизоровъ, дается „неопредѣленная широта набирать, въ угожденіе ихъ начальниковъ, всякій вздоръ, какой имъ встрѣтиться можетъ“. Съ нескрываемой ироніей и, можно сказать, негодованіемъ Сперанскій отнесся и къ предположеніямъ министра требовать отъ своихъ подчиненныхъ

---

[1]) Въ полномъ видѣ журналъ 3, 17 и 24 февраля 1833 г. имѣется въ собраніи журналовъ Департамента Законовъ за 1833 годъ, ч. I, а въ сокращенномъ (безъ вводной части)—въ дѣлѣ Департамента Законовъ 1833 г. № 7. Полностью также онъ воспроизведенъ П. М. Майковымъ въ его трудѣ „Второе Отдѣленіе“ (прил. VI).

[2]) Она находится въ связкѣ № 117 и написана Сперанскимъ, въ противоположность другимъ собственноручнымъ его черновикамъ, всегда писавшимся карандашомъ и на листахъ особенно большого формата, чернилами и въ такомъ видѣ, какъ если бы она подлежала немедленной отсылкѣ. Эта замѣтка обратила на себя вниманіе П. М. Майкова и благодаря ему уже стала достояніемъ гласности („Второе Отдѣленіе“, прил. VII).

представленія замѣчаній ежемѣсячно и въ видѣ вѣдомостей. „Вѣдомости сомнѣній!—вещь неслыханная... но если въ теченіе мѣсяца не встрѣтится сомнѣній? Ибо сомнѣніе должно здѣсь возникать не изъ валового или сплошного пересмотра Свода, а изъ производства дѣлъ,—то о чемъ представлять и что́ вносить въ вѣдомость? Между тѣмъ вѣдомость должна быть отправляема; чѣмъ ее наполнить? Сказать: не встрѣтилось сомнѣній?—выговоръ за лѣность и небреженіе; слѣдовательно, сомнѣніе становится обязанностью, почти необходимостью, или выслугою. При враждебномъ расположеніи къ Своду всѣхъ канцелярій чего тутъ ожидать! судовъ и пересудовъ, за стаканомъ пунша или за карточнымъ столомъ, о томъ, что черезъ два года должно быть закономъ! Хорошъ будетъ законъ, къ коему умы будутъ такъ настроены!“ На этомъ основаніи Сперанскій предлагаетъ вѣдомостей не требовать, и докладныя записки представлять не въ опредѣленные сроки, а по мѣрѣ возникающихъ изъ производства дѣлъ сомнѣній.

Не встрѣчаетъ одобренія Сперанскаго и мысль о порученіи ревизіи особому комитету. Если Министру Юстиціи нужно совѣщаться, то на это у него есть консультація. Но, положимъ, комитетъ нуженъ; зачѣмъ однако его учреждать уже теперь, когда еще и сомнѣнія не открыты и количество и сила ихъ неизвѣстны? Приступить къ его учрежденію можно и по истеченіи 6 мѣсяцевъ, когда и если на опытѣ откроется значительное количество сомнѣній. Тогда же можно будетъ подумать и о прибавкѣ канцеляріи. Но такой прибавки могутъ потребовать и прочіе министры, потому что количество статей Свода у нихъ не меньше.

Кончая свои замѣчанія, Сперанскій еще разъ даетъ волю своимъ чувствамъ, достаточно наболѣвшимъ, очевидно, за тревожные для него дни прохожденія манифеста черезъ Государственный Совѣтъ. „Вообще я не уклоняюсь отъ ревизіи; ибо считаю, что лучше говорить явно, нежели шипѣть тайно; но не вижу нужды учреждать для сего особыхъ сыщиковъ. Гдѣ не найдутъ люди сомнѣній, когда въ сомнѣніяхъ будутъ они находить свой хлѣбъ насущный, родъ службы съ жалованьемъ и наградами?“

Намъ неизвѣстно, подалъ ли вообще и кому именно Сперанскій эти свои критическія замѣтки, или онѣ были лишь наброскомъ тѣхъ возраженій, которыя онъ намѣренъ былъ сдѣлать въ Департаментѣ Законовъ. Во всякомъ случаѣ нѣкоторыя изъ измѣненій, внесенныхъ этимъ послѣднимъ въ проектъ Министра Юстиціи, вполнѣ отвѣчаютъ пожеланіямъ Сперанскаго. Такъ, Департаментъ обра-

тилъ свое вниманіе на „предѣлы“ ревизіи и потому, подробно выяснивъ ихъ въ своемъ журналѣ, поручилъ Министру Юстиціи внести въ выработанные имъ циркуляры соотвѣтствующія правила [1]). Эта часть сужденій Департамента гласитъ:

„Сомнѣнія и недоразумѣнія въ статьяхъ Свода относиться могутъ къ двумъ главнымъ обстоятельствамъ: къ полнотѣ и точности ихъ изложенія [2]). *Сомнѣніе въ полнотѣ* можетъ представиться, когда примѣчено будетъ, что въ ссылкахъ, подъ статьею означенныхъ, сдѣланъ пропускъ какому либо дѣлу существеннаго узаконенія, или же и совсѣмъ не будетъ найдено статьи, оному соотвѣтствующей. При чемъ однакоже надлежитъ: 1) статьи Свода принимать въ совокупной ихъ между собою связи, а не поодиночкѣ каждую; ибо часто содержаніе одного и того же указа въ Сводѣ раздробляется и излагается въ разныхъ статьяхъ его, болѣе или менѣе близкихъ; 2) не касаться систематическаго распредѣленія статей и не допускать о томъ никакихъ разсужденій; 3) не считать въ ссылкахъ пропускомъ, когда вмѣсто двухъ или болѣе указовъ приведенъ одинъ послѣдній, коимъ всѣ они вполнѣ замѣняются. *Сомнѣніе въ точности* статьи можетъ представиться, когда при сличеніи съ нею законовъ, къ дѣлу принадлежащихъ, примѣчено будетъ, что смыслъ ихъ существенно различенъ отъ того смысла, какой имъ данъ въ статьѣ Свода“.

Поставивъ такимъ образомъ, согласно желанію Сперанскаго, извѣстныя границы могущимъ быть заявляемыми сомнѣніямъ, какъ въ отношеніи свойства этихъ сомнѣній (только по вопросамъ полноты и точности), такъ и въ смыслѣ важности ихъ (пропускъ только *существеннаго* узаконенія, только *существенное* расхожденіе съ источникомъ), Государственный Совѣтъ послѣдовалъ его мыслямъ и въ томъ отношеніи, что единственной формой, въ которой должны быть представляемы сомнѣнія Министру Юстиціи, установилъ докладныя записки какъ со стороны оберъ-прокуроровъ, такъ и губернскихъ прокуроровъ, отмѣнивъ такимъ образомъ срочныя вѣдомости. Что же касается выраженнаго Сперанскимъ мнѣнія по поводу предполагавшагося Дашковымъ учрежденія комитета и канцеляріи при немъ [3]), то здѣсь Департаментъ Законовъ остановился на компро-

---

[1]) Заключеніе, ст. 7, п. а.

[2]) Въ тѣхъ же выраженіяхъ опредѣлена была задача „общаго обозрѣнія“ сводовъ (первая повѣрка) въ Высочайшемъ рескриптѣ 1828 г. князю Долгорукову.

[3]) Кромѣ цитированной замѣтки, мнѣніе это нашло себѣ выраженіе въ упоминаемой ниже запискѣ отъ 16 февраля 1833 г. въ видѣ слѣдующей, намѣчен-

миссѣ: въ распоряженіе Министра Юстиціи отпустить по 15.000 руб. въ годъ на оплату занятій особыхъ чиновниковъ, а созывъ комитета поставить въ зависимость отъ признанной министромъ необходимости такового „по числу и важности поступающихъ къ нему представленій"; иначе говоря, канцелярія учреждалась немедленно, а комитетъ—лишь впослѣдствіи и въ томъ случаѣ, если онъ, дѣйствительно, окажется нужнымъ. Изъ этой постановки слѣдуетъ, повидимому, заключить, что, какъ Сперанскій не ожидалъ, такъ и Департаментъ Законовъ, подъ вліяніемъ увѣренности Сперанскаго, не предвидѣлъ сколько-нибудь крупныхъ и многочисленныхъ поправокъ въ Сводѣ въ зависимости отъ результатовъ практической ревизіи.

На ряду съ тѣми измѣненіями, на которыхъ настаивалъ съ самаго начала критикъ проекта, Государственный Совѣтъ внесъ еще одно весьма существенное измѣненіе, требованія котораго въ вышеупомянутой замѣткѣ Сперанскаго не заключалось, но которое, несомнѣнно, было наиболѣе важно для руководимаго имъ Второго Отдѣленія. Мы помнимъ, что согласно проекту Дашкова составители Свода оказывались совершенно устраненными отъ новой его ревизіи, и заключенія комитета о замѣчаніяхъ, признанныхъ имъ уважительными, имѣли поступать непосредственно въ Государственный Совѣтъ. Согласно же мнѣнію Департамента Законовъ (ст. 5), „представленія, поступающія къ Министру Юстиціи, когда они будутъ имъ уважены, сообщаются отъ него во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, для надлежащихъ по онымъ объясненій. Если объясненіе найдено будетъ удовлетворительнымъ и по оному смыслъ и изложеніе признаны будутъ правильными, то представленіе оставляется безъ дальнѣйшаго послѣдствія; въ противномъ случаѣ оно вносится на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта установленнымъ порядкомъ".

Что иниціаторомъ и этого измѣненія могъ быть не кто иной, какъ только тотъ же Сперанскій, ограждавшій интересы и досто-

---

ной Сперанскимъ для включенія въ издаваемыя правила, (5-ой) статьи: „Если въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ, считая отъ того времени, какъ предположенія сіи воспримутъ свое дѣйствіе, найдено будетъ число такихъ представленій значительнымъ и содержаніе ихъ по разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта признано будетъ уважительнымъ: тогда въ помощь Министру Юстиціи можно будетъ установить комитетъ изъ сенаторовъ и чиновниковъ по его назначенію и сдѣлать временную прибавку къ канцеляріи, о чемъ и предоставить Министру Юстиціи въ свое время войти въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ".

инство Второго Отдѣленія, увѣренность въ этомъ мы почерпаемъ изъ собственноручнаго черновика Сперанскаго, сохранившагося среди бумагъ Рѣпинскаго, въ Императорской Публичной библіотекѣ [1]). Черновикъ этотъ, помѣченный 16 февраля 1833 г., предназначался, какъ можно судить изъ его формы, въ качествѣ матеріала для журнала, послѣ соотвѣтствующаго устнаго доклада въ томъ, вѣроятно, засѣданіи, которое было назначено на 17 февраля. И, дѣйствительно, составленный по тремъ засѣданіямъ общій журналъ Департамента Законовъ [2]) почти буквально воспроизводитъ то, что написано Сперанскимъ въ вышеупомянутомъ черновикѣ. Цитированное выше разсужденіе журнала о могущихъ встрѣтиться сомнѣніяхъ въ полнотѣ и точности оказывается прямо заимствованнымъ оттуда [3]). Планъ фильтраціи поступающихъ замѣчаній, прежде ихъ направленія въ Государственный Совѣтъ, также всецѣло совпадаетъ съ мыслями критика: уваженныя министрами представленія подлежатъ сначала сообщенію во Второе Отдѣленіе, а на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта поступаютъ лишь въ томъ случаѣ, если данныя Отдѣленіемъ объясненія не будутъ признаны уважительными. Такимъ образомъ Второе Отдѣленіе получало возможность отстаивать и защищать то пониманіе закона, къ которому оно пришло при составленіи Свода,—въ противоположность проекту Министра Юстиціи, полагавшаго вносить на окончательное разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, „на основаніи 4-ой статьи Высочайшаго манифеста,“ всѣ замѣчанія, которыя признаны будутъ уважительными со стороны комитета.

Различествуя въ этихъ отношеніяхъ, правила, Высочайше утвержденныя 16 марта 1833 г., и первоначальный ихъ проектъ, или, иначе говоря, воззрѣнія Сперанскаго и Дашкова, вполнѣ однако совпали между собою въ привлеченіи къ дѣлу пополненія или измѣненія Свода, на основаніи предшествовавшихъ 1832 году узаконеній, законодательнаго учрежденія. Ближе всматриваясь въ сущность и объемъ установленнаго на этотъ счетъ правила, слѣдуетъ прійти къ заключенію, что участіе Государственнаго Совѣта предполагалось лишь на случай

---

[1]) Рукописное отдѣленіе, Бумаги Рѣпинскаго, А, м.

[2]) Общее Собраніе Государственнаго Совѣта никакихъ измѣненій въ предположенія Департамента Законовъ не внесло (утвердительный журналъ 27 февраля 1833 г.).

[3]) Эта часть рукописи Сперанскаго сохранилась въ переписанномъ видѣ и среди бумагъ Сперанскаго въ архивѣ Государственнаго Совѣта (связка № 154, л. 62/63).

доказаннаго несоотвѣтствія, въ отношеніи полноты или точности, текста Свода подлиннымъ узаконеніямъ. Доказанностью же надлежало считать, повидимому, какъ тѣ случаи, когда и Министерство Юстиціи, и Второе Отдѣленіе признаютъ наличность такого несоотвѣтствія, такъ и тѣ, когда полученныя отъ Второго Отдѣленія объясненія не будутъ признаны удовлетворительными, ибо, какъ сказано въ статьѣ 5 правилъ 16 марта, „въ противномъ случаѣ" (т. е. во всѣхъ случаяхъ, когда представленіе прокурора не подлежитъ оставленію безъ послѣдствій, иначе говоря,—когда статья Свода признана обоими учрежденіями требующею исправленія) вносятся представленія въ Государственный Совѣтъ. Роль послѣдняго, при этой постановкѣ, сводилась бы, слѣдовательно, не только къ разрѣшенію разномыслія, возникшаго по вопросу о правильности Свода, но и къ предоставленію Второму Отдѣленію права произвести признаваемое имъ необходимымъ измѣненіе, а, можетъ быть, и болѣе того: къ самому установленію этого измѣненія [1]), хотя бы, вытекая изъ источниковъ и являясь потому лишь исправленіемъ Свода, такое измѣненіе было по существу безспорнымъ и потому могло бы найти себѣ осуществленіе въ болѣе простомъ порядкѣ. Теоретически законодательный путь исправленія вполнѣ соотвѣтствовалъ идеѣ „законной силы" Свода, ибо всякое измѣненіе текста, объявленнаго исключительнымъ и имѣющимъ силу закона, должно быть, безразлично отъ того, согласны или не согласны его составители на предлагаемую поправку, выполнено не иначе, какъ въ порядкѣ исполненія указанія законодательной власти. Можетъ быть, что это указаніе не будетъ имѣть значенія самостоятельнаго закона, требующаго обнародованія, такъ какъ Сводъ законовъ еще не введенъ въ дѣйствіе,—подобная мысль сквозитъ въ заключительной статьѣ мнѣнія Департамента Законовъ [2]),—тѣмъ

---

[1]) Въ черновикѣ Сперанскаго (16 февр. 1833 г.) мѣсто: „въ противномъ случаѣ оно (представленіе съ замѣчаніями на Сводъ) вносится на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта установленнымъ порядкомъ" первоначально гласило: „.... на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта *вмѣстѣ съ объясненіемъ и измѣненіемъ*".

[2]) Статья 8 мнѣнія, почему-то не включенная въ тотъ его списокъ, который былъ сообщенъ къ исполненію Министру Юстиціи и Сперанскому (дѣло Деп. Зак. 1833 г. № 7), гласила: „Порядокъ и форму исправленія тѣхъ статей, кои по разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ признаны будутъ подлежащими измѣненію, опредѣлить уже тогда, какъ самыя статьи будутъ окончательно разсмотрѣны". Довольно неясныя указанія этой статьи допускаютъ, впрочемъ, кромѣ вышеприведеннаго, и иное пониманіе. Возможно, что они имѣютъ въ виду выработку только особыхъ означеній для будущаго продолженія на случаи того или

не менѣе Государственный Совѣтъ, санкціонировавъ въ манифестѣ 31 января текстъ Свода, не можетъ не быть призванъ въ той или иной мѣрѣ къ установленію измѣненій въ этомъ текстѣ. Не напрасно Дашковъ въ своемъ проектѣ негласной ревизіи (ст. 3) обосновывалъ внесеніе замѣчаній въ Государственный Совѣтъ ссылкою на статью 4 манифеста 31 января, предписывавшую прежній порядокъ поясненія и дополненія закона (въ Сводѣ) въ случаяхъ неясности, недостатка и неполноты его.

Второе Отдѣленіе не такъ однако поняло или истолковало указанія, заключающіяся въ правилахъ 16 марта 1833 г., ибо ни одно изъ исправленій текста 1832 года, которыя были внесены въ первое продолженіе, не подвергалось предварительному разсмотрѣнію въ Государственномъ Совѣтѣ. Это могло произойти, очевидно, только при наличіи убѣжденія, что для исправленія Свода въ тѣхъ случаяхъ, когда объ этомъ нѣтъ спора между вѣдомствомъ [1]) и Вторымъ Отдѣленіемъ, высшаго разрѣшенія не требуется [2]); или же сложиться подъ вліяніемъ выяснившейся *на собственныхъ работахъ* Отдѣленія необходимости внести рядъ исправленій въ Сводъ, чего ни манифестъ, ни правила 1833 г. о ревизіи совершенно не предусматривали (или, наконецъ,—что менѣе вѣроятно—явиться послѣдствіемъ отнесенія всѣхъ произведенныхъ исправленій къ числу несущественныхъ). Неясность же, заключавшаяся въ этихъ

иного измѣненія статей Свода. На такое предположеніе наводитъ сохранившаяся въ бумагахъ Рѣпинскаго (въ Импер. Публ. Библ., А, и) рукопись Сперанскаго, гдѣ имъ объясняются разные случаи измѣненій: исправленіе смысла, дополненіе, ограниченіе, отмѣна, замѣна. Болѣе вѣроятія имѣетъ однако основное наше предположеніе, потому что впослѣдствіи Государственному Совѣту, дѣйствительно, приходилось подробно останавливаться (см. журн. Деп. Зак. 14 авг. 1835, 14/28 февр. и 13 марта 1836 г. № 24) на формѣ его заключеній по вопросамъ исправленія Свода.

[1]) Мнѣніе Государственнаго Совѣта отнесло производство ревизіи къ слѣдующимъ, кромѣ Министерства Юстиціи, вѣдомствамъ: Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Путей Сообщенія. Сперанскій въ упомянутой выше рукописи назвалъ только первыя три министерства, не упомянувъ о Главномъ Управленіи Путей Сообщенія. Въ дѣйствительности же, замѣчанія поступали впослѣдствіи и отъ другихъ вѣдомствъ.

[2]) Опору для такого заключенія Второе Отдѣленіе могло найти въ тѣхъ же правилахъ 16 марта (ст. 6 п. 3), гдѣ для другихъ (кромѣ Министерства Юстиціи) вѣдомствъ заключалось слѣдующее постановленіе: „представленія, уваженныя министрами, сообщать во Второе Отдѣленіе... для надлежащихъ объясненій и потомъ, *если объясненія его Отдѣленія не будутъ найдены Министромъ удовлетворительными*, вносить на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта“.

правилахъ по вопросу, когда нужно и когда не нужно входить съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ, не могла быть устранена симъ послѣднимъ на томъ простомъ основаніи, что въ теченіе обоихъ лѣтъ, посвященныхъ вторичной повѣркѣ Свода, ему, Совѣту, ни разу не пришлось выступить въ роли судьи между Министромъ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ, ибо возникшія между ними разномыслія по вопросу о правильности той или другой статьи въ Сводѣ не успѣли быть внесенными въ Государственный Совѣтъ въ теченіе испытательнаго періода Свода. Это же обстоятельство, въ свою очередь, обусловлено было тѣмъ, что срокъ, положенный на провѣрку, вмѣсто двухгодичнаго (1833 и 1834 годы), свелся въ сущности къ половинному, т. е. только къ годичному сроку.

Мы уже видѣли, что правила о ревизіи, предположенныя сначала къ утвержденію одновременно съ манифестомъ о Сводѣ, изданы были на полтора мѣсяца позже, въ серединѣ марта. Засимъ, прежде всего подлежали переработкѣ, въ соотвѣтствіи съ измѣненіями, внесенными Государственнымъ Совѣтомъ въ содержаніе правилъ, тѣ циркуляры, которые были выработаны Министромъ Юстиціи и приложены для свѣдѣнія къ его законодательному представленію. На это потрачена была, повидимому, вторая половина марта [1]). Не мало времени потребовалось на разсылку циркуляровъ и самаго Свода на мѣста [2]). Неудивительно посему, что замѣчанія оттуда стали поступать только къ осени. Наиболѣе дѣятельнымъ оказалось, какъ и при первой ревизіи, финансовое вѣдомство: первыя отъ него замѣчанія поступили во Второе Отдѣленіе 29 сентября 1833 г. (по уставамъ горнаго управленія), а въ октябрѣ послѣдовала оттуда же дальнѣйшая серія указаній по разнымъ томамъ. Другія вѣдомства

---

[1]) Печатная инструкція губернскимъ и областнымъ прокурорамъ носитъ дату 31 марта 1833 г. № 4119. Въ скоромъ времени потребовались дополнительныя поясненія къ этой инструкціи, при чемъ преподана была и самая форма ежемѣсячныхъ вѣдомостей и докладныхъ записокъ о сомнѣніяхъ по Своду.

[2]) Разсылка Свода по губернскимъ и уѣзднымъ присутственнымъ мѣстамъ производилась черезъ Министерство Юстиціи (всеподд. докл. 31 янв. 1833 г.) и затянулась по той, главнымъ образомъ, причинѣ, что заказанные въ количествѣ 30 тыс. книгъ переплеты не были выполнены къ сроку переплетнымъ цехомъ (см. переписку между Дашковымъ и Сперанскимъ въ дѣлахъ Второго Отдѣленія 1833 г. № 2, ч. II и Министерства Юстиціи 1833 г. № 137). Только къ 31 мая сданы были въ министерство изъ типографіи Второго Отдѣленія книги, предназначавшіяся къ разсылкѣ. Нѣсколько времени спустя выяснилась однако необходимость возврата нѣкоторыхъ книгъ, въ виду обнаружившихся неправильностей (напр., по законамъ межевымъ) въ брошюровкѣ.

начали доставлять свои замѣчанія только весною 1834 г. [1]), и то уже подъ вліяніемъ напоминанія со стороны Второго Отдѣленія. Къ числу этихъ вѣдомствъ относилось и Министерство Юстиціи [2]). Тогда же поступили замѣчанія и отъ духовнаго вѣдомства, хотя и не входившаго въ число ревизующихъ установленій, но доставившаго Балугьянскому, „исполняя желаніе“ его, свои соображенія на статьи законовъ о состояніяхъ. По Второму Отдѣленію 1833 годъ использованъ былъ, въ отношеніи работъ по общему Своду, главнымъ образомъ для составленія алфавитнаго къ нему указателя. Попутно съ этою работою открывались нѣкоторыя погрѣшности въ статьяхъ Свода. Чтобы извлечь изъ этого практическій результатъ для продолженія, Второе Отдѣленіе еще въ началѣ 1833 года испросило Высочайшее соизволеніе на пересмотръ статей Свода при составленіи указателя. Съ начала 1834 года ему предстояло приступить къ составленію продолженія къ Своду, которое имѣло войти въ силу вмѣстѣ со Сводомъ съ 1 января 1835 года. Матеріаломъ для него должны были служить: а) узаконенія, вышедшія въ 1832 и 1833 годахъ, которыхъ насчитывалось до 1630 [3]), и б) исправленія, оказавшіяся необходимыми на основаніи практической провѣрки Свода. Располагая къ этому времени, въ семъ послѣднемъ отношеніи, только замѣчаніями на нѣкоторые уставы, поступившими отъ гр. Канкрина (Министра Финансовъ), но намѣтивъ также исправленіе недочетовъ, которые открылись при составленіи хронологическихъ и алфавитныхъ указателей къ Полному Собранію Законовъ или обнаружены были, какъ упоминалось выше, при работахъ надъ алфавитнымъ указателемъ къ Своду; сообразивъ необходимыя измѣненія Свода также на основаніи тѣхъ указовъ за прежніе годы, которые, не будучи во-время доставлены вѣдомствами, не успѣли войти въ Полное Собраніе и потому не нашли себѣ отраженія и въ Сводѣ

---

[1]) Отъ вѣдомства путей сообщенія 15 февраля, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ 29 марта 1834 г.

[2]) Свѣдѣнія, относящіяся до ревизіи, производившейся комитетомъ при Министерствѣ Юстиціи, почерпнуты изъ обширнаго и въ должномъ порядкѣ составленнаго дѣла объ этой ревизіи, переданнаго по закрытіи комитета (въ 1839 году) въ составѣ 6 томовъ изъ Министерства Юстиціи во Второе Отдѣленіе и составляющаго нынѣ *приложеніе* къ дѣлу Второго Отдѣленія № 17а, 1833 г. (по арх. № 1127; см. также дѣло 1839 г. № 29). Самое же дѣло заключаетъ въ себѣ переписку Второго Отдѣленія съ вѣдомствами по поводу доставлявшихся замѣчаній.

[3]) Число же измѣненій въ Сводѣ, вызванныхъ этими новыми узаконеніями, было 1945.

1832 года [1]),—Второе Отдѣленіе должно было отдать себѣ отчетъ, до какого времени оно можетъ ждать дальнѣйшихъ замѣчаній на основаніи негласной ревизіи, чтобы разослать продолженіе не позже сентября 1834 года. Назначая одинъ мѣсяцъ на соображеніе поступившихъ отъ вѣдомствъ замѣчаній въ Отдѣленіи, полагая другой мѣсяцъ на разсмотрѣніе разногласій между нимъ и министерствами въ Государственномъ Совѣтѣ и оставляя 2 мѣсяца на печатаніе и переплетъ продолженія, Балугьянскій разсчиталъ въ видѣ крайняго срока поступленія замѣчаній *1-ое апрѣля* 1834 г., съ тѣмъ чтобы замѣчанія, которыя поступятъ отъ департаментовъ или губернскихъ прокуроровъ послѣ этого срока, будучи разсмотрѣны, согласно правиламъ о ревизіи, до 1 января 1835 года, были осуществлены въ слѣдующемъ уже продолженіи съ узаконеніями за 1834 годъ. Высочайшее утвержденіе этимъ предположеніямъ начальника Второго Отдѣленія Сперанскій испросилъ 11 января 1834 г., а черезъ два дня послѣдовало соотвѣтствующаго содержанія письмо его, относительно срока доставленія замѣчаній (съ приложеніемъ записки Балугьянскаго), къ Министру Юстиціи.

Но, прежде чѣмъ это Высочайшее повелѣніе сообщено было къ исполненію, Дашковъ уже принялъ мѣры къ тому, чтобы дать движеніе поступившимъ по его вѣдомству замѣчаніямъ на Сводъ. Выше упоминалось, что предположеніе Дашкова о сосредоточеніи поступающихъ въ Министерство Юстиціи замѣчаній въ комитетѣ, уже занимавшемся повѣркою гражданскаго и уголовнаго сводовъ, видоизмѣнено было Государственнымъ Совѣтомъ въ смыслѣ предоставленія Министру Юстиціи созвать этотъ комитетъ, въ нѣсколько пополненномъ составѣ, лишь въ томъ случаѣ, если по числу и важности поступающихъ къ нему замѣчаній на Сводъ онъ убѣдится изъ опыта въ необходимости установить себѣ въ помощь таковой комитетъ.

Воздержавшись на этомъ основаніи отъ возобновленія занятій ревизіоннаго комитета въ 1833 году, Дашковъ вошелъ 31 декабря этого года съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ образованіи комитета, мотивируя эту мѣру какъ количествомъ накопившихся по вѣдомству замѣчаній—болѣе, нежели по 300 статьямъ, такъ и необходимостью особеннаго и внимательнаго разсмотрѣнія оныхъ,

---

[1]) Общее количество дополненій этого рода въ первомъ продолженіи было 163. Полномочіе на ихъ включеніе въ Сводъ было испрошено всеподданнѣйшимъ докладомъ 4 января 1834 г.

дабы, въ случаѣ ихъ уважительности, они могли быть сообщены для надлежащихъ объясненій во Второе Отдѣленіе. Здѣсь же Дашковъ опредѣлилъ и содержаніе поступившихъ замѣчаній: „одни требуютъ пополненія, объясненія или даже отмѣны статей Свода, другія оказываютъ такое изложеніе статей Свода, которое, хотя и не основано на точныхъ словахъ существующихъ узаконеній, но, по содержанію своему, съ пользою можетъ быть оставлено въ томъ же видѣ; а третьи, указуя на погрѣшности неважныя, должны быть сообщаемы въ Собственную Канцелярію для ея соображенія". Намѣтивъ въ томъ же докладѣ и самый составъ комитета [1]), считавшійся учрежденнымъ съ 1 февраля 1834 года, Дашковъ къ 7 февраля открылъ его занятія и успѣлъ къ указанному Высочайшимъ повелѣніемъ сроку препроводить 113 утвержденныхъ замѣчаній во Второе Отдѣленіе [2]).

Такимъ образомъ, первое къ Своду продолженіе, долженствовавшее явиться, на основаніи двухлѣтней повѣрки, полнымъ (и един-

---

[1]) Подъ предсѣдательствомъ Дашкова, изъ двухъ сенаторовъ: Болгарскаго (вскорѣ замѣненнаго Свиньинымъ) и Челищева, изъ оберъ-прокурора Перваго Департамента Правительствующаго Сената (кн. Лобанова-Ростовскаго), директора Департамента Министерства Юстиціи (Дегая) и съ приглашеніемъ, сверхъ того, сенатора Журавлева, статсъ-секретаря гр. Панина и еще нѣсколькихъ членовъ изъ опытныхъ законовѣдцевъ по выбору предсѣдателя (письмо 16 янв. 1834 г. № 160 въ дѣлѣ Второго Отдѣленія № 17а 1833 г.).

[2]) Среди этихъ 113 замѣчаній, препровожденныхъ Дашковымъ къ Сперанскому при письмѣ 30 марта 1834 г. № 3646, было замѣчаніе на статью 711 законовъ гражданскихъ (ст. 1141 изд. 1914 г.) о наслѣдованіи родителей послѣ дѣтей. Статья эта послужила въ недавнее время предметомъ подробнаго изслѣдованія В. А. Рязановскаго (моногр. „Преемство въ линіи восходящей по русскому праву". Яросл. 1916, стр. 29—34), который остановился, между прочимъ, и на происшедшемъ въ ревизіонномъ порядкѣ измѣненіи этой статьи. Въ дополненіе приведенныхъ въ монографіи г. Рязановскаго свѣдѣній и въ видѣ примѣра замѣчаній, которыя Дашковъ относилъ къ первому разряду, считаемъ нелишнимъ воспроизвести здѣсь сужденія комитета по статьѣ 711. Въ замѣчаніяхъ было сказано: „Мнѣніе Государственнаго Совѣта 14 іюня 1823 г. утвердило заключеніе Сената, состоявшееся между прочимъ въ томъ: „имѣнія же благонажитыя умершими безпотомственно дѣтьми отдавать въ пожизненное владѣніе отцу и матери совокупно, буде обое въ живыхъ останутся, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы они во время пожизненнаго таковаго владѣнія продать, заложить и инымъ образомъ перевесть никуда не могли". Въ семъ смыслѣ принято сіе постановленіе и въ мнѣніи Государственнаго Совѣта 17 іюня 1827 года (1250), почему симъ постановленіемъ слѣдуетъ дополнить 711 статью". Второму Отдѣленію оставалось только согласиться съ этимъ замѣчаніемъ, указывавшимъ на неполноту изложенія статьи 711.

ственнымъ) коррективомъ къ изданію 1832 года, далеко не сосредоточило въ себѣ, вслѣдствіе фактическаго сокращенія этого срока на половину (съ апрѣля 1833 по апрѣль 1834 г.), всего результата негласной ревизіи: оно не заключало въ себѣ исправленій по тѣмъ частямъ, которыя имѣли ближайшее отношеніе къ вѣдомствамъ внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія; оно не смогло также объединить всѣхъ замѣчаній по остальнымъ двумъ вѣдомствамъ, призваннымъ къ участію въ ревизіи, какъ потому, что къ 1 апрѣля 1834 г. они не кончили своихъ занятій по ревизіи, такъ и потому, что Второе Отдѣленіе не успѣло къ этому сроку постановить то или иное заключеніе относительно всѣхъ поступившихъ къ нему замѣчаній. Какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада Сперанскаго 29 августа 1834 г. относительно продолженія за 1832 и 1833 г. [1]), число отложенныхъ исправленій, вслѣдствіе встрѣтившихся сомнѣній и необходимости объясненія и окончательнаго разрѣшенія, простиралось до 560, а число принятыхъ, по замѣчаніямъ Министерства Финансовъ (443) и Юстиціи (107), исправленій — 550. Такимъ образомъ только половина доставленныхъ замѣчаній получила свое завершеніе. Приведенныя крупныя цифры не должны однако служить показателемъ результатовъ одной только практической повѣрки. Какъ объясняетъ Сперанскій въ томъ же докладѣ, примѣчанія составляемы были не изъ однихъ случаевъ и сомнѣній, дѣйствительно въ производствѣ дѣлъ открытыхъ, какъ то предполагаемо было въ Государственномъ Совѣтѣ (и—прибавимъ отъ себя—какъ то считалъ единственно полезнымъ и самъ Сперанскій), но общимъ пересмотромъ всѣхъ статей въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стоятъ въ Сводѣ: „Сей образъ повѣрки требовалъ несравненно болѣе труда, нежели одно наблюденіе по теченію дѣлъ; но за то онъ существенно послужилъ къ усовершенію Свода, предупреждая случаи сомнѣній прежде, нежели они дѣйствительно возникли. Они могли бы быть разрѣшены въ свое время по мѣрѣ ихъ предъявленія; но сіе разрѣшеніе не могло бы совершаться иначе, какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ“.

Не успѣвъ такимъ образомъ объединить всѣхъ результатовъ негласной ревизіи и не отвѣчая, слѣдовательно, полностью своему заданію въ отношеніи исправленія Свода на основаніи правилъ

---

[1]) Дѣло Департамента Законовъ 1834 г. № 116, 1835 г. № 107. Въ главной своей части всеподданнѣйшій докладъ приведенъ у Майкова („Второе Отдѣленіе“), стр. 193—196.

16 марта 1833 г., первое продолженіе, съ другой стороны, содержало многочисленныя исправленія, этими правилами не предусматривавшіяся. Мы имѣемъ здѣсь въ виду тѣ 216 (изъ общаго числа 823) исправленій, которыя были произведены по почину самого Второго Отдѣленія и къ которымъ, въ сущности, слѣдуетъ присоединить еще внушительнѣйшую цифру измѣненій, зарегистрованныхъ въ таблицѣ опечатокъ [1]). Матеріалъ для этихъ исправленій дали упоминавшіяся выше работы надъ указателями и поступившіе дополнительно указы за прежніе годы. Но кромѣ этихъ, попутно или случайно, усмотрѣнныхъ погрѣшностей Второе Отдѣленіе производило, повидимому, и спеціальную повѣрку. На это указываетъ, прежде всего, цитированное выше мѣсто всеподданнѣйшаго доклада касательно постатейнаго пересмотра, которое относится не только къ ревизіонной дѣятельности министерствъ, но, какъ это совершенно точно указано въ докладѣ, и къ работѣ Второго Отдѣленія. Засимъ сохранились слѣды намѣреній сего послѣдняго заняться практической повѣркой Свода по тому приблизительно плану, который начертанъ былъ Сперанскимъ еще ранѣе выработки правилъ о негласной ревизіи. Въ началѣ мая 1833 г. исправлявшій должность начальника Второго Отдѣленія Куницынъ представилъ Сперанскому записку, въ которой указывалъ на необходимость испрошенія Высочайшаго повелѣнія о доставленіи изъ Правительствующаго Сената по одному экземпляру печатныхъ записокъ изъ дѣлъ гражданскихъ, межевыхъ и уголовныхъ, которыя рѣшены въ общихъ собраніяхъ Сената съ 1831 года, и о продолженіи присылки оныхъ и на будущее время до 1835 года, когда повѣрка Свода должна прійти къ совершенному

---

[1]) Послѣднія занимаютъ 26 страницъ и весьма нерѣдко совершенно не носятъ характера типографскихъ погрѣшностей. Примѣры подобныхъ quasi—опечатокъ приведены у Майкова (О Сводѣ законовъ Росс. Имп., стр. 133, 134). Добавимъ къ нимъ слѣдующія: 1) напечатано: вдова или сирота; должно читать: вдова; 2) напечатано: мужескаго пола; слѣдуетъ читать: мужескаго и женскаго пола; 3) напечатано: акциденціи не взыскивается; читай: оные изъемлются отъ взысканія; 4) напечатано: отъ земли; слѣдуетъ: отъ города, и т. п. Выясненію опечатокъ посвященъ былъ, судя по меморіямъ, январь 1834 г. Включеніе такихъ поправокъ въ таблицу опечатокъ не имѣло однако цѣли замаскировать количество редакторскихъ недосмотровъ, а скорѣе, надо думать, исходило изъ желанія избѣжать чрезмѣрнаго увеличенія объема продолженія. Проще и экономнѣе, конечно, вставить пропущенное слово или замѣнить одно выраженіе другимъ въ краткомъ табличномъ перечнѣ, чѣмъ заново для этого перепечатать текстъ цѣлой статьи.

окончанію. Въ основу этого ходатайства положена была мысль, что повѣрка Свода будетъ легче для чиновниковъ Второго Отдѣленія и для правительства удовлетворительнѣе, „поелику судебными рѣшеніями, особливо въ высшихъ мѣстахъ, точнѣе объясняется смыслъ законовъ и употребленіе ихъ въ дѣлопроизводствѣ“, а составляемыя при дѣлахъ выписки изъ законовъ доставили бы возможность удостовѣриться въ полнотѣ или недостаткѣ цитатовъ, подъ статьями Свода приведенныхъ. Высочайшее, по докладу Сперанскаго, соизволеніе послѣдовало въ смыслѣ истребованія изъ Сената опредѣленнаго количества дѣлъ, а именно по 50 гражданскихъ, 50 уголовныхъ и 25 межевыхъ дѣлъ. Обращаясь, во исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія о производствѣ опыта приложенія статей Свода къ самому производству дѣлъ, съ просьбою къ Министру Юстиціи доставить „на первый разъ“ вышеуказанное количество Сенатскихъ опредѣленій, Сперанскій прибавилъ, что, „чѣмъ ближе сіи дѣла будутъ къ настоящему времени, тѣмъ приложеніе къ нимъ статей Свода будетъ удобнѣе“ и что, если бы представилось затрудненіе въ перепискѣ опредѣленій, то можно доставить сообразно прежнимъ примѣрамъ и самые подлинники [1]). Просимыя дѣла сообщены были, не придерживаясь въ точности вышеуказанныхъ цифръ по отдѣльнымъ разрядамъ, въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, а возвращеніе ихъ послѣдовало: одной части уже въ августѣ того же 1833 года, а остальныхъ—только въ октябрѣ 1835 г. Точные результаты этого опыта намъ не извѣстны, но, что опытъ не былъ безплоденъ, доказательствомъ тому служатъ: 1) наиболѣе высокая цифра изъ всѣхъ собственныхъ исправленій Второго Отдѣленія именно по X тому (60 статей) [2]), 2) наличность таковыхъ же исправленій и по уголовнымъ законамъ (9) [3]) и 3) что въ частности по законамъ межевымъ Балугьянскій счелъ нужнымъ сообщить Дашкову списокъ статей (числомъ 31), подвергшихся измѣненію „на основаніи собственныхъ замѣчаній“ Второго Отдѣленія, мотивируя это сообщеніе тѣмъ, что сводъ межевыхъ законовъ разсматривается въ особомъ комитетѣ, учрежденномъ при Министерствѣ Юстиціи [4]). Изъ еженедѣльныхъ меморій о занятіяхъ чиновъ Второго Отдѣленія не видно, чтобы они по-

[1]) Бумаги эти отъ 8 и 11 мая 1833 г. находятся въ связкѣ № 129, л. 16—19; см. кромѣ того особое дѣло 1833 г. № 28.

[2]) По замѣчаніямъ министерствъ въ X томѣ исправлено всего 74 статьи.

[3]) Противъ 47 замѣчаній другихъ вѣдомствъ.

[4]) Письмо 9 августа 1834 г. № 312 (въ связкѣ № 119).

святили часть своего времени на это „приложеніе статей Свода къ производству дѣлъ“. За то изъ тѣхъ же меморій усматривается, что при редактированіи продолженія за 1832 и 1833 годы Сперанскій намѣтилъ рядъ измѣненій въ Сводѣ и что чины Отдѣленія были заняты приведеніемъ въ исполненіе относившихся сюда приказаній [1]). Отсюда можно сдѣлать выводъ, что этотъ опытъ приложенія на сенатскихъ дѣлахъ произведенъ былъ самимъ Сперанскимъ и что на немъ онъ лично могъ убѣдиться, насколько больше Сводъ заключаетъ погрѣшностей, нежели имъ предполагалось. Неудивительно поэтому, что въ упоминавшемся выше докладѣ Государю (отъ 29 августа 1834 г.) онъ, въ противоположность прежней своей точкѣ зрѣнія на безцѣльность повторенія общей ревизіи, призналъ общій пересмотръ, давшій столько матеріала для перваго продолженія, существенно послужившимъ къ усовершенствованію Свода и весьма цѣннымъ въ смыслѣ предупрежденія сомнѣній ранѣе, чѣмъ они на практикѣ дѣйствительно возникли.

Обращаясь отъ этихъ историческихъ данныхъ къ самому продолженію и сопровождавшему его изданіе именному указу 30 августа 1834 г. [2]), слѣдуетъ замѣтить, что многообразіе его источниковъ и титуловъ не нашло въ послѣднемъ полнаго отраженія. Такъ, въ именномъ указѣ составъ продолженія опредѣленъ указаніемъ на узаконенія, послѣдовавшія въ теченіе 1832 и 1833 годовъ, и на „тѣ дополненія и исправленія, кои по опыту и наблюденію, при соображеніи статей Свода съ теченіемъ дѣлъ, оказались нужными“. Въ полномъ съ этимъ соотвѣтствіи стоятъ и указанія самаго продолженія, въ которомъ передъ каждою изъ 15 составныхъ его частей (по томамъ Свода), вслѣдъ за перечнемъ измѣненныхъ статей, подсчитано, сколько статей подверглось измѣненію по новымъ постановленіямъ и сколько „по соображенію съ теченіемъ дѣлъ“. Такое дѣленіе на двѣ категоріи обнимало, конечно, значительнѣйшую долю, а именно почти три четверти, внесенныхъ измѣненій и вполнѣ отвѣчало тому, что вытекало изъ манифеста 31 января и изъ правилъ о ревизіи 16 марта 1833 г. Тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли, былъ еще рядъ измѣненій, не вытекавшій изъ этихъ основаній, а базировавшійся на спеціально испрошенныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ полномочіяхъ. Неоглашеніе этихъ

[1]) См. меморіи 11 и 18 іюля и 1 августа 1834 г. № XXI—XXIII.
[2]) П. С. З., № 7368.

полномочій, тенденція негласности практической повѣрки, сказавшаяся уже при изданіи манифеста 31 января и поддерживавшаяся и далѣе Государственнымъ Совѣтомъ и Министерствомъ Юстиціи [1]), включеніе въ продолженіе, по примѣру Свода 1832 года, циркулярныхъ предписаній [2]), наконецъ, тотъ фактъ, что продолженіе это не содержало ни одного такого исправленія, которое было бы произведено (какъ это, можетъ быть, подразумѣвалось правилами негласной ревизіи) [3]) съ разрѣшенія Государственнаго Совѣта,—все это приводило къ необходимости присвоить издаваемому продолженію силу, равную силѣ самаго Свода. И, дѣйствительно, именной указъ 30 августа 1834 г., въ выраженіяхъ, *тождественныхъ* съ манифестомъ 1833 года о Сводѣ, повелѣваетъ: „въ срокъ, манифестомъ установленный, а именно съ 1 января 1835 года, привести оное (продолженіе) въ *законную силу и дѣйствіе* въ совокупности со Сводомъ, дополняя и замѣняя статьи Свода, гдѣ слѣдуетъ, статьями продолженія, имъ соотвѣтствующими“. Приведенныя слова не оставляютъ сомнѣнія, что первое продолженіе образуетъ какъ бы неразрывную часть самаго Свода, корректируя и дополняя его, имѣетъ одинаковую съ нимъ силу закона исключительнаго, устраняющаго дѣйствіе источниковъ, и возводитъ на степень закона то, что по способу своего изданія, безъ включенія въ продолженіе, такой силы бы не имѣло. Благодаря этому продолженію та переплавка предыдущаго законодательства, которую далъ Сводъ законовъ срокомъ по 1 января 1832 года, обняла собою и матеріалъ за два дальнѣйшіе года или, иными словами, сдѣлала ненужнымъ, внѣ надобностей историческаго поясненія, обращеніе къ отдѣльнымъ источникамъ вплоть до 1 января 1834 г. Но юридическую эту силу продолженіе 1834 года почерпнуло не въ матеріалѣ, въ немъ заключаю-

---

[1]) Самъ Сперанскій, какъ это уже отмѣчалось нами выше, не былъ сторонникомъ этой негласности и поэтому не усомнился открыто заявить въ продолженіи о сдѣланныхъ исправленіяхъ и о числѣ ихъ. Впрочемъ, и Министерство Юстиціи не особенно строго оберегало тайну: на его циркулярахъ о доставленіи замѣчаній на Сводъ нигдѣ не значилось надписи: „секретно“.

[2]) Такъ, на ордерахъ Министра Юстиціи основаны, напр., новыя примѣчанія къ ст. 371 и 391 тома I, на предписаніяхъ Министра Финансовъ примѣчанія къ ст. 466, 526, 539 тома II и др.

[3]) Кромѣ развѣ случаевъ исправленія ошибокъ несущественныхъ,—ибо, какъ указывалось уже выше, со стороны учрежденій, облеченныхъ правомъ представленія замѣчаній, допускалось заявленіе сомнѣній лишь въ случаяхъ существеннаго отступленія Свода отъ его источниковъ.

щемся, и не въ полномочіяхъ, предоставленныхъ Второму Отдѣленію, а исключительно въ именномъ указѣ 30 августа 1834 г., при коемъ оно было препровождено въ Правительствующій Сенатъ. Сходствуя въ этомъ отношеніи со Сводомъ 1832 года, первое къ нему продолженіе не было снабжено, какъ и самый Сводъ, какимъ либо предисловіемъ,—въ отличіе отъ дальнѣйшихъ продолженій, всегда сопровождаемыхъ вводными указаніями о содержаніи продолженія и основаніяхъ его составленія.

Изданіемъ продолженія 1834 года достигнуто было такимъ образомъ двѣ цѣли, существенно увеличившихъ практическую цѣнность Свода: во-первыхъ, къ моменту вступленія Свода законовъ въ силу приближено объединеніе дѣйствующаго законодательства на цѣлыхъ два года, такъ что къ 1 января 1835 года сборникъ этотъ отставалъ отъ наличнаго законодательства только на одинъ годъ; во-вторыхъ, Сводъ освободился, если не отъ всѣхъ, то, вѣроятно, отъ большинства вкравшихся въ него погрѣшностей. Пользованіе Сводомъ облегчено было еще изданіемъ къ тому времени общаго ему оглавленія и алфавитнаго указателя, а вскорѣ въ видѣ особой книги и хронологическихъ указателей къ 15 томамъ Свода. Дальнѣйшее и весьма ощутительное удобство могло бы быть достигнуто, если бы при предстоявшей въ 1835 году (уже третьей) допечаткѣ Свода въ его текстъ включены были всѣ тѣ исправленія и дополненія, которыя составили содержаніе перваго продолженія. Этого однако не было сдѣлано, и, очевидно, не только по той причинѣ, что къ этому времени уже выяснилась неизбѣжность еще дальнѣйшихъ исправленій, но и потому, что подобное объединеніе не соотвѣтствовало бы манифесту о Сводѣ и могло бы внести неоднообразіе и неясность въ пользованіе этимъ сборникомъ. Сперанскій же сознательно уклонялся отъ всякаго, даже внѣшняго, отступленія при новыхъ тисненіяхъ отъ основного изданія. Доказательствомъ тому служитъ, напр., слѣдующій эпизодъ. Приступая къ третьему изданію Свода, Второе Отдѣленіе рѣшило, въ цѣляхъ сбереженія бумаги, чтобы цитаты шли въ подборъ съ текстомъ, а не были набираемы, какъ прежде, съ особой строки. Сперанскій, сначала было согласившійся на это, черезъ нѣсколько дней взялъ это согласіе обратно, находя, что подобное отступленіе можетъ возбудить мысль, будто „3-е изданіе несходно съ двумя предыдущими и что мы самовластно сдѣлали въ немъ измѣненія. Отсюда возникнутъ толки и огласки, коей паче всего избѣжать должно“. При такой точкѣ зрѣнія было, конечно, послѣ-

довательнымъ не дѣлать, при новыхъ тисненіяхъ, никакихъ исправленій. И, дѣйствительно, изданіе 1833 года, т. е. второе тисненіе Свода [1]), представляетъ перепечатку основного изданія съ сознательнымъ повтореніемъ всѣхъ тѣхъ неточностей, которыя уже успѣли открыться къ тому времени,—очевидно, имѣя въ виду, что въ составѣ продолженія 1834 года всѣ эти неточности будутъ перечислены. Исправлены были только тѣ погрѣшности, которыя, дѣйствительно, относились лишь къ набору, т. е. являлись опечатками въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ согласіи съ этимъ пріемомъ, отдѣлъ продолженія „опечатки", состоявшій, какъ упоминалось выше, въ значительной мѣрѣ изъ исправленія редакторскихъ погрѣшностей, отнесенъ не только къ основному, но и къ повторному тисненію 1833 года (подъ названіемъ 1-го и 2-го изданій). За то при третьемъ тисненіи Свода, производившемся въ концѣ 1835 и въ началѣ 1836 года и выпущенномъ, слѣдовательно, позже не только перваго, но и второго продолженія, уже использованы были всѣ открывшіеся редакціонные недосмотры, оговоренные въ отдѣлѣ „опечатокъ" [2]), такъ что въ третьемъ продолженіи къ Своду, вышедшемъ осенью 1836 года, уже не потребовалось сохраненія этого отдѣла, успѣвшаго съ 28 страницъ въ первомъ продолженіи возрасти, хотя онъ по прежнему относился къ 1-му и 2-му изданіямъ, до 100 страницъ во второмъ продолженіи. Сдѣланныя въ третьемъ изданіи поправки отнюдь однако не относились къ тому матеріалу, который нашелъ себѣ мѣсто *въ текстѣ* самаго продолженія. Тѣмъ менѣе, конечно, возможно было ожидать подобныхъ исправленій при второмъ тисненіи. Однако, именно въ составѣ послѣдняго допущено было,—правда, въ видѣ особаго исключенія—одно существенное отступленіе отъ текста основного изданія.

Препровождая въ теченіе 1833 года рядъ замѣчаній на различные тома Свода законовъ и, между прочимъ, по горной части, Министерство Финансовъ обратило вниманіе Второго Отдѣленія

[1]) Въ противоположность третьему изданію, въ составѣ котораго на 1-омъ листѣ или на оборотной страницѣ заглавнаго листа каждаго тома обозначены слова „изданіе третіе", тисненіе 1833 года не заключаетъ, кромѣ обозначенія года печатанія, никакого особаго указанія на повторность его. Въ нѣсколькихъ однако томахъ замѣчаются отступленія въ счетѣ страницъ и нѣкоторая передвижка набора.

[2]) Въ виду этого при историческихъ изысканіяхъ по Своду рекомендуемъ обращаться всегда къ той редакціи перваго Свода, которая приведена въ третьемъ его изданіи 1835—1836 гг.

на усмотрѣнную имъ ошибку въ статьѣ 40 горнаго устава, по вопросу о срокѣ службы мастеровыхъ и рабочихъ. Гр. Канкринъ, считая исправленіе этой статьи болѣе настоятельнымъ, нежели другихъ, ибо „огласить оную въ семъ (невѣрномъ) видѣ по горнымъ заводамъ неприлично и даже опасно", просилъ даже о пріостановкѣ продажи отпечатанныхъ экземпляровъ VII тома [1]). Находя указаніе финансоваго вѣдомства справедливымъ, Сперанскій, подробно изложивъ возникшій вопросъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ и выработавъ новую редакцію статьи 40 и стоявшей съ нею въ связи 41 статьи [2]), испросилъ Высочайшее соизволеніе на исправленіе этихъ статей, не ожидая предстоящаго въ 1834 году выхода продолженія съ прочими исправленіями, уже въ повторномъ изданіи Свода. „Такимъ образомъ, — прибавлялъ онъ,—пріобрѣтатели 2-го изданія будутъ имѣть VII томъ исправленный, а тѣ, къ коимъ дошелъ сей томъ изъ 1-го изданія, получатъ исправленіе его въ свое время, т. е. чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ позже въ общемъ дополненіи".

Допущенное отступленіе не ослабляло однако основного положенія, что Сводъ обладаетъ самостоятельною силою закона, ибо сдѣланное исправленіе почерпнуло свою силу, какъ мы видѣли, въ особомъ (хотя и не обнародованномъ) Высочайшемъ повелѣніи. Мало того: этотъ именно случай лишній разъ подтвердилъ, каковъ былъ дѣйствительный смыслъ манифеста 31 января 1833 г. А именно, внося возникшій по горному уставу вопросъ на Высочайшее разрѣшеніе, творецъ Свода счелъ нужнымъ мотивировать свое ходатайство слѣдующимъ соображеніемъ: „какъ ни къ какому исправленію въ Сводѣ и даже *къ перемѣнѣ одного слова* нельзя приступить безъ *Высочайшаго повелѣнія*". Болѣе яснаго указанія на значеніе манифеста 31 января по вопросу о силѣ Свода законовъ и болѣе рельефнаго выраженія взгляда современниковъ на Сводъ какъ на законъ едва-ли можно сыскать и придумать. Въ то же время,—по отношенію къ предмету настоящей главы,—цитированныя слова раскрываютъ, какой смыслъ Сперанскій и его помощники придавали правиламъ 16 марта 1833 г. по вопросу о порядкѣ внесенія исправленій въ Сводъ. Въ данномъ случаѣ предстояло устраненіе ошибки, признанной таковою и со стороны

---

[1]) Письмо 3 нояб. 1833 г. № 2487 (дѣло № 17а, прил.).

[2]) Исправленіе первой изъ этихъ статей повело къ тому, что изъ правила въ $3^1/_2$ строчки она превратилась въ сложное постановленіе въ объемѣ $23^1/_2$ строкъ.

вѣдомства и самимъ Вторымъ Отдѣленіемъ, слѣдовательно, не было на лицо условія—разногласія между двумя учрежденіями,—при наличности котораго, по силѣ правилъ 16 марта, было бы обязательнымъ участіе Государственнаго Совѣта. Отсутствіе прямого въ этихъ правилахъ указанія, какъ осуществить исправленіе въ случаѣ его безспорности, и обстоятельство признанія за Сводомъ силы закона повели къ тому, что для осуществленія такого рода исправленій признано было необходимымъ испрошеніе особаго на это Высочайшаго соизволенія, въ порядкѣ всеподданнѣйшаго доклада. Этимъ первымъ примѣромъ предрѣшено было и дальнѣйшее: для приданія обязательности всѣмъ прочимъ исправленіямъ въ продолженіи 1834 г. необходима была ихъ санкція Высочайшею властью, которая, какъ мы видѣли, и послѣдовала въ видѣ именного указа 30 августа 1834 г.

VIII.

По мысли законодателя 1833 года, промежутокъ времени между изданіемъ Свода законовъ и введеніемъ его въ дѣйствіе имѣлъ быть использованъ, кромѣ ознакомленія съ нимъ, для внесенія въ него тѣхъ исправленій, которыя оказались бы необходимыми на основаніи повѣрки при производствѣ дѣлъ [1]). Такимъ образомъ 1 января 1835 года, день вступленія Свода „въ полную и исключительную силу", являлся, въ сущности, предѣльнымъ срокомъ, до истеченія котораго допускалось исправленіе Свода въ порядкѣ правилъ о негласной его повѣркѣ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что ни порученіе, возложенное по выработкѣ этихъ правилъ на Министра Юстиціи, ни самыя правила, Высочайше утвержденныя 16 марта 1833 г., не содержали прямого указанія на срокъ такой повѣрки. Этотъ случайный пробѣлъ не остался, повидимому, безъ вліянія на пространство дѣйствія—во времени—вышеуказанныхъ правилъ.

Изъ свѣдѣній по составленію перваго продолженія къ Своду, приведенныхъ въ предыдущей главѣ, мы помнимъ, что въ этомъ продолженіи были осуществлены тѣ только исправленія, которыя явились слѣдствіемъ замѣчаній на Сводъ, поступившихъ во Второе

---

[1]) Въ журналѣ Общаго Собранія Государственнаго Совѣта 19 января 1833 г. такъ именно и было сказано: „. . . *въ продолженіи сего времени* (т. е. двухгодичнаго срока ознакомленія), . . . сдѣлать . . . негласныя распоряженія, дабы для повѣрки при производствѣ новыхъ дѣлъ, не откроется ли какихъ противорѣчій между законами, въ Сводѣ приведенными, или пропусковъ".

Отдѣленіе ранѣе 1 апрѣля 1834 г. Разрѣшеніе вопросовъ, требовавшихъ дальнѣйшихъ объясненій между вѣдомствами, равно какъ исправленіе по замѣчаніямъ, которыя поступили послѣ 1 апрѣля, было отложено, какъ это прямо указано во всеподданнѣйшемъ докладѣ по поводу перваго продолженія, до продолженія слѣдующаго года, т. е. вмѣстѣ съ узаконеніями за 1834 годъ. Такое заключеніе Сперанскаго въ докладѣ 29 августа 1834 г. вполнѣ соотвѣтствовало тому, что предвидѣлось Балугьянскимъ въ докладѣ его отъ 10 января того же года „о срокѣ исправленій къ Своду", гдѣ значилось слѣдующее: „Если бы по производству дѣлъ вступили отъ департаментовъ или губернскихъ прокуроровъ примѣчанія послѣ 1 апрѣля, то они могутъ быть приняты въ уваженіе, и порядокъ ихъ разсмотрѣнія до 1 января 1835 года останется тотъ же; но исправленія, кои по онымъ могутъ быть признаны нужными, отложатся уже до послѣдующаго года и помѣстятся въ продолженіи Свода за 1834 годъ". Приведенный отрывокъ удостовѣряетъ, съ не оставляющею сомнѣній ясностью, что Второе Отдѣленіе, если и находило возможнымъ обнародовать исправленія къ Своду послѣ вступленія его въ силу, то во всякомъ случаѣ предполагало самый процессъ повѣрки оканчивающимся 1 января 1835 года. Взглядъ этотъ раздѣлялся, повидимому, и въ Министерствѣ Юстиціи, гдѣ проходила главнѣйшая часть негласной ревизіи и которому эта записка Балугьянскаго въ свое время была сообщена [1]). Такъ, въ мартѣ 1834 г. Министръ Юстиціи писалъ Сперанскому, по поводу дѣятельности комитета для ревизіи, что занятія его „будутъ продолжаемы *въ теченіе срочнаго времени* по мѣрѣ поступленія замѣчаній, разсмотрѣнію его подлежащихъ" [2]). Засимъ, къ концу 1834 г. занятія комитета велись съ такимъ расчетомъ, чтобы быть завершенными ранѣе наступленія новаго года. И, дѣйствительно, 31 декабря изъ Министерства отосланы были во Второе Отдѣленіе послѣднія замѣчанія на томы X и XV, заслушанныя въ комитетѣ и признанныя имъ уважительными [3]), вслѣдъ за чѣмъ комитетъ въ началѣ 1835 года пересталъ имѣть свои засѣданія для разсмотрѣнія новыхъ замѣчаній, хотя таковыя и продолжали еще поступать. Весьма скоро однако возобладала другая точка зрѣнія и чуть-ли

---

[1]) При письмѣ Сперанскаго къ Дашкову отъ 13 января 1834 г.

[2]) Письмо Дашкова 30 марта 1834 г. № 3646.

[3]) Объ этой отправкѣ въ количествѣ 170 замѣчаній, объемлющихъ болѣе 200 статей Свода, Дашковъ донесъ 1 января 1835 г. особымъ всеподданнѣйшимъ рапортомъ Государю.

не подъ вліяніемъ, хотя и невольнымъ, самого Второго Отдѣленія.

Приступивъ, вслѣдъ за выпускомъ продолженія съ узаконеніями 1832 и 1833 годовъ, къ составленію продолженія за 1834 годъ, которое, въ цѣляхъ удобства пользованія, должно было заключать въ себѣ и весь матеріалъ, вошедшій въ первое продолженіе, Второе Отдѣленіе въ февралѣ 1835 г. извѣстило о предстоящемъ изданіи Министра Юстиціи [1]), „на тотъ конецъ, что, если департаментъ Министерства Юстиціи имѣетъ въ виду по производству дѣлъ какія либо замѣчанія на Сводъ, коихъ не успѣлъ онъ прежде сообщить, то не угодно ли будетъ приказать доставить ихъ нынѣ, дабы Второе Отдѣленіе могло воспользоваться ими при изданіи продолженія". Вѣдавшій дѣлами комитета для ревизіи Свода директоръ департамента Дегай составилъ по этому поводу докладную записку Министру Юстиціи [2]), въ которой, указавъ на послѣдовавшую въ 4 срока отсылку разсмотрѣнныхъ комитетомъ замѣчаній во Второе Отдѣленіе и отмѣтивъ, что засимъ никакихъ не разсмотрѣнныхъ въ комитетѣ *по послѣднее его засѣданіе въ прошломъ году* замѣчаній не остается (хотя *послѣ того* и поступили нѣкоторые рапорты), высказалъ слѣдующее заключеніе: „такъ какъ вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія замѣчаній на Сводъ съ 1 января настоящаго 1835 г. положительно еще не разрѣшенъ, то я нахожу, что нѣтъ повода г. Сперанскому на его отношеніе упоминать о замѣчаніяхъ, съ того времени поступившихъ; а полагаю: увѣдомить только, что всѣ замѣчанія, сдѣланныя по Министерству Юстиціи до истеченія прошлаго 1834 г., кои состоящій при семъ Министерствѣ комитетъ призналъ уважительными, переданы въ томъ же году при отношеніи . . . . и что затѣмъ департаментъ сего Министерства по производству дѣлъ того времени не имѣетъ болѣе въ виду замѣчаній, коихъ бы тогда сообщить не успѣлъ"... Такой отвѣтъ вполнѣ соотвѣтствовалъ бы юридической сторонѣ вопроса и даже не расходился бы съ ожиданіемъ Второго Отдѣленія, запросъ котораго относился, вѣроятнѣе всего, къ остатку матеріаловъ за 1834 годъ. Предположенія Дегая не встрѣтили однако сочувствія въ его на-

---

[1]) Письмо Сперанскаго къ Дашкову отъ 6 февраля 1835 г.—Однородное предложеніе было сдѣлано тогда же Министерству Финансовъ, попутно съ извѣщеніемъ гр. Канкрина о состоявшемся внесеніи указанныхъ имъ исправленій въ продолженіе за 1832 и 1833 г.г., а также и остальнымъ двумъ вѣдомствамъ, участвовавшимъ въ ревизіи.

[2]) 22 февраля 1835 г.

чальникѣ, который по этому случаю даже упрекнулъ своего подчиненнаго въ забывчивости. Резолюція, положенная Дашковымъ на представленной ему запискѣ, довольно рѣзко гласитъ: „Вы забыли, что *я* именно объяснилъ вамъ мою мысль совершенно въ противномъ видѣ. Я рѣшительно не хочу останавливаться въ столь важномъ дѣлѣ на неясности нѣкоторыхъ выраженій и буду продолжать посылать свои замѣчанія на Сводъ, пока Государь не изволитъ сказать: *довольно*. Пожалуйста, дѣйствуйте въ семъ направленіи и представьте мнѣ какъ можно скорѣе сколько есть готовыхъ примѣчаній для отсылки г. Сперанскому; а въ комитетѣ продолжайте разсматривать". Въ какомъ актѣ и въ чемъ именно Министръ Юстиціи усмотрѣлъ „неясность нѣкоторыхъ выраженій", изъ этой резолюціи не видно. Если и была какая неопредѣленность, то она заключалась не въ томъ или иномъ выраженіи, а скорѣе въ томъ обстоятельствѣ, что въ законѣ о ревизіи не сдѣлано было указанія на предѣльный срокъ полномочій по исправленію Свода. А между тѣмъ истинный авторъ этого закона—тотъ же Дашковъ—еще въ 1832 году, когда впервые намѣчалъ двухгодичный срокъ для замѣчаній на Сводъ со стороны губернскихъ мѣстъ, дѣлалъ это въ томъ расчетѣ, чтобы *„по истеченіи срока* [1]) правительство могло воспользоваться оными для его усовершенствованія" [2]).

Помня, можетъ быть, что двухгодичный срокъ замѣчаній имъ назначался только для мѣстныхъ, а не для центральнаго учрежденій, и предвидя, что полномочія комитета неминуемо должны быть продлены, Дашковъ считалъ себя въ правѣ воспользоваться случайнымъ отсутствіемъ въ текстѣ закона указанія на срокъ полномочій комитета для того, чтобы не прерывать считавшіяся имъ необходимыми занятія по повѣркѣ Свода [3]). Гораздо ближе всетаки къ формальной истинѣ было указаніе Дегая, что „вопросъ о порядкѣ разсмотрѣнія замѣчаній на Сводъ съ 1 января 1835 года положительно *еще не разрѣшенъ*" [1]),—ибо вопросъ этотъ къ тому времени уже былъ оффиціально возбужденъ.

Представляя 29 августа 1834 г. Государю отпечатанное первое продолженіе къ Своду, Сперанскій испросилъ тѣмъ же докладомъ Высочайшее разрѣшеніе на внесеніе въ Государственный Совѣтъ,

---

[1]) Курсивъ нашъ.

[2]) Этими словами формулировано было заключеніе Дашкова въ его майскомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 1832 г. по возникшему въ комитетѣ для обозрѣнія сводовъ вопросу о будущей силѣ Свода законовъ.

[3]) Засѣданія комитета возобновились съ 11 марта 1835 г.

съ одновременною разсылкою вѣдомствамъ для доставленія отзывовъ, слѣдующихъ трехъ записокъ: 1) о порядкѣ составленія продолженій на будущее время, 2) подробное наставленіе о приложеніи и употребленіи статей Свода въ производствѣ дѣлъ и 3) о порядкѣ изъясненія и дополненія законовъ при дѣйствіи Свода. Записки эти подлежали разсмотрѣнію въ Совѣтѣ совокупно съ тѣми замѣчаніями на нихъ, которыя имѣли поступить туда отъ Министровъ Юстиціи, Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ. Прежде чѣмъ дать свой отзывъ, Дашковъ поручилъ разсмотрѣть эти записки комитету о повѣркѣ Свода законовъ. Занявшись ими въ засѣданіяхъ 5 и 12 ноября, комитетъ, при разсмотрѣніи третьей записки, обратилъ вниманіе на то, что записка эта, какъ и манифестъ при изданіи Свода, относятся „къ тѣмъ только случаямъ, когда усмотрѣна будетъ неясность въ законѣ или необходимость въ изданіи новаго дополнительнаго къ оному узаконенія". Между тѣмъ, „примѣненіе Свода къ дѣлопроизводству влечетъ за собою особое затрудненіе, свойственное исключительно переходному состоянію, въ которое поставлено россійское законодательство", а именно по вопросу о томъ отношеніи, которое будетъ имѣть Сводъ къ источнику, изъ коего онъ извлеченъ [1]). Исправленія, уже внесенныя въ Сводъ первымъ

[1]) Этотъ же вопросъ, и въ это же приблизительно время, возбужденъ былъ, съ точки зрѣнія интересовъ частныхъ лицъ, юрисконсультомъ Министерства Юстиціи Брилевичемъ (состоявшимъ также въ числѣ членовъ комитета для повѣрки Свода). Въ поданной по начальству особой запискѣ (Дѣло Мин. Юст. 1834 г. № 130) онъ обращалъ вниманіе на затруднительное положеніе, въ которое ставится частное лицо, обязанное подчиняться одновременно и статьямъ Свода, и прежнимъ законоположеніямъ („ибо оныя Сводомъ не отмѣняются"—прибавлялъ авторъ въ поясненіе этой сомнительной въ основѣ мысли), въ томъ случаѣ, когда между статьею и закономъ усматривается разнорѣчіе или когда законъ оказывается не внесеннымъ въ Сводъ и потому долженъ бы быть почитаемъ уже недѣйствующимъ. Для разрѣшенія такихъ затрудненій Брилевичъ предлагалъ допустить обращеніе частныхъ лицъ къ губернскимъ прокурорамъ. Дегай далъ по этому вопросу слѣдующее заключеніе, съ которымъ согласился (19 ноября 1834 г.) и министръ: „Вышеозначенное затрудненіе не иначе можетъ возникнуть, какъ по производству дѣлъ, а какъ въ семъ отношеніи всѣ зависящія мѣры изложены въ запискѣ, представленной въ Государственный Совѣтъ о предположеніяхъ г. Сперанскаго, то засимъ нѣтъ повода дѣлать особаго распоряженія въ отношеніи тяжущихся и подсудимыхъ". Здѣсь Дегай, очевидно, имѣлъ въ виду тотъ отзывъ Министра Юстиціи, который послѣдовалъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ (а именно 16 ноября 1834 г. № 13359) къ Государственному Секретарю въ томъ самомъ смыслѣ, къ какому пришелъ комитетъ по повѣркѣ Свода въ своихъ, воспроизводимыхъ въ настоящемъ мѣстѣ, сужденіяхъ. Хотя ни Брилевичъ въ своей запискѣ (она датирована 14 ноября), ни Дегай въ своемъ заключеніи по

къ нему продолженіемъ, даютъ комитету поводъ предполагать, что и впредь могутъ встрѣтиться какъ случаи, что въ Сводѣ нѣтъ постановленія, тогда какъ законы, въ него не внесенные, разрѣшаютъ таковые случаи, такъ и статьи Свода, не со всею точностью извлеченныя изъ узаконеній, въ основаніе ихъ принятыхъ. Разсуждая, что подобныя затрудненія не подходятъ подъ правила учрежденія о губерніяхъ касательно поясненія законовъ и что „гласный медленный ходъ“ поясненія законовъ имѣлъ бы въ данномъ случаѣ вредныя послѣдствія, комитетъ нашелъ удобнѣйшимъ средствомъ къ устраненію сего употребить „тотъ же способъ, какой принятъ и къ негласной повѣркѣ Свода“, т. е. „предписать всѣмъ губернскимъ прокурорамъ, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по соображенію присутственныхъ мѣстъ будутъ открываемы такія постановленія, кои не внесены въ Сводъ или внесены, но не въ надлежащей полнотѣ, представляли они о томъ безъ малѣйшаго замедленія Министру Юстиціи для разсмотрѣнія встрѣтившагося сомнѣнія въ комитетѣ семъ и принятія надлежащихъ мѣръ къ сношенію со Вторымъ Отдѣленіемъ ... на томъ же основаніи, какъ нынѣ производится повѣрка Свода“.

Найдя такимъ образомъ необходимымъ продолжать негласную повѣрку Свода на прежнихъ основаніяхъ и послѣ вступленія его въ силу, комитетъ не могъ не остановиться на томъ вліяніи, какое должно оказать на теченіе судебнаго дѣла возбужденіе вопроса объ ошибкѣ въ Сводѣ. Въ этой собственно сторонѣ предмета, не имѣвшей значенія, пока Сводъ былъ только руководствомъ (т. е. до 1 января 1835 г.), заключалась главная трудность разрѣшенія вновь возродившагося вопроса объ отношеніи Свода къ его источникамъ. Неудивительно, что мнѣнія по этому предмету раздѣлились.—Должно ли возбужденіе вопроса объ ошибкѣ въ Сводѣ останавливать окончательное рѣшеніе дѣла? Три члена находили, что предоставленіе присутственнымъ мѣстамъ останавливать производство дѣлъ означало бы умаленіе достоинства Свода при самомъ его появленіи, возродило бы общее сомнѣніе въ согласности Свода съ самими законами и дало бы поводъ къ произвольнымъ толкованіямъ и къ изысканію случаевъ останавливать производство дѣлъ. Поэтому, хотя бы статья Свода и оказалась несогласною съ узаконеніями, дѣло должно быть разрѣшаемо на точномъ основаніи сей

поводу нея, не упоминаютъ о комитетѣ, тѣмъ не менѣе связь между постановкою Брилевича и выводами комитета едва-ли можетъ быть отрицаема.

статьи. Если же, паче чаянія, откроется пропускъ закона, то въ семъ случаѣ надлежитъ поступать, какъ при недостаткѣ закона, т. е. входить съ представленіемъ въ Правительствующій Сенатъ. Прочіе же члены комитета [1]) признавали болѣе удобнымъ, чтобы судебное мѣсто, встрѣтивши статью, не соотвѣтствующую ея источникамъ, останавливало рѣшительное окончаніе дѣла впредь до полученія разрѣшенія сего затрудненія въ порядкѣ, предположенномъ комитетомъ (т. е. въ порядкѣ разбора вопроса въ комитетѣ и во Второмъ Отдѣленіи); остановка въ этомъ случаѣ, по мнѣнію этихъ членовъ, не могла быть продолжительною.

Изъ приведеннаго видно, что, хотя комитетъ и не расходился въ основномъ взглядѣ на Сводъ какъ на законъ, часть его признавала тѣмъ не менѣе допустимымъ для присутственныхъ мѣстъ, въ случаяхъ сомнѣнія въ правильности статей Свода, откладывать рѣшеніе дѣла впредь до разрѣшенія этого сомнѣнія въ порядкѣ ревизіи Свода; другая же часть настаивала на примѣненіи до конца текста Свода, съ исходатайствованіемъ, въ установленномъ порядкѣ черезъ Сенатъ (осн. зак. 1832 г., ст. 52; общ. учр. губ. 1832 г., ст. 257), дополненія закона въ томъ случаѣ, если въ Сводѣ не оказывалось приличнаго дѣлу закона. Эта вторая точка зрѣнія была, несомнѣнно, болѣе логичною и послѣдовательною, ибо исходила изъ признанія случаевъ несоотвѣтствія Свода источникамъ случаями неясности или пробѣловъ самаго закона. Но она представляла неудобство въ томъ отношеніи, что какъ бы требовала возбужденія законодательнаго вопроса для дополненія Свода такимъ постановленіемъ, которое въ дѣйствительности уже существовало и только по ошибкѣ редакторовъ не вошло въ Сводъ, и, слѣдовательно, такъ какъ Сводомъ предшествующіе ему указы отмѣнены не были,—погрѣшала противъ стараго правила: не испрашивать указа на указъ.

Полностью воспользовавшись въ своемъ отзывѣ (отъ 16 ноября 1834 г. № 13359) на проекты Сперанскаго замѣчаніями комитета, Министръ Юстиціи счелъ долгомъ возбудить передъ Государствен-

---

[1]) Кромѣ кн. Лобанова-Ростовскаго, подавшаго особое мнѣніе, которое, впрочемъ, почти не отличалось отъ мнѣнія трехъ членовъ, какъ оно изображено въ журналѣ комитета, а только точнѣе проводило разницу между случаями несоотвѣтствія текста источнику и полнаго пропуска закона. При этомъ авторъ особаго мнѣнія рекомендовалъ исполнять статьи Свода (хотя бы не вполнѣ точныя) по буквальному ихъ изъясненію, впредь до того времени, когда эта статья будетъ исправлена въ продолженіи.

нымъ Совѣтомъ и тотъ дополнительный вопросъ, который выставленъ былъ комитетомъ, о порядкѣ дальнѣйшаго исправленія Свода, при чемъ, во избѣжаніе гласной повѣрки Свода, какъ не соотвѣтствующей „тому общему довѣрію, которое должно внушать благотворительное изданіе Свода“, предложилъ указанный комитетомъ способъ негласной, черезъ его посредство, ревизіи. Не умолчалъ Дашковъ и о разногласіи, происшедшемъ въ средѣ комитета по вопросу о пріостановленіи окончательнаго рѣшенія дѣла въ случаѣ открывшейся въ Сводѣ ошибки. Не примкнувши прямо ни къ тому, ни къ другому мнѣнію, но безусловно отрицательно относясь къ возможности остановки теченія дѣлъ подъ предлогомъ затрудненій, „ибо (она) представляла бы явное доказательство неуспѣшности мѣръ, принятыхъ къ примѣненію Свода“, Дашковъ предложилъ установить слѣдующія, по его мнѣнію, точныя и опредѣлительныя правила, какъ должны въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать присутственныя мѣста: 1) Когда по производству дѣла откроется такой предметъ, на который нѣтъ разрѣшенія въ Сводѣ, но о которомъ есть постановленіе въ узаконеніяхъ, состоявшихся до изданія онаго, разрѣшать дѣло въ отношеніи сего предмета на точномъ основаніи того постановленія. 2) Когда усмотрѣно будетъ, что статья Свода не во всей точности выражаетъ узаконенія, изъ коихъ извлечена, то рѣшать дѣла по Своду. 3) Въ обоихъ сихъ случаяхъ чрезъ губернскихъ прокуроровъ должно быть доводимо до свѣдѣнія Министра Юстиціи для принятія со стороны его выше сего показанныхъ мѣръ негласной повѣрки, а, какъ съ установленіемъ оной могутъ измѣниться нѣкоторыя статьи Свода, служившія между тѣмъ основаніемъ рѣшенія дѣлъ, и изъ числа оныхъ нѣкоторыя, по цѣнѣ иска, остались бы безъ апелляціи и тѣмъ отнято было бы средство къ исправленію таковыхъ рѣшеній въ высшихъ инстанціяхъ, то дозволить въ подобномъ случаѣ перевершать дѣло тому же самому мѣсту, не стѣсняясь прежде даннымъ рѣшеніемъ; для чего при каждомъ поясненіи Свода, измѣняющемъ какую-либо статью онаго, когда откроется подобное дѣло въ какой либо инстанціи, окончательно рѣшенное на основаніи отмѣненной или поясненной прежними постановленіями статьи, давать таковое разрѣшеніе особыми объявляемыми именными указами [1])“.

---

[1]) Подробное развитіе этихъ правилъ и ближайшее обоснованіе нѣкоторыхъ предположеній заключается въ трехъ запискахъ, приложенныхъ къ офиціальнымъ

Изъ приведеннаго проекта Дашкова видно, что онъ продолжалъ неуклонно держаться тѣхъ же двухъ принциповъ, какъ и прежде: 1) что Сводъ имѣетъ силу исключительнаго закона и потому, несмотря на несоотвѣтствіе статьи ея источнику, рѣшеніе должно состояться по тексту этой статьи, и 2) что, гласно признавая эту силу за Сводомъ, возможно, въ негласномъ порядкѣ ревизіи Свода, вносить въ него надлежащія исправленія. Этимъ на будущее, по крайней мѣрѣ, время возстановится правильное примѣненіе закона, а чтобы исправить, по возможности, ущербъ частнаго интереса, происшедшій отъ ошибки въ Сводѣ, слѣдуетъ предоставить суду, съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшенія, перевершать дѣло, давая такимъ образомъ состоявшемуся поясненію обратное дѣйствіе [1]). Предложеніе Дашкова относительно ссылокъ на подлинныя узаконенія, въ тѣхъ случаяхъ, когда они оказывались пропущенными въ Сводѣ, было, конечно, нѣкоторымъ отступленіемъ отъ взгляда на Сводъ, какъ на единственный, въ предѣлахъ его системы, источникъ права, но оно не шло все-таки въ разрѣзъ съ самымъ манифестомъ 31 января, потому что въ послѣднемъ, по буквѣ его, не содержалось безусловно связывающихъ опредѣленій по этому вопросу. Въ семъ отношеніи Дашковъ, самъ того не замѣчая, приблизился къ основному мнѣнію Сперанскаго, выраженному имъ во второмъ изъ предложеній, которыя формулированы были въ запискѣ о силѣ и дѣйствіи Свода.

Сравнивая эти предположенія, внесенныя Дашковымъ въ Государственный Совѣтъ въ видѣ замѣчаній на третью записку Сперанскаго, съ заключеніемъ комитета, нельзя не прійти къ выводу, что, отдавая въ одномъ случаѣ предпочтеніе тексту Свода передъ

матеріаламъ Государственнаго Совѣта въ дѣлѣ 1834 г. № 16 и объединенныхъ тамъ подъ заглавіемъ „бумаги, внесенныя въ Департаментъ Законовъ лично отъ Министра Юстиціи". Одна изъ нихъ, судя по почерку, принадлежитъ перу Дегая. Составлялись эти записки, надо думать, всѣ однимъ и тѣмъ же лицомъ, и для того, чтобы дать Дашкову матеріалъ при повторявшемся слушаніи этого вопроса въ засѣданіяхъ Департамента.

[1]) Показательнымъ для чувства справедливости того времени является слѣдующее предположеніе, выраженное въ одной изъ записокъ, лично внесенныхъ Дашковымъ (см. предыдущую выноску): „Для соблюденія всей благотворительности правительства справедливо было бы не только возстановлять въ сихъ случаяхъ право на пересмотръ, но даже назначать приличное вознагражденіе изъ казны, когда усмотрѣно будетъ, что убытки, понесенные черезъ таковое перевершеніе, не могутъ быть удовлетворены одними способами, кои откроетъ самое существо дѣла".

текстомъ источника, а въ другомъ—въ случаѣ пропуска закона—предписывая рѣшеніе дѣла по подлинному узаконенію, Министръ Юстиціи былъ, по существу вопроса, весьма близокъ къ мнѣнію трехъ членовъ комитета, также установлявшихъ разницу въ порядкѣ разрѣшенія случаевъ несоотвѣтствія источнику и полнаго невключенія въ Сводъ. Государственный же Совѣтъ, въ конечномъ разрѣшеніи сего вопроса, оказался, хотя и раздѣлялъ всѣ основныя положенія Дашкова, на сторонѣ другой части членовъ комитета, ибо установилъ одинаковый порядокъ разрѣшенія для обоихъ, существенно различныхъ между собою, случаевъ. Но случилось это не сразу, а послѣ болѣе чѣмъ годичнаго размышленія [1]).

Вышеназванныя три свои записки Сперанскій внесъ въ Государственный Совѣтъ 20 октября 1834 г. Вѣдомственные отзывы (Министерства Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи) стали поступать со 2 ноября, и къ 16 ноября, послѣ соотвѣтствующаго напоминанія, доставлено было, послѣднимъ изъ всѣхъ, заключеніе Дашкова. Уже на слѣдующій день Департаментъ Законовъ имѣлъ первое свое засѣданіе по этому дѣлу. Очень быстро обсудивъ замѣчанія министровъ на первую и вторую записки и согласовавъ съ ними проекты Сперанскаго, постановленія которыхъ, въ общей совокупности, по мнѣнію Департамента, должны быть раздѣлены на двѣ части, а именно на общія правила, подлежащія къ свѣдѣнію и исполненію всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, и на особенныя правила, принадлежащія къ исполненію въ министерствахъ, Департаментъ Законовъ дольше, повидимому, останавливался на тѣхъ возбужденныхъ самимъ Сперанскимъ или въ отзывѣ Дашкова вопросахъ, которые отнесены имъ были къ числу „особенныхъ“ и, въ частности, стояли въ связи съ силою и дѣйствіемъ Свода законовъ. Такихъ вопросовъ было два: о включеніи въ продолженія предписаній, исходящихъ отъ министровъ, а также сенатскихъ указовъ, и о допустимости для частныхъ лицъ изъятія изъ общаго для присутственныхъ мѣстъ правила: приводить статьи Свода вмѣсто указовъ.

Сводъ 1832 года заключалъ въ себѣ, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, значительную долю министерскихъ предписаній, восполнявшихъ законъ и получившихъ, благодаря манифесту 31 января 1833 года, силу закона. Такія предписанія вводимы были и въ первое продолженіе. Этимъ однако не разрѣшался еще вопросъ,

---

[1]) Подробности объ этомъ—въ слѣдующей главѣ.

слѣдовало ли и впредь вводить предписанія въ продолженія къ Своду. Нѣкоторыя вѣдомства на этомъ настаивали; такъ, Министерство Финансовъ полагало полезнымъ помѣщеніе въ Сводѣ циркулярныхъ его предписаній по гильдейской части, подобно тому, какъ это было сдѣлано съ постановленіями таможенными [1]). „Дабы постановить на сіе общее и твердое на будущее время правило", Сперанскій, раздѣляя предписанія на двѣ категоріи: пояснительныя и распорядительныя, полагалъ: 1) не вносить въ Сводъ предписаній пояснительныхъ (подъ коими разумѣются предписанія, циркулярно разрѣшающія возникшія или предупреждающія могущія возникнуть сомнѣнія въ смыслѣ закона), безъ Высочайшаго утвержденія и 2) вносить въ Сводъ предписанія распорядительныя, къ постоянному и всегдашнему исполненію законовъ принадлежащія, когда они, во-первыхъ, не противны закону и когда, во-вторыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣры исполненія закона или вовсе не означены въ законѣ, или означены не вполнѣ, и, слѣдовательно, дополненіе или замѣнъ закона распоряженіемъ представляется необходимымъ; сюда не относятся мѣры временныя, на какой-либо случай отдѣльно принимаемыя. Проводя подобное же дѣленіе (на пояснительные и распорядительные) указовъ, исходящихъ непосредственно изъ Правительствующаго Сената, Сперанскій въ отношеніи включенія ихъ въ Сводъ выразилъ слѣдующее заключеніе: 1) пояснительные указы вводить въ Сводъ, во-первыхъ, когда они не противорѣчатъ дѣйствующему закону и притомъ, во-вторыхъ, разрѣшаютъ или предупреждаютъ какое либо сомнѣніе въ смыслѣ закона, не постановляя ничего вновь, но единымъ только соображеніемъ буквальнаго смысла законовъ; 2) распорядительные указы Правительствующаго Сената вводить въ Сводъ на томъ же основаніи, какъ выше означено о предписаніяхъ министровъ; 3) если бы въ какомъ либо указѣ Правительствующаго Сената встрѣтилось сомнѣніе о предѣлахъ поясненія и дополненія, т. е. если бы найдено было, что поясненіемъ или дополненіемъ существенно измѣняется смыслъ дѣйствующаго закона: тогда Второе Отдѣленіе входитъ о семъ въ сношеніе съ Министерствомъ Юстиціи, и въ потребномъ случаѣ обстоятельство таковое представляетъ на Высочайшее разрѣшеніе.

Не встрѣтивъ, вмѣстѣ съ министрами, дававшими заключеніе

---

[1]) Письмо 30 ноября 1833 г. № 4579; Сперанскій отклонилъ это предложеніе письмомъ 4 января 1835 г.

на проектъ, никакихъ сомнѣній въ отношеніи узаконенія предположеній Сперанскаго казательно сенатскихъ указовъ (хотя пунктъ 3 присвоивалъ Второму Отдѣленію особую, новую, какъ бы контролирующую роль въ отношеніи предѣловъ сенатскаго поясненія) [1]), Департаментъ Законовъ видоизмѣнилъ, по соображеніи замѣчаній Министровъ Финансовъ и Юстиціи, выше приведенныя предположенія относительно министерскихъ предписаній въ томъ отношеніи, что: а) изъ правила о невключеніи пояснительныхъ предписаній (безъ Высочайшаго утвержденія) установилъ изъятіе въ пользу предписаній по таможенной части, такъ какъ послѣднія исходятъ отъ Министра Финансовъ по особенной, данной ему на сіе власти, и б) для внесенія предписаній распорядительныхъ (къ постоянному и всегдашнему исполненію закона принадлежащихъ) установилъ условіе утвержденія ихъ, по представленію министровъ, указами Правительствующаго Сената (что было равносильно выставленному Дашковымъ условію предварительнаго, ранѣе внесенія въ продолженіе Свода, отпечатанія такихъ предписаній въ видѣ циркуляровъ и опубликованія ихъ ко всеобщему свѣдѣнію).

Такимъ образомъ въ отношеніи пополненія Свода постановленіями, не получившими Высочайшаго утвержденія, Государственный Совѣтъ пошелъ скорѣе по пути сокращенія такого матеріала, въ согласіи съ направленіемъ, котораго держалось Министерство Юстиціи [2]), ибо въ отношеніи министерскихъ предписаній нашелъ возможнымъ дальнѣйшее включеніе въ Сводъ только постановленій по таможенной части [3]). Допущеніемъ однако этого послѣдняго изъятія безотносительно къ вопросу, явятся ли такія вновь включаемыя предписанія только дополненіемъ заключающагося въ таможенномъ уставѣ матеріала, или же ими будутъ измѣняться и отмѣняться получившія силу закона статьи изданія 1832 года, Го-

---

[1]) Въ дѣлѣ комитета о повѣркѣ Свода сохранилась переписка между Сперанскимъ и Дашковымъ, свидѣтельствующая, что въ началѣ 1835 г. Второе Отдѣленіе сдѣлало попытку воспользоваться своимъ новымъ правомъ, чтобы опротестовать указъ Сената отъ 20 мая 1834 г. (по дѣлу объ Орловскомъ мѣщанинѣ Вѣтровѣ), въ которомъ Второе Отдѣленіе усмотрѣло отмѣну ряда статей рекрутскаго устава.

[2]) Послѣднее въ отзывѣ своемъ, кромѣ того, предлагало (какъ это, впрочемъ, имѣлъ когда-то въ виду и самъ Сперанскій) отличать вносимыя въ Сводъ распоряженія отъ законовъ „и въ самой редакціи Свода, помѣщая оныя особымъ отдѣленіемъ“.

[3]) Соотвѣтствующихъ ограничительныхъ указаній для Полнаго Собранія Законовъ при этомъ случаѣ сдѣлано не было.

сударственный Совѣтъ въ извѣстной мѣрѣ поколебалъ значеніе таможеннаго устава въ ряду прочихъ частей Свода въ смыслѣ „закона“.

Рѣшеніе другого вопроса, предположеніями Сперанскаго прямо не намѣченнаго, но внесеннаго Министромъ Юстиціи на основаніи разсмотрѣннаго выше заключенія комитета по негласной повѣркѣ Свода, оказалось гораздо затруднительнѣе. Посвятивъ этому вопросу нѣсколько засѣданій (ибо соотвѣтствующій журналъ носитъ дату 17, 20, 24 и 30 ноября) и не имѣя возможности, вслѣдствіе приближавшагося срока вступленія Свода въ силу, еще долѣе медлить разрѣшеніемъ представленія Второго Отдѣленія, Департаментъ Законовъ рѣшилъ ограничиться рамками самаго представленія, а возникшій дополнительный вопросъ пока отложить. Какъ Министръ Юстиціи въ своемъ отзывѣ (слѣдуя постановкѣ въ комитетѣ), такъ и Государственный Совѣтъ пріурочилъ свои сужденія по этому предмету къ той статьѣ проекта [1]), въ которой Сперанскій пытался развить статью 4 манифеста 31 января и, между прочимъ, писалъ: „посему въ приложеніи статей Свода къ производству дѣлъ, когда встрѣтится въ нихъ какое-либо важное недоумѣніе или не найдено въ нихъ будетъ на предлежащій случай закона, тогда порядкомъ, для сего установленнымъ, представлять о семъ по начальству“. Изложивъ извѣстное намъ замѣчаніе Министра Юстиціи, вмѣстѣ съ его тремя предположеніями къ разрѣшенію вопроса, какъ поступать въ дѣлахъ, гдѣ встрѣтятся случаи невоспроизведенія или неполнаго воспроизведенія закона въ Сводѣ, журналъ Департамента [2]) отмѣчаетъ единство точки зрѣнія его и Министра Юстиціи на главную цѣль настоящихъ правилъ: установить къ разрѣшенію могущихъ возникнуть при употребленіи Свода затрудненій „способы удобнѣйшіе и скорѣйшіе, нежели каковые въ общемъ порядкѣ дѣлъ представляться могутъ“. По разсужденію Департамента, сила

[1]) Ст. 8 „подробнаго наставленія о приложеніи и употребленіи статей Свода въ производствѣ дѣлъ“, въ послѣднемъ его отдѣлѣ: „о дополненіяхъ и поясненіяхъ закона“. Полный ея текстъ былъ приведенъ въ главѣ VI настоящей работы (стр. 85). Изъ общаго его смысла усматривается, что, какъ и статья 4 манифеста, статья 8 наставленія ставила знакъ равенства между Сводомъ и отдѣльнымъ закономъ, въ томъ предположеніи, что Сводъ вѣрно передалъ содержаніе предшествующаго законодательства, а поэтому и порядокъ всякаго дополненія и измѣненія Свода въ случаѣ недостатка или неясности въ немъ долженъ быть, для присутственныхъ мѣстъ, тотъ же самый, какой всегда примѣнялся въ отношеніи всякаго закона, т. е. объ этомъ нужно представлять по начальству.

[2]) 1834 г. № 116. (Собраніе журн. Деп. Зак. 1834 г., ч. 6, л. 75 сл.).

вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: 1) должно-ли и до какой степени должно допустить для частныхъ лицъ изъятіе изъ общаго правила, для присутственныхъ мѣстъ установляемаго: приводить статьи Свода вмѣсто указовъ; 2) если допущено будетъ сіе изъятіе, то какимъ образомъ судебныя мѣста должны поступать въ томъ случаѣ, когда проситель, въ защиту своего права, приводить будетъ такой указъ, коему не найдено будетъ статьи соотвѣтствующей въ Сводѣ; или, наконецъ, 3) когда соотвѣтствующая статья не вполнѣ выражаетъ силу указа. Признавъ возможнымъ, чтобы въ качествѣ мѣры временной, переходной, допустить, отнюдь однако не колебля силы общаго правила, производство дѣлъ и по такимъ прошеніямъ частныхъ лицъ, гдѣ вмѣсто статей Свода оказались бы ссылки на указы, Департаментъ замѣнилъ этого рода правиломъ [1]) статью 8 проекта Сперанскаго. Относительно же второй и третьей части вопроса Департаментъ „нашелъ разрѣшеніе ихъ весьма труднымъ". „Испытывая разныя о семъ предположенія, въ однихъ встрѣчалъ онъ важныя отступленія отъ общаго судебнаго порядка, въ другихъ поводы къ ябедѣ, во всѣхъ же вообще опасеніе, чтобъ, упреждая предполагаемыя затрудненія, не впасть въ затрудненія дѣйствительныя и не окружить Сводъ, при самомъ началѣ его дѣйствія, недовѣріемъ и нареканіемъ. Среди сихъ сомнѣній и опасеній, Департаментъ Законовъ нашелъ себя въ необходимости дать болѣе пространства и болѣе времени своимъ о семъ предметѣ разсужденіямъ, нежели сколько, по наступающему близкому сроку и по количеству другихъ дѣлъ, въ производствѣ его состоящихъ, теперь имѣть можно. И вслѣдствіе того положилъ: ограничась на сей разъ разрѣшеніемъ прочихъ статей проекта, коихъ изданіе не терпитъ отлагательства, 8-ю статью отложить къ особому отдѣльному разсмотрѣнію. Симъ разсмотрѣніемъ Департаментъ Законовъ, по совѣщанію съ Министромъ Юстиціи, займется неукоснительно и, составивъ по оному окончательное свое заключеніе, внесетъ его въ общее Государственнаго Совѣта собраніе. Симъ отдѣленіемъ одной статьи изъ проекта, составъ его ничего существенно не потерпитъ; статья же 8-я, по утвержденіи ея, безъ всякаго неудобства, можетъ выйти въ видѣ дополнительнаго постановленія: ибо предвидѣть должно, что, по мѣрѣ возни-

---

[1]) Ст. VIII Выс. утв. 12 дек. 1834 г. мн. Гос. Сов. (П. С. З. № 7654). Такимъ образомъ вмѣсто поясненія къ статьѣ 4 манифеста получилось поясненіе статьи 2 его.

кающихъ по мѣстамъ сомнѣній о ходѣ Свода, нужно будетъ и впослѣдствіи отъ времени до времени къ настоящимъ правиламъ, на первый разъ достаточнымъ, издаватѣ нѣкоторыя прибавленія, впрочемъ, при всякомъ новомъ установленіи или устройствѣ какой либо части неизбѣжныя".

Приведенная выписка позволяетъ заключить, что побужденіемъ для отсрочки разрѣшенія вопроса о несоотвѣтствіи Свода источникамъ было не столько затрудненіе найти способъ его разрѣшенія, сколько сомнѣніе или недостаточная увѣренность въ дѣйствительной необходимости такого разрѣшенія, ибо подобные случаи, послѣ произведенныхъ уже въ продолженіи 1834 г. исправленій и тѣхъ, кои еще имѣютъ воспослѣдовать въ ближайшемъ продолженіи (а это уже было предрѣшено на основаніи всеподданнѣйшаго доклада Сперанскаго), могли казаться совершенно исключительными, почему и не стоило бы, изъ-за одной ихъ возможности, устанавливать правила, которыми, какъ-ни-какъ, колеблется въ глазахъ населенія значеніе Свода законовъ, провозглашеннаго въ исключительной силѣ закона.

Такимъ образомъ ко времени вступленія Свода въ дѣйствіе, т. е. къ 1 января 1835 г., постановленія объ этомъ Сводѣ, заключавшіяся въ манифестѣ 31 января 1833 г., остались вообще неослабленными и, по занимающему насъ вопросу о силѣ этого сборника, обогатились, въ составѣ обнародованныхъ ко всеобщему свѣдѣнію и исполненію правилъ 12 декабря 1834 г. (П. С. З. № 7654) [1]), нижеслѣдующими пояснительными постановленіями, намѣчавшимися Сперанскимъ еще при составленіи записки о силѣ и дѣйствіи Свода и соотвѣтствующихъ ей проектовъ закона [2]):

ст. VII. Сверхъ сего [3]), поелику Сводъ заключаетъ въ себѣ одни токмо нынѣ дѣйствующіе законы, въ производствѣ же дѣлъ встрѣчаются иногда случаи, кои, обращаясь на прошедшее, должны быть судимы и разрѣшаемы не по законамъ настоящимъ, но по тѣмъ, кои дѣйствовали во время, когда случаи сіи возникли, то во всѣхъ дѣлахъ сего рода приводить тѣ самые указы и постановленія, кои имъ приличны.

ст. VIII. Какъ Сводъ не постановляетъ законовъ вновь, но есть только составъ законовъ существующихъ, то по наступленіи срока

---

[1]) Прил. къ ст. 346 т. I, по прод. 1835 г.: ст. 7—9.

[2]) См. въ главѣ VI (стр. 88, вын. 4).

[3]) Т. е. сверхъ узаконеній, которыя, въ изъятіе изъ общаго правила о приведеніи статей Свода вмѣсто указовъ, должны быть приводимы непосредственно.

его дѣйствію не только присутственныя мѣста, но и частныя лица, по дѣламъ ихъ, въ правительственныхъ и судебныхъ мѣстахъ производящимся, обязаны слѣдовать общему правилу, то есть: вмѣсто указовъ приводить статьи Свода. Изъ сего общаго правила для частныхъ лицъ допускается, на время, то только изъятіе, что, если бы въ прошеніяхъ ихъ оказались, вмѣсто статей Свода, ссылки на указы, то таковыхъ прошеній, по сей единственно причинѣ, съ надписью не возвращать, но, принимая ихъ къ дѣлу, чинить по онымъ законное производство, основывая впрочемъ рѣшенія суда на статьяхъ Свода. Сіе изъятіе допускается только впредь до усмотрѣнія и единственно на тотъ конецъ, чтобы дать частнымъ лицамъ время пріобыкнуть къ употребленію Свода.

ст. IX. Предписанія, исходящія отъ высшаго начальства къ лицамъ, ему подчиненнымъ, въ руководство при исполненіи, въ разрѣшеніе или въ предупрежденіе сомнѣній, въ охраненіе смысла закона отъ неправильнаго толкованія и разнообразныхъ понятій, сохраняютъ свою силу, оставаясь въ тѣхъ же самыхъ предѣлахъ, какіе закономъ для нихъ доселѣ были постановлены.

Что же касается выдѣленныхъ Государственнымъ Совѣтомъ въ особую группу и отдѣльно представленныхъ къ Высочайшему утвержденію правилъ о порядкѣ продолженія Свода и о порядкѣ изъясненій и дополненій законовъ при дѣйствіи Свода, то, получивъ утвержденіе подъ датою 15 декабря 1834 г., они были сообщены, безъ обнародованія во всеобщее свѣдѣніе, только къ надлежащему исполненію всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ. Въ числѣ этихъ правилъ содержались (ст. 2—4) разсмотрѣнныя выше постановленія о включеніи въ продолженія на будущее время, изъ числа пояснительныхъ предписаній, исходящихъ отъ министерствъ, только предписаній по таможенной части и объ условіяхъ включенія распорядительныхъ предписаній министровъ и указовъ Правительствующаго Сената [1]).

Изданіемъ этихъ правилъ для составленія будущихъ продол-

---

[1]) Считаемъ нелишнимъ воспроизвести здѣсь окончательный текстъ этихъ трехъ статей:

ст. 2. Не вносить въ продолженіе Свода пояснительныхъ предписаній, исходящихъ отъ министерствъ, безъ Высочайшаго утвержденія. Подъ симъ разумѣются всѣ тѣ предписанія, коими циркулярно разрѣшаются возникшія или предупреждаются могущія возникнуть сомнѣнія въ смыслѣ закона.

Изъ сего правила изъемлются только предписанія по таможенной части, кои исходятъ отъ Министра Финансовъ по особенной, данной ему на сіе власти.

ст. 3. Вносить въ Сводъ предписанія распорядительныя, къ постоянному и

женій Сперанскій разсчитывалъ избѣгнуть тѣхъ „трудностей другого рода (въ противоположность „особеннымъ трудностямъ", которыя представляло составленіе перваго продолженія), кои и впредь встрѣтиться могутъ". Твердо установивъ, что́ подлежитъ и что́ не подлежитъ внесенію въ Сводъ, и преподавши нѣкоторыя внѣшнія правила для изложенія законопроектовъ, съ указаніемъ отношенія ихъ къ статьямъ Свода, правила 12 и 15 декабря 1834 г. не могли не облегчить согласованія Свода съ новыми узаконеніями въ дальнѣйшихъ продолженіяхъ. Первое ихъ примѣненіе должно было наступить въ продолженіи за тотъ же 1834 годъ, т. е. въ томъ *второмъ* по счету продолженіи, которое предстояло выпустить въ теченіе 1835 года для включенія въ Сводъ узаконеній, послѣдовавшихъ на протяженіи 1834 года. Но не они одни должны были составить содержаніе новаго продолженія. Прежде всего, удобства ради, оно имѣло обнять собою и все то, что уже вошло въ первое продолженіе. Засимъ оставалась еще невыполненною часть исправленій на основаніи поступившихъ замѣчаній вѣдомствъ. Хотя, какъ писалъ Сперанскій въ своемъ представленіи въ Государственный Совѣтъ въ октябрѣ 1834 года, доставленныя замѣчанія „обращены въ дѣло, кромѣ небольшого числа отложенныхъ до разрѣшенія Государственнаго Совѣта [1]) и тѣхъ, кои въ послѣдніе четыре мѣсяца послѣдовать могутъ", тѣмъ не менѣе общее ихъ количе-

всегдашнему исполненію закона принадлежащія, когда они по представленію министровъ будутъ утверждены указами Правительствующаго Сената.

ст. 4. Вносить въ Сводъ законовъ какъ пояснительныя, такъ и распорядительныя мѣры, утвержденныя и опубликованныя отъ Правительствующаго Сената, когда онѣ, *во-первыхъ*, будутъ согласны съ дѣйствующими законами, *во-вторыхъ*, разрѣшаютъ или предупреждаютъ какое-либо сомнѣніе въ смыслѣ закона, не постановляя ничего вновь, а единымъ только соображеніемъ буквальнаго смысла закона. Но, если бы въ какомъ либо указѣ Правительствующаго Сената встрѣтилось сомнѣніе о предѣлахъ поясненія и дополненія, т. е. если бы найдено было, что поясненіемъ или распоряженіемъ существенно измѣняется смыслъ дѣйствующаго закона: тогда Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи входитъ о семъ въ сношеніе съ Министерствомъ Юстиціи, и въ потребномъ случаѣ обстоятельство таковое представляется на Высочайшее разрѣшеніе.

Полный текстъ этого мнѣнія Государственнаго Совѣта, состоящаго изъ 6 статей, приведенъ у Майкова, „Второе Отдѣленіе", стр. 200 и 201, и „О Сводѣ законовъ" стр. 56 и 57.

[1]) Среди отложенныхъ были, напр., по вѣдомству Департамента Государственныхъ Имуществъ и такія, которыя вообще требовали дальнѣйшихъ объясненій (отношеніе Балугьянскаго 17 января 1835 г. № 34).

ство не могло быть исчисляемо только единицами. Установить хотя бы приблизительно это количество въ настоящее время затруднительно, потому что при выпускѣ продолженія за 1834 годъ не было составлено или, по крайней мѣрѣ, до насъ не дошло подробнаго всеподданнѣйшаго доклада, содержащаго отчетъ по составленію этого продолженія. Равнымъ образомъ и въ составѣ самаго продолженія не произведено того подсчета и того дѣленія измѣненныхъ статей, которые были показаны въ передовыхъ таблицахъ перваго продолженія и поясняли происхожденіе измѣненій вслѣдствіе новыхъ постановленій и вслѣдствіе повѣрки Свода. Такимъ образомъ только путемъ постатейнаго сравненія перваго и второго продолженій возможно установить относительное вліяніе этой повѣрки на трудъ первой половины 1835 года. Произведенная проба по законамъ гражданскимъ дала намъ 25—30 новыхъ по этой части X тома исправленій, которыхъ не имѣлось въ первомъ продолженіи [1]). Но и безъ подобнаго опыта, вдвое увеличившійся объемъ продолженія (вмѣсто одного тома съ узаконеніями за 2 года—два тома за тѣ же 1832 и 1833 и за новый 1834 годъ, въ среднемъ по 1000 страницъ въ каждомъ), значительно возросшее въ табели опечатокъ количество исправленій и нѣкоторыя другія данныя (напр., упомянутое въ докладѣ по первому продолженію число „отложенныхъ" исправленій, равнявшееся числу осуществленныхъ въ немъ поправокъ) заставляютъ предполагать, что элементъ новыхъ поправокъ по производству дѣлъ во второмъ продолженіи не былъ совершенно незначительнымъ. Извѣстнымъ показателемъ въ эту сторону можетъ служить указаніе меморій о занятіяхъ чиновниковъ Второго Отдѣленія. Изъ нихъ, напр., видно, что часть января и февраль 1835 года отведены были изслѣдованію и объясненіямъ замѣчаній Министерства Юстиціи, очевидно, тѣхъ, которыя поступили во второй половинѣ 1834 г. [2]). Засимъ, 5 апрѣля 1835 г. Министерство Юстиціи препроводило во Второе Отдѣленіе новую серію замѣчаній на томы I, X, XI и XV. По всей видимости, редакторы успѣли использовать и эти замѣчанія, явившіяся отвѣтомъ на февральское приглашеніе Сперанскаго прислать имѣющійся матеріалъ [3]), ибо

---

[1]) Такъ, напр., существенной передѣлкѣ подверглись статьи 99—104 относительно усыновленія, измѣнена статья 167 и др.,—хотя никакихъ новыхъ узаконеній послѣ 1832 г. по предметамъ этихъ статей не послѣдовало.

[2]) Общее число замѣчаній, сообщенныхъ къ тому времени со стороны оказавшагося наиболѣе плодовитымъ въ этомъ отношеніи финансоваго вѣдомства, простиралось до 1143.

[3]) Подтвержденіемъ этому можетъ служить письмо Балугьянскаго къ Даш-

проектъ продолженія и объясненія редакторовъ на замѣчанія комитета докладывались Сперанскому, какъ это видно изъ меморій, лишь въ маѣ мѣсяцѣ, и только въ самомъ концѣ его началась отправка продолженія въ наборъ.

Какова юридическая сила этихъ исправленій, включенныхъ во второе продолженіе на основаніи узаконеній прежняго времени, т. е. состоявшихся ранѣе 1 января 1832 года? Ни одно изъ этихъ исправленій не относилось къ числу тѣхъ, по которымъ пришлось бы высказаться, на основаніи статьи 5 правилъ о негласной повѣркѣ Свода, Государственному Совѣту, ибо первое подобное представленіе было внесено Министромъ Юстиціи 31 мая 1835 г. и, получивъ свое завершеніе лишь черезъ годъ, не могло ни въ коей мѣрѣ отразиться на продолженіи, вышедшемъ въ концѣ іюля того же года. Ни одно такимъ образомъ исправленіе текста 1832 года во второмъ продолженіи не могло почерпнуть своей обязательной силы въ актѣ утвержденія мнѣнія Государственнаго Совѣта, равносильномъ основному акту о законной силѣ Свода съ 1 января 1835 г. Тогда какъ всѣ исправленія, внесенныя по первому продолженію 1834 г., получили законоустановительную свою силу въ Именномъ указѣ 30 августа сего года, который объявилъ это продолженіе въ той же законной силѣ, какъ и самый Сводъ,—ни исправленія во второмъ продолженіи, ни прочее его содержаніе не были санкціонированы подобнымъ же актомъ Верховной власти. Въ чемъ состояло Высочайшее волеизъявленіе и что́ именно испрашивалъ Сперанскій, представляя Государю этотъ очередной трудъ Второго Отдѣленія, намъ неизвѣстно, потому что ни въ Полномъ Собраніи Законовъ не помѣщено подлежащаго Высочайшаго повелѣнія, ни среди дѣлъ Второго Отдѣленія и бумагъ Сперанскаго не сохранилось всеподданнѣйшаго доклада, которымъ, вѣроятно, сопровождалось поднесеніе Императору Николаю второго продолженія. Единственный и, надо сказать, весьма скудный слѣдъ наличности такого повелѣнія содержится въ предложеніи Министра Юстиціи отъ 26 іюля 1835 г. (№ 8795) [1], при коемъ препровождены были въ Правительствующій Сенатъ доставленные, по Высочайшему повелѣнію, отъ Сперанскаго: томъ Полнаго Собранія Законовъ за 1834 годъ и „продолженіе Свода на тотъ же годъ, съ присоединеніемъ къ нему для

кову отъ 11/21 мая 1835 г. № 283, въ которомъ дается отчетъ о тѣхъ 311 замѣчаніяхъ, которыя доставлены были изъ Министерства Юстиціи во Второе Отдѣленіе 6 ноября и 31 декабря 1834 г. и 5 апрѣля 1835 г.

[1]) Сенатскій Архивъ, Высочайшіе указы, № 87.

удобности въ справкахъ и прежде изданнаго на 1832 и 1833 годы продолженія". Не говоря уже объ отсутствіи здѣсь какого либо прямого указанія на силу новаго продолженія, одно то обстоятельство, что послѣднее было препровождено въ Сенатъ совмѣстно съ очереднымъ томомъ Полнаго Собранія и безъ какого-либо различія въ свойствѣ „надлежащаго по сему предмету распоряженія" со стороны Сената, заставляетъ провести рѣзкую грань между первымъ и вторымъ продолженіями. Полное Собраніе Законовъ никакою особою юридическою силою въ это время не обладало, и, если объ изданіи отдѣльныхъ его томовъ сообщалось Сенату, то едва-ли въ цѣляхъ ихъ обнародованія [1]), а скорѣе на предметъ оповѣщенія правительственныхъ мѣстъ о выходѣ очередного выпуска правительственнаго изданія. Неужели и по отношенію къ продолженіямъ Свода законовъ достаточно было, по мнѣнію Второго Отдѣленія, подобной мѣры?

По составу своему, второе продолженіе было, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе однородно съ первымъ. Но одна его половина, а именно поскольку въ продолженіи 1835 года воспроизводился матеріалъ предыдущаго продолженія 1834 года, уже получила свою санкцію въ именномъ указѣ 30 августа 1834 г. Таковая санкція была, какъ мы старались доказать, необходимо нужна, потому что первое продолженіе являлось какъ бы составною частью самого Свода и потому что сила продолженій не была опредѣлена въ манифестѣ 31 января 1833 г. Другая половина второго продолженія, по крайней мѣрѣ, въ той ея части, которая основана на узаконеніяхъ, вышедшихъ въ 1834 году, являлась результатомъ точнаго примѣненія правилъ Высочайше утвержденнаго 15 декабря 1834 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта о порядкѣ продолженія Свода и, слѣдовательно, въ особомъ утвержденіи не нуждалась. При этомъ надлежитъ еще принять въ расчетъ, что въ силу статьи 2 означенныхъ правилъ обсуждаемое продолженіе заключало рядъ предписаній по таможенной части [2]), а эти послѣднія, въ цѣляхъ дальнѣйшей измѣняемости, тою же властью Министра Финансовъ, соотвѣтствующихъ статей Свода, не слѣдовало, быть можетъ, объ-

---

[1]) Хотя, надо сказать, бар. М. А. Корфъ еще въ 1862 году считалъ изданіе Полнаго Собранія однимъ изъ оффиціальныхъ способовъ обнародованія выходящихъ узаконеній.

[2]) Для включенія ихъ въ продолженіе за 1834 годъ Департаментъ Внѣшней Торговли доставилъ всѣ циркуляры за три послѣднихъ, 1832—1834, года (см. меморію 13 февраля 1835 г. № 7).

являть въ силѣ закона. Остальная однако составная часть продолженія—исправленія Свода 1832 года для согласованія съ источниками прежняго времени,—какъ не предусмотрѣнная въ правилахъ относительно продолженія Свода, требовала, казалось бы, для воспринятія обязательной силы, либо отдѣльнаго по каждому такому исправленію Высочайшаго соизволенія,—чего, вѣроятно, испрашиваемо не было,—либо общей Высочайшей санкціи, и въ отсутствіи послѣдней нельзя не усмотрѣть извѣстнаго юридическаго недостатка. Надо думать, что здѣсь сказались, съ одной стороны, то обстоятельство, что право на включеніе этихъ исправленій въ продолженіе 1835 года Второе Отдѣленіе почерпало въ Высочайшемъ соизволеніи, послѣдовавшемъ по докладу относительно перваго продолженія, гдѣ упоминалось о необходимости отложить часть исправленій до продолженія послѣдующаго года, а съ другой стороны—вновь обнаружившаяся, при законодательномъ обсужденіи въ концѣ 1834 года вопроса о порядкѣ исправленія на будущее время статей Свода, тенденція обставить подобные случаи, чтобы не колебать значенія Свода въ глазахъ населенія, возможною негласностью. Практическая же сила новаго сборника, въ его цѣломъ, конечно, вполнѣ достигалась, и безъ особаго указа объ его обязательности въ качествѣ закона, во включенныхъ впервые именно въ этомъ продолженіи [1]) „правилахъ о приведеніи и указаніи законовъ при производствѣ дѣлъ“, гдѣ (ст. 5) предписывалось: „каждый разъ, когда приводится или указуется статья Свода, нужно удостовѣриться, не измѣнилась ли она состоявшимися послѣ Свода узаконеніями . . . . ; когда найдено будетъ измѣненіе, то приводить статьи Свода, пункты или примѣчанія, въ томъ смыслѣ и тѣми словами, какъ они стоятъ въ продолженіи“. Это послѣднее предписаніе Второе Отдѣленіе сочло нужнымъ повторить еще въ другомъ мѣстѣ продолженія, а именно въ предисловіи къ нему. Въ противоположность первому продолженію, которое, имѣя самостоятельную силу закона, не сопровождалось никакими поясненіями, сводное продолженіе 1835 года открывается особымъ предисловіемъ, объясняющимъ содержаніе его, причину включенія въ него, кромѣ узаконеній за 1834 годъ, также и всѣхъ статей предыдущаго продолженія, оставшихся въ дѣйствіи, и, вслѣдъ за симъ, указывающимъ: „Посему всѣ измѣнившіеся статьи, пункты и примѣчанія Свода надлежитъ приводить въ томъ смыслѣ и тѣми словами, какъ они стоятъ въ продолженіи, нынѣ издаваемомъ“.

---

[1]) Учр. госуд., ст. 346, прим., прил. [illegible]

IX.

Самый путь негласной ревизіи Свода, въ той ея стадіи, которая протекала въ центральномъ установленіи, будучи въ общихъ, недостаточно явственныхъ, чертахъ намѣченъ въ статьѣ 5 правилъ 16 марта 1833 г., въ дѣйствительности былъ слѣдующимъ. Всѣ замѣчанія на статьи Свода законовъ, поступавшія въ департаментъ Министерства Юстиціи или сдѣланныя въ немъ, передавались, въ случаѣ ихъ утвержденія особымъ Комитетомъ, состоявшимъ подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, по мѣрѣ ихъ канцелярскаго изготовленія, во Второе Отдѣленіе, при отношеніяхъ Дашкова къ Сперанскому. На эти замѣчанія чины Второго Отдѣленія составляли свои объясненія, которыя затѣмъ докладывались Сперанскому. При этомъ поступившія замѣчанія раздѣлялись на три категоріи, а именно на такія замѣчанія, которыя подлежали принятію вполнѣ, на такія, которыя также должны быть приняты, но съ тѣмъ или инымъ ограниченіемъ, и, наконецъ, такія, по которымъ требовалось дальнѣйшее объясненіе. Подобный же порядокъ примѣнялся и по замѣчаніямъ, послѣдовавшимъ со стороны другихъ вѣдомствъ. По замѣчаніямъ перваго рода необходимыя исправленія осуществлялись немедленно въ издаваемомъ продолженіи, замѣчанія второго рода также удовлетворялись, но съ тѣми отступленіями („съ нѣкоторою перемѣною въ изложеніи"), которыя находило необходимыми Второе Отдѣленіе. Наконецъ, по замѣчаніямъ третьяго разряда исправленія отлагались впредь до соглашенія съ вѣдомствомъ, эти замѣчанія сдѣлавшимъ. Одинаково внимательно относясь ко всѣмъ поступившимъ замѣчаніямъ, какъ къ тѣмъ, которыя затрогивали самый смыслъ закона, такъ и къ тѣмъ, меньшей важности, которыя касались только словъ и выраженій,—ибо „точность закона требовала принять въ уваженіе не только первыя, но и послѣднія, дабы не упустить ничего, что могло подлежать исправленію" [1]), — Второе Отдѣленіе давало отчетъ вѣдомствамъ въ видѣ табелей, соотвѣтствующихъ тремъ разрядамъ замѣчаній, и препровождало имъ свои подробныя объясненія не только по замѣчаніямъ, оставшимся пока непринятыми, но и по статьямъ, уже исправленнымъ, если замѣчаніе было принято съ отступленіемъ [2]). Въ Министерствѣ Юстиціи объясненія эти подвергались новому соображенію въ Комитетѣ, при чемъ въ

[1]) Письмо Сперанскаго къ гр. Канкрину 21 окт. 1834 г. № 421.

[2]) См., напр., отношеніе Балугьянскаго къ Дашкову 11 —21 мая 1835 г., № 283.

большинствѣ, повидимому, случаевъ онъ находилъ объясненія Второго Отдѣленія удовлетворительными. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда представленныя объясненія ему не казались убѣдительными и Комитетъ оставался при первоначальномъ своемъ замѣчаніи, для Министра Юстиціи наступала обязанность представить эти случаи на усмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

За все время ревизіи, какъ увидимъ ниже, подобныхъ случаевъ по остальнымъ, кромѣ судебнаго, вѣдомствамъ, участвовавшимъ въ негласной повѣркѣ, не представилось. По Министерству же Юстиціи внесено было два такихъ законодательныхъ представленія. Къ сейчасъ разсматриваемому нами періоду относится то изъ нихъ, которое внесено было въ Государственный Совѣтъ 31 мая 1835 г. подъ названіемъ „О замѣчаніяхъ Комитета, учрежденнаго при Министерствѣ Юстиціи, на нѣкоторыя статьи Свода законовъ". Оно касалось разномыслій со Вторымъ Отдѣленіемъ по 36 вопросамъ: по одному постановленію тома I, одному — тома IX, 21 — тома X и 13 — тома XV. По каждому вопросу была представлена особая записка [1]), въ которой приводились текстъ спорныхъ статей, замѣчаніе Комитета, объясненіе Второго Отдѣленія и соображеніе Комитета, за подписью директора департамента Дегая [2]).

Послѣ лѣтняго перерыва, Департаментъ Законовъ 14 августа 1835 г. имѣлъ первое по этому дѣлу засѣданіе, при чемъ призналъ нужнымъ, прежде окончательнаго разрѣшенія поступившаго представленія, обратить его во Второе Отдѣленіе, „съ тѣмъ чтобы означенныя замѣчанія предварительно соображены были со вновь изданнымъ продолженіемъ Свода законовъ за 1832, 1833 и 1834 годы". Дѣйствительно, недѣли за двѣ до этого вышло второе продолженіе къ Своду. Едва-ли однако оно могло дать какой-либо матеріалъ, который такъ или иначе отражался бы на свойствѣ и количествѣ представленныхъ Министромъ Юстиціи замѣчаній. Вѣроятно, это былъ лишь формальный поводъ для того, чтобы дать Второму Отдѣленію возможность вновь сообразить заключенія Комитета и этимъ открыть путь къ дальнѣйшему сокращенію спорныхъ вопросовъ, требовавшихъ законодательнаго разрѣшенія. Департаментъ Законовъ не ошибся въ своемъ расчетѣ. Возвращая полученные

---

[1]) Дѣло Деп. Зак. Гос. Сов. 1836 г. № 24.

[2]) Въ качествѣ образца сошлемся на матеріалы по дополненію ст. 710 зак. гражд., полностью приведенные бар. А. Э. Нольде въ его работѣ „О порядкѣ наслѣдованія родственниковъ боковыхъ линій наслѣдодателя въ его благопріобрѣтенномъ имуществѣ" (Журн. Мин. Юст. 1907 г., № 9, стр. 105—107).

матеріалы, Сперанскій препроводилъ къ барону Корфу, тогдашнему Государственному Секретарю, для внесенія въ Государственный Совѣтъ, новыя поясненія Второго Отдѣленія на замѣчанія Комитета, причемъ изъ числа 36 этихъ замѣчаній Второе Отдѣленіе нашло возможнымъ „по приведеннымъ вновь доводамъ въ объясненіяхъ Комитета" принять 7, съ тѣмъ чтобы подлежащія исправленія, какъ относящіяся не къ смыслу закона, а только къ точнѣйшему изложенію онаго, были помѣщены въ продолженіи Свода за 1835 годъ. Получивъ заключеніе Второго Отдѣленія по оставшимся спорными статьямъ 9 сентября, Департаментъ Законовъ не торопился, однако, приступить къ ихъ разсмотрѣнію; лишь черезъ пять мѣсяцевъ состоялось дальнѣйшее засѣданіе Департамента по этому дѣлу. Необычно долгая отсрочка можетъ найти себѣ объясненіе только въ томъ обстоятельствѣ, что прежде рѣшенія настоящаго дѣла Государственный Совѣтъ признавалъ нужнымъ покончить съ отложеннымъ еще въ концѣ 1834 года общимъ вопросомъ о порядкѣ исправленія Свода въ случаѣ открывающихся въ немъ неточностей и пробѣловъ. Оставивъ этотъ сложный вопросъ, возбужденный Министромъ Юстиціи въ связи со статьею 8 законодательнаго представленія Сперанскаго, не разрѣшеннымъ въ виду неувѣренности, насколько такіе случаи могутъ встрѣтиться и впредь, Департаментъ Законовъ убѣдился изъ новаго, по конкретнымъ случаямъ, представленія Дашкова, что подобныя несоотвѣтствія продолжаютъ открываться, почему и не могъ не вернуться къ прежнему общему вопросу. На этотъ разъ онъ встрѣтилъ, повидимому, менѣе сомнѣній и колебаній, ибо постановилъ свое заключеніе въ одно засѣданіе.

Журналъ Департамента отъ 1 ноября 1835 г.[1]), озаглавленный „О 8-й статьѣ правилъ относительно Свода законовъ", послѣ воспроизведенія сужденій предыдущихъ засѣданій 1834 г. объ этой статьѣ, гласитъ: „Нынѣ, приступивъ къ предназначенному отдѣльному разсмотрѣнію сего дѣла, по подробномъ совѣщаніи съ Министромъ Юстиціи, Департаментъ Законовъ нашелъ: 1) что сила вопроса, какъ прежде состояла, такъ и нынѣ состоитъ въ томъ, какъ поступать въ томъ случаѣ, когда по производству дѣлъ откроется, что указъ дѣйствующій и къ разрѣшенію дѣла служащій не помѣщенъ въ Сводѣ или помѣщенъ не въ полной его силѣ; 2) что, хотя въ указѣ 1763 года и потомъ въ самомъ Сводѣ постановленъ общій порядокъ, по коему, въ случаѣ необходимаго

[1]) Собраніе журналовъ Деп. Зак. 1835 г. (ч. 4, л. 302 сл.), № 107.

дополненія или поясненія закона, подчиненныя мѣста обязаны представлять о семъ въ высшія по начальству и ожидать ихъ разрѣшенія; а какъ Сводъ есть тотъ же законъ, то и надлежало бы и въ случаѣ вышеприведенномъ руководствоваться тѣмъ же общимъ порядкомъ; но сей общій порядокъ въ приложеніи его къ предыдущему случаю имѣлъ бы то неудобство, что представленія подчиненныхъ мѣстъ къ высшимъ должны бы были проходить весь рядъ судебной постепенности и, напр., изъ уѣзднаго суда восходить до Правительствующаго Сената и съ не малымъ въ рѣшеніи дѣлъ умедленіемъ; 3) что, хотя послѣ всѣхъ мѣръ, принятыхъ для повѣрки Свода, случаи таковые должны быть весьма рѣдки, но встрѣтиться они могутъ, а посему и нельзя не желать, чтобы они разрѣшаемы были сколь можно скорѣе и удобнѣе“.

Таковы тѣ краткія соображенія, которыя приведены въ журналѣ Департамента Законовъ 1 ноября и, будучи одобрены Общимъ Собраніемъ въ засѣданіи 23 декабря, нашли себѣ воспроизведеніе и въ самомъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденномъ 20 января 1836 г. Въ нѣсколько бóльшей подробности они намѣчались къ изложенію Сперанскимъ, который, какъ всегда, принялъ дѣятельное участіе не только въ разрѣшеніи вопроса по существу, но и въ дѣлопроизводственной сторонѣ. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ [1]) сохранился собственноручный его набросокъ заключенія Департамента. Изъ него видно, что имѣлось три предположенія къ разрѣшенію вопроса. Одно изъ нихъ, наиболѣе простое, сводилось къ тому, что „Сводъ есть законъ“, а такъ какъ никакое судебное мѣсто не можетъ рѣшить дѣло, если нѣтъ на оное яснаго закона, то о случаяхъ неяснаго изложенія или недостатка закона въ Сводѣ надлежитъ представлять по начальству; сіе именно изображено какъ въ манифестѣ 1833 г. (ст. 4), такъ и въ правилахъ 12 декабря 1834 г. (ст. 8), и, слѣдовательно, новаго подтвержденія этому не требуется. Второе предложеніе сводилось къ установленію особаго на эти случаи порядка, а именно къ донесенію о каждомъ случаѣ въ ревизіонный комитетъ при Министерствѣ Юстиціи, для чего послѣднему вмѣсто срочнаго слѣдуетъ дать безсрочное существованіе. Третье, наконецъ, предложеніе заключалось въ томъ, чтобы случаи недоразумѣнія, возникающіе въ 1-ой степени суда, разрѣшаемы были во второй, а возникающіе во 2-й — получали разрѣшеніе въ Сенатѣ. Какое изъ этихъ предложеній принадлежало или раздѣлялось Спе-

[1]) Бумаги Сперанскаго, ящикъ № 2, связка VII.

ранскимъ, неизвѣстно. Авторомъ второго предложенія, которое наиболѣе подходитъ къ заключенію Департамента, слѣдуетъ считать, повидимому, Дашкова, потому что резолютивная часть мнѣнія Государственнаго Совѣта начиналась съ указанія: „...Разсмотрѣвъ въ подробности мѣру, предложенную для сего *въ настоящемъ совѣщаніи Министромъ Юстиціи*, Государственный Совѣтъ призналъ оную соотвѣтствующею настоящей цѣли“.

Самое узаконеніе 20 января 1836 г. [1]) гласитъ:

1) Каждый разъ, когда къ Министру Юстиціи дойдетъ свѣдѣніе, что при производствѣ какого-либо дѣла въ первой или во второй степени суда, или и въ Сенатѣ, открылось затрудненіе въ томъ, что какой-либо дѣйствующій и къ разрѣшенію дѣла служащій законъ не помѣщенъ въ Сводѣ или помѣщенъ не въ полномъ его смыслѣ, Министръ Юстиціи, разсмотрѣвъ встрѣтившійся случай, если найдетъ его уважительнымъ, входитъ въ сношеніе со Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества и, вслѣдствіе того, по обоюдному согласію, помѣщается въ продолженіи Свода надлежащее дополненіе или поясненіе; въ случаѣ же несогласія, дѣло представляется на уваженіе Государственнаго Совѣта, установленнымъ для сего порядкомъ.

2) Какъ продолженіе Свода обыкновенно издается за протекшій годъ въ половинѣ послѣдующаго, то, если бы случай вышеозначенный встрѣтился въ теченіе года отъ одного изданія до другого за долгое время, а по свойству своему онъ требовалъ бы неукоснительнаго разрѣшенія: то въ семъ предположеніи, сдѣлавъ сношеніе со Вторымъ Отдѣленіемъ, вноситъ случай тотъ немедленно на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта.

3) Какъ вышеозначенныя правила нимало не отмѣняютъ установленнаго уже (12 декабря 1834 года) порядка употребленія Свода, а относятся только къ обязанностямъ Министерства Юстиціи и Второго Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, судебнымъ же мѣстамъ предписано безъ всякаго изъятія основывать рѣшенія свои единственно на статьяхъ Свода: то, по Высочайшемъ утвержденіи сихъ правилъ, передать оныя токмо къ исполненію въ Министерство и помянутое Отдѣленіе, безъ дальнѣйшей публикаціи.

4) Какъ помянутыя соображенія по встрѣчающимся при дѣй-

[1]) У большинства изслѣдователей (Коркуновъ, Лозина-Лозинскій, Майковъ) это мнѣніе Государственнаго Совѣта ошибочно цитируется подъ датою 30 января 1836 г.

ствіи Свода вопросамъ могутъ требовать особеннаго труда и возлагать сіе на штатныхъ чиновниковъ департамента Министерства Юстиціи, занятыхъ своимъ дѣломъ, было бы неудобно: то оставить сіе на обязанности учрежденнаго при Министерствѣ временнаго для повѣрки Свода Комитета, существованіе котораго и продолжить, вслѣдствіе сего, въ настоящемъ его составѣ, впредь до усмотрѣнія.

Приведенное узаконеніе обнародованію не подверглось, либо по соображеніямъ, въ немъ самомъ (ст. 3) упомянутымъ и, дѣйствительно, въ то время часто служившимъ основаніемъ къ неопубликованію такихъ прошедшихъ черезъ законодательное учрежденіе мѣръ, которыя предписывались къ исполненію однихъ только центральныхъ учрежденій [1]), либо, можетъ быть, изъ нежеланія умалять значеніе Свода какъ непререкаемаго закона въ глазахъ населенія, т. е. по той же побудительной причинѣ, вслѣдствіе которой остались неопубликованными правила повѣрки Свода 16 марта 1833 г. Связь между этими двумя узаконеніями настолько близка, что даже въ канцелярскомъ отношеніи [2]) мнѣніе Государственнаго Совѣта 20 января 1836 г. разсматривалось всецѣло какъ продолженіе правилъ о негласной ревизіи. Составляя какъ бы заключительное звено въ открытомъ, манифестомъ 31 января 1833 г., ряду узаконеній о Сводѣ, долженствовавшихъ очертить юридическую сторону пользованія этимъ сборникомъ, правила 20 января 1836 г. заслуживаютъ того, чтобы, въ подробностяхъ зная уже ихъ происхожденіе, нѣсколько дольше остановиться на самомъ ихъ содержаніи, съ выясненіемъ его отношенія къ предшествующимъ узаконеніямъ и проектамъ.

Воспроизведенный выше журналъ Государственнаго Совѣта, неоднократнымъ упоминаніемъ о Министрѣ Юстиціи, оставляетъ впечатлѣніе, какъ если бы заключеніе Совѣта совершенно совпадало съ мнѣніемъ Дашкова. Возможно, разумѣется, что послѣ долгихъ и многократныхъ обсужденій настоящаго дѣла конечное его предложеніе „въ настоящемъ совѣщаніи“, т. е. въ засѣданіи 1-го ноября 1835 г., было тѣмъ самымъ, которое, наконецъ, получило одобреніе Департамента Законовъ. Тѣмъ не менѣе оно далеко не во всемъ совпадало съ предложеніемъ Министра Юстиціи, сдѣланнымъ имъ

---

[1]) См. главу VI, стр. 94.

[2]) Ср. состоящее изъ 2-хъ частей дѣло Министерства Юстиціи о негласной повѣркѣ Свода Россійскихъ Законовъ, объединившее матеріалы за 1833—1837 гг. (Арх. Гос. Сов., по описи дѣлъ Втор. Отд. № 17а—1127, приложенія).

годъ тому назадъ, въ отзывѣ 16 ноября 1834 г. Тогда онъ различалъ два случая противорѣчія въ Сводѣ съ источниками: неточнаго въ немъ воспроизведенія того или другого узаконенія и полнаго его пропуска. Отдавая въ первомъ случаѣ предпочтеніе тексту Свода, Дашковъ для случаевъ второго рода признавалъ необходимымъ разрѣшать дѣло на точномъ основаніи не вошедшаго въ Сводъ постановленія. Эти предположенія являлись главнымъ содержаніемъ проектированныхъ Дашковымъ постановленій (ст. 1 и 2), и только на второмъ мѣстѣ (ст. 3) имъ предусматривался порядокъ исправленія Свода и способъ устраненія невыгодныхъ послѣдствій ошибки Свода для частныхъ лицъ. Департаментъ Законовъ, не приводя въ своемъ журналѣ какихъ-либо особыхъ доводовъ противъ предположенія Министра Юстиціи касательно пропусковъ въ Сводѣ и вообще обойдя вопросъ о затрудненіяхъ, которыя должны были представить для судебныхъ и иныхъ мѣстъ подобныя несоотвѣтствія Свода прежнимъ узаконеніямъ, сосредоточилъ свое вниманіе на порядкѣ внесенія въ Сводъ оказывающихся необходимыми исправленій. Тогда какъ Дашковъ говорилъ, совершенно не касаясь подробностей, только о принятіи въ вышеуказанныхъ случаяхъ, по донесеніямъ губернскихъ прокуроровъ, со стороны Министра Юстиціи „мѣръ негласной повѣрки", правила 20 января 1836 г. (ст. 1) устанавливаютъ необходимость, въ этихъ случаяхъ, сношенія Министерства со Вторымъ Отдѣленіемъ, въ результатѣ котораго должно быть либо внесеніе въ продолженіе Свода, „по обоюдному согласію", надлежащаго дополненія или поясненія, либо, въ случаѣ несогласія, представленіе дѣла на уваженіе Государственнаго Совѣта. Тотъ же законодательный порядокъ признается необходимымъ, даже и при отсутствіи какого-либо разногласія между Министерствомъ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ (ст. 2), когда по обстоятельствамъ даннаго дѣла необходимо быстрое разрѣшеніе возникшаго сомнѣнія, а между тѣмъ срокъ выхода ближайшаго продолженія не близокъ. Установляя, для случаевъ спѣшности (напр., если дѣло уже не можетъ перейти на разсмотрѣніе высшей инстанціи), этотъ исключительный порядокъ, Государственный Совѣтъ разсчитывалъ, вѣроятно, избѣгнуть тѣхъ нежелательныхъ съ точки зрѣнія авторитета закона и судебнаго рѣшенія перевершеній дѣлъ, для разрѣшенія которыхъ Дашковъ думалъ прибѣгать, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, къ особому объявляемому именному указу. Что же касается самихъ судебныхъ мѣстъ, въ кото-

рыхъ встрѣтилось затрудненіе при употребленіи Свода, то по отношенію къ нимъ Государственный Совѣтъ ограничился слѣдующимъ чисто попутнымъ, по поводу обращенія издаваемаго узаконенія только къ исполненію въ Министерство Юстиціи и Второе Отдѣленіе (ст. 3), указаніемъ на существующее уже и впредь подлежащее соблюденію правило: „Судебнымъ же мѣстамъ предписано безъ всякаго изъятія основывать рѣшенія свои единственно на статьяхъ Свода".

Желая подчеркнуть, въ видѣ такой ссылки на существующее правило, полную свою солидарность съ основнымъ узаконеніемъ о Сводѣ и съ развивающими его правилами 12 декабря 1834 г. о порядкѣ употребленія Свода (на которыя прямо сдѣлана ссылка въ статьѣ 3, въ качествѣ нимало не отмѣняемыхъ новыми постановленіями о порядкѣ исправленія ошибокъ въ Сводѣ), узаконеніе 20 января 1836 г. вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ неясность или пробѣлъ обоихъ предшествовавшихъ узаконеній по вопросу о томъ, какъ надлежитъ поступать въ случаѣ обнаруженія пропуска въ Сводѣ. Поименовавъ въ статьѣ 1 оба типичныхъ случая: непомѣщеніе закона въ Сводѣ и помѣщеніе не въ полномъ его смыслѣ, Государственный Совѣтъ, подтверждая въ статьѣ 3 правило объ обоснованіи рѣшеній суда однимъ только Сводомъ, нарочито прибавилъ слова „*единственно* на статьяхъ Свода" и „безъ всякаго изъятія".

Ближайшее разсмотрѣніе установленныхъ въ 1836 году правилъ восполненія пропусковъ и исправленія неточностей и ошибокъ въ Сводѣ приводитъ такимъ образомъ къ заключенію, обратному тому, какое можно вынести по первому впечатлѣнію. Если Сводъ былъ объявленъ манифестомъ 1833 года въ силѣ закона, а три года спустя издаются правила, допускающія измѣненіе этого Свода, на основаніи предшествовавшихъ ему отдѣльныхъ узаконеній, и притомъ простымъ соглашеніемъ двухъ вѣдомствъ, то на первый взглядъ подобныя новыя правила подрываютъ, хотя бы и не были обнародованы, значеніе манифеста. И, дѣйствительно, не одинъ только проф. Коркуновъ опирался на правила 20 января 1836 г., чтобы обезсилить сложившееся мнѣніе о первомъ изданіи Свода, какъ о законѣ [1]). Но нѣтъ надобности опровергать его по-

---

[1]) Такъ, Г. Б—тъ („Законъ и Сводъ законовъ при новомъ государственномъ строѣ", Журн. Мин. Юст. 1908 г. № 2, стр. 21) склонялся къ признанію, что постановленія 1836 г., какъ законъ позднѣйшій, лишали Высочайшую резолюцію 1833 г. („Сводъ разсылается нынѣ же какъ положительный законъ") первенствующаго значенія въ вопросѣ о силѣ Свода.

строеній и выводовъ, чтобы, послѣ вышесказаннаго, вполнѣ согласиться съ его оппонентомъ, М. А. Лозина-Лозинскимъ [1]), что Государственный Совѣтъ высказался безусловно противъ предложенія Дашкова о дозволеніи суду основываться на прежнихъ законахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ Сводѣ нѣтъ соотвѣтствующаго постановленія, и что такимъ образомъ правилами 1836 г. былъ подтвержденъ манифестъ 31 января объ исключительномъ дѣйствіи Свода, какъ положительнаго закона, на которомъ единственно могутъ основываться и частныя лица, и присутственныя мѣста. Къ этому можно только добавить, что законодатель 1836 года вполнѣ остался вѣренъ направленію, обнаруженному имъ въ 1833 году. Какъ тогда, еще не зная Свода, Государственный Совѣтъ отвергъ предложеніе Сперанскаго обращаться, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ Свода къ указамъ, такъ теперь, ознакомившись съ его достоинствами и недостатками, онъ, чтобы утвердить нераздѣльное господство Свода законовъ, предпочелъ отклонить приблизившіяся, было, къ Сперанскому начертанія Министра Юстиціи. И, дѣйствительно, если судъ можетъ примѣнить къ дѣлу пропущенный въ Сводѣ по недосмотру законъ только послѣ того, какъ онъ будетъ возстановленъ въ продолженіи къ Своду, или если въ основу судебнаго рѣшенія можетъ быть положенъ, взамѣнъ оказавшейся искажающею текстъ первоисточника статьи Свода, надлежащій текстъ закона только послѣ внесенія соотвѣтствующей поправки въ продолженіе, то, даже и при обратной силѣ всѣхъ такихъ исправленій, нельзя не признать за предыдущимъ текстомъ силы закона и нельзя отрицать утрату дѣйствія того прежняго узаконенія, которое оказывается невоспроизведеннымъ въ Сводѣ законовъ. Такимъ образомъ, случаи несоотвѣтствія послѣдняго источникамъ разсматриваются, какъ это слѣдовало бы признать и по силѣ пункта 4-го манифеста 31 января, если бы послѣ того не состоялось особаго по этому предмету законодательнаго опредѣленія,—случаями неясности, противорѣчія или неполноты дѣйствующаго законодательства. Эти законодательныя свойства текста Свода отнюдь не ослабляются тѣмъ обстоятельствомъ, что возстановленіе пропущеннаго узаконенія или правильнаго чтенія источниковъ могло состояться внѣ законодательной санкціи. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ явленіемъ, которое, если не бояться нѣсколько уже устарѣлой теоріи делегаціи, можно назвать

---

[1]) „Кодификація законовъ по русскому государственному праву", Журн. Мин. Юст. 1897 г. № 5, стр. 117, 118.

делегированною законодательною дѣятельностью, т. е., когда законодатель, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, уступаетъ или передаетъ часть принадлежащей ему власти другимъ органамъ. Въ данномъ случаѣ было перенесено, въ цѣляхъ ускоренія и упрощенія, право исправленія Свода, какъ функціи законодательной, на два учрежденія, при условіи полнаго между ними соглашенія, съ оставленіемъ за Государственнымъ Совѣтомъ тѣхъ только исправленій, по которымъ соглашенія между этими учрежденіями (составителемъ сборника и его критикомъ) не состоится или которыя нужны, въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, въ видѣ сепаратнаго закона.

Являясь въ извѣстномъ смыслѣ, какъ уже было отмѣчено выше, продленіемъ негласной повѣрки, установленной вслѣдъ за выходомъ Свода на время до вступленія его въ дѣйствіе, законоположеніе 20 января 1836 г. требуетъ также сопоставленія съ правилами 16 марта 1833 г.

Эти послѣднія, если не считать заключительной, не относившейся до производства повѣрки, статьи, состояли изъ 7 пространныхъ статей. Однѣ изъ нихъ касались тѣхъ распоряженій, которыя долженъ былъ сдѣлать Министръ Юстиціи по подвѣдомственнымъ ему учрежденіямъ, чтобы установить сущность и предѣлы негласной ревизіи (ст. 1—3 и 7). Статья 4 снабжала Министерство необходимымъ ежегоднымъ денежнымъ отпускомъ и правомъ образовать особый комитетъ для повѣрки. Статья 5 опредѣляла порядокъ осуществленія исправленій или, вѣрнѣе, отношеніе Министерства Юстиціи по этимъ вопросамъ ко Второму Отдѣленію и Государственному Совѣту. Статья 6, наконецъ, указывала на порядокъ производства повѣрки Свода по тремъ другимъ вѣдомствамъ. Правила 20 января 1836 г., какъ мы видѣли, были гораздо короче. Они касались только двухъ предметовъ, а именно тѣхъ, которые составляли содержаніе статей 4 и 5 предыдущихъ правилъ 1833 года. Не упоминая ничего о дальнѣйшемъ отпускѣ особыхъ денежныхъ средствъ, но, очевидно, подразумѣвая это, ибо въ статьѣ 4 отмѣчено неудобство возлагать „особенный трудъ“ по встрѣтившимся вопросамъ на штатныхъ чиновниковъ департамента Министерства Юстиціи [1]), эта статья узаконяетъ дальнѣйшее существованіе временнаго для повѣрки Свода комитета, впредь до усмотрѣнія. Неясныя же правила прежней 5-й статьи о порядкѣ

[1]) И, дѣйствительно, кредитъ на этотъ предметъ, истекшій срокомъ въ мартѣ 1835 г., вновь былъ возстановленъ въ 1836 году.

осуществленія самыхъ исправленій замѣнены въ статьяхъ 1 и 2 новаго законоположенія вполнѣ точными, разобранными выше, постановленіями, опредѣлявшими взаимоотношенія Министерства Юстиціи по этому вопросу ко Второму Отдѣленію и случаи внесенія возникшихъ сомнѣній на законодательное разрѣшеніе. Такимъ образомъ новыя правила не коснулись нѣсколькихъ предметовъ, находившихъ себѣ регламентацію въ прежнемъ мнѣніи Государственнаго Совѣта. Такъ, ими не предусмотрѣны тѣ пути, которыми могутъ доводиться до свѣдѣнія Министра Юстиціи встрѣтившіяся при производствѣ дѣлъ сомнѣнія, ни по центральнымъ, ни по мѣстнымъ установленіямъ, а также не указано свойство тѣхъ сомнѣній, которыя могутъ быть заявляемы. Возможно, что подробная регламентація нужна была только на первое время производства повѣрки и считалась излишнею въ 1836 году. Поэтому, оставляя подробности для опредѣленія распорядительною властью Министра Юстиціи, Государственный Совѣтъ могъ считать достаточнымъ лишь общее указаніе, имъ помѣщенное въ статьѣ 1, а именно, что поводомъ для изслѣдованія правильности текста Свода могутъ быть затрудненія, открывшіяся при производствѣ дѣлъ въ первой или во второй степени суда или въ Сенатѣ и что затрудненія эти могутъ относиться къ случаямъ, когда „какой-либо дѣйствующій и къ разрѣшенію дѣла служащій законъ не помѣщенъ въ Сводѣ или помѣщенъ не въ полномъ его смыслѣ“. Кругъ установленій центральнаго управленія, перечисленный здѣсь, съ формальной стороны уже того, который былъ предусмотрѣнъ въ 1833 году, но, въ дѣйствительности, едва-ли различествуетъ отъ прежняго, потому что ни департаментъ Министерства Юстиціи, ни Консультація, въ отдѣльности поименованные въ правилахъ 16 марта, не нуждались, по своей принадлежности къ центральному управленію судебнаго вѣдомства, въ особомъ упоминаніи при такомъ оборотѣ рѣчи: „когда къ Министру Юстиціи дойдетъ свѣдѣніе“. Значительно видоизмѣнился однако кругъ мѣстныхъ установленій, дѣлопроизводство которыхъ могло, по прежнимъ правиламъ, дать матеріалъ губернскимъ прокурорамъ для составленія докладныхъ записокъ Министру: вмѣсто „губернскихъ присутственныхъ мѣстъ“ новыя правила указываютъ только на судебныя мѣста, но за то на обѣ низшихъ ихъ степени, слѣдовательно, и на тотъ судъ, который принадлежалъ къ числу уѣздныхъ установленій. Упоминаніе, вмѣсто канцелярій Сената, о самомъ Сенатѣ можетъ служить только показателемъ той болѣе канцеляр-

ской обязанности по соображенію выписокъ изъ закона со статьями Свода, которая составляла задачу прежней ревизіи ранѣе вступленія Свода въ силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако указаніе на Сенатъ совмѣстно съ судами первой и второй степени какъ-бы подчеркиваетъ ту сторону его дѣятельности, которая была сосредоточена въ судебныхъ департаментахъ. Это обстоятельство въ связи съ тѣмъ, что узаконеніе 20 января 1836 г. не повторяетъ ни одного изъ указаній, относившихся до повѣрки Свода при производствѣ дѣлъ въ другихъ министерствахъ, заставляетъ заключить, что ревизія по этимъ вѣдомствамъ сочтена была законченною и что отнынѣ, по смыслу новыхъ правилъ, поводомъ для ревизіи должны были служить только собственно судебныя дѣла. А это, въ свою очередь, въ сопоставленіи съ прекратившеюся *обязанностью* канцелярій провѣрять текстъ статей Свода съ выписками изъ указовъ, можетъ навести на мысль, что обсуждаемыя правила имѣли, собственно, въ виду право сторонъ въ процессѣ обращать вниманіе суда на погрѣшности Свода противъ первоисточниковъ. Но для того, чтобы это было дѣйствительно правомъ, слѣдовало обнародовать новое узаконеніе, чего однако, какъ мы видѣли, сдѣлано не было. Впрочемъ, фактическая возможность ссылокъ частныхъ лицъ на указы внѣ Свода законовъ создавалась бывшимъ въ то время еще въ силѣ правиломъ статьи VIII узаконенія 12 декабря 1834 г., по силѣ которой присутственныя мѣста должны были чинить законное производство и по такимъ прошеніямъ, въ коихъ оказывались, вмѣсто статей Свода, ссылки на указы.

Не всѣ однако изъ предыдущихъ выводовъ находятъ себѣ подтвержденіе въ тѣхъ распоряженіяхъ, которыя сдѣланы были Министерствомъ Юстиціи во исполненіе состоявшагося узаконенія [1]. Краткія наставленія, преподанныя циркулярными предписаніями Министра оберъ-прокурорамъ Сената, юрисконсультамъ, департаменту и губернскимъ и областнымъ прокурорамъ, обосновывались

[1]) См. докладъ Дегая 4 марта 1836 г.—При этомъ нѣкоторые прокуроры не ограничивались, для доставленія замѣчаній, исключительно примѣненіемъ способовъ, указанныхъ въ циркулярѣ. Такъ, среди рапортовъ Министру Юстиціи сохранился прокурорскій рапортъ изъ Твери (1837 г.), къ которому приложено донесеніе совѣстнаго суда объ усмотрѣнной послѣднимъ неправильности въ Сводѣ; изъ него видно, что прокуроръ предложилъ всѣмъ мѣстнымъ установленіямъ доставить свѣдѣнія о неточностяхъ Свода. Несоотвѣтствіе этого установленному порядку не ускользнуло отъ вниманія Дашкова, и онъ помѣтилъ на рапортѣ: „съ чего взялъ Щепкинъ такое исполненіе?“

указаніемъ не только на новыя, но и на прежнія правила 16 марта 1833 г. Затѣмъ, прокурорамъ было предписано, „обще съ губернскими и уѣздными стряпчими“, сообщать о встрѣтившихся затрудненіяхъ не только по судебнымъ, но и вообще правительственнымъ мѣстамъ, „не касаясь впрочемъ до производства самаго дѣла и предоставляя оное законному его теченію“ [1]). Эти и нѣкоторыя другія данныя (такъ, напр., внося въ 1837 г. второе свое представленіе о замѣчаніяхъ на нѣкоторыя статьи Свода, Министръ Юстиціи ссылался не только на правила 20 января 1836 г., но и на мнѣніе Государственнаго Совѣта 16 марта 1833 г.) заставляютъ признать, что въ Министерствѣ Юстиціи почти не проводилось разницы между сущностью повѣрки, установленной въ 1833 году въ видѣ временной, ограниченной извѣстнымъ срокомъ, мѣры, и тѣми поправками, которыя допускались новыми правилами 1836 года.—Засимъ, и послѣ этого года продолжали поступать замѣчанія какъ отъ вѣдомствъ, перечисленныхъ въ правилахъ 1833 года, такъ и отъ другихъ министерствъ, какъ, напр., Военнаго, Государственныхъ Имуществъ, Иностранныхъ Дѣлъ, хотя нельзя, конечно, отрицать, что указанія на ту или другую неправильность въ Сводѣ могли быть сообщаемы Второму Отдѣленію и помимо особаго на то уполномочія со стороны законодателя.

Но, каковъ бы ни былъ подлинный смыслъ правилъ 20 января 1836 г., несомнѣнно одно,—что при ихъ установленіи въ Государственномъ Совѣтѣ не возникало и мысли, чтобы правила 16 марта 1833 г. могли имѣть длительное значеніе, переходящее за срокъ, установленный для воспріятія Сводомъ силы положительнаго закона. Не даромъ мнѣніе Совѣта не только не содержитъ никакого упоминанія ни въ текстѣ, ни въ мотивахъ о вышеназванныхъ правилахъ, но даже тщательно избѣгаетъ выраженія: „негласная повѣрка“, содержавшагося въ проектѣ Министра Юстиціи. Не безъ намѣренія также статья 4 новаго узаконенія называетъ учрежденный при Министерствѣ комитетъ для повѣрки Свода временнымъ и особо постановляетъ, хотя Министръ Юстиціи въ своемъ первоначальномъ проектѣ въ отдѣльности объ этомъ прямо не ходатайствовалъ [2]), о продленіи существованія этого комитета. Впрочемъ, при иномъ отношеніи къ этому вопросу Государственный Совѣтъ впалъ бы въ противорѣчіе съ заключе-

---

[1]) Цирк. 21 марта 1836 г. № 3308.

[2]) Личный взглядъ Дашкова на этотъ вопросъ явствовалъ изъ приведенной выше (гл. VIII, стр. 130) его резолюціи на докладѣ Дегая.

ніемъ своимъ въ февралѣ 1833 г., которое, хотя въ резолютивной своей части прямо не опредѣляло срока дѣйствія установляемыхъ правилъ, содержало однако довольно ясное указаніе на срочность данныхъ Министерству Юстиціи и другимъ вѣдомствамъ полномочій, въ словахъ: *„пользуясь симъ временемъ* (т. е. временемъ до вступленія Свода въ силу закона исключительнаго), произвести повѣрку Свода для удостовѣренія, не откроется ли въ немъ противорѣчій, неясности или же пропусковъ, требующихъ поясненія или дополненія“. Твердо держась этой точки зрѣнія, Департаментъ Законовъ именно потому, можетъ быть, предпослалъ разрѣшенію представленія Министра Юстиціи отъ 31 мая 1835 г. о замѣчаніяхъ комитета на нѣкоторыя статьи Свода,—представленія, которое обосновано было 5-ю статьею правилъ 16 марта 1833 г., и, при послѣдовательномъ проведеніи этого взгляда, могло быть сочтено, за прекращеніемъ дѣйствія этихъ правилъ, запоздалымъ,—принципіальное разрѣшеніе вопроса о порядкѣ исправленія ошибокъ въ Сводѣ. Только по окончательномъ завершеніи этого дѣла Государственный Совѣтъ нашелъ возможнымъ приступить 14 февраля 1836 г. къ обсужденію замѣчаній Министерства Юстиціи на Сводъ въ связи съ доставленными отъ Второго Отдѣленія новыми объясненіями.

Слѣдуя, шагъ за шагомъ, за этими событіями въ ихъ хронологической послѣдовательности, переходимъ къ нѣкоторымъ деталямъ этого дѣла, производившагося въ Государственномъ Совѣтѣ, въ зависимости отъ вышеизложеннаго, уже не столько на титулѣ 5-го пункта правилъ 1833 года, сколько по силѣ статьи 1 узаконенія 20 января 1836 года.

Какъ упоминалось выше, изъ 36 разногласій, внесенныхъ Дашковымъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, отпало еще до ихъ разбора въ Департаментѣ Законовъ семь, такъ какъ Второе Отдѣленіе, ознакомившись съ новыми доводами комитета, признало возможнымъ принять ихъ, съ тѣмъ чтобы исправленія по этимъ статьямъ [1]), какъ относящіяся не къ смыслу закона, а только къ точнѣйшему изложенію его, помѣщены были въ продолженіи Свода за 1835 годъ. Число спорныхъ случаевъ уменьшилось такимъ образомъ до 29. Тѣмъ не менѣе Департаментъ Законовъ счелъ себя обязаннымъ вынести заключеніе по всѣмъ 36 вопросамъ, несмотря на достигнутое соглашеніе между Министерствомъ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ. Но, вынося рѣшеніе по каждому въ

[1]) Т. IX, ст. 551; т. X, ст. 2036; т. XV, ст. 26, 29, 839, 1010 и 1020.

отдѣльности вопросу и не выдѣляя въ какую-либо особую группу тѣхъ заключеній, по которымъ разногласія болѣе не существовало, Государственный Совѣтъ счелъ все-таки нужнымъ провести извѣстное различіе между нѣкоторыми изъ разрѣшенныхъ имъ вопросовъ. Это видно уже изъ того, что вмѣсто 36 на отдѣльное утвержденіе Государя поднесено было только 14 мнѣній, а обнародовано и вошло въ Полное Собраніе законовъ только 12 мнѣній [1]). Разница между двумя послѣдними цифрами находитъ простое себѣ объясненіе въ томъ, что одно изъ Высочайше утвержденныхъ мнѣній (а именно датированное 6-мъ іюня 1836 г.) являлось не разрѣшеніемъ по тому или иному спорному вопросу, а лишь порученіемъ Министру Юстиціи выработать и внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта предположенія о мѣрахъ къ отвращенію подложныхъ продажъ [2]), а относительно другого мнѣнія черезъ нѣкоторое время, какъ увидимъ ниже, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ иномъ его исполненіи. Не столь легко установить причину, почему число повергнутыхъ на отдѣльное утвержденіе заключеній было сокращено почти на двѣ трети. Первое предположеніе, которое могло бы возникнуть по этому поводу, — это, что въ значительномъ большинствѣ случаевъ Государственный Совѣтъ нашелъ изложеніе статей Свода правильнымъ, и только по 13 статьямъ призналъ необходимымъ, согласившись съ замѣчаніями Министерства Юстиціи, преподать тѣ измѣненія, которыя изъ сего вытекаютъ для ихъ текста. Такое предположеніе однако совершенно опровергается содержаніемъ Высочайше утвержденныхъ 4 іюня 1836 г. мнѣній Государственнаго Совѣта, ибо изъ нихъ видно, что въ 7 изъ этихъ 13 случаевъ Совѣтъ оставилъ, въ противность мнѣнію Министра Юстиціи, безъ измѣненія текстъ статей Свода, и только въ 6 установилъ новое изложеніе или иное ихъ измѣненіе. Засимъ изъ ознакомленія съ матеріалами обнаруживается, что въ остальныхъ изъ разрѣшенныхъ случаевъ, остававшихся еще спорными ко времени разбора дѣла въ Департаментѣ Законовъ, послѣдній то становился на сторону Второго Отдѣленія, то примыкалъ къ мнѣнію комитета, то, наконецъ, постановлялъ самостоятельное рѣшеніе [3]) и въ одномъ случаѣ отложилъ свое заключеніе до позднѣйшаго времени [4]). Въ значи-

[1]) П. С. З., № 9251—9262.

[2]) Необходимость этихъ мѣръ усмотрѣна была Государственнымъ Совѣтомъ въ связи съ замѣчаніемъ комитета на ст. 884 зак. гражд.

[3]) По разномыслію о ст. 858, 867 и 863 зак. гражд.

[4]) Это касалось статьи 722 зак. гражд.

тельномъ большинствѣ случаевъ Государственный Совѣтъ склонился къ оставленію текста Свода безъ измѣненія, но при этомъ далеко не всегда по тому соображенію, что признавалъ бы этотъ текстъ въ точности воспроизводящимъ слова или смыслъ первоисточниковъ. Этимъ и объясняется тотъ отмѣченный выше фактъ, что нѣкоторыя изъ Высочайше утвержденныхъ 4 іюня 1836 г. мнѣній не только не измѣняютъ текста внесенныхъ въ статьи Свода правилъ, но прямо предписываютъ оставленіе ихъ безъ измѣненія. Для полнаго уясненія этого на первый взглядъ страннаго явленія обратимся къ самому журналу, представляющему обширный трудъ [1]) и содержащему не мало интересныхъ страницъ по разбору источниковъ X тома.

Уже при общемъ обозрѣніи спорныхъ статей Департаментъ Законовъ отмѣтилъ, что „представленныя сомнѣнія возникаютъ не просто отъ изложенія ихъ въ Сводѣ, но и отъ неясности самыхъ указовъ, на коихъ статьи сіи основаны, такъ что при рѣшеніи дѣлъ по симъ указамъ могло бы также возникнуть разногласіе и точный ихъ смыслъ неминуемо потребовалъ бы поясненія; такимъ образомъ разрѣшеніемъ представляющихся нынѣ сомнѣній предупреждаются вопросы, кои, и при Сводѣ, и безъ Свода, по теченію дѣлъ отъ неясности самаго закона могли бы возникнуть“. И, дѣйствительно, на цѣломъ рядѣ статей Департаменту приходилось признать основательными и замѣчанія комитета, и возраженія Второго Отдѣленія, зачастую ссылавшіяся не столько на подлинный текстъ источниковъ, сколько на общій духъ законодательства и на соображенія справедливости и цѣлесообразности. Естественно, что и Государственный Совѣтъ предпочиталъ рѣшать споръ по этимъ послѣднимъ соображеніямъ. Нерѣдко мы встрѣчаемъ въ его заключеніяхъ такія указанія, какъ: „разрѣшить сомнѣніе единственно въ видахъ пользы того или другого постановленія“, „избрать изложеніе, наиболѣе согласное со справедливостью и опытомъ“, „посему и вообще, въ видахъ нравственныхъ, ...статьи такія-то должны оставаться безъ перемѣнъ“. Тотъ же характеръ носитъ и слѣдующее заключительное сужденіе Департамента относительно соотвѣтствія статьи 1651 т. X, ч. 1 ея источникамъ: „Впрочемъ, если бы тождество принятаго въ ст. 1651 изложенія со словами тѣхъ постановленій, на которыхъ она основана, и подлежало

[1]) Въ Собраніи журналовъ Деп. Зак. за 1836 г. (ч. 1, № 24) онъ занимаетъ 260 рукописныхъ страницъ. Выписка резолюціи имѣется въ дѣлѣ Деп. Зак. 1836 г. № 24.

сомнѣнію, то въ видахъ справедливости и общей пользы надлежало бы пояснить законъ сообразно сему изложенію". Подобныя указанія отчасти даже проскользнули и въ самый текстъ Высочайше утвержденныхъ мнѣній. Такъ, по вопросу о ст. 844 и 845 зак. угол., которыми домовые обыски и выемка поличнаго допускались по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, между тѣмъ какъ, согласно утвержденію комитета, не отрицавшемуся и Вторымъ Отдѣленіемъ, приведенныя подъ этими статьями узаконенія (уставы о винѣ и соли) относили сіи мѣры только къ предметамъ этихъ самыхъ узаконеній, т. е. къ корчемству, Государственный Совѣтъ, постановляя объ оставленіи этихъ статей въ Сводѣ безъ перемѣны, мотивировалъ это въ опубликованномъ текстѣ (П. С. З., № 9261) тѣмъ, что правила, въ ст. 844 и 845 содержащіяся, вообще справедливы и нужны и что въ общемъ законодательствѣ оныхъ недостаетъ.

Открытое признаніе со стороны Государственнаго Совѣта наличія нѣкоторыхъ правилъ въ Сводѣ, которыя (въ отступленіе отъ общаго указанія манифеста 31 января (ст. 4), что Сводъ законовъ ничего не измѣнилъ въ силѣ и дѣйствіи ихъ) являются по существу новыми, заставило поставить вопросъ о начальномъ срокѣ дѣйствія подобныхъ правилъ. Вопросъ этотъ не могъ быть разрѣшенъ иначе, какъ признаніемъ въ качествѣ такого срока даты 1 января 1835 г., когда Сводъ введенъ былъ въ дѣйствіе. На необходимость такого указанія обратилъ вниманіе Дашковъ, сообщая свои замѣчанія на проектъ журнала Департамента Законовъ по настоящему дѣлу. Онъ писалъ: „По статьямъ Свода, кои Департаментъ... полагаетъ оставить въ настоящемъ ихъ изложеніи, несогласномъ съ существовавшими до сего времени узаконеніями, но представляющемъ полезное измѣненіе въ оныхъ, каковы суть статьи: 5 и 49; 169, 170 и 1651; 858; 867 и 883; 1487; 1953; 2200 и 2201 тома X; 341 и 342; 839; 844 и 845 тома XV, Министръ Юстиціи находитъ, что, допуская сіе измѣненіе, необходимо дать оному силу только съ того времени, когда оно сдѣлалось гласнымъ внесеніемъ въ Сводъ". Государственный Совѣтъ согласился съ этимъ замѣчаніемъ. И поэтому во всѣхъ тѣхъ опубликованныхъ его мнѣніяхъ [1]), гдѣ идетъ рѣчь объ оставленіи той или иной статьи гражданскихъ или уголовныхъ законовъ безъ измѣненія, имѣется, почти въ одной и той же формѣ, указаніе: „законъ въ семъ его изложеніи считать въ дѣй-

[1]) П. С. З., № 9252, 9253, 9255, 9257, 9258, 9261 и 9262.

ствіи съ 1 января 1835 года, не присвояя ему обратной силы". Въ одномъ при этомъ случаѣ, требовавшемъ противоположенія порядковъ, существовавшихъ до и послѣ вступленія Свода въ силу, приведены и самыя основанія для выбора вышеуказанной даты. Здѣсь сказано [1]: „По возникающимъ сомнѣніямъ о точномъ смыслѣ указа 30 ноября 1807 г., Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 23 іюля 1823 г. и основанныхъ на нихъ статей 241 и 243 Свода законовъ гражданскихъ (т. X) о свойствѣ имѣній, покупаемыхъ у родственниковъ, Государственный Совѣтъ, въ разрѣшеніе сихъ сомнѣній, мнѣніемъ положилъ: 1) Упомянутыя статьи оставить при настоящемъ ихъ изложеніи. 2) Для огражденія правъ тѣхъ лицъ, къ которымъ могли дойти имѣнія на основаніи положенія 1823 года до 1-го января 1835 года, т. е. до того времени, когда Сводъ вошелъ въ силу закона [2]), дѣла о подобныхъ имѣніяхъ, въ теченіе сего періода возникшія, разрѣшать и впредь во всякомъ случаѣ на точномъ основаніи положенія 1823 года; равнымъ образомъ и сдѣлки, на основаніи сего положенія въ продолженіе того же періода совершенныя, должны всегда почитаться законными; ибо въ отношеніи сихъ дѣлъ и актовъ Сводъ нельзя уже считать иначе, какъ закономъ *новымъ*, имѣющимъ дѣйствіе только съ 1-го января 1835 года, а никакой новый законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ". Не будь этого добавленія о начальномъ срокѣ дѣйствія, Государственный Совѣтъ, вѣроятно, не счелъ бы необходимымъ особо публиковать о сохраненіи возбуждавшихъ сомнѣніе статей безъ измѣненія.

Тотъ же вопросъ о моментѣ вступленія въ силу по отношенію къ поясненіямъ Государственнаго Совѣта, которыми, согласно съ мнѣніемъ Комитета, *измѣнялся* текстъ статей Свода, разрѣшенъ былъ нѣсколько иначе. Хотя эти заключенія Совѣта изложены были въ той же самой формѣ, какъ и заключенія его о сохраненіи статей безъ перемѣны, начинаясь съ указанія: „по возникающимъ сомнѣніямъ о точномъ смыслѣ..., Государственный Совѣтъ, въ разрѣшеніе сихъ сомнѣній, мнѣніемъ положилъ...", т. е., хотя они также носили форму разъясненій дѣйствующаго закона и потому могли бы, въ большей своей части, даже имѣть обратную силу, тѣмъ не менѣе для

[1]) П. С. З., № 9255, а въ Сводѣ ст. 399, прим. зак. гражд. (изд. 1914 г.).

[2]) Употребленное здѣсь Государственнымъ Совѣтомъ выраженіе „въ силу закона" даетъ еще одно непререкаемое доказательство въ пользу защищаемаго нами положенія (гл. VI, стр. 73), что манифестъ 31 января 1833 г., присвоивая Своду „законную силу", имѣлъ въ виду въ этомъ случаѣ именно „силу закона".

этихъ случаевъ избрана была слѣдующая формула: „законъ въ семъ новомъ его изложеніи считать въ дѣйствіи съ того времени, какъ внесенъ оный будетъ въ продолженіе Свода, не присвояя ему обратной силы“. Почему срокъ вступленія въ дѣйствіе исправленной или дополненной редакціи переносился съ момента его обнародованія, какъ всякаго новаго закона, на юридически довольно неопредѣленное время его включенія Вторымъ Отдѣленіемъ въ предстоявшее продолженіе, остается не вполнѣ яснымъ. Журналъ Департамента Законовъ не даетъ прямыхъ на это объясненій. Изъ исторіи дѣла видно только, что сдѣлано это было въ соотвѣтствіи съ предложеніемъ Дашкова, который въ замѣчаніяхъ своихъ отъ 22 апрѣля 1836 г. на проектъ журнала Департамента, по поводу предположеннаго одинаковаго введенія для отдѣльныхъ мнѣній: „Государственный Совѣтъ, въ разрѣшеніе сихъ сомнѣній, призналъ нужнымъ постановить слѣдующее поясненіе“, отмѣчалъ: „А какъ по содержанію 61-й статьи I тома Свода, каждое *поясненіе* закона имѣетъ обратное дѣйствіе, то давая форму онаго и тѣмъ статьямъ Свода, коихъ редакція представляетъ измѣненіе прежнихъ законовъ, необходимо получатъ и сіи статьи обратное дѣйствіе. Въ отклоненіе сего Министръ Юстиціи полагалъ бы: или пояснить, что тѣ статьи не должны имѣть сего дѣйствія, или измѣнить самую форму, Департаментомъ Законовъ на сей предметъ установляемую, давъ оной видъ пополненія и распространенія закона съ того времени, какъ сдѣланныя измѣненія окажутся внесенными въ Сводъ“. Такъ какъ Дашкову и его ближайшему сотруднику Дегаю нельзя вообще отказать въ отчетливомъ, а иногда даже и тонкомъ пониманіи относившихся до Свода вопросовъ, то остается предположить, что или въ данномъ случаѣ ими не предусматривалось опубликованіе имѣвшихъ состояться мнѣній Государственнаго Совѣта, или же что при сложности настоящаго дѣла нѣкоторыя его стороны остались недостаточно соображенными.

Возвращаясь къ поставленному выше вопросу, почему изъ 36 бывшихъ спорными или 29 оставшихся спорными постановленій Свода только по 13 составлены были отдѣльныя мнѣнія для особаго ихъ утвержденія и обнародованія, мы избавлены отъ труда подыскивать этому объясненіе, ибо его даетъ, вполнѣ точно и обстоятельно, журналъ Департамента Законовъ. Изъ него видно, что, слѣдуя правилу, по которому и въ первомъ, и во второмъ продолженіяхъ къ Своду помѣщены были исправленія статей по взаимному соглашенію Комитета при Министерствѣ Юстиціи и

Второго Отдѣленія, Департаментъ Законовъ признавалъ возможнымъ „и настоящія измѣненія вмѣстить въ продолженіе Свода, которое въ теченіе сего года по принятому порядку будетъ издано". При этомъ однако онъ считалъ нужнымъ сдѣлать изъятіе: „1) для тѣхъ статей, въ коихъ изъясненіе точнаго ихъ смысла, по важности предмета и по связи его съ правомъ собственности, требуетъ особеннаго Высочайшаго утвержденія (перечислено 6 относящихся къ X тому вопросовъ), и 2) для тѣхъ статей, при изъясненіи коихъ самый первоначальный смыслъ указовъ, на коихъ онѣ основаны, дополняется и распространяется (слѣдуетъ перечень 7 вопросовъ матеріальнаго и процессуальнаго, гражданскаго и уголовнаго права)". Въ зависимости отъ этого установлена была и двоякая форма разрѣшенія: „для статей, передъ симъ исчисленныхъ, должны быть, по каждой изъ нихъ отдѣльно, составлены мнѣнія Государственнаго Совѣта и внесены своимъ порядкомъ на Высочайшую конфирмацію; затѣмъ остальныя статьи могутъ быть помѣщены въ продолженіе Свода по общему принятому для сего правилу; для чего и надлежитъ только выпискою изъ журнала препроводить статьи сіи во Второе Отдѣленіе" [1]).

Такимъ образомъ значительнѣйшая часть, а именно до 23 (36—13) заключеній Государственнаго Совѣта, въ числѣ которыхъ были 14 случаевъ, требовавшихъ измѣненія въ Сводѣ законовъ (1 случай по тому I, 1 по тому IX, 5 статей въ томѣ X и 7 статей въ томѣ XV), осуществлены были въ Сводѣ, хотя и съ Высочайшаго утвержденія по разсмотрѣніи журнала Государственнаго Совѣта (онъ былъ представленъ Государю, по разсмотрѣніи дѣла въ Общемъ Собраніи, не въ меморіи, какъ обыкновенно, а въ подлинникѣ), но не въ видѣ отдѣльнаго Высочайшаго утвержденія мнѣнія Совѣта, и только 13 облечены были въ ту форму, въ какой издавались законы и могли быть издаваемы автентическія ихъ разъясненія, къ разряду которыхъ, по внѣшнему своему виду, подлежали собственно отнесенію мнѣнія 4 іюня 1836 г. [2]). При этомъ, слѣдуетъ однако замѣтить, не былъ примѣненъ тотъ упрощенный порядокъ разрѣшенія, который указывался въ ст. 40

---

[1]) Полный текстъ этой части журнала Деп. Зак. приведенъ въ упоминавшейся выше работѣ бар. А. Э. Нольде о наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ въ благопріобрѣтенномъ имуществѣ (Журн. Мин. Юст. 1907 г. № 9, стр. 107—108).

[2]) Т. I, ст. 24, п. 3, 40, 85, 86.—Съ другой, однако, стороны, отсутствіе обратнаго дѣйствія у нѣкоторыхъ изъ этихъ мнѣній какъ-будто лишало ихъ признаковъ акта автентическаго толкованія.

учрежденія Государственнаго Совѣта для дѣлъ объ „изъясненіи точнаго разума существующихъ законовъ“ и состоялъ въ томъ, что положенія департаментовъ представлялись непосредственно, минуя Общее Собраніе, на Высочайшее усмотрѣніе. Дѣленіе же всѣхъ разрѣшенныхъ вопросовъ на двѣ вышеуказанныя группы обусловлено было не свойствомъ постановленнаго рѣшенія, въ смыслѣ измѣненія или оставленія въ силѣ текста соотвѣтствующаго правила въ Сводѣ, а, главнымъ образомъ, во вниманіе къ важности даннаго предмета для частныхъ лицъ, т. е. зависѣло не отъ формальныхъ признаковъ, а отъ матеріальнаго содержанія даннаго правила. Этимъ же соображеніемъ обусловливалось и отдѣльное въ каждомъ мнѣніи указаніе, съ какого времени оно воспріемлетъ свою силу.

Мы уже отмѣчали выше, что выборъ срока для сего послѣдняго предмета не во всѣхъ случаяхъ несомнѣненъ. На послѣднее указываетъ еще слѣдующій эпизодъ, происшедшій вскорѣ послѣ утвержденія 13 мнѣній Государственнаго Совѣта по настоящему дѣлу. Въ числѣ ихъ находилось дополненіе статьи 710 зак. гражд., касательно наслѣдованія единоутробныхъ и единокровныхъ братьевъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго рапорта Общаго Собранія Сената 3 октября 1819 г., по дѣлу объ имѣніи княжны Мещерской, который при изложеніи Свода не былъ извѣстенъ. Подобно другимъ мнѣніямъ, и въ этомъ заключалось указаніе на приведеніе его въ дѣйствіе со времени внесенія въ продолженіе Свода. Министерство Юстиціи, получивъ это мнѣніе въ числѣ прочихъ, нашло, что, такъ какъ установленное имъ дополненіе статьи 710 основано на постановленіи 1819 года, то оно должно имѣть законную свою силу съ того самаго времени (т. е. съ 1819 г.), а не со дня внесенія новаго изложенія въ продолженіе,—тѣмъ болѣе, что означенное постановленіе по дѣлу кн. Мещерской „съ состоянія онаго доселѣ было принимаемо въ основаніе рѣшеній по многимъ подобнымъ дѣламъ, изъ коихъ нѣкоторыя получили окончаніе въ Правительствующемъ Сенатѣ въ недавнемъ лишь времени“. Сообщая объ этомъ Сперанскому, Дашковъ находилъ нужнымъ испросить въ отвращеніе означеннаго затрудненія Высочайшее разрѣшеніе. Сперанскій, согласившись съ этимъ мнѣніемъ и ссылаясь на то, что предположенное Государственнымъ Совѣтомъ исправленіе „есть токмо изъясненіе, основанное на постановленіи Сената 5 октября 1819 г., а не новое дополненіе“, испросилъ всеподданнѣйшимъ докладомъ 27 іюня 1836 г. Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы ограничить образъ исправленія

статьи 710 „единственно внесеніемъ ея въ продолженіе Свода въ томъ видѣ, какъ она изложена въ 1-мъ пунктѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта... (т. е. безъ воспроизведенія 2 пункта о срокѣ вступленія въ силу), и затѣмъ считать означенное мнѣніе окончательно исполненнымъ и не требующимъ уже никакого дальнѣйшаго движенія“ [1]).

Если приведенный случай могъ бы служить показателемъ, сколь просто въ то время могли быть измѣняемы мнѣнія Государственнаго Совѣта, то съ другой стороны и онъ, и всѣ 36 разобранныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ вопросовъ являютъ доказательство, что текстъ перваго Свода признавался имѣющимъ силу Высочайше утвержденнаго текста, а потому всякое его исправленіе, т. е. измѣненіе, не вытекающее изъ содержанія новѣйшихъ узаконеній, возможно было или въ силу правилъ 20 января 1836 г. (либо предшествовавшихъ имъ правилъ негласной повѣрки 16 марта 1833 г.), на основаніи соглашенія между Министромъ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ, или же съ Высочайшаго утвержденія. Исключеніемъ являлся только уставъ таможенный, такъ какъ, по силѣ Высочайше утвержденнаго 15 декабря 1834 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, въ продолженія Свода подлежали внесенію исходящія отъ Министра Финансовъ предписанія по таможенной части, а среди нихъ могутъ быть и такія, которыя измѣняютъ или отмѣняютъ прежнія его же предписанія, включенныя въ Сводъ 1832 года. Едва, слѣдовательно, Сводъ вступилъ въ силу закона, какъ уже пришлось сдѣлать частичное отступленіе отъ этого начала по отношенію къ цѣлому почти тому,—отступленіе, вызванное исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что первый Сводъ составленъ былъ не только изъ узаконеній, но и изъ распоряженій меньшей юридической силы. И вотъ это самое обстоятельство не замедлило сказаться и по другой части Свода, въ которую, по настоянію вѣдомства, помѣщены были, на ряду съ постановленіями, получившими Высочайшее утвержденіе, такія правила, которыя основывались только на министерскихъ циркулярахъ; присвоеніе имъ, въ составѣ всего Свода, силы закона затрудняло возможность ихъ измѣненія, и Сводъ рисковалъ разойтись, въ случаѣ внесе-

[1]) Приведенный всеподданнѣйшій докладъ, обусловившій необнародованіе мнѣнія Государственнаго Совѣта, послужилъ основаніемъ для невнесенія его и въ Полное Собраніе законовъ. Отмѣчаемъ это въ виду вопроса, возникавшаго о причинахъ такого невнесенія у одного изъ изслѣдователей (бар. А. Э. Нольде, цитир. статья въ Журн. Мин. Юст. 1907 г. № 9, стр. 109).

нія такихъ измѣненій безъ Высочайшаго утвержденія или указа Правительствующаго Сената, съ дѣйствительною практикою. Такой именно случай дошелъ до Государственнаго Совѣта въ числѣ тѣхъ 36 разногласій со Вторымъ Отдѣленіемъ, которыя были представлены на его разрѣшеніе Министромъ Юстиціи.

Въ статьяхъ 547 и 548 учрежденій государственныхъ (т. I) содержались правила о различнаго рода вѣдомостяхъ по Сенатскому дѣлопроизводству, которыя должны представлять, понедѣльно или помѣсячно, оберъ-прокуроры Министру Юстиціи. Обѣ означенныхъ статьи основаны были на ордерахъ генералъ-прокурора. Комитетъ для повѣрки Свода находилъ, что подобныя статьямъ 547 и 548 распоряженія зависятъ отъ Министра Юстиціи, и потому признавалъ необходимымъ въ концѣ свода учрежденій о Сенатѣ пояснить особымъ примѣчаніемъ, что „всѣ означенныя распоряженія по канцеляріямъ Сената зависятъ отъ Министра Юстиціи и по усмотрѣнію его могутъ быть измѣняемы“. Второе Отдѣленіе, считавшее такое указаніе хотя и ненужнымъ („потому что въ самыхъ указаніяхъ означено, что именно основано на предписаніяхъ Министра Юстиціи, по общему же наказу министерствамъ, предписанія министровъ, хотя не имѣютъ силы закона, но тѣмъ не менѣе исполняются, когда они не противны закону“), отмѣтило тѣмъ не менѣе въ вышедшемъ въ 1835 году продолженіи за 1834 годъ, по поводу включенія указанія на нѣкоторыя новыя вѣдомости, что назначеніе присылки въ Министерство Юстиціи этихъ и другихъ вѣдомостей зависитъ отъ Министра Юстиціи [1]). Комитетъ этимъ не удовлетворился. „Соображая сіе съ силою манифеста 2 февраля 1833 года, на основаніи коего Сводъ воспріялъ нынѣ силу и дѣйствіе закона“, онъ нашелъ, „что ни въ семъ манифестѣ, ни въ самомъ Сводѣ не постановлено никакого различія между статьями, основанными дѣйствительно на законахъ положительныхъ, и тѣми, въ коихъ сдѣланы указанія на одни только министерскія распоряженія; и, слѣдовательно, въ случаѣ необходимости, министръ не въ правѣ уже самъ собою сдѣлать въ сихъ послѣднихъ никакого измѣненія или дополненія, если не будетъ на сіе въ Сводѣ общаго поясненія, сообразно тому, какое сдѣлано нынѣ Вторымъ Отдѣленіемъ въ отношеніи къ однимъ только вѣдомостямъ“. Въ подкрѣпленіе этого комитетъ сослался на мнѣніе Государственнаго Совѣта 15 декабря 1834 г., въ силу коего на будущее время не будутъ вносимы въ продолженія министерскія

[1]) Ст. 548, прим. т. I.

распоряженія безъ утвержденія Высочайшаго или опредѣленія Правительствующаго Сената [1]).—Въ окончательномъ своемъ заключеніи, данномъ Департаменту Законовъ, Второе Отдѣленіе стало на болѣе правильную точку зрѣнія, чѣмъ тогда, когда давало первое свое объясненіе комитету. Балугьянскій писалъ въ своемъ отзывѣ [2]): „Изъ 485 статей учрежденія сенатскаго, только 33 основаны, по настоянію бывшаго Ревизіоннаго комитета, чисто на распоряженіяхъ (ордерахъ) генералъ-прокуроровъ, за недостаткомъ иныхъ правилъ; другія же 37 статей основаны вмѣстѣ и на распоряженіяхъ генералъ-прокуроровъ, и на постановленіяхъ, Высочайше утвержденныхъ. Но какъ все вошедшее въ Сводъ имѣетъ нынѣ силу закона, то и статьи перваго рода не могутъ быть измѣняемы иначе, какъ по правиламъ общимъ. Впрочемъ отъ уваженія Государственнаго Совѣта и Высочайшаго разрѣшенія зависитъ предоставить Министру Юстиціи измѣнять по его усмотрѣнію статьи обоихъ сихъ разрядовъ, какъ относящіяся къ канцелярскому порядку въ Сенатѣ; нужно бы только при семъ постановить, чтобы каждая статья, имъ измѣненная, сообщаема была Второму Отдѣленію въ исправленномъ видѣ, для доведенія до общаго свѣдѣнія, чрезъ напечатаніе въ продолженіи Свода, подобно тому, какъ дѣлаются перемѣны въ уставѣ таможенномъ на основаніи распоряженій Министра Финансовъ“.

Вопросъ такимъ образомъ совершенно правильно сведенъ былъ къ законодательному вопросу о полномочіи Министра Юстиціи измѣнять собственною властью предусмотрѣнныя въ Сводѣ постановленія канцелярскаго производства въ Сенатѣ. По этому пути пошелъ и Государственный Совѣтъ. „Имѣя въ виду, что обѣ разсматриваемыя здѣсь статьи Свода относятся вообще до внутренняго дѣлопроизводства по канцеляріямъ, не касаясь ни въ чемъ самыхъ обязанностей Сената или образа его дѣйствія на тяжущихся“,—Департаментъ Законовъ со своей стороны нашелъ, „что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, когда подобныя распоряженія требуютъ перемѣны или дополненія, испрашивать оныхъ законодательнымъ порядкомъ было бы неудобно, и потому считаетъ полезнымъ, въ отношеніи всѣхъ тѣхъ статей сего рода, которыя основываются на распоряженіяхъ генералъ-прокуроровъ или Министровъ Юстиціи, а не на Высочайшихъ повелѣніяхъ, допустить предположенное ревизіоннымъ комитетомъ поясненіе, съ тѣмъ

[1]) Журналъ комитета 4 февр. 1835 г. № 48.
[2]) Отзывъ 9 сент. 1835 г. № 412.

присовокупленіемъ, которое предложило Второе Отдѣленіе". На этомъ основаніи въ концѣ учрежденія Правительствующаго Сената надлежало присовокупить въ примѣчаніи: „Всѣ распоряженія и правила, относящіяся до порядка производства дѣлъ по канцеляріямъ Сената и приведенныя въ дѣйствіе безъ Высочайшихъ повелѣній ордерами генералъ-прокуроровъ или предложеніями Министровъ Юстиціи, могутъ быть измѣняемы по усмотрѣнію Министра Юстиціи. Но о всякомъ такомъ измѣненіи, или новомъ распорядкѣ, сообщается по принадлежности, для помѣщенія онаго въ продолженіи Свода законовъ" [1]).

Воспроизводя въ такой подробности сужденія по настоящему вопросу различныхъ учрежденій, мы имѣли въ виду не только отмѣтить, какъ, подъ вліяніемъ разноправнаго характера постановленій, вошедшихъ въ Сводъ и объявленныхъ въ немъ имѣющими одинаково силу закона, впослѣдствіи пришлось установить то или иное изъятіе и этимъ отнять у нѣкоторыхъ частей Свода свойства закона, но и представить примѣръ тому, что, если у того или иного вѣдомства (въ данномъ случаѣ—въ первыхъ объясненіяхъ Второго Отдѣленія) замѣчалось забвеніе той силы, которая была присвоена Своду манифестомъ 1833 года, то другія установленія напоминали ему объ этомъ, и дѣло получало правильный оборотъ. Примѣры тому же встрѣчаются и въ дальнѣйшей исторіи повѣрки Свода.

Всѣ измѣненія и поясненія, установленныя какъ въ отдѣльныхъ Высочайше утвержденныхъ 4 іюня 1836 г. мнѣніяхъ Государ-

---

[1]) Постановленіе это было включено въ Сводъ не въ концѣ учрежденія Сената, какъ указывалось въ журналѣ Департамента Законовъ, а въ болѣе соотвѣтствующемъ мѣстѣ (ст. 506, прим. по прод. 1836 г.)—среди правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ канцеляріи; при этомъ конецъ примѣчанія къ ст. 548, на которое ссылалось въ своихъ объясненіяхъ Второе Отдѣленіе въ опроверженіе необходимости такого дополненія, оставленъ былъ безъ измѣненія. Не претерпѣвъ никакой перемѣны въ изданіяхъ 1842 и 1857 гг. (учр. Сенат., ст. 277, прим.), установленное въ 1836 году правило существенно измѣнилось въ своемъ содержаніи въ учрежденіи Сената 1886 г. (ст. 297), когда, въ зависимости отъ устраненія изъ сенатскаго учрежденія, въ силу узаконенія 5 ноября 1885 г. о переработкѣ Свода, постановленій инструкціоннаго характера, оно обратилось въ полномочіе Министра Юстиціи издавать *„въ развитіе узаконеній"* правила внутренняго дѣлопроизводства и установлять порядокъ внутренняго устройства въ канцеляріяхъ Сената (всепод. докл. 4 іюня 1886 г. Главноупр. Кодиф. Отд.), см. ст. 300 изд. 1915 г.

ственнаго Совѣта, такъ и въ общемъ, препровожденномъ къ исполненію во Второе Отдѣленіе, журналѣ Департамента Законовъ, тогда же удостоенномъ Высочайшаго утвержденія, подлежали бы, по датѣ утвержденія, включенію въ Сводъ только по продолженію *за 1836 годъ*, но были, конечно, включены въ ближайшее продолженіе съ узаконеніями за 1832—1835 годы, вышедшее осенью 1836 года. Увеличившись опять на одинъ томъ противъ предыдущаго, это продолженіе было выполнено вполнѣ по образцу двухтомнаго продолженія за 1832—1834 годы [1]), снабжено такимъ же предисловіемъ и было введено въ дѣйствіе при тѣхъ же совершенно условіяхъ, т. е. безъ именного указа, а простымъ предложеніемъ Министра Юстиціи Сенату [2]), со ссылкою на прецедентъ предыдущаго года. Предложеніе Дашкова гласило: „По Высочайшему повелѣнію, въ прошедшемъ году, г. дѣйствительный тайный совѣтникъ Сперанскій препроводилъ ко мнѣ для внесенія въ Правительствующій Сенатъ экземпляръ Собранія Законовъ и продолженія Свода на 1834 годъ, которые и внесены были въ Правительствующій Сенатъ; нынѣ же доставлены отъ него таковые экземпляры на 1835 годъ. Препровождая у сего означенные экземпляры, я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе". Въ приведенномъ предложеніи нѣтъ даже указанія на какое-либо по этому предмету Высочайшее волеизъявленіе, потому что ссылка на Высочайшее повелѣніе въ началѣ предложенія относится не къ продолженію 1835-го, а къ изданіямъ Полнаго Собранія и продолженія за 1834 годъ. Возможно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простымъ несовершенствомъ препроводительной бумаги или съ неполнотою сообщаемыхъ въ ней свѣдѣній. Не исключена, однако, возможность и того, что въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, Сперанскимъ не испрошено было никакого особаго повелѣнія,—въ томъ соображеніи, что вышедшее въ 1836 году продолженіе не требовало Высочайшаго согласія, такъ какъ новыя исправленія, имъ вносимыя въ текстъ 1832 года, имѣли за собою либо Высочайше утвержденный текстъ по мнѣнію Государственнаго Совѣта, либо были внесены на основаніи полномочій, предоставленныхъ узаконеніемъ 20 января 1836 г. Матеріалъ же, включенный въ

---

[1]) Но безъ воспроизведенія отдѣла опечатокъ, ставшаго ненужнымъ вслѣдствіе исправленія ихъ въ третьемъ тисненіи Свода.

[2]) Отъ 23 октября 1836 г. № 11598—дѣло регистратуры I Общ. Собр. Сен. 1835 г. № 44 (въ Сенатскомъ Архивѣ).

продолженіе на основаніи новѣйшихъ узаконеній, черпалъ свою силу, конечно, не въ обстоятельствѣ внесенія его въ Сводъ законовъ, а въ силѣ тѣхъ самыхъ узаконеній или указовъ, въ видѣ которыхъ онъ былъ изданъ и обнародованъ.

Вѣроятность приведеннаго предположенія усиливается, если принять въ соображеніе, что послѣдующія два продолженія, вышедшія въ 1837 и 1838 годахъ, не только не сопровождались никакимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, но даже, повидимому, и совсѣмъ не сообщались Сенату. Мы рѣшаемся высказать это,—сознаемъ,—мало правдоподобное предположеніе главнѣйше на томъ основаніи, что, не найдя слѣдовъ какихъ-либо сношеній по поводу этихъ продолженій въ дѣлахъ и матеріалахъ Второго Отдѣленія, мы не разыскали и въ Сенатскомъ архивѣ чего-либо подобнаго тому, что нашлось въ немъ для предыдущихъ продолженій. Имѣются однако и противорѣчивыя сему, весьма вѣскія, указанія, хотя всѣ они сводятся, повидимому, къ одному и тому же источнику. А именно, въ оффиціальныхъ справочныхъ матеріалахъ, приложенныхъ къ представленію въ Государственный Совѣтъ Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ о планѣ трудовъ по разработкѣ Свода законовъ [1]), указано, что „первое продолженіе Свода 1832 года издано было при указѣ Сенату, за Высочайшимъ подписаніемъ, но всѣ послѣдующія были вносимы въ Сенатъ чрезъ Министра Юстиціи при объявляемыхъ (отъ Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ) Высочайшихъ повелѣніяхъ о введеніи ихъ въ дѣйствіе, кромѣ лишь продолженія за 1839 годъ, которое предложено къ исполненію снова при подписномъ Высочайшемъ указѣ“. Такое же указаніе сдѣлано въ авторитетномъ трудѣ Н. Н. Корево [2]). Повидимому, въ основѣ и того и другого указанія лежатъ свѣдѣнія, помѣщенныя во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Блудова 16 марта 1844 г. [3]), которымъ нельзя не придавать полной вѣры, ибо они исходили отъ непосредственныхъ участниковъ трудовъ по составленію этихъ продолженій. Тѣмъ не менѣе приведенное въ кавычкахъ указаніе не исключаетъ и нашей догадки, потому что оба продолженія за 1836 и за 1837 годы не считались Вторымъ Отдѣленіемъ за самостоятельныя продолженія. Въ противоположность второму и третьему про-

[1]) Предст. 15 февр. 1885 г. № 97.

[2]) Объ изданіяхъ законовъ Россійской Имперіи, 1830—1899. Изд. 1900 г., стр. 7 и 8.

[3]) Собраніе всеподд. докладовъ по Второму Отдѣленію, т. V, № 22.

долженіямъ, съ выходомъ которыхъ утрачивало силу предыдущее продолженіе, какъ обнимаемое содержаніемъ новаго продолженія,— продолженія за 1836 и за 1837 годы содержали узаконенія только за эти именно два года и потому являлись лишь дополненіями къ продолженію за 1832—1835 годы. По установившимся въ болѣе позднее время наименованіямъ они были бы *очередными* продолженіями, въ противоположность продолженію *сводному* за 1832—1835 годы, обнимавшему всѣ узаконенія, внесенныя въ прежнія продолженія. Будучи впервые допущены во избѣжаніе издержекъ на перепечатку обширнаго, въ трехъ частяхъ, третьяго своднаго продолженія, вышедшее въ 1837 году продолженіе съ узаконеніями за 1836 годъ названо было четвертою *частью*, а выпущенное годомъ позже продолженіе съ узаконеніями за 1837 годъ—пятою *частью* продолженія. Такимъ образомъ третье, четвертое и пятое продолженія оказались объединенными подъ однимъ заглавіемъ и, являясь какъ бы отдѣльными выпусками одного пятитомнаго продолженія (которое поэтому имѣло непрерывное черезъ всѣ части счисленіе страницъ 1—5150), могли подчиняться общему для всѣхъ нихъ акту приведенія въ дѣйствіе, которымъ сопровождалось изданіе продолженія за 1832—1835 годы. При этихъ особенностяхъ четвертаго и пятаго продолженій высказанное нами предположеніе о невнесеніи ихъ въ Сенатъ вполнѣ примиримо съ указаніемъ историческихъ матеріаловъ о томъ, что всѣ послѣдующія за первымъ продолженія вводились въ дѣйствіе объявляемыми Высочайшими повелѣніями.

И то, и другое изъ очередныхъ продолженій, судя по перепискѣ того времени между вѣдомствами и Вторымъ Отдѣленіемъ, а также и по подвергшимся перепечаткѣ статьямъ, безъ ссылки на новыя узаконенія 1836 и 1837 годовъ, должны содержать рядъ исправленій, произведенныхъ по соглашенію съ Комитетомъ, при Министерствѣ Юстиціи учрежденнымъ, а также и съ нѣкоторыми другими вѣдомствами. А второе изъ этихъ продолженій—съ узаконеніями за 1837 годъ—обняло и тѣ законодательнаго свойства исправленія, которыя, формально относясь къ 1838 году (дата Высочайшаго ихъ утвержденія—16 февраля 1838 г.), явились слѣдствіемъ второго въ Государственный Совѣтъ представленія Министра Юстиціи отъ 13 мая 1837 г. о замѣчаніяхъ на статьи Свода, по которымъ не было достигнуто соглашенія [1]).

---

[1]) Дѣло Деп. Зак. 1838 г. № 6 (по арх. № 1419).

Всѣхъ таких замѣчаній было 31, и относились они: 1 до тома I, 4 до тома II, 1 до устава монетнаго (т. VII), 9 до законовъ гражданскихъ, 1 до законовъ межевыхъ (т. X), и 15 до законовъ уголовныхъ (т. XV). По каждому изъ замѣчаній была составлена, какъ и въ первомъ подобномъ представленіи 1835 года, особая записка, и, какъ и тогда, записки эти сообщены были на предварительное разсмотрѣніе Второго Отдѣленія. Въ результатѣ сего осталось только 8 спорныхъ вопросовъ, требовавшихъ рѣшенія Государственнаго Совѣта, такъ какъ по остальнымъ Второе Отдѣленіе приняло сдѣланныя замѣчанія. Этими 8 статьями и ограничился въ своемъ разсмотрѣніи Департаментъ Законовъ, отступивъ въ этомъ отношеніи отъ порядка, принятаго имъ въ 1836 году, когда онъ нашелъ нужнымъ высказать свое заключеніе и по тѣмъ вопросамъ, относительно которыхъ Второе Отдѣленіе изъявило готовность принять замѣчанія Комитета. Въ качествѣ мотива сему въ журналѣ Департамента [1]) указано только, что Второе Отдѣленіе приняло большую часть предложенныхъ Комитетомъ измѣненій, какъ не требовавшихъ особаго разрѣшенія, а относившихся лишь къ редакціи, и что оно помѣститъ надлежащія статьи въ новомъ ихъ изложеніи въ слѣдующемъ продолженіи Свода; остальныя же 8 статей, по которымъ Второе Отдѣленіе не согласилось съ предположеніями Комитета, „по существу ихъ“ требуютъ разрѣшенія въ порядкѣ, предписанномъ Высочайше утвержденными 16 марта 1833 и 20 января 1836 г. правилами для негласной повѣрки Свода. Судя по этой выпискѣ, дѣло свелось къ выдѣленію со стороны Второго Отдѣленія, изъ числа прочихъ, такихъ вопросовъ, которые являлись по существу своему настолько важными, что рѣшеніе ихъ внѣ законодательнаго порядка казалось недопустимымъ. Если Государственный Совѣтъ дѣйствительно руководился этимъ соображеніемъ, то здѣсь мы видимъ отраженіе той же мысли, которая побудила въ 1836 году, при разсмотрѣніи перваго представленія Дашкова, признать одни заключенія Государственнаго Совѣта подлежащими отдѣльному Высочайшему утвержденію и обнародованію, а другія—непосредственному исполненію со стороны Второго Отдѣленія внѣ этихъ условій. Вообще же, надо сказать, порядокъ разрѣшенія второго представленія Дашкова представляетъ, кромѣ уже отмѣченнаго выше, еще нѣсколько различій отъ пріемовъ 1836 года.

---

[1]) Засѣданія 12 ноября 1837 и 15 янв. 1838 г. (Журн. Деп. Зак. 1838 г., ч. 1, л. 106—136).

Разобравъ, въ связи съ дополнительными поясненіями Втораго Отдѣленія, остававшіяся спорными по существу 8 статей (1 по уставу монетному, 4 по законамъ гражданскимъ, 1 по законамъ межевымъ и 2 по законамъ уголовнымъ), Департаментъ Законовъ въ половинѣ изъ этихъ случаевъ примкнулъ къ мнѣнію Втораго Отдѣленія, оставляя подлежащія статьи Свода безъ измѣненія. Такое заключеніе не всегда однако вытекало изъ формальной правильности статьи. Такъ, относительно статьи 1737 тома X, Департаментъ находилъ „замѣчаніе Комитета, въ отношеніи къ вопросу о точности, совершенно справедливымъ, ибо правила, постановленныя для коммерческаго судопроизводства, безъ особаго разрѣшенія нельзя распространять на судопроизводство общее", но тѣмъ не менѣе, по соображеніямъ существа, призналъ необходимымъ сохранить правило, вошедшее уже въ сводъ гражданскаго судопроизводства. Засимъ, въ одномъ случаѣ, гдѣ дѣло касалось примѣненія земской давности къ дѣйствіямъ, совершеннымъ за границею, Департаментъ не согласился ни съ Комитетомъ, ни со Вторымъ Отдѣленіемъ, а предоставилъ Министру Юстиціи присоединить настоящій вопросъ къ производящимся уже въ вѣдомствѣ общимъ соображеніямъ о порядкѣ примѣненія къ различнымъ дѣламъ законовъ о давности. Всего осталось, такимъ образомъ, 3 случая, по которымъ замѣчанія Комитета признаны были основательными и статьи Свода требующими поясненія или исправленія. Случаи эти касались: 1) дополненія межевыхъ законовъ (ст. 337—341) содержавшимся въ ст. 96 инструкціи землемѣрамъ 1766 года правиломъ о межеваніи въѣзжихъ лѣсовъ; 2) мѣры наказанія тюремныхъ чиновниковъ и стражи за побѣгъ преступниковъ (зак. угол., ст. 253) и 3) порядка рѣшенія дѣла въ случаѣ смерти лица, долженствовавшаго дать по оному очистительную присягу (т. XV, ст. 1058—1061).

Проектированныя Департаментомъ заключенія сообщены были предварительно Министру Юстиціи, который, вообще согласившись съ этими заключеніями, сдѣлалъ однако нѣсколько оговорокъ [1]). Это заставило Департаментъ вернуться къ обсужденію двухъ имъ уже разрѣшенныхъ вопросовъ, но не помѣшало ему остаться при прежнемъ рѣшеніи какъ по отложенному вопросу о давности, такъ и по оставленной безъ измѣненія статьѣ устава монетнаго отно-

[1]) Записка 15 декабря 1837 г. въ дѣлѣ Деп. Зак. 1838 г. № 6, л. 79, 80.

сительно отвѣтственности за поддѣлку монеты. Общее Собраніе [1], согласившись вообще съ заключеніями Департамента, стало на его сторону, въ частности, и въ вопросѣ о сохраненіи одинаковой, за поддѣлку русской и иностранной монеты, отвѣтственности, въ отрицаніи которой упорствовалъ Дашковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Общее Собраніе признало необходимымъ поднести къ Высочайшей конфирмаціи о тѣхъ только статьяхъ, по которымъ предположены были измѣненія и дополненія въ Сводѣ законовъ. Такимъ образомъ, хотя Государственный Совѣтъ и считалъ настоящее дѣло, какъ это прямо выражено во вступительной части журнала Департамента, продолженіемъ разсмотрѣнныхъ и разрѣшенныхъ уже 4 іюня 1836 г. замѣчаній на Сводъ (и потому, вѣроятно,—слѣдуя примѣру представленія Министра Юстиціи,—ссылался, какъ мы видѣли выше, на правила негласной повѣрки не только 20 января 1836 г., но и 16 марта 1833 г.), онъ отступилъ отъ пріема 1836 года въ томъ отношеніи, что изданіе особаго, подлежащаго обнародованію, узаконенія имъ установлено было только для случаевъ измѣненія или дополненія спорныхъ статей Свода. Посему, Высочайше утвержденныя 16 февраля 1838 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта [2], начинаясь, какъ и положенія 4 іюня 1836 г., съ вступленія: „по возникшему сомнѣнію о пополненіи Свода“ или „по возникшему сомнѣнію о точномъ смыслѣ постановленія, на коемъ основана такая-то статья Свода“, не содержатъ ни одного, подобнаго узаконеніямъ 4 іюня 1836 г., указанія на сохраненіе какой либо статьи Свода въ ея существующемъ изложеніи. На томъ же главнѣйше основаніи ни въ одномъ изъ трехъ узаконеній нѣтъ упоминанія о срокѣ, съ котораго внесенныя ими исправленія считаются воспринявшими свое дѣйствіе. Возможно, впрочемъ, что вопросъ этотъ не имѣлъ существеннаго значенія по характеру тѣхъ постановленій, которыхъ касались самыя исправленія, и что здѣсь поэтому примѣнимо было общее правило о моментѣ воспріятія измѣненнымъ постановленіемъ своей силы со времени обнародованія. Что однако моментъ обратнаго дѣйствія не оставляемъ былъ безъ всякаго соображенія при производствѣ настоящаго дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ, видно изъ тѣхъ дополнительныхъ сужденій, которыя пришлось имѣть Департаменту Законовъ по поводу возраженій, поступившихъ на его

---

[1]) Въ засѣданіи 24 января 1838 г.

[2]) П. С. З., № 10980—10982.

журналъ относительно фальшивомонетчиковъ со стороны Министра Юстиціи.

Дѣло касалось статей 183 устава монетнаго и 536 законовъ уголовныхъ, въ которыхъ установлялась одинаковая отвѣтственность за поддѣлку какъ русской, такъ и иностранной монеты. Комитетъ находилъ, что въ узаконеніяхъ до 1832 года не упоминалось о поддѣлкѣ иностранной монеты вообще, а подведенный въ цитатахъ этихъ статей указъ Правительствующаго Сената отъ 10 мая 1832 года, хотя и говоритъ о преданіи суду по законамъ дѣлателей и переводителей фальшивой монеты иностраннаго чекана, не заключаетъ однако указанія, чтобы въ этомъ случаѣ полагалось возмездіе равное тому, которое положено за поддѣлку монеты ходячей. Поддѣлка иностранной монеты, въ обращеніи не состоящей, въ намѣреніи даже выдать ее за дѣйствительную, составляетъ, по разсужденіямъ комитета, простой частный обманъ, ибо не влечетъ за собою столь важныхъ послѣдствій для государства; только поддѣлка иностранныхъ червонцевъ можетъ быть приравнена по наказанію къ поддѣлкѣ русской монеты. Второе же Отдѣленіе отстаивало ту точку зрѣнія, что Сенатъ, повелѣвъ виновныхъ въ поддѣлкѣ иностранныхъ монетъ отсылать куда слѣдуетъ для сужденія по законамъ, не могъ разумѣть подъ сими законами другихъ, кромѣ приведенныхъ въ дѣлѣ,—а иныхъ законныхъ по сему предмету постановленій, кромѣ § 32 положенія 24 іюля 1829 г. о преступленіяхъ по добыванію золота, не имѣется. Къ этому Второе Отдѣленіе, въ своихъ объясненіяхъ передъ Департаментомъ Законовъ, добавляло, что вредъ отъ поддѣлки иностранной монеты, которая обращается нынѣ во множествѣ, столь же чувствителенъ для общества, какъ и поддѣлка россійской монеты. Департаментъ отнесся къ этому спору также съ точки зрѣнія цѣлесообразности. Хотя онъ и согласился, что разсматриваемый вопросъ постановленіями, существовавшими до изданія Свода, дѣйствительно не разрѣшался и это могло бы даже дать поводъ къ заключенію, что карательные законы не распространяются на поддѣлку частной монеты каждаго иностраннаго государства, тѣмъ не менѣе, разсматривая возникшій вопросъ, какъ предметъ законодательный вообще, Департаментъ долженъ былъ признать, что имѣвшіяся имъ въ виду „уваженія, и при новомъ по сему предмету соображеніи, привели бы къ изданію закона въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ изложенъ уже въ Сводѣ“, и потому рѣшилъ оставить обѣ статьи безъ перемѣны. Дашковъ, прочитавъ проектъ

журнала, нашелъ, что дѣлаемое по симъ статьямъ, въ видѣ новаго закона, распространеніе строгости наказанія за поддѣлку россійской монеты на поддѣлку монеты иностранной не должно имѣть обратнаго дѣйствія, ибо сіе было бы противно статьѣ 60 осн. зак. Кромѣ того, продолжая доказывать различную степень вреда отъ той и другой поддѣлки и указывая на нежелательность умноженія случаевъ наказанія кнутомъ и каторжными работами, Дашковъ предлагалъ примѣнить къ виновнымъ въ поддѣлкѣ иностранной монеты только высшую степень наказанія, положеннаго за частный подлогъ. Вернувшись поэтому, въ засѣданіи 15 января 1838 г., вновь къ разрѣшенному уже имъ вопросу, Департаментъ призналъ все-таки справедливымъ не мѣнять своего заключенія. Онъ отвергъ указаніе Министра Юстиціи, что распространеніе строгости наказанія дѣлается „въ видѣ новаго закона", ибо законъ, опредѣляющій одинаковое наказаніе въ томъ и другомъ случаѣ, уже изложенъ въ двухъ мѣстахъ Свода, и обсуждавшійся и рѣшенный вопросъ заключался лишь въ томъ, не слѣдуетъ ли перемѣнить статьи сіи исключеніемъ изъ нихъ упоминанія о монетѣ иностранной. Что же касается возбуждаемаго Министромъ Юстиціи вопроса относительно обратнаго дѣйствія, то никакого обратнаго дѣйствія здѣсь и быть не можетъ: „ибо, допуская даже, что существовавшія до Свода постановленія не разрѣшали вполнѣ вопроса о наказаніи за поддѣлку иностранной монеты, по крайней мѣрѣ со дня изданія Свода правило сіе 4 года уже дѣйствовало и, можетъ быть, въ теченіе сего времени многіе приговоры на основаніи онаго постановлены и исполнены". Наконецъ, по вопросу о пониженіи наказуемости поддѣлки иностранной монеты Департаментъ, не входя вновь въ юридическій разборъ этого предположенія, „предаетъ только—какъ сказано въ журналѣ—уваженію Государственнаго Совѣта: сколь неблаговидно было бы законъ, такъ тѣсно связанный съ народнымъ правомъ и, можетъ быть, читанный многими въ Европѣ, перемѣнять безъ всякой другой причины, кромѣ той, что покушеніе на подрывъ монетнаго права иностранной державы мы почитаемъ виною менѣе важною, нежели подобное покушеніе противъ насъ самихъ". Послѣдній, засимъ, гуманный доводъ Дашкова — о нежелательности умножать число случаевъ тяжкой казни кнутомъ и каторжной работой — составитель журнала искусно обезцѣниваетъ указаніемъ, что „вопросъ здѣсь не объ умноженіи вновь числа сихъ случаевъ, а объ отмѣнѣ казни сего рода за такое преступленіе, въ которомъ существующій

законъ ее уже опредѣлилъ". Для Общаго Собранія рѣшающими оказались не столько ссылки на Европу, сколько сохраненіе въ силѣ существующаго закона. Резолюція его гласитъ: „не входя въ разсмотрѣніе собственно о томъ, равнымъ ли преступленіемъ слѣдуетъ считать поддѣлку иностранной и поддѣлку нашей монеты, какъ вопросъ, подлежащій многимъ соображеніямъ и теперь, по свойству дѣла, не требующій разрѣшенія, Государственный Совѣтъ соглашается, что въ настоящее время, когда употребленіе иностранной монеты въ Имперіи столько распространилось, неудобно было бы приступить, безъ всякаго практическаго указанія необходимости, къ перемѣнѣ вошедшихъ по сему предмету въ Сводъ законовъ постановленій, и потому, согласно съ Департаментомъ Законовъ, полагаетъ: оставить оныя въ силѣ, какъ дѣйствующій уже четыре года законъ".

Приводя настоящій случай въ качествѣ иллюстраціи, почему при разборѣ спорныхъ статей въ 1838 году отпалъ вопросъ объ обратномъ дѣйствіи, столь сильно отразившійся на заключеніяхъ Государственнаго Совѣта въ 1836 году, мы не могли устоять передъ искушеніемъ привести и тѣ подробности, которыя шли далѣе этого частнаго вопроса. Онѣ казались намъ подходящими, чтобы освѣтить работу редакторовъ перваго Свода и неизбѣжность присвоенія результату этой работы, поневолѣ требовавшей обобщеній и выводовъ, силы текста закона. Въ то же время приведенныя сужденія законодателя 1838 года по этому дѣлу подчеркиваютъ отношеніе и его самого къ этому тексту, какъ къ закону: хотя — иногда прямо, иногда только между строками — признавая формальную правильность предъявленнаго комитетомъ замѣчанія къ тексту Свода, Государственный Совѣтъ всячески искалъ возможности отдать предпочтеніе этому тексту, — именно потому, что онъ являлся уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ самимъ закономъ.

Описанное представленіе Министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ былъ вторымъ и въ то же время послѣднимъ за все время негласной повѣрки Свода. Повѣрка эта, ничѣмъ не отличаясь въ существѣ, юридически, однако, распадалась, какъ мы видѣли выше, собственно на двѣ стадіи: на ревизію въ порядкѣ правилъ 16 марта 1833 г. и на исправленіе Свода на основаніи узаконенія 20 января 1836 г. При дѣйствіи первыхъ правилъ

возможны были представленія въ Государственный Совѣтъ и со стороны нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствъ, призванныхъ къ участію въ повѣркѣ Свода по производству дѣлъ. Случаевъ для такого чрезвычайнаго порядка исправленія Свода, однако, не представилось, такъ какъ и вѣдомства, и Второе Отдѣленіе, какъ объ этомъ можно судить по свойству переписки, происходившей между Министерствомъ Финансовъ (по департаменту государственныхъ имуществъ) и Вторымъ Отдѣленіемъ въ концѣ 1834 и первой половинѣ 1835 годовъ, избѣгали доводить свои разномыслія до высшей инстанціи [1]). Къ тому же и вопросы, которые могли быть возбуждаемы финансовымъ вѣдомствомъ или Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ или Главнымъ Управленіемъ путей сообщеній и публичныхъ зданій, вращались въ сферѣ не тѣхъ постановленій Свода, какія уже и въ то время принято было относить къ законамъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. не касались законовъ гражданскихъ, уголовныхъ и органическихъ [2]), составлявшихъ уже со времени повѣрочныхъ работъ надъ первоначальными сводами Второго Отдѣленія область вѣдѣнія комитета,

---

[1]) Когда выяснилось, что въ первое продолженіе внесены были не всѣ измѣненія, предложенныя департаментомъ государственныхъ имуществъ, онъ сообщилъ Второму Отдѣленію дальнѣйшія соображенія въ подкрѣпленіе оставшихся неисполненными замѣчаній, настаивая на принятіи ихъ „во избѣжаніе дальнѣйшихъ представленій“. Департаментъ, дѣйствительно, добился своего: Балугьянскій (отнош. 14 іюня 1835 г. № 298) отвѣтилъ, что замѣчанія нынѣ всѣ приняты и что исправленія по онымъ будутъ сдѣланы въ слѣдующемъ продолженіи за 1834 годъ. Въ другомъ, однако, случаѣ, годомъ позже, когда гр. Канкринъ настаивалъ на включеніи въ ст. 770 тома VII одного слова „бывшихъ“ и предупреждалъ Балугьянскаго, что, если II Отдѣленіе признаетъ это невозможнымъ, онъ, Министръ Финансовъ, долженъ будетъ войти по сему предмету съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ (отнош. 30 іюня 1836 г. № 2164), Балугьянскій съ достоинствомъ отвѣчалъ, что онъ считаетъ себя не въ правѣ сдѣлать указанное добавленіе, ибо II Отдѣленіе „обязано ограничиваться единственно изложеніемъ существующихъ законовъ и не можетъ дѣлать само собою въ оныхъ никакихъ измѣненій“, и потому ожидаетъ соотвѣтствующаго по сему предмету представленія со стороны гр. Канкрина въ Госуд. Совѣтъ (отнош. 10 іюля 1836 г. № 272). Кажется, что Министерство Финан- далѣе не настаивало.

[2]) Такой перечень мы встрѣтили во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Блудова 18 марта 1843 г. № 20 (о порядкѣ составленія и изданія продолженій Свода). Подлежащее его мѣсто гласитъ: „Сводъ законовъ заключаетъ въ себѣ много постановленій чисто административныхъ и, слѣдовательно, подлежащихъ измѣненію гораздо чаще законовъ, собственно такъ называемыхъ, то есть гражданскихъ, уголовныхъ или органическихъ“.

учрежденнаго при Министерствѣ Юстиціи. Въ правилахъ 20 января 1836 г. участія другихъ, кромѣ сего послѣдняго, центральныхъ вѣдомствъ не было предусмотрѣно. Поэтому и какихъ-либо, по возникшимъ разногласіямъ, представленій въ Государственный Совѣтъ съ этой стороны едва-ли можно было ожидать [1]). Тѣ же правила за то предусмотрѣли (ст. 2) участіе Государственнаго Совѣта въ вопросѣ исправленія Свода и помимо разногласія между Министерствомъ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ, а именно въ тѣхъ случаяхъ, когда по свойству дѣла необходимо „неукоснительное разрѣшеніе", т. е. не выжидая выхода слѣдующаго продолженія, въ которое могло быть включено предложенное Министерствомъ и принятое Отдѣленіемъ исправленіе. Предусмотрительность эта оказалась, однако, излишней, такъ какъ ни одного подобнаго представленія, за все время дѣйствія правилъ 20 января 1836 г., внесено, повидимому, не было. Это доказываетъ либо то, что подобныхъ, такъ сказать, острыхъ случаевъ на практикѣ не возникало, либо что вообще число обнаружившихся въ Сводѣ 1832 года ошибокъ и неточностей къ этому времени сильно сократилось. И, дѣйствительно, многое говоритъ за это послѣднее предположеніе.

Сколько можно прослѣдить по матеріаламъ какъ Второго Отдѣленія, такъ и комитета, при Министерствѣ Юстиціи учрежденнаго, послѣдняя групповая посылка замѣчаній съ его стороны (въ количествѣ 55) послѣдовала 23 мая 1837 г., а объясненія на эти замѣчанія даны были Вторымъ Отдѣленіемъ 12 іюня того же года [2]). Количество поступавшихъ изъ провинціи, отъ губернскихъ прокуроровъ и отъ оберъ-прокуроровъ Сената рапортовъ Министру Юстиціи съ замѣчаніями было въ это время весьма незначительно, всего по нѣсколько въ годъ, и засѣданія комитета происходили не въ опредѣленное, какъ прежде, время, а только

---

[1]) Ср., впрочемъ, упомянутый на предыдущей страницѣ, въ выноскѣ 1 случай, служившій предметомъ переписки въ 1836 году между гр. Канкринымъ и Балугьянскимъ.

[2]) Иногда посылались и единичныя замѣчанія. Такъ, всего за недѣлю до послѣдней групповой отсылки, Дашковъ писалъ Сперанскому (отнош. 15 мая 1837 г. № 5748) относительно статьи 69 устава госуд. благоустройства, уже подвергшейся исправленію въ первомъ продолженіи. Возможно, что это былъ одинъ изъ случаевъ, дошедшихъ до Министерства Юстиціи отъ посторонняго вѣдомства, т. е. не подвергавшійся обсужденію въ порядкѣ, установленномъ правилами 20 января 1836 г., хотя, надо сказать, именно въ этомъ случаѣ запросъ былъ обоснованъ прямою ссылкою на мнѣніе Государственнаго Совѣта этой даты.

по мѣрѣ накопленія замѣчаній [1]). Такимъ образомъ дѣятельность комитета постепенно сокращалась, несмотря на то, что онъ сталъ принимать къ своему разсмотрѣнію и такіе вопросы, которые касались не основного изданія Свода, а продолженій къ нему. Послѣднее не входило въ прямую задачу комитета, но явилось естественнымъ послѣдствіемъ какъ того обстоятельства, что затрогиваемыя тѣмъ или инымъ замѣчаніемъ статьи Свода 1832 г. успѣли, по какимъ либо инымъ основаніямъ, измѣниться въ продолженіяхъ, такъ и потому, что нерѣдко поступали замѣчанія о пропускѣ въ продолженіи какого-либо узаконенія, состоявшагося послѣ 1 января 1832 г., а также указанія и на иныя неточности въ продолженіяхъ [2]).

Съ другой, однако, стороны, не одинъ только комитетъ давалъ матеріалъ для исправленія Свода. Изъ сохранившагося по Второму Отдѣленію обширнаго дѣла № 1127 по повѣркѣ Свода видно, что начавшееся съ конца 1833 года доставленіе замѣчаній отъ разныхъ департаментовъ не прекратилось къ 1835 году и продолжалось и по изданіи правилъ 20 января 1836 года. Конечно, въ этотъ второй періодъ, то не были уже замѣчанія въ томъ смыслѣ, какъ они требовались правилами негласной ревизіи [3]). Здѣсь большею частью только обращалось вниманіе Второго Отдѣленія на тотъ или другой обнаружившійся на дѣлѣ пробѣлъ въ Сводѣ или неточное въ немъ изложеніе или указывалось на возникшее по Своду сомнѣніе, съ просьбою отвѣта на недоумѣнный вопросъ. Второе же Отдѣленіе уже, такъ сказать, отъ себя могло использовать поступившія свѣдѣнія для исправленія Свода.

---

[1]) Намъ не удалось найти собранія журналовъ комитета за второй періодъ его дѣятельности.

[2]) Въ видѣ примѣра можно сослаться на возбужденный въ 1836 году вопросъ о невключеніи въ томъ X состоявшагося 24 янв. 1833 г. Высочайшаго повелѣнія о дозволеніи въ Грузіи принимать въ залогъ незастрахованныя казенныя строенія и виноградные сады и въ 1837 году вопросъ о согласованіи ст. 68 уст. врач. съ Выс. утв. 19 янв. 1832 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта. Попадались и непріятныя опечатки: такъ, въ примѣчаніи къ ст. 266 уст. пром., по прод. 1835 г., было напечатано „въ предѣлахъ Росс. Имперіи“ вмѣсто „внѣ предѣловъ Росс. Имперіи“.

[3]) Разница эта нашла себѣ, между прочимъ, внѣшнее выраженіе въ томъ, что замѣчанія, поступавшія до 1835 г., размѣщены въ дѣлахъ Второго Отдѣленія въ особыхъ тетрадяхъ по вѣдомствамъ, тогда какъ позднѣйшія замѣчанія сгруппированы, независимо отъ того, кѣмъ они заявлены, по отдѣльнымъ томамъ или уставамъ Свода.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчанія вѣдомствъ направлялись, повидимому, сначала въ Министерство Юстиціи,—судя по тому, что комитетомъ возбуждались иногда вопросы, съ дѣятельностью сего Министерства совсѣмъ не связанные. Не беремся утверждать съ полною увѣренностью это обстоятельство, но оно находило бы себѣ извѣстное объясненіе въ томъ, что съ 1836 года, собственно, только Министерство Юстиціи было уполномочено на предъявленіе замѣчаній. Наибольшая, однако, часть возникшихъ по вѣдомствамъ вопросовъ сообщалась во Второе Отдѣленіе непосредственно, и не только со стороны тѣхъ трехъ вѣдомствъ, которыя участвовали въ негласной повѣркѣ на основаніи правилъ 1833 года, но и многихъ другихъ. Такъ, въ упомянутомъ дѣлѣ встрѣчаются замѣчанія по военному и по духовному вѣдомствамъ, по вѣдомствамъ Императорскаго Двора, Народнаго Просвѣщенія, Иностранныхъ Дѣлъ,—каковыя учрежденія къ дѣлу ревизіи оффиціально никакого отношенія не имѣли. Если Второе Отдѣленіе принимало всѣ эти замѣчанія на тѣхъ же основаніяхъ, какъ отъ комитета при Министерствѣ Юстиціи или какъ, по прежнимъ правиламъ 1833 года, отъ Министерства Финансовъ, Внутреннихъ Дѣлъ или Главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, то, хотя это формально и не могло быть обосновано ссылкою ни на правила 1833, ни, тѣмъ менѣе, на правила 1836 года [1]), едва-ли кому могло прійти въ голову, что здѣсь кто-либо преступаетъ свои полномочія. Не слѣдуетъ забывать, что въ это время весьма часто вѣдомственныя замѣчанія относились уже къ вопросамъ новѣйшаго законодательства, а не того, которое поглощено было трудомъ 1832 года. Второе же Отдѣленіе въ одинаковой степени дорожило всѣми замѣчаніями,—хотя и не забывало, конечно, правовой особенности основного труда, въ сопоставленіи его съ источниками.

Въ составѣ переписки по замѣчаніямъ за этотъ періодъ, распредѣленнымъ по отдѣльнымъ томамъ Свода, найдется не мало данныхъ, которыя обрисовываютъ и характеръ работы составителей Свода, и недочеты продолженій, и, наконецъ, разнообразіе притязаній вѣдомствъ. Если дѣло касалось усмотрѣннаго пропуска въ Сводѣ, Второе Отдѣленіе всегда соглашалось на подлежащее дополненіе, какъ бы старо ни было узаконеніе, не нашедшее себѣ воспроизведенія въ изданіи 1832 года. Такъ, въ 1837 году Ба-

[1]) И, дѣйствительно, намъ не приходилось встрѣтить въ перепискѣ этихъ вѣдомствъ ни одной подобной ссылки.

лугьянскій изъявилъ готовность включить въ предстоящее продолженіе къ тому V указы 1740 и 1764 г.г. (П. С. З., № 8326 и 12126) о награжденіи новокрещенныхъ иновѣрцевъ [1]). Но въ это время продолжали открываться узаконенія и совсѣмъ недавняго времени, напр., конца двадцатыхъ годовъ, которыя не были въ свое время сообщены Второму Отдѣленію и потому не вошли ни въ Сводъ, ни въ Полное Собраніе. Въ этихъ случаяхъ приходилось, на такого рода замѣчанія, прежде всего, просить подлежащее вѣдомство о доставленіи копіи невключенныхъ узаконеній. Нерѣдко, однако, министерства возбуждали и такія ходатайства, удовлетвореніе коихъ представлялось для Второго Отдѣленія невозможнымъ. Такъ, оберъ-прокуроръ Синода гр. Протасовъ поднялъ вопросъ о дополненіи статьи 330 тома II, въ которой опредѣлялись отношенія къ губернскимъ правленіямъ Сената, указаніемъ на право Синода посылать, подобно Сенату, указы губернскимъ правленіямъ, а отъ послѣднихъ получать рапорты и донесенія. Въ подкрѣпленіе своему ходатайству оберъ-прокуроръ ссылался на нѣсколько узаконеній, изъ которыхъ можно было, по его мнѣнію, вывести начало непосредственныхъ сношеній Синода съ губернскими правленіями, и на укоренившійся 100-лѣтній обычай. Балугьянскій въ отвѣтѣ своемъ [2]), не отвергая „должнаго приличія таковаго обычая", отказался, однако, признать юридическую обоснованность доводовъ и такъ, между прочимъ, мотивировалъ невозможность удовлетворенія просьбы: „здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ Свода, по коренному правилу при его составленіи приведенному, нельзя было войти въ толкованіе или дополненіе, не прямо изъ словъ закона проистекающія"; поэтому—продолжалъ онъ—„предполагаемое дополненіе статьи 330 тома II, сколь оно ни сообразно съ существующимъ порядкомъ, не иначе можетъ быть введено въ продолженіе Свода, какъ по силѣ особаго разрѣшенія Верховной власти, въ порядкѣ законодательномъ испроситься долженствующаго". Въ томъ же приблизительно смыслѣ начальникъ Второго

---

[1]) Осуществлять такое включеніе, однако, не пришлось, такъ какъ Министерство Финансовъ предпочло остаться при тѣхъ фискальныхъ льготахъ, которыя указаны были въ Сводѣ, и поэтому вошло съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ объ отмѣнѣ денежнаго и одеждннаго вознагражденій за принятіе крещенія, которыя полагались по указамъ 1740 и 1764 г.г. Высочайшее соизволеніе на это послѣдовало 13 апрѣля 1837 г. (П. С. З., № 10135; ср. 664 прим. уст. подат. по прод. 1837 г.).

[2]) Отношеніе 27 дек. 1837 г. № 494.

Отдѣленія высказался въ другомъ случаѣ относительно нѣсколькихъ статей законовъ гражданскихъ: „Второе Отдѣленіе не можетъ само собою сдѣлать въ сей (425) статьѣ никакой перемѣны; посему я полагаю нужнымъ испросить на таковое пополненіе закона Высочайшее разрѣшеніе..., по полученіи коего оно будетъ введено въ будущее продолженіе"... [1]). Невозможность производить собственною властью какія-либо перемѣны тотъ же Балугьянскій, въ отношеніи статьи 242 зак. гражд., мотивировалъ слѣдующимъ рѣшительнымъ, но едва-ли, въ одной своей части, исторически вѣрнымъ аргументомъ: статья эта „заключаетъ правило, основанное на положительномъ узаконеніи 3 февраля 1827 г., и не подвергалась никакому оспариванію ни въ комитетѣ, существовавшемъ въ министерствѣ для пересмотра свода гражданскихъ законовъ, ниже при окончательномъ разсматриваніи Свода въ Государственномъ Совѣтѣ" [2]). Если бы гр. Кушелевъ-Безбородко (которому предназначался этотъ отвѣтъ) не удовлетворился первою частью доводовъ, то онъ могъ бы противопоставить указаніямъ на комитетъ и, въ особенности, на Государственный Совѣтъ слѣдующія возраженія: негласная ревизія Свода вызвана была, въ сущности, именно тѣмъ обстоятельствомъ, что самъ комитетъ призналъ производившуюся имъ, въ силу Высочайшаго рескрипта кн. Долгорукому, повѣрку проектовъ сводовъ далеко недостаточною; Государственный же Совѣтъ, хотя и санкціонировалъ Сводъ, не входилъ и не могъ входить въ разсмотрѣніе его содержанія,—почему невозможно было и „оспариваніе" отдѣльныхъ статей. Въ другихъ случаяхъ мотивировка была и проще, и правильнѣе, напр.: „статья 620 тома IX... составляетъ, на основаніи манифеста о дѣйствіи Свода, общій законъ, равно замѣняющій какъ показанныя подъ нею два узаконенія 1822 и 1823 г.г., такъ и не показанный болѣе ранній указъ 1801 г." [3]). И Правительствующій Сенатъ такъ же смотрѣлъ на Сводъ 1832 года, т. е. признавалъ текстъ его получившимъ Высочайшее утвержденіе и потому могущимъ подлежать исправленію либо съ Высочайшаго же разрѣшенія, либо въ особо установленномъ для того порядкѣ. Такъ, въ 1839 году, когда потребовалось исправленіе одного изъ постановленій рекрутскаго устава, Сенатское объ этомъ опредѣленіе поднесено было на Высочайшее

---

[1]) Отношеніе 23 сент. 1836 г. № 369.
[2]) Отношеніе 30 сент. 1839 г. № 416.
[3]) Отношеніе 26 авг. 1839 г. № 361.

утвержденіе [1]). А нѣсколько лѣтъ ранѣе, когда Сенатъ, основываясь на текстѣ статьи 115 устава о питейномъ сборѣ, не установлявшей никакого изъятія для Харьковской губерніи въ отношеніи производства винокуренія только помѣщиками, постановилъ опредѣленіе объ упраздненіи въ ней винокуренныхъ заводовъ войсковыхъ обывателей, также было испрошено особое Высочайшее повелѣніе [2]), чтобы оставить производство винокуренія въ этой губерніи за всѣми тѣми, кто понынѣ онымъ правильно пользовался, т. е. прежде всего за войсковыми обывателями, которые по манифесту 1810 г. и другимъ постановленіямъ пользовались правомъ винокуренія наравнѣ съ помѣщиками. Извѣщая Сперанскаго о состоявшемся Высочайшемъ повелѣніи [3]), Министръ Финансовъ гр. Канкринъ отмѣтилъ и сужденія по этому предмету того Высочайше учрежденнаго комитета (для разсмотрѣнія предположеній относительно горячаго вина въ привилегированныхъ губерніяхъ), которому было поручено это дѣло; послѣдній нашелъ, что право, дарованное въ 1810 году войсковымъ обывателямъ, „могло быть отмѣнено не юридическимъ порядкомъ, а особою мѣрою правительства". Нѣсколько своеобразный для даннаго случая терминъ „юридическій порядокъ" скрывалъ за собою совершенно вѣрную мысль о недопустимости утраты правъ вслѣдствіе пропуска закона въ Сводѣ; но тотъ же, несомнѣнно, исходъ получило бы спорное дѣло, если бы съ самаго начала оно было сведено къ исправленію недосмотра въ изданіи 1832 года.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы отмѣтить неизмѣнное во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ отношеніе къ Своду законовъ, какъ къ тексту, Высочайше утвержденному,—вполнѣ согласно съ историческимъ свидѣтельствомъ Балугьянскаго (во всеподданнѣйшемъ докладѣ конца 1839 г. по поводу мѣстныхъ сводовъ), что „31 января 1833 г. Сводъ получилъ въ Общемъ Собраніи Высочайшее утвержденіе". Наиболѣе поздніе изъ выхваченныхъ примѣровъ относятся къ 1839 году. Послѣдними мѣсяцами этого года помѣчено окончаніе всѣхъ тѣхъ упоминавшихся выше дѣлъ, въ которыхъ сосредоточена переписка съ вѣдомствами

---

[1]) См. отношеніе Блудова къ Балугьянскому 21 нояб. 1839 г. № 15461.

[2]) Выс. пов. 12 февр. 1837 г.—см. ст. 115 уст. питейн. по прод. 1836 г. и 1839 г.

[3]) Письмо 13 февр. 1837 г. № 57.

по вопросамъ исправленія Свода [1]). Слѣдовательно, этотъ приблизительно срокъ можно, по вышеозначенному формальному признаку, считать окончаніемъ начавшагося въ 1833 году процесса исправленія Свода. Съ другой стороны, вышеозначенный срокъ можетъ находить себѣ объясненіе и въ томъ, что съ этого, примѣрно, времени, т. е. съ 1840 года, занятія Второго Отдѣленія обращены были отъ составленія продолженій къ составленію н о в а г о и з д а н і я Свода законовъ.

И, дѣйствительно, 1839 годъ является и годомъ изданія послѣдняго продолженія къ Своду 1832 года, и годомъ прекращенія ревизіонной дѣятельности учрежденнаго при Министерствѣ Юстиціи комитета для повѣрки Свода. И тотъ, и другой однако этапъ въ исторіи нашего Свода обусловлены происшедшею въ теченіе 1839 года перемѣною въ составѣ руководителей Второго Отдѣленія.

11 февраля 1839 года скончался графъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій. Никогда не занимая опредѣленной должности по Второму Отдѣленію,—ибо начальникомъ сего Отдѣленія съ самаго его учрежденія и по день своей смерти (въ 1847 году) состоялъ Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій,—не нося и какого-либо званія по возложенной на него Императоромъ Николаемъ задачѣ руководительства въ дѣлѣ, порученномъ Второму Отдѣленію Собственной Его Величества Канцеляріи, Сперанскій былъ не только душою, но и окончательнымъ, какъ бы отвѣтственнымъ редакторомъ всего Свода, ибо именно онъ, какъ свидѣтельствуетъ Балугьянскій [2]), во второй половинѣ 1832 года „перечиталъ и пересмотрѣлъ при начальникѣ Отдѣленія и редакторахъ, составлявшихъ работу, всѣ части Свода, поправилъ слогъ и далъ Своду тотъ видъ, въ какомъ онъ находится". Эту роль Сперанскій сохранилъ, судя по меморіямъ о занятіяхъ Второго Отдѣленія, и въ первые годы составленія продолженій. Впослѣдствіи однако, поглощенный многообразными другими государственными дѣлами, онъ, сколько можно, по крайней мѣрѣ, заключить по перепискѣ Второго Отдѣленія съ вѣдомствами, нѣсколько отошелъ отъ углубленія въ работы Отдѣленія по составленію продолженій, работы,

---

[1]) Хотя, надо сказать, вшитыми въ эти дѣла оказываются иногда и болѣе поздніе бумаги, напр., 1841 года.

[2]) Въ упоминавшемся выше всеподданнѣйшемъ докладѣ конца 1839 г. относительно мѣстныхъ сводовъ.

связанной, какъ мы видѣли, и съ вопросами исправленія Свода. Свидѣтельствомъ тому можетъ служить, напр., одинъ изъ служебныхъ докладовъ Балугьянскаго вскорѣ по вступленіи въ должность преемника Сперанскаго [1]). Въ немъ онъ объяснялъ, что покойному графу имъ, Балугьянскимъ, представлялись предварительно отсылки по назначенію тѣ только отвѣты на замѣчанія министровъ и главноуправляющихъ, которые касались случаевъ сомнительныхъ; въ прочихъ же случахъ, писалъ докладчикъ, „если я соглашался съ сими замѣчаніями, то въ то же время дѣлалъ распоряженія объ исправленіи на основаніи оныхъ подлежащихъ статей Свода, увѣдомляя вмѣстѣ съ тѣмъ о сихъ распоряженіяхъ гг. министровъ и главноуправляющихъ“ [2]). На ту же мысль наводятъ и нѣкоторые недостатки продолженій къ Своду 1832 г., обрисованные Блудовымъ въ одномъ изъ его всеподданнѣйшихъ докладовъ [3]),—недостатки, которые были бы, вѣроятно, избѣгнуты, если бы Сперанскій пожелалъ подвергать такому же разсмотрѣнію проекты продолженій, какъ онъ дѣлалъ это при составленіи самаго Свода. Графъ Блудовъ писалъ: „Въ прежнихъ продолженіяхъ... не было... единства, и каждый редакторъ составлялъ свои статьи безъ сношеній съ другими. Отъ сего, когда постановленія закона новаго относятся къ разнымъ частямъ Свода, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ повторяется весь и буквально въ трехъ или четырехъ разныхъ мѣстахъ продолженія, а въ другихъ, напротивъ, новое измѣняющее нѣсколько разныхъ статей постановленіе помѣщено лишь въ томъ уставѣ, къ которому оно по содержанію своему прямо или наиболѣе относится, безъ указанія на другіе уставы или части Свода“. Чтобы установить надлежащее единство, Блудовъ взялъ на себя общій непосредственный надзоръ, послѣ выпуска изданія 1842 г., также и за составленіемъ продолженій къ нему.

Еще ранѣе преданія землѣ останковъ Сперанскаго послѣдовало уже назначеніе ему преемника. Колебаній въ его выборѣ быть не могло. Личное расположеніе, которымъ пользовался у Государя

---

[1]) Докл. 23 апрѣля 1839 г. № 159.

[2]) Этотъ же порядокъ пожелалъ сохранить и преемникъ Сперанскаго, положивъ слѣдующую резолюцію на докладѣ: „прошу и впредь поступать по тому же прежнему порядку, когда г.г. министры и главноуправляющіе относятся прямо на имя г. начальника Второго Отдѣленія. Я только нахожу нужнымъ для себя имѣть свѣдѣнія о существѣ такихъ сношеній, когда они содержатъ что-нибудь болѣе обыкновеннаго исполненія“.

[3]) Докл. 18 марта 1843 г. № 20.

Д. В. Дашковъ еще ранѣе назначенія Министромъ Юстиціи, а также несомнѣнная его подготовленность стать руководителемъ Второго Отдѣленія какъ въ работахъ надъ Сводомъ, такъ и въ разработкѣ законодательныхъ трудовъ, сдѣлали его естественнымъ преемникомъ Сперанскому не только по Государевой Канцеляріи, но и въ качествѣ предсѣдателя Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ Дашковъ назначенъ былъ одновременно, 14 февраля 1839 г., членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ Департамента, съ увольненіемъ отъ обязанностей Министра Юстиціи и съ вступленіемъ, по особому Высочайшему рескрипту отъ того же числа, въ главное управленіе дѣлами Второго Отдѣленія „на томъ же основаніи, на которомъ управлялъ онымъ покойный дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Сперанскій". Преемникомъ же Дашкова на посту Министра Юстиціи сдѣлался тогда же Д. Н. Блудовъ, которому въ весьма скоромъ времени суждено было смѣнить своего предшественника въ обѣихъ новыхъ его должностяхъ и этимъ какъ-бы напередъ проторить проложенный Дашковымъ путь для Министровъ Юстиціи въ Главноуправляющіе Вторымъ Отдѣленіемъ и въ предсѣдатели Департамента Законовъ.

Значеніе Дашкова въ исторіи Свода законовъ сказалось гораздо болѣе въ прежней его дѣятельности по Министерству Юстиціи, чѣмъ по должности Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ, за кратковременностью состоянія его на этомъ посту. Составленное за время его бытности въ этомъ Отдѣленіи (но вышедшее уже послѣ его смерти, послѣдовавшей 26 ноября 1839 г.) четырехтомное продолженіе 1839 года начато было, повидимому, еще до его вступленія въ должность Главноуправляющаго и едва-ли, даже въ тѣхъ особенностяхъ, которыя отличаютъ его отъ предыдущихъ продолженій, можетъ быть всецѣло приписано личной инціативѣ Дашкова. Планъ же новаго изданія Свода зародился также, повидимому, не при немъ, потому что еще въ сношеніяхъ Второго Отдѣленія съ вѣдомствами послѣднихъ мѣсяцевъ 1839 г. встрѣчаются обѣщанія исправленій по поступившимъ замѣчаніямъ въ *будущемъ* продолженіи, за невозможностью включить ихъ въ заканчиваемое печатаніемъ продолженіе 1839 года [1]). За то Дашковъ, сыгравъ виднѣйшую роль въ разрѣшеніи вопроса о силѣ Свода законовъ, разработавъ и проведя предположенія о

---

[1]) Напр., письма 26 окт., 25 нояб. 1839 г. за № 452, 486.

негласной его повѣркѣ, настоявъ и неуклонно слѣдя за исправленіемъ введеннаго въ дѣйствіе Свода соотвѣтственно дѣйствительному содержанію законодательства, успѣлъ, въ бытность Главноуправляющимъ, и завершить все это дѣло, подведя въ четырехтомномъ продолженіи какъ-бы итогъ всей ревизіонной дѣятельности надъ Сводомъ 1832 г. и, что̀ всецѣло слѣдуетъ приписать ему одному, упразднивъ всякое дальнѣйшее, въ вопросахъ исправленія Свода, посредничество Министерства Юстиціи.

Уже выше было отмѣчено, что дѣятельность комитета, учрежденнаго при Министерствѣ Юстиціи для негласной повѣрки Свода законовъ, постепенно, естественнымъ порядкомъ, сокращалась. Это дало основаніе Дашкову въ бытность Министромъ Юстиціи, еще въ 1837 году, по соглашенію со Сперанскимъ, поручить нѣкоторымъ чинамъ комитета подготовку матеріаловъ для сочиненія новаго уголовнаго уложенія. Желая сосредоточить эти послѣднія работы подъ своимъ главенствомъ и перевести лицъ, этимъ занимавшихся, въ свое вѣдѣніе, равно какъ подчинить своему распоряженію и средства, отпускавшіяся на нихъ изъ казны (15.000 руб. въ годъ), Дашковъ, по соглашенію съ Блудовымъ, испросилъ 18 мая 1839 г. Высочайшее повелѣніе объ упраздненіи вышеназваннаго комитета. Съ этого времени, согласно статьѣ 2 сего повелѣнія, не только всѣ бумаги, поступающія въ Министерство Юстиціи по проекту уголовнаго уложенія, но и всѣ донесенія отъ подвѣдомственныхъ Министерству мѣстъ и лицъ касательно негласной повѣрки Свода подлежали разсмотрѣнію исключительно одного Второго Отдѣленія. Правда, Дашковъ, сообщая Балугьянскому къ исполненію послѣдовавшее Высочайшее повелѣніе, прибавилъ отъ себя распоряженіе, „чтобы обо всѣхъ разрѣшеніяхъ, какія получатъ представленія, имѣющія поступить изъ Министерства Юстиціи, касательно исправленія Свода законовъ, было увѣдомляемо Министерство Юстиціи въ свое время“. Но подобное извѣщеніе не означаетъ, конечно, признанія за вѣдомствомъ какого-либо участія въ дѣлѣ исправленія, а есть не болѣе какъ поставленіе въ извѣстность, канцелярскимъ порядкомъ, начальства тѣхъ лицъ, которыя возбудили вопросъ о томъ или иномъ исправленіи въ Сводѣ, о результатѣ ихъ представленія. Такимъ образомъ упраздненіе комитета, учрежденнаго 1 февраля 1834 года, и состоявшей при немъ канцеляріи знаменовало собою, если и не прекращеніе возможности возбуждать вопросы о неточности и неполнотѣ Свода, то во всякомъ случаѣ отмѣну того порядка,

который былъ установленъ узаконеніемъ 20 января 1836 года для исправленія Свода по соглашенію между Министерствомъ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ. Между тѣмъ въ литературѣ встрѣчаются указанія, что установленныя въ 1836 году правила признавались сохраняющими обязательную силу не только въ дальнѣйшей дѣятельности Второго Отдѣленія [1] (а также и Кодификаціоннаго Отдѣла), но дѣйствуютъ даже и по настоящее время [2]. Послѣднее утвержденіе безусловно невѣрно [3], потому что порядокъ исправленія ошибокъ въ Сводѣ, со времени воспослѣдованія узаконенія 5 ноября 1885 г. (П. С. З., № 3261) о переработкѣ Свода Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, и формально, и по существу опредѣляется всецѣло статьею 15 этого узаконенія, при чемъ дѣйствіе этой статьи не можетъ быть отнесено къ прежнимъ, и въ особенности къ основному, изданіямъ Свода. Но и первое мнѣніе едва-ли въ полной мѣрѣ справедливо, потому что Высочайшее повелѣніе 18 мая 1839 года, какъ уже отмѣчено выше, не могло не подорвать значенія правилъ 1836 года. Хотя всеподданнѣйшій докладъ Дашкова на первомъ планѣ имѣетъ въ виду судьбу производившихся въ Комитетѣ работъ „по исправленію уголовнаго уложенія" и потому удѣляетъ мало сравнительно вниманія ревизіонной его дѣятельности въ отношеніи Свода, отошедшей уже въ то время на второстепенную роль, тѣмъ не менѣе статья 2 Высочайшаго повелѣнія въ связи съ нѣкоторыми указаніями объяснительной части доклада [4]) даетъ настолько исчерпывающія опредѣленія о даль-

---

[1]) П. М. Майковъ, Второе Отдѣленіе, стр. 205, вын.

[2]) Н. Коркуновъ, Значеніе Свода законовъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1894 г., сент., стр. 109).

[3]) Проф. Коркуновъ, ссылаясь въ этомъ отношеніи на авторитетъ Кодификаціоннаго Отдѣла, упустилъ изъ виду, что мнѣніе, высказанное Отдѣломъ на стран. 61 его записки въ Государственный Совѣтъ (предст. 15 февр. 1885 г. № 97 о планѣ трудовъ по разработкѣ Свода) и, дѣйствительно, содержащее прямое указаніе на правила 20 января 1836 и 16 марта 1833 г., примѣнительно къ которымъ слѣдовало, по мнѣнію Отдѣла, поступать и впредь въ вопросахъ исправленія, должно быть разсматриваемо исключительно въ качествѣ *мотивировки* къ вводимому въ проектъ самостоятельному постановленію касательно исправленія ошибокъ въ будущемъ новомъ изданіи и что съ вступленіемъ въ силу этого постановленія прежнее правило отходитъ въ область исторіи.

[4]) Подлинный текстъ статьи 2 слѣдующій: „Занятія и дѣла комитета передать во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, равно какъ и всѣ работы оконченныя или начатыя по исправленію уголовнаго уложенія съ тѣмъ, чтобы впредь были также передаваемы въ оное на разсмотрѣніе подлинникомъ всѣ донесенія и бумаги, поступающія по симъ

нѣйшемъ порядкѣ исправленія Свода, что правила 1836 года мало чѣмъ могутъ пояснить его. Если бы настояло выработать, на основаніи этихъ двухъ источниковъ, кодификаціонное изложеніе соотвѣтственнаго правомочія Второго Отдѣленія, то мы получили бы слѣдующее несложное правило: „Каждый разъ, когда къ Министру Юстиціи дойдетъ свѣдѣніе, что при производствѣ какого-либо дѣла въ первой или во второй степени суда, или и въ Сенатѣ, открылось затрудненіе въ томъ, что какой-либо дѣйствующій и къ разрѣшенію дѣла служащій законъ не помѣщенъ въ Сводѣ или помѣщенъ не въ полномъ его смыслѣ, Министръ Юстиціи передаетъ во Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи на разсмотрѣніе подлинникомъ всѣ донесенія и бумаги, поступающія по сему предмету въ Министерство Юстиціи отъ подвѣдомственныхъ мѣстъ и лицъ, и вслѣдствіе того помѣщается въ продолженіи Свода надлежащее дополненіе или поясненіе". Только съ этою поправкою и въ этомъ объемѣ возможно признать дальнѣйшее, послѣ 1839 года, дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 20 января 1836 года мнѣнія Государственнаго Совѣта. Фактически значеніе этого правила по отношенію къ Своду 1832 года не могло быть велико, ибо спустя недолгое время этотъ Сводъ замѣненъ былъ новымъ изданіемъ, и прежній циркуляръ, разосланный отъ Министерства Юстиціи въ 1833 и 1836 годахъ, не могъ не предаться забвенію. И, дѣйствительно, во второй половинѣ 1839 года и за весь 1840 годъ поступило въ Министерство Юстиціи всего только нѣсколько рапортовъ о встрѣтившихся недо-

---

предметамъ въ Министерство Юстиціи отъ подвѣдомственныхъ мѣстъ и лицъ". Въ объяснительной же части сказано: „Дѣйствительный тайный совѣтникъ Блудовъ изъявилъ на то совершенное свое согласіе съ тѣмъ, чтобы съ сего времени разсмотрѣніе всѣхъ донесеній отъ подвѣдомственныхъ Министерству Юстиціи мѣстъ и лицъ касательно негласной повѣрки Свода входило въ исключительную обязанность Второго Отдѣленія, равно какъ и разсмотрѣніе всѣхъ замѣчаній, относящихся къ исправленію уголовныхъ законовъ".—Изъ статьи 4 того же Высочайшаго повелѣнія 18 мая 1839 г. (оставшагося необнародованнымъ и потому не значащагося и въ Полномъ Собраніи законовъ) видно, кромѣ того, что Дашковъ предполагалъ привлечь „для занятій по уголовному уложенію и для повѣрки Свода" чиновниковъ изъ другихъ министерствъ путемъ временнаго ихъ прикомандированія во Второе Отдѣленіе, съ выдачею имъ содержанія изъ переведеннаго въ Отдѣленіе кредита въ 15.000 р. На этомъ основаніи состоялось причисленіе ко Второму Отдѣленію главнаго сотрудника Дашкова по вышеозначеннымъ предметамъ П. И. Дегая.—Полный текстъ Высочайшаго повелѣнія см. у Майкова (Второе Отдѣленіе, стр. 258, 259).

разумѣніяхъ, которые и были переданы во Второе Отдѣленіе совмѣстно со всѣми прежними матеріалами Комитета. Общее же число замѣчаній, разсмотрѣнныхъ и уваженныхъ Комитетомъ за все время его дѣятельности и затѣмъ принятыхъ и утвержденныхъ Вторымъ Отдѣленіемъ, простиралось, какъ указано въ упомянутомъ выше докладѣ Дашкова, до 570.

Хотя, какъ видно изъ вышеизложеннаго, съ упраздненіемъ комитета для негласной повѣрки Свода Дашковъ не связывалъ прекращенія возможности дальнѣйшихъ въ Сводѣ исправленій, тѣмъ не менѣе ревизія Свода въ томъ смыслѣ, какъ она была установлена въ 1833 году при участіи нѣсколькихъ вѣдомствъ и въ 1836 году съ особыми полномочіями органовъ Министерства Юстиціи, съ момента сосредоточенія поправокъ исключительно во Второмъ Отдѣленіи можетъ быть почитаема прекратившеюся. Въ виду этого умѣстно было бы поставить вопросъ и постараться дать на него отвѣтъ — о силѣ тѣхъ исправленій, которыя были введены этимъ путемъ: равносильны ли они тексту Свода 1832 г. или обладаютъ меньшимъ значеніемъ? Но вопросъ этотъ можетъ быть сочтенъ за праздный, если признать, что вышедшее въ 1839 году продолженіе, въ которомъ объединены всѣ исправленія, составляетъ, вмѣстѣ съ прочимъ матеріаломъ, въ него вошедшимъ, дополнительный къ Своду 1832 г. сборникъ, обладающій, какъ и самый Сводъ, „силою и дѣйствіемъ закона".

Нѣкоторую почву для послѣдняго предположенія даетъ внѣшнее подобіе послѣдняго продолженія тому продолженію, которое было издано ко времени вступленія Свода въ силу и дѣйствіе. Это первое продолженіе было обнародовано при именномъ указѣ, требовавшемъ приведенія его „въ законную силу и дѣйствіе въ совокупности со Сводомъ" [1]). Дальнѣйшія продолженія, какъ мы видѣли, такимъ указомъ не сопровождались, и тѣ Высочайшія повелѣнія, при коихъ были препровождены въ Сенатъ второе и третье продолженія, никакого указанія на юридическую силу этихъ изданій Второго Отдѣленія не содержали, не говоря уже объ очередныхъ продолженіяхъ за 1836 и за 1837 годы, которыя служили лишь прибавленіями къ третьему продолженію. Такъ называемое „шестое изданіе" продолженія вновь объединило сохранившія силу статьи прежнихъ пяти изданій продолженія, съ присоединеніемъ къ нимъ

---

[1]) Имен. ук. 30 авг. 1834 г. (П. С. З., № 7368).

законовъ 1838 и, частью, 1839 года[1]), и сопровождалось особымъ именнымъ указомъ Сенату. Возвращеніе къ прежнему пріему объяснено было гр. Блудовымъ во всеподданнѣйшемъ его докладѣ отъ 18 марта 1843 г. (№ 20), ссылавшемся при этомъ на записку статсъ-секретаря Балугьянскаго 13 марта 1839 г., слѣдующимъ образомъ: „...опытъ вскорѣ убѣдилъ... въ неудобности плана, принятаго при составленіи четвертаго и пятаго продолженія; возникали затрудненія въ прінсканіи дѣйствующихъ узаконеній, ибо для сего нужно было обращаться сперва къ пятому продолженію (1837 г.), потомъ къ четвертому (1836 г.), засимъ къ третьему (за 1832—1835 г.) и, наконецъ, къ самому Своду, и даже случалось нерѣдко, что въ сей долженствовавшей предшествовать практическому примѣненію закона работѣ статьи отмѣненныя были принимаемы по ошибкѣ за дѣйствующія“. Причину же того, что продолженіе 1839 г., въ отличіе отъ большинства предыдущихъ, было „предложено къ исполненію снова при подписномъ Высочайшемъ указѣ“, гр. Блудовъ (во всеподданнѣйшемъ докладѣ 16 марта 1844 г., № 22) усматривалъ въ томъ „особомъ несходномъ съ прежнимъ порядкѣ“, который былъ принятъ при его составленіи. Несходство это, какъ мы видѣли, не было однако особенностью исключительно этого продолженія 1839 г. То новое, что дѣйствительно въ него было введено и чего не имѣлось ни въ одномъ изъ предыдущихъ пяти продолженій, — это былъ хронологическій указатель узаконеніямъ, содержащимся въ продолженіи, значительно облегчившій пользованіе четырехтомнымъ изданіемъ въ 4847 страницъ. Нѣсколько подробнѣе обыкновеннаго было и предисловіе къ продолженію, но ни оно, ни какія-либо другія отличія новаго труда не даютъ основанія усмотрѣть *особое* несходство новаго съ прежними продолженіями, которое оправдывало бы необходимость измѣненія порядка его введенія въ дѣйствіе. Можно скорѣе думать, что въ то время, вообще, признано было недостаточнымъ оставаться по отношенію къ продолженіямъ при томъ довольно неопредѣленномъ порядкѣ, въ которомъ объявляемо было

---

[1]) Какъ объяснено въ предисловіи, законы 1839 г. вносились въ настоящее изданіе по мѣрѣ обнародованія ихъ, и потому, вслѣдствіе обнародованія нѣкоторыхъ изъ нихъ по отпечатаніи тѣхъ частей продолженія, къ коимъ они по содержанію относятся, они могли быть помѣщены только въ послѣдующія, къ тому времени еще не отпечатанныя, части (если, конечно, имѣли къ нимъ отношеніе). Наиболѣе позднее узаконеніе 1839 г., попавшее въ продолженіе, носитъ дату 7 октября.

до сихъ поръ о выходѣ трудовъ Второго Отдѣленія. Но для этого измѣненія могло быть и другое основаніе, а именно намѣреніе присвоить послѣднему продолженію, какъ бы объединяющему результаты производившейся 6-лѣтней ревизіи Свода, ту же законную силу, какая принадлежала самому изданію 1832 г. и первому къ нему продолженію. Никакихъ однако на это прямыхъ указаній мы не встрѣтили среди тѣхъ немногихъ архивныхъ матеріаловъ, которые касаются продолженія 1839 года. Намекомъ на подобное намѣреніе возможно было бы считать содержащіяся въ именномъ указѣ слова, близко напоминающія и манифестъ 31 января 1833, и указъ 30 августа 1834 г., относительно сохраненія за измѣненными статьями „силы и дѣйствія закона". Но, если бы даже такое намѣреніе и существовало, то оно выражено въ указѣ 29 декабря 1839 г. настолько несовершенно, что подлежащее его мѣсто за прямое указаніе на присвоеніе продолженію 1839 года „силы закона" (выраженіе, равнозначащее прежнему термину „законная сила") почитаемо быть не можетъ. Распубликованный 2 января 1840 г. (черезъ 2 дня послѣ назначенія новаго Главноуправляющаго Д. Н. Блудова) и внесенный въ Полное Собраніе Законовъ за № 13037, указъ этотъ въ первой своей части гласитъ: „При составленіи слѣдующаго на основаніи манифеста Нашего 31 января 1833 года къ изданію въ семъ году продолженія Свода законовъ, признано нужнымъ, для удобности въ справкахъ и ссылкахъ, помѣстить въ оное не только постановленія 1838 и первыхъ мѣсяцевъ 1839 годовъ, но и всѣ тѣ статьи вышедшихъ прежде продолженій Свода, кои, не бывъ впослѣдствіи измѣнены, сохраняютъ силу и дѣйствіе закона. Сіе предположеніе Второго Отдѣленія Собственной Нашей Канцеляріи утверждено нами и приведено въ исполненіе". Изъ приведеннаго отрывка видно, что признакъ „сила и дѣйствіе закона" въ немъ отнесенъ не къ самому продолженію 1839 года, а къ статьямъ предыдущихъ продолженій. Слѣдовательно, свойствомъ силы закона могло бы обладать, въ лучшемъ случаѣ, содержаніе, включенное въ первыя пять продолженій къ Своду 1832 г.

Такъ какъ однако въ указѣ говорится о *сохраненіи* силы и дѣйствія закона, то онъ, стало быть, предполагаетъ наличіе этого свойства у прежнихъ продолженій. Между тѣмъ, мы видѣли, это свойство придано было только одному первому продолженію, а по отношенію ко всѣмъ остальнымъ никакихъ данныхъ для признанія за ними подобнаго же свойства не имѣется. Въ виду сего ука-

заніе на сохраненіе силы закона не можетъ быть даже понято въ смыслѣ послѣдующаго признанія „законной силы“ за матеріаломъ 1834—1837 годовъ. Да и странно было бы присвоить въ 1839 году подобную силу этому матеріалу, не сообщая таковой въ то же время дальнѣйшему матеріалу за 1838 и часть 1839 года, внесенному въ названное продолженіе. Эти соображенія заставляютъ отказаться отъ соблазнительной — въ смыслѣ ясности и простоты разрѣшенія вопроса о силѣ перваго Свода со всѣми его продолженіями — возможности трактовать именной указъ 29 декабря 1839 г. какъ такой актъ Верховной власти, которымъ придана была сила закона продолженію 1839 года. Такимъ образомъ остается признать, что подъ словами указа „сохраняютъ силу и дѣйствіе закона“ слѣдуетъ понимать выраженіе „сохраняютъ силу дѣйствующаго закона“ или, что—то же, „сохраняютъ силу“. Иначе говоря, подлежащее мѣсто указа, поясняя составъ новаго продолженія, имѣетъ въ виду только отмѣтить, что въ этомъ продолженіи, сверхъ новыхъ узаконеній за 1838 и часть 1839 года, воспроизведены также и всѣ тѣ уже бывшія въ прежнихъ продолженіяхъ статьи закона, которыя продолжаютъ сохранять свою силу. Равнымъ образомъ нельзя почерпнуть какой-либо опоры для признанія за продолженіемъ 1839 года большей силы, чѣмъ за другими ему предшествовавшими продолженіями, въ другой части указа 29 декабря, въ которой особо отмѣчено Высочайшее *утвержденіе* предположенія Второго Отдѣленія, — ибо санкція Монарха относилась въ данномъ случаѣ не къ самому содержанію продолженія, а исключительно къ плану совмѣстить въ этомъ продолженіи и новѣйшее законодательство, и то, что уже нашло себѣ обработку въ предыдущихъ продолженіяхъ. Что касается, наконецъ, того, что изданіе продолженія 1839 г. сопровождалось именнымъ указомъ Правительствующему Сенату, вмѣсто обычнаго Высочайшаго повелѣнія, то это внѣшнее обстоятельство въ отношеніи вопроса о силѣ названнаго продолженія никакого, конечно, значенія не имѣетъ.

Приходя къ такому выводу, мы должны вернуться къ поставленному выше вопросу о силѣ тѣхъ исправленій текста 1832 г., которыя нашли себѣ мѣсто въ позднѣйшихъ, послѣ перваго, продолженіяхъ къ Своду. Самыя исправленія могли быть, кромѣ тѣхъ, которыя были произведены въ порядкѣ законодательнаго поясненія, троякаго происхожденія: 1) исправленія, прошедшія черезъ комитетъ при Министерствѣ Юстиціи для негласной по-

вѣрки Свода, 2) исправленія по указаніямъ другихъ вѣдомствъ и 3) исправленія, внесенныя по собственному почину Второго Отдѣленія. Первыя производились въ силу прямого указанія закона, какъ бы передавшаго функцію Государственнаго Совѣта соглашенію двухъ учрежденій, и потому могли бы быть почитаемы въ равной силѣ съ тѣми статьями Свода, измѣнить которыя они призваны, т. е. за ними можетъ быть признана та же „законная сила", которая была присвоена манифестомъ 1833 года тексту 1832 года. Относительно исправленій, явившихся послѣдствіемъ соглашенія между другими указанными въ правилахъ 16 марта 1833 г. вѣдомствами и Вторымъ Отдѣленіемъ, слѣдуетъ, строго говоря, различать время этого соглашенія. Если оно лежитъ въ предѣлахъ дѣйствія правилъ о негласной ревизіи, истекшаго, по нашему мнѣнію, уже къ 1835 году, то такія исправленія равносильны тѣмъ, которыя производились по замѣчаніямъ комитета. Если же исправленія заявлены послѣ означеннаго срока или если такія заявленія исходили, и раньше того, отъ вѣдомствъ, въ правилахъ 16 марта 1833 г. не поименованныхъ, то, оставаясь на строго формальной почвѣ, за ними нельзя признать, разъ только на этого рода исправленія не было испрошено Высочайшаго разрѣшенія, той самой законной силы, которая препятствуетъ предъявлять возраженія противъ правильности новаго текста. То же самое слѣдуетъ, казалось бы, отнести и къ исправленіямъ по почину самого Второго Отдѣленія: полную, непререкаемую силу они могли воспріять, собственно, въ томъ только случаѣ, если на каждое изъ нихъ или на всѣ въ совокупности было испрошено Высочайшее соизволеніе. Были ли повергаемы на разрѣшеніе Государя всѣ случаи исправленій внѣ вышеуказаннаго порядка, предусмотрѣннаго узаконеніемъ 20 января 1836 г., установить, къ сожалѣнію, не представляется возможности, такъ какъ собранія всеподданнѣйшихъ докладовъ за время руководительства Вторымъ Отдѣленіемъ Сперанскаго не сохранилось. Едва-ли, при обширности полномочій творца Свода, онъ считалъ нужнымъ безпокоить Императора Николая частыми докладами по поводу желательныхъ въ его трудѣ исправленій. Надлежащій однако юридическій титулъ для исправленій Свода собственною властью Второе Отдѣленіе получило лишь при преемникѣ гр. Сперанскаго — въ Высочайшемъ повелѣніи 18 мая 1839 г., испрошенномъ Дашковымъ въ связи съ упраздненіемъ того комитета для негласной повѣрки Свода, въ которомъ онъ столь долго, въ качествѣ Министра

Юстиціи, предсѣдательствовалъ и благодаря которому за нимъ, въ исторіи основного изданія Свода законовъ, должна считаться значительная доля заслуги обращенія „монументальнаго", по выраженію Императора Николая, труда Второго Отдѣленія въ трудъ, возможно близкій къ его историческимъ источникамъ, что также соотвѣтствовало основной мысли Государя. Остается, тѣмъ не менѣе, пожалѣть, что при изданіи послѣдняго продолженія къ Своду 1832 года не была expressis verbis закрѣплена юридическая сила всѣхъ внесенныхъ въ этомъ направленіи поправокъ и поясненій. Въ это время уже не могло быть мѣста опасеніямъ, что признаніемъ погрѣшностей въ Сводѣ поколеблены были бы его сила и довѣріе къ нему.

X.

Внѣшняя исторія перваго изданія Свода законовъ завершается 1839 годомъ, въ концѣ котораго вышло послѣднее къ нему продолженіе. Такимъ образомъ годъ смерти Сперанскаго оказался, волею судебъ, и заключительнымъ годомъ дѣйствія той системы, какая была установлена творцомъ Свода для его пополненія. Тѣмъ не менѣе, какъ объ этомъ отчасти уже упоминалось въ предыдущей главѣ, начатое при Сперанскомъ и законченное при Дашковѣ „шестое изданіе" продолженія еще не предполагалось послѣднимъ продолженіемъ къ дѣйствующему Своду. И даже въ началѣ слѣдующаго 1840 года, къ каковому времени относится первый письменный слѣдъ приготовленій къ новому изданію Свода и когда во главѣ Второго Отдѣленія уже стоялъ вновь назначенный Д. Н. Блудовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Балугьянскаго касательно предполагаемыхъ въ наступившемъ году работъ упомянуто, на ряду съ предстоящимъ переизданіемъ всего Свода, напечатаніе краткаго (т. е. очередного) продолженія за 1839 годъ, „въ случаѣ, когда новое изданіе общаго Свода не могло бы приведено быть къ окончанію въ будущемъ году". Столь быстраго осуществленія переизданія всего Свода достигнуть, конечно, не удалось; тѣмъ не менѣе не осуществились и предположенія объ изданіи седьмого продолженія.

Не задаваясь цѣлью дать полный очеркъ работъ по составленію второго изданія Свода,—ибо это вывело бы насъ далеко за предѣлы настоящей темы о „законной силѣ" Свода,—мы не можемъ однако считать вполнѣ исчерпанною эту тему, а, слѣдовательно,

законченною нашу задачу, безъ ознакомленія съ тѣмъ, какъ относились составители позднѣйшихъ, и прежде всего второго, изданій Свода къ обладавшему этой законной силой основному его изданію, и не было-ли и въ дальнѣйшей исторіи Свода законовъ указаній на присвоеніе подобной же силы хотя бы отдѣльнымъ его частямъ. Прежде чѣмъ приступить къ этимъ заключительнымъ вопросамъ нашей работы, необходимо бросить ретроспективный взглядъ и формулировать нѣсколько выводовъ изъ тѣхъ данныхъ, которыя приведены были въ предыдущихъ главахъ.

Присвоивъ вышедшему въ 1833 году Своду силу исключительнаго текста законовъ, Верховная власть послѣдовательно признала необходимымъ придать такую же силу продолженію къ нему за 1832 и 1833 годы, въ которое включены были исправленія къ основному тексту. Всѣ дальнѣйшія однако продолженія, хотя и въ нихъ въ значительной довольно мѣрѣ заключался элементъ исправленія первоначальнаго текста, подобною первому продолженію силою облечены не были,—можетъ быть, случайно, а, можетъ быть, и намѣренно, въ томъ соображеніи, что вслѣдствіе установленной къ тому времени возможности включенія въ продолженія нѣкоторыхъ министерскихъ предписаній не только сами эти продолженія не могли быть въ полномъ своемъ составѣ признаны въ силѣ закона, но въ извѣстной мѣрѣ и текстъ Свода, въ подлежащихъ его частяхъ, претерпѣлъ ослабленіе прежней своей силы. Такимъ образомъ, при всей несомнѣнности, что манифестомъ 31 января 1833 г. и именнымъ указомъ 30 августа 1834 г. всему матеріалу, вошедшему въ эти сборники, независимо отъ свойства его отдѣльныхъ источниковъ, присвоена была сила закона, нѣтъ достаточныхъ данныхъ,—и даже, наоборотъ, многое говоритъ противъ того,—чтобы признать подобную же силу за дальнѣйшими продолженіями. И, въ сущности,—если бы не вопросъ о юридической силѣ внесенныхъ противъ основного изданія исправленій,—въ особомъ установленіи „законной" силы этихъ продолженій не было и никакой практической надобности, ибо при внесеніи въ Сводъ узаконеній новѣйшаго времени текстъ ихъ воспроизводился безъ измѣненій, и для особливаго его санкціонированія въ Сводѣ, слѣдовательно, не усматривалось ни малѣйшаго основанія. Въ этомъ именно сказывается существенное различіе продолженій Свода отъ основного его изданія. Тогда какъ въ послѣднемъ сосредоточенъ и внѣшне передактированъ самый разносортный матеріалъ, послѣдовавшій на протяженіи 183 лѣтъ правотворческой жизни государства,—по-

чему становилось неизбѣжнымъ присвоить производному тексту либо единственную, либо преимущественную передъ источниками силу,—продолженія служили вѣрнымъ отраженіемъ, такъ сказать, свѣжихъ узаконеній, и между текстомъ статей продолженій и текстомъ ихъ источника всегда предполагается знакъ равенства. Иначе говоря, юридическая сила того матеріала, который вошелъ въ продолженія послѣ 1835 года, коренилась не въ силѣ, которая могла быть присвоена тому или иному продолженію во всей его совокупности, а въ собственной силѣ каждаго отдѣльнаго узаконенія при его изданіи. Такимъ образомъ, ко времени приступа къ переработкѣ перваго изданія Свода съ продолженіемъ 1839 года въ обновленное второе изданіе, матеріалъ, который предстояло перенести въ новое изданіе, слагался: во-первыхъ, изъ постановленій, основанныхъ на законоположеніяхъ до 1 января 1834 г. и считавшихся (за исключеніемъ тѣхъ статей въ нѣкоторыхъ частяхъ Свода, которыя, будучи основаны на предписаніяхъ министровъ, могли быть въ томъ же порядкѣ измѣняемы), въ силѣ закона, независимо отъ полнаго или неполнаго соотвѣтствія источникамъ, и, во-вторыхъ, изъ постановленій позднѣйшаго образованія, черпавшихъ свою силу и обладавшихъ этою силою лишь въ предѣлахъ правильнаго и точнаго воспроизведенія своего непосредственнаго источника.

Если таковъ былъ составъ матеріала въ Сводѣ, подлежавшій обработкѣ въ новый Сводъ, и если приведенное различіе его составныхъ частей обусловливалось наличностью или же отсутствіемъ особаго Высочайшаго повелѣнія при введеніи въ дѣйствіе подлежащаго сборника, а въ случаѣ наличности—ближайшимъ содержаніемъ этого повелѣнія, то ясно, что для введенія въ дѣйствіе новаго, переработаннаго изданія Свода, въ которомъ весь существующій матеріалъ излагался въ послѣдовательномъ, отличномъ отъ прежняго, видѣ, требовался новый, взамѣнъ манифеста 31 января 1833 г., сопроводительный актъ для введенія его въ дѣйствіе. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что названный манифестъ, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить [1]), относился единственно къ Своду 1832 года и не предусматривалъ возможности дальнѣйшаго его переизданія. Такой актъ дѣйствительно и воспослѣдовалъ въ видѣ указа Правительствующему Сенату 4 марта 1843 г. „о книгахъ новаго изданія общаго Свода законовъ Имперіи“ [2]).

---

[1]) См. въ главѣ IV (Стр. 78, 79).

[2]) П. С. З., № 16584. Указъ этотъ имѣется воспроизведеннымъ въ полномъ видѣ у Н. Н. Корево—„Объ изданіяхъ законовъ Россійской Имперіи“, стр. 9 и 10.

Вмѣсто Высочайшаго манифеста (въ этой болѣе торжественной формѣ, согласно учрежденію Государственаго Совѣта 1810 и 1832 г.г., подлежали, впрочемъ, изданію „всѣ предметы, содержащіе въ себѣ законъ, уставъ или учрежденіе") [1]), облеченный въ форму только именного указа и поднесенный къ подписанію самимъ Главноуправляющимъ Второго Отдѣленія актъ 4 марта 1843 г. не только по внѣшнему виду, но и по содержанію своему весьма мало напоминаетъ законъ 31 января 1833 года объ изданіи Свода законовъ Россійской Имперіи. Извѣстное сходство можно усмотрѣть развѣ только въ томъ, что и здѣсь, какъ въ манифестѣ 31 января, резолютивной части предпослано краткое историческое обозрѣніе: тамъ—въ нѣсколькихъ словахъ объясненъ ходъ работъ по составленію законныхъ книгъ, и предуказано распредѣленіе дальнѣйшаго законодательства „въ ежегодномъ Сводѣ продолженіи", здѣсь—вслѣдъ за ссылкою на это именно предуказаніе манифеста и послѣ объясненія способа его осуществленія въ шести продолженіяхъ, указаны основанія для переизданія Свода во всемъ его объемѣ. „Польза сего соединенія (въ шестомъ продолженіи) узаконеній всѣхъ истекшихъ послѣ составленія Свода лѣтъ доказана опытомъ, и потому, а равно и по важности, обширности и разнородности постановленій, обнародованныхъ въ послѣдніе три года (т. е. части 1839, за 1840 и 1841 и большей части 1842 г.), Мы признали за благо, дабы облегчить еще болѣе употребленіе Свода и указанія на примѣняемыя къ дѣламъ статьи онаго, приступить къ новому сего систематическаго собранія законовъ Нашихъ изданію, и чрезъ то съ полною для всѣхъ ясностью означить существующую, необходимую связь вошедшихъ въ первоначальный составъ его законовъ, учрежденій и уставовъ съ состоявшимися впослѣдствіи дополненіями ихъ и исправленіями". Такъ объясняя новый способъ приведенія Свода 1832 г. въ соотвѣтствіе съ позднѣйшимъ законодательствомъ, указъ 4 марта вскользь упоминаетъ въ дальнѣйшемъ своемъ текстѣ о тщательномъ пересмотрѣ всѣхъ статей перваго изданія и отмѣчаетъ включеніе въ новое изданіе нѣкоторыхъ изъ узаконеній, „кои, по особымъ имѣвшимся тогда въ виду причинамъ, не могли быть помѣщены въ изданіи 1832 года".

Подчеркивая въ этихъ объяснительныхъ предпосылкахъ откровенное указаніе на внесенныя по продолженіямъ „исправленія" текста 1832 года и возможность дальнѣйшихъ, при самомъ составленіи

---

[1]) Св. зак., т. I, кн. I, ст. 84 (изд. 1832 г.).

новаго изданія, исправленій въ статьяхъ перваго изданія вслѣдствіе „тщательнаго оныхъ пересмотра“, обратимся къ резолютивной части указа. Она состоитъ изъ 4-хъ пунктовъ. Первый изъ нихъ содержитъ обращенное къ присутственнымъ мѣстамъ и управленіямъ требованіе ссылаться отнынѣ въ дѣлахъ, вмѣсто статей перваго Свода и его продолженій, на статьи изданія 1842 года. Это постановленіе являлось необходимымъ дополненіемъ къ статьямъ I—III узаконенія 12 декабря 1834 года „о приложеніи и употребленіи Свода законовъ Россійской Имперіи въ производствѣ дѣлъ“ [1]), въ которыхъ опредѣлялся порядокъ означенія статей Свода 1832 года. Пунктъ 2 указа установлялъ переходныя правила для тѣхъ дѣлъ, которыя уже начаты были производствомъ, при чемъ въ дѣлахъ, приготовленныхъ къ рѣшенію или слушанію, разрѣшалось оставлять прежнія указанія, а въ дѣлахъ начатыхъ, но къ слушанію и рѣшенію не готовыхъ, предписывалось приводить уже статьи изданія 1842 года. Эти правила идутъ какъ-бы въ параллель тому, что было постановлено въ статьѣ V узаконенія 1834 г. въ отношеніи ссылокъ на прежніе указы или же на статьи Свода 1832 года. Слѣдующій 3-ій пунктъ указываетъ тѣ случаи, когда, по времени ихъ возникновенія или вслѣдствіе невключенія въ Сводъ подлежащихъ постановленій, надлежитъ по необходимости ссылаться не на новое изданіе, а на Сводъ 1832 г. съ его продолженіями или на подлинныя узаконенія. Этотъ пунктъ, слѣдовательно, является не чѣмъ инымъ, какъ приспособленіемъ къ измѣнившимся съ изданіемъ новаго Свода условіямъ статьи VII правилъ 1834 г. и подтвержденіемъ, какъ это видно изъ ссылки на приложеніе къ ст. 102 учрежденія Сената, тѣхъ пунктовъ статьи VI упомянутыхъ правилъ, въ которыхъ перечислены были случаи непосредственнаго приведенія указовъ вслѣдствіе невключенія въ Сводъ подлежащихъ отдѣловъ законодательства [2]). Наконецъ, пунктъ 4, подобно статьѣ VIII правилъ 12 декабря 1834 г., допускавшей временное изъятіе для просителей, разрѣшаетъ, въ цѣляхъ предотвращенія затрудненій для частныхъ лицъ, принимать отъ нихъ, до 1 января 1844 г., и такія прошенія, въ коихъ ссылки на законы окажутся сдѣланными еще по прежнему изданію; самыя однако рѣшенія должны быть постановляемы уже съ указаніемъ на статьи по изданію 1842 года.

[1]) П. С. З., № 7654; Св. зак., т. I, ч. 2, по прод. 1839 г., ст. 346 (прим.), прил.: ст. 1—3.

[2]) Законы мѣстные, узаконенія о просвѣщеніи, иностранныхъ исповѣданіяхъ государственномъ контролѣ и почтовые.

Сравненіе между собою разсмотрѣнныхъ постановленій 1834 и 1843 годовъ приводитъ къ несомнѣнному выводу, что именной указъ 4 марта 1843 года, при коемъ обнародованъ былъ новый Сводъ, не имѣлъ иного содержанія и не преслѣдовалъ никакой иной цѣли, какъ только подтвержденія и соотвѣтственнаго приспособленія тѣхъ относительно употребленія Свода правилъ, которыя были установлены узаконеніемъ 12 декабря 1834 г. для Свода 1832 года. Правильнѣе, конечно, было бы издать ихъ для новаго Свода совершенно заново. Такъ какъ, однако, нѣкоторыя изъ существующихъ статей могли остаться совершенно безъ измѣненія, то задача упрощалась, и получилась возможность, путемъ внесенія нѣсколькихъ только поправокъ, приспособить ихъ къ Своду 1842 года, что̀ и было выполнено резолютивною частью указа 4 марта. И, дѣйствительно, если сопоставить текстъ „правилъ о приведеніи и указаніи законовъ при производствѣ дѣлъ", излагавшихся, со времени второго продолженія къ Своду, въ видѣ приложенія къ статьѣ 346 (прим.) учрежденій государственныхъ, съ текстомъ тѣхъ же правилъ въ томѣ I изданія 1842 года, гдѣ они заняли мѣсто приложенія къ ст. 102 учрежденія Правительствующаго Сената, то почти всѣ произведенныя въ этомъ приложеніи измѣненія соотвѣтствуютъ сущности предписаній, заключавшихся въ Высочайшемъ указѣ 1843 года. Конечно, подлежащія измѣненія не могли быть оправданы въ самомъ Сводѣ 1842 г. ссылкою въ цитатахъ на этотъ указъ, такъ какъ послѣдній могъ состояться только послѣ его отпечатанія и представленія Государю. И, болѣе того, одна изъ статей этого приложенія (ст. 7) даже нѣсколько расходится съ содержаніемъ указа, ибо установляетъ упомянутую выше льготу для частныхъ лицъ, въ смыслѣ допустимости ссылокъ на прежнее изданіе, на время „впредь до усмотрѣнія" (какъ это было постановлено въ правилахъ 1834 года въ отношеніи ссылокъ, вмѣсто статей Свода, на указы), тогда какъ въ указѣ означенъ опредѣленный, и довольно краткій, срокъ для этой льготы, а именно 1 января 1844 года. Тѣмъ не менѣе, измѣненія, заранѣе, какъ видно, внесенныя въ это приложеніе [1]), не могли быть обоснованы длительнымъ, переходящимъ на дальнѣйшія изданія Свода, свойствомъ правилъ 1834 г. (ибо при ихъ установленіи не предвидѣлось иной формы дополненія Свода 1832 года,

[1]) Среди тѣхъ встрѣтившихся по учрежденію Сената вопросовъ, которые повергнуты были на Высочайшее благовоззрѣніе всеподданнѣйшимъ докладомъ 5 февраля 1842 г. № 16, настоящаго вопроса о приложеніи къ ст. 346 (прим.) не значилось.

какъ продолженіями), а почерпали свое будущее оправданіе въ томъ специальномъ для новаго изданія указѣ, который имѣлъ воспослѣдовать для введенія его въ дѣйствіе. Выходило, такимъ образомъ, что въ данномъ случаѣ не Сводъ согласовывался съ вышедшимъ уже узаконеніемъ, а къ заранѣе установленному тексту Свода пригонялось содержаніе имѣющаго воспослѣдовать одновременно со Сводомъ указа. Несмотря, однако, на это предварительное согласованіе или, можетъ быть, именно вслѣдствіе необычности подобнаго пріема, не все оказалось предусмотрѣннымъ въ указѣ 4 марта 1843 г. Весьма скоро, уже черезъ нѣсколько дней, въ немъ обнаруженъ былъ пробѣлъ въ томъ отношеніи, что онъ не упомянулъ объ означеніи, при ссылкахъ на статьи Свода, также времени изданія этого Свода. Поэтому Главноуправляющимъ Вторымъ Отдѣленіемъ 13 того же марта испрошено было Высочайшее повелѣніе [1]), въ силу котораго надлежало „при соблюденіи всѣхъ правилъ, въ 1833 году [2]) по сему предмету постановленныхъ, во всѣхъ вообще тѣхъ случаяхъ, когда должны быть дѣлаемы сіи указанія, выставлять послѣ № приводимой статьи слова „изданіе 1842 года", такъ, какъ прежде, при ссылкѣ на статьи Свода по продолженію". Съ воспослѣдованіемъ этого повелѣнія получило формальное оправданіе и то, допущенное составителями Свода 1842 года, измѣненіе въ статьѣ 1 правилъ о приведеніи и указаніи законовъ при производствѣ дѣлъ [3]), которое состояло въ прибавленіи къ прежнимъ тремъ означеніямъ (томъ, названіе устава и номеръ статьи) еще четвертаго, а именно времени изданія Свода.

Засимъ, немедленно оказалось необходимымъ еще дальнѣйшее дополненіе постановленій, изданныхъ, въ связи съ обнародованіемъ новаго Свода, въ измѣненіе правилъ 12 декабря 1834 г. Высочайше утвержденное 15 декабря 1834 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта (ст. 1) предписывало, напр., сообщать Второму Отдѣленію заблаговременно, для внесенія въ продолженіе Свода, отъ всѣхъ министерствъ, отъ Комитета Министровъ и отъ Правительствующаго Сената всѣ Высочайшія повелѣнія, составляющія

---

[1]) П. С. З. № 16615 „О порядкѣ при ссылкѣ на статьи Общаго Свода законовъ изданія 1842 года".

[2]) Вѣроятно, описка въ оригиналѣ: слѣдовало указать на 1834 годъ, ибо манифестъ 1833 г. никакихъ подробностей о порядкѣ ссылокъ не содержалъ. Эта ошибка повторена, однако, и въ письмѣ гр. Блудова къ гр. Панину 4 марта 1843 г. № 60.

[3]) Учрежденіе Сената, ст. 102, прил.

поясненіе или какое-либо ограниченіе, измѣненіе или изъясненіе въ законѣ. Въ тѣхъ же правилахъ (ст. 5) установлена была обязанность означенія въ каждомъ новомъ уставѣ и узаконеніи статей Свода, которыя ими измѣняются или отмѣняются. Оставшись при своемъ изданіи необнародованными и будучи лишь сообщены къ надлежащему исполненію всѣмъ министрамъ и главноуправляющимъ, постановленія эти требовали, по мнѣнію гр. Блудова, дальнѣйшаго точнаго ихъ соблюденія, и потому онъ испросилъ 10 апрѣля того же 1843 года указъ о подтвержденіи всѣмъ вѣдомствамъ какъ о доставленіи во Второе Отдѣленіе, немедленно по Высочайшемъ утвержденіи и надлежащемъ кому слѣдуетъ объявленіи, всѣхъ узаконеній, кои на основаніи правилъ 15 декабря 1834 г. принадлежатъ къ общему свѣдѣнію и исполненію и по существу своему слѣдуютъ ко внесенію въ продолженіе Свода законовъ или Полное оныхъ Собраніе, такъ и объ означеніи, при разработкѣ новыхъ законоположеній, статей Свода, ими отмѣняемыхъ или измѣняемыхъ [1]). Не возобновленными остались, слѣдовательно, изъ числа правилъ 15 декабря 1834 г., только тѣ собственно статьи, которыя касались порядка дальнѣйшаго внесенія въ Сводъ исходящихъ отъ министерствъ предписаній и утверждаемыхъ указами Сената постановленій. Но, что и эти правила не избѣгли, надо думать, новаго соображенія въ связи съ общимъ вопросомъ о составленіи продолженій къ Своду, нѣкоторымъ тому доказательствомъ могутъ служить слѣдующія вступительныя слова въ упомянутомъ выше именномъ указѣ 10 апрѣля 1843 г.: „...Государь Императоръ, удостоивъ Высочайшаго одобренія предположенія... о *новомъ* порядкѣ *составленія* и изданія продолженій Свода законовъ 1842 года [2]), Высочайше повелѣть соизволилъ подтвердить всѣмъ вѣдомствамъ“.

Такимъ образомъ изданіе Свода 1842 года сопровождалось, если не полною замѣною, то во всякомъ случаѣ значительнымъ обновленіемъ тѣхъ постановленій, которыя были изданы въ связи съ введеніемъ въ дѣйствіе Свода 1832 года, т. е. ближайшимъ образомъ правилъ 12 декабря и тѣсно, по происхожденію, связанныхъ съ ними необнародованныхъ правилъ 15 декабря 1834 г. Относящееся также къ первому изданію Свода нераспубликованное мнѣ-

---

[1]) 1843 апр. 10 (П. С. З. № 16728).

[2]) Здѣсь, очевидно, имѣются въ виду соображенія, представленныя гр. Блудовымъ въ его подробномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ 18 марта 1843 г. № 20; въ немъ заключалось, между прочимъ, общее подтвержденіе правилъ 15 декабря 1834 г. „съ нѣкоторыми однакожъ исправленіями“.

ніе Государственнаго Совѣта 20 января 1836 г. о порядкѣ устраненія вкравшихся въ него ошибокъ уже ранѣе, а именно, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ [1]), 18 мая 1839 года, было въ сущности замѣнено указаннымъ въ Высочайшемъ повелѣніи этой даты новымъ порядкомъ исправленія Свода, сосредоточеннаго съ тѣхъ поръ единственно во Второмъ Отдѣленіи. Что же касается самаго манифеста о Сводѣ 31 января 1833 г., то, какъ это доказано было въ главѣ VI [2]), изъ него оставалась въ дѣйствіи, послѣ правилъ 1834 года, въ сущности только одна 1-я статья—о воспріятіи Сводомъ законной силы съ 1 января 1835 г. Но она (въ связи съ указомъ 30 августа 1834 г. о первомъ продолженіи къ Своду и со статьею VI (п. 1) правилъ 12 декабря 1834 г.) касалась исключительно законодательства, накопившагося къ 1 января 1834 г., и въ этомъ своемъ значеніи въ обновленіи для Свода 1842 г., конечно, не нуждалась. Другое дѣло, если бы имѣлось въ виду присвоить ту же „законную силу" всему матеріалу, вошедшему въ изданіе 1842 года. Въ такомъ случаѣ неизбѣжно было бы установленіе соотвѣтствующаго статьѣ 1 манифеста 1833 г. положенія,—тѣмъ болѣе, что означенная статья не нашла себѣ нигдѣ въ Сводѣ прямого воспроизведенія [3]). Но этого ни въ указѣ 4 марта, ни въ другихъ дополнительныхъ къ нему постановленіяхъ 1843 года выражено не было. Остается, слѣдовательно, сдѣлать выводъ, что изданіе 1842 года лишено той самостоятельной силы закона, которою обладало основное изданіе Свода. Прежнюю законную силу сохранили, конечно, всѣ тѣ статьи новаго изданія, которыя воспроизводили первый Сводъ и показаны основанными на узаконеніяхъ, послѣдовавшихъ до 1 января 1834 г.,—развѣ бы только нѣкоторыя изъ нихъ (напр., въ уставѣ таможенномъ) не успѣли утратить значенія закона вслѣдствіе признанія начала измѣняемости ихъ, какъ основанныхъ на предписаніяхъ министровъ, въ томъ же самомъ порядкѣ, внѣ Высочайшаго утвержденія. Засимъ, ту же самую силу закона приходится, безспорно, признать и за тѣми статьями Свода 1842 г.,—безразлично отъ того, основаны ли онѣ исключительно на источникахъ болѣе ранняго времени, напр.,

---

[1]) Стр. 192—195.

[2]) Стр. 88.

[3]) Указаніе примѣчанія къ ст. 243 законовъ гражданскихъ, по III продолженію, въ счетъ идти не можетъ, потому что упоминаніе его о датѣ 1 января 1835 г., какъ о срокѣ вступленія Свода въ силу закона, основано не на манифестѣ, а на позднѣйшемъ узаконеніи 4 іюня 1836 г.

до 1832 года, или обнимаютъ своимъ содержаніемъ и позднѣйшія постановленія,—редакція которыхъ получила, по докладу Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ, Высочайшее утвержденіе. Сказанное имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что въ Сводѣ 1842 года подверглись обработкѣ нѣкоторые такіе отдѣлы законодательства, которыхъ не было въ основномъ изданіи.

Весьма цѣнно было бы, приходя къ такимъ положеніямъ на основаніи сопоставленія актовъ, сопровождавшихъ вступленіе въ силу обоихъ первыхъ изданій Свода, найти имъ подтвержденіе въ тѣхъ объяснительныхъ данныхъ, которыя дошли до насъ относительно работы надъ вторымъ изданіемъ. Насколько скудны письменные слѣды по первому Своду, въ особенности въ отношеніи докладовъ, подносившихся Государю, настолько именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи богата эпоха управленія Вторымъ Отдѣленіемъ гр. Блудова. Начиная съ его времени, изслѣдователь архивныхъ данныхъ чувствуетъ подъ собою уже гораздо болѣе твердую почву. Новый главноуправляющій, поставивъ себѣ задачей переизданіе Свода, считалъ своимъ долгомъ давать Монарху частый и подробный отчетъ не только о внѣшнемъ ходѣ работъ, но и о внутренней ихъ сторонѣ [1]). Это послѣднее качество всеподданнѣйшихъ докладовъ Блудова позволяетъ открыть въ нихъ нѣкоторыя, хотя, правда, всегда только попутныя, а не принципіальныя, данныя по интересующему насъ вопросу. Цѣль новаго труда онъ видѣлъ не въ простомъ только соединеніи вышедшихъ съ 1832 по 1839 годъ продолженій Свода съ первымъ его текстомъ и внесеніи новыхъ законовъ, но и въ томъ, чтобы „по возможности усовершенствовать оный въ нѣкоторыхъ частяхъ и подробностяхъ исправленіемъ вкравшихся кое-гдѣ ошибокъ и противорѣчій, исключеніемъ повтореній, изъ коихъ иныя при первоначальной работѣ были неизбѣжны, или даже и полезны и нужны, наконецъ, лучшимъ правильнѣйшимъ размѣщеніемъ обнародованныхъ съ 1832 года постановленій, дополняющихъ или отчасти измѣняющихъ вошед-

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ 25 января 1840 г.; 20 февраля 1841 г. № 15; 18 сентября 1841 г. № 53; 22 января 1842 г. (31 декабря 1841 г. № 589); 10 декабря 1842 г. № 91; 18 февраля 1843 г. № 5 (въ томахъ I—IV Собранія всеподданнѣйшихъ докладовъ Второго Отдѣленія; копіи въ дѣлѣ 1840 г. № 6, ч. 1 и 2, а также въ приложеніи I (стр. 38—58) къ представленію Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ 15 февраля 1885 г. № 97). Подробныя изъ нихъ извлеченія имѣются въ книгѣ Майкова,—О Сводѣ законовъ Россійской Имперіи (стр. 102 слѣд.).

шія въ первоначальный текстъ Свода". Къ непосредственному своему, какъ главноуправляющаго, труду гр. Блудовъ относилъ, кромѣ разрѣшенія исправленій, касающихся формы изложенія (съ представленіемъ, въ случаяхъ сомнительныхъ или особенно важныхъ, своихъ заключеній на Высочайшее усмотрѣніе), также направленіе всѣхъ вопросовъ исправленія по существу. „Когда въ существѣ статей Свода встрѣтятся противорѣчія, происшедшія или отъ ошибки первыхъ редакторовъ Свода, или отъ несогласія между собою самыхъ законовъ, изъ коихъ извлечены статьи онаго, или же когда будетъ признано, что въ какой-либо статьѣ смыслъ первоначальнаго закона выраженъ несовершенно, или что въ самомъ семъ законѣ, а потому и въ Сводѣ, есть темнота, которую можно и полезно объяснить въ новомъ изданіи Свода", главноуправляющій намѣревался „испрашивать Высочайшаго разрѣшенія... непосредственно или чрезъ Государственный Совѣтъ", въ послѣднемъ случаѣ послѣ предварительнаго сношенія съ министерствами. Равнымъ образомъ необходимо, по словамъ Блудова, Высочайшее соизволеніе на исправленія въ одномъ изъ этихъ двухъ порядковъ и въ томъ случаѣ, если будутъ, въ отношеніи слога, замѣчены „явно излишнія повторенія или выраженія весьма неполныя и мало понятныя". Такой взглядъ вытекалъ изъ того неоднократно выставляемаго Блудовымъ положенія, что „Сводъ законовъ не есть новое законоположеніе; онъ и былъ и долженъ быть лишь собраніемъ почти буквальнымъ того, что издано въ теченіе двухъ столѣтій и сохраняетъ доселѣ свою силу"; въ изложеніи статей „должно держаться по возможности словъ и слога подлинныхъ актовъ" [1]), и, такъ какъ второй Сводъ „отнюдь не есть новый кодексъ, но исправленное и дополненное изданіе того же Свода 1832 года", а текстъ сего послѣдняго „есть Высочайше утвержденный законъ" [2]), то „не измѣнять.... не токмо принятаго въ Сводѣ

---

[1]) Въ отчетѣ Балугьянскаго о порядкѣ изготовленія Свода новымъ изданіемъ, представленномъ Государю 22 января 1842 г., эта мысль выражена еще категоричнѣе: „при внесеніи новыхъ постановленій предписано держаться словъ и слога подлинныхъ актовъ и дѣлать измѣненія не иначе, какъ по воспослѣдованіи соизволенія Его Императорскаго Величества".

[2]) Такъ выразился Балугьянскій въ упомянутомъ выше (вын. 1) отчетѣ, а въ болѣе раннемъ своемъ отчетѣ отъ 8 ноября 1840 г., представленномъ Блудову по случаю его отсутствія, онъ сдѣлалъ изъ этого слѣдующій, едва-ли однако для того времени основательный, выводъ: „текстъ Свода есть Высочайше утвержденный нынѣ дѣйствующій законъ, который не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта". Въ даль-

порядка въ расположеніи предметовъ, но даже безъ необходимой надобности и выраженій онаго, получившихъ силу закона". Благодаря этому Сводъ 1842 года „остался хранилищемъ всего отечественнаго законодательства, образовавшагося въ теченіе вѣковъ и носящаго печать историческаго своего происхожденія". Подновленіе же существующаго Свода выразилось добавленіемъ, на основаніи прежняго законодательнаго матеріала, напр., въ IX томѣ нѣкоторыхъ постановленій о православномъ духовенствѣ и включеніемъ новаго отдѣла объ инославныхъ духовныхъ лицахъ; первыя были предварительно разсмотрѣны общимъ присутствіемъ Святѣйшаго Синода, при чемъ нѣкоторыя его опредѣленія были подносимы, за общимъ подписаніемъ гр. Блудова и гр. Протасова, на Высочайшее благоусмотрѣніе. Встрѣченныя по X тому затрудненія и сомнѣнія внесены были на законодательное разсмотрѣніе при особыхъ запискахъ [1]). Въ Государственномъ же Совѣтѣ получили утвержденіе проектъ статей и размѣщеніе въ Сводѣ впервые вводимыхъ въ него мѣстныхъ узаконеній для губерній Черниговской и Полтавской [2]). Въ томъ же порядкѣ состоялось разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ по уставамъ о службѣ, горному и о пошлинахъ. Но независимо отъ такихъ, проведенныхъ черезъ Государственный Совѣтъ, измѣненій и дополненій по инииціативѣ Втораго Отдѣленія, имѣлся еще цѣлый рядъ другихъ исправленій, осуществленныхъ, очевидно, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 18 мая 1839 г. Въ приложенной къ всеподданнѣйшему докладу 22 января 1842 г. отчетной таблицѣ подъ названіемъ „перечень всѣхъ измѣненій Общаго Свода законовъ съ 1832 по 1 января 1842 г." въ отдѣлѣ

нѣйшемъ однако изложеніи изъ этого „коренного постояннаго правила" для редакторовъ Свода Балугьянскій допускаетъ рядъ изъятій, въ значительной мѣрѣ колеблющихъ основное положеніе.

[1]) Напр., касательно споровъ противъ законности рожденія по истеченіи опредѣленнаго срока, о правѣ отдѣленныхъ дѣтей на принадлежащія имъ въ собственность имущества, о времени для подачи апелляціонныхъ жалобъ отъ малолѣтнихъ, объ учрежденіи опекъ надъ нѣмыми и глухонѣмыми, о точнѣйшемъ опредѣленіи случаевъ, въ коихъ имѣніе считается выморочнымъ, о порядкѣ описи и оцѣнки недвижимыхъ имѣній и др. Вопросы эти разрѣшены были Высочайше утвержденными мнѣніями Государственнаго Совѣта 4 и 9 ноября и 9 и 14 декабря 1842 г. При многихъ изъ нихъ помѣщены въ Полномъ Собраніи Законовъ (см. № 16166—16169, 16187, 16314, 16325—16327) и самыя записки, внесенныя Вторымъ Отдѣленіемъ. По одному изъ этихъ дѣлъ, а именно по вопросу о спорахъ противъ законности рожденія, въ Государственномъ Совѣтѣ произошло разногласіе (дѣло Деп. Зак. 1842 г. № 88).

[2]) Именной указъ 4 марта 1843 г. (П. С. З., № 16585).

исправленныхъ статей „по неясности и другимъ нынѣ замѣченнымъ недостаткамъ (на основаніи прежнихъ законовъ) [1]“ показана крупная цифра 726 (изъ коихъ по одному X тому 450 исправленій). Если вспомнимъ, что согласно подобной же таблицѣ, сопровождавшей первое продолженіе къ Своду 1832 г., число этого рода исправленій было выше указанной цифры (а именно 823, при 134 исправленіяхъ по тому X), что дальнѣйшія продолженія также заключали—хотя и неизвѣстно, въ какой именно степени,—однородныя исправленія, что нѣкоторая часть исправленій ко времени новаго изданія должна была отпасть вслѣдствіе замѣны исправленныхъ статей новыми узаконеніями и что, наконецъ, при составленіи послѣдняго продолженія 1839 г. Второе Отдѣленіе не успѣло осуществить всѣхъ намѣчавшихся поправокъ, то мы должны допустить въ составѣ вышеупомянутой цифры 726 извѣстную и, можетъ быть, не столь незначительную долю новыхъ исправленій, не значившихся въ послѣднемъ сводномъ продолженіи. Судя по вышеприведеннымъ общимъ сужденіямъ руководителя Второго Отдѣленія, совпадавшимъ и со взглядами на Сводъ ближайшаго его сотрудника статсъ-секретаря Балугьянскаго, слѣдуетъ предположить, что всякое изъ этихъ новыхъ исправленій имѣло за собою Высочайшее на то соизволеніе и что такимъ образомъ испрошенное Дашковымъ Высочайшее повелѣніе 18 мая 1839 г. получило, при гр. Блудовѣ, значеніе не общаго полномочія Второго Отдѣленія на исправленіе Свода 1832 года собственною властью, а лишь возложенныхъ на Главноуправляющаго этимъ Отдѣленіемъ права и обязанности, при выяснившейся тѣмъ или инымъ путемъ необходимости, устранить ошибку или неточность въ основномъ изданіи Свода, испрашивать на то, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, Высочайшее разрѣшеніе [2].

Въ качествѣ примѣра сошлемся на произведенное въ новомъ изданіи исправленіе, по всеподданнѣйшему докладу Блудова, статьи 2280 законовъ гражданскихъ. Относительно нея еще въ концѣ 1836 года Министромъ Удѣловъ кн. Волконскимъ [3]) возбу-

---

[1]) Предыдущія рубрики касаются измѣненій по новымъ законамъ, послѣ 1832 года изданнымъ.

[2]) На Высочайшее воззрѣніе гр. Блудовымъ представлялись предположенія о всѣхъ болѣе существенныхъ отступленіяхъ отъ перваго изданія, какъ объ этомъ можно судить на основаніи доклада его отъ 26 ноября 1842 г. № 88 по уставу арендному, подлежавшему переименованію и переработкѣ въ уставъ о хозяйственномъ управленіи населенныхъ казенныхъ имѣній.

[3]) Письмо 29 ноября 1836 г. № 164.

жденъ былъ передъ Сперанскимъ вопросъ о несоотвѣтствіи ея источникамъ. Находя ее „составленною вновь, а не извлеченною изъ прежнихъ узаконеній“, удѣльное вѣдомство требовало ея исправленія въ томъ смыслѣ, чтобы удѣльные крестьяне, въ случаѣ неудовольствія на рѣшеніе управляющаго конторою, по тяжбамъ ихъ между собою, приносили жалобы Департаменту Удѣловъ, не обращаясь въ общія судебныя мѣста, какъ того требовала статья 2280. Сперанскій согласился съ этимъ и, какъ гласилъ его отвѣтъ [1]), сдѣлалъ распоряженіе о соотвѣтствующемъ исправленіи въ будущемъ продолженіи. Между тѣмъ, неизвѣстно, по какой причинѣ, данное указаніе осталось неисполненнымъ [2]). Лишь при составленіи новаго изданія открылось это обстоятельство, и гр. Блудовъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ для полученія разрѣшенія на вышеуказанное исправленіе. Увѣдомляя объ этомъ въ концѣ 1842 года [3]) Министра Удѣловъ, Блудовъ сообщилъ ему и ту видоизмѣненную редакцію, въ которой, во исполненіе Высочайшей воли, будетъ изложена въ новомъ изданіи статья 2280 зак. гражд. [4]).

На приведенномъ примѣрѣ наглядно видна разница въ порядкѣ исправленія текста перваго Свода, съ одной стороны,—при дѣйствіи правилъ о его ревизіи и составленіи продолженій къ Своду 1832 года, а съ другой—въ то время, когда подъ руководствомъ Блудова составлялось изданіе 1842 года: тогда какъ въ первый періодъ, при распространительномъ толкованіи изданныхъ для практической повѣрки правилъ, не встрѣчавшія разногласія поправки вносились въ Сводъ какъ бы на основаніи общаго полномочія, собственною властью Второго Отдѣленія,—тѣ же самыя исправленія, начиная съ сороковыхъ годовъ, признавались возможными лишь по испрошеніи особаго Высочайшаго на то разрѣшенія [5]). Такое же осторожное отношеніе Блудова къ основному

---

[1]) Письмо 23 декабря 1836 г.

[2]) Гр. Блудовъ въ 1842 г. писалъ кн. Волконскому, что покойный гр. Сперанскій не успѣлъ привести сего въ исполненіе.

[3]) Письмо 21 декабря 1842 г. № 414.

[4]) См. ст. 3028 т. X, ч. 1 изд. 1842 г.

[5]) Еще болѣе интересный случай, который, однако, въ противоположность предыдущему, никакъ не могъ бы быть квалифицированъ въ качествѣ ошибки редактора I тома, былъ обнаруженъ нѣсколько позже, въ 1843 году. По частному дѣлу (см. Майковъ, Второе Отдѣленіе, стр. 382, 383 вын. 2) выяснилось разнорѣчіе между Сводомъ и статутомъ Маріинскаго знака отличія безпорочной службы, раздававшимся всѣмъ получающимъ этотъ знакъ. Тогда какъ въ пер-

тексту Свода обрисовывается и въ дѣлахъ, восходившихъ отъ него въ Государственный Совѣтъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ заявлялъ: „соглашаясь вполнѣ съ заключеніемъ гр. Панина, я однакоже со своей стороны не счелъ себя въ правѣ прямо отъ себя сдѣлать въ новомъ изданіи требуемыя имъ исправленія“ [1]). Въ другомъ дѣлѣ, вызвавшемъ довольно рѣзкую полемику между этими двумя государственными дѣятелями, гр. Блудовъ, отвергая домогательства Министра Юстиціи отложить вопросъ о ст. 90 зак. гражд. до общаго пересмотра вопроса о давности и ссылаясь на необходимость предлагаемаго имъ, Главноуправляющимъ, поясненія въ виду состоявшихся прямыхъ на то законодательныхъ указаній, сознавался, что на внесеніе этого вопроса въ Государственный Совѣтъ его подвинула, кромѣ важности закона, къ коему относится объясненіе, еще „можетъ быть, излишняя“ осторожность [2]). Ту же сугубую осторожность или, скорѣе, даже щепетильность, въ виду важности затрогиваемаго предмета, онъ проявилъ въ отношеніи основныхъ законовъ, испросивъ въ 1840 году

вомъ о пенсіонныхъ преимуществахъ для дѣтей отличеннаго никакихъ указаній не заключалось, печатаемые Капитуломъ Орденовъ частные экземпляры статута подобное право оговаривали. Министерство Финансовъ, руководствуясь Сводомъ законовъ, должно было отказать въ выдачѣ пенсіи. Возникшею перепиской было выяснено, что въ Полномъ Собраніи Законовъ и въ I томѣ Свода законъ 14 декабря 1828 г. напечатанъ былъ въ полномъ соотвѣтствіи съ Высочайше утвержденнымъ и обнародованнымъ его текстомъ въ формѣ манифеста. Между тѣмъ въ Капитулѣ Орденовъ хранился тотъ же законъ, также за Высочайшею подписью, въ формѣ статута, носящаго ту же самую дату утвержденія, но представляющаго нѣкоторыя отличія отъ текста манифеста. Дальнѣйшее разслѣдованіе о причинахъ этого разнорѣчія показало, что вскорѣ послѣ обнародованія манифеста о Маріинскомъ знакѣ отличія кн. Куракинъ, тогдашній канцлеръ Капитула Орденовъ, испросилъ Высочайшее повелѣніе о приведеніи закона въ форму статута, контрасигнируемаго, подобно другимъ орденскимъ статутамъ, канцлеромъ и вице-канцлеромъ и утверждаемаго государственною печатью. Во время этой передѣлки признано было необходимымъ вввести нѣкоторыя новыя правила, въ числѣ ихъ и относительно пенсій дѣтямъ, и въ такомъ дополненномъ видѣ статутъ въ февралѣ 1829 г. былъ вновь удостоенъ Высочайшаго подписанія, при чемъ однако проставлена была прежняя дата 14 декабря 1828 г. Въ этомъ новомъ видѣ статутъ обнародованъ не былъ и поэтому остался неизвѣстнымъ и Второму Отдѣленію.—Для надлежащихъ исправленій въ Сводѣ (по 2-му продолженію) и для внесенія статута въ Полное Собраніе гр. Блудовъ испросилъ особое Высочайшее соизволеніе (всеподд. докл. 27 янв. 1844 г. № 8).

[1]) См. въ Полн. Собр. Зак. № 16326 Выс. утв. 14 дек. 1842 г. мнѣн. Гос. Сов. о формѣ публикацій совершаемыхъ и являемыхъ крѣпостныхъ актовъ.

[2]) Дѣло Деп. Зак. Гос. Сов. 1842 г. № 88 о поясненіи ст. 90 зак. гражд.

особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ Высочайшее соизволеніе на всѣ безъ исключенія измѣненія въ изготовляемомъ новомъ изданіи, какъ бы незначительны они ни были (напр., только въ цитатахъ) и хотя бы они всецѣло основывались на позднѣйшихъ узаконеніяхъ [1]). Этотъ порядокъ во всей строгости сохранился на протяженіи и всѣхъ дальнѣйшихъ изданій Свода законовъ [2]). Благодаря этому въ отношеніи основныхъ законовъ изданій 1842, 1857 и 1892 годовъ возможно было признавать, что они полностью сохранили „законную" силу перваго ихъ изданія.

При такого рода принципіальномъ отношеніи, во время составленія Свода 1842 года, къ основному его тексту, т. е. когда всякое измѣненіе въ послѣднемъ *не* на основаніи позднѣйшихъ узаконеній считалось требующимъ отдѣльнаго Высочайшаго утвер-

---

[1]) Всеподд. докл. 14 марта 1840 г. № 19 (въ т. I Выс. пов. II Отд. л. 216—230). Измѣненія касались ст. 8—11, 35, 39, 50, 58, 66, 76, 103, 139 и др. Общая мотивировка была слѣдующей: „Всѣ сіи сомнѣнія могутъ весьма легко быть устранены на будущее время одними исправленіями редакціи или небольшими въ текстѣ дополненіями; но, какъ оныя относятся къ постановленіямъ о дѣйствіи Самодержавной власти, о порядкѣ наслѣдія Престола и преимуществъ Членовъ Императорскаго Дома, то по важности предмета должны были войти въ разрядъ тѣхъ, по коимъ . . . . Второе Отдѣленіе . . . . обязано испрашивать разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества чрезъ Государственный Совѣтъ или непосредственно".

[2]) Для нихъ оставалось въ силѣ и слѣдующее, установленное при Государѣ Николаѣ Павловичѣ, руководящее правило: „допускать въ Сводѣ основныхъ законовъ Имперіи и самыя малѣйшія перемѣны, даже въ неважныхъ, по существу своему, словахъ и въ порядкѣ нумераціи статей не иначе, какъ по очевидной въ томъ необходимости и съ крайнею осторожностью" (процитировано во всеподд. докл. 12 (20) апр. 1856 г. № 19).—Что касается *продолженій* къ основнымъ законамъ, то должной въ этомъ отношеніи послѣдовательности не наблюдается: продолженія къ изданію 1842 года не внесли въ ихъ текстъ никакихъ измѣненій (были отмѣтки только въ указателяхъ); при составленіи продолженій 1863, 1864 и 1868 г.г. къ третьему изданію, дополненія и редакціонныя перемѣны на основаніи позднѣйшихъ узаконеній дѣлались на общемъ основаніи, безъ особаго о каждомъ изъ нихъ доклада. Осторожный кн. Урусовъ, ссылаясь на доклады гр. Блудова, испросилъ въ 1869 году положительное Высочайшее указаніе, для руководства на будущее время, относительно продолженій, которое послѣдовало въ томъ смыслѣ, что Высочайшія повелѣнія 1840 г. относятся лишь къ исправленію тѣхъ статей, по коимъ возникнутъ сомнѣнія при пересмотрѣ прежняго текста, но не касаются обычнаго дополненія или измѣненія въ продолженіяхъ на основаніи новыхъ постановленій (см. докладъ 13 ноября 1869 г.). Тѣмъ не менѣе Кодификаціонный Отдѣлъ входилъ съ особыми всеподданнѣйшими докладами по поводу всякаго измѣненія 1 части I тома также и въ продолженіяхъ (см., напр., докладъ 19 октября 1883 г. № 7).

жденія, не было, конечно, ни повода, на надобности (въ противоположность первому изданію) присвоивать новому Своду en bloc силу закона. Засимъ, какъ неоднократно уже упоминалось, нѣкоторые томы Свода могли пополняться административными постановленіями; къ числу ихъ въ изданіи 1842 г. прибавились уставы кредитные, которые, по настоянію Министра Финансовъ и съ особаго Высочайшаго разрѣшенія [1]), дополнены были, въ отступленіе отъ правилъ 15 декабря 1834 г., нѣкоторыми пояснительными предписаніями, не имѣвшими Высочайшаго утвержденія. Этими двумя обстоятельствами, вѣроятно, и обусловливалось отсутствіе въ актахъ, сопровождавшихъ изданіе 1842 года, указанія на присвоеніе переработанному Своду силы закона. Тѣмъ болѣе неожиданною является поэтому наличность указанія на „законную силу" въ именномъ указѣ 10 августа 1843 г. (П. С. З., № 17098) объ изданіи перваго продолженія Свода законовъ 1842 года. Вышеупомянутое выраженіе, на которомъ, собственно, базируется непререкаемость основного текста Свода, употреблено здѣсь въ томъ же самомъ сочетаніи „законная сила и дѣйствіе", въ какомъ оно значится въ статьѣ 1 манифеста 31 января 1833 г. и было повторено въ именномъ указѣ 30 августа 1834 г. объ изданіи перваго продолженія къ Своду 1832 года. Вообще близко напоминая, въ исторической своей части, содержаніе указа 1834 года, указъ 10 августа 1843 г. такъ видоизмѣняетъ повелительную часть перваго: „привести оное (продолженіе) въ законную силу и дѣйствіе, *равныя со Сводомъ 1842 года* [2]), дополняя и замѣняя статьи его, гдѣ слѣдуетъ, статьями продолженія, имъ соотвѣтствующими (въ указѣ же 1834 года было сказано: „привести оное въ законную силу и дѣйствіе *въ совокупности со Сводомъ* [2]), дополняя и замѣняя статьи Свода, гдѣ слѣдуетъ, статьями продолженія, имъ соотвѣтствующими"). Возможно ли однако усматривать въ цитированной выпискѣ дополнительное, хотя бы и нѣсколько запоздалое, постановленіе къ указу 4 марта 1843 г., т. е. намѣренное включеніе этого специфическаго означенія въ цѣляхъ приданія Своду 1842 года такой же законной силы, какою обладалъ ко времени вступленія своего въ дѣйствіе Сводъ 1832 года? Въ этомъ позволительно усомниться. Прежде всего, какъ показываютъ приводившіяся выше соображенія, для этого не только не представлялось

[1]) Всепод. докладъ 10 декабря 1842 г. № 92 (т. III Собр. докл., л. 1429).
[2]) Курсивъ нашъ.

никакихъ видимыхъ основаній, но подобное признаніе было бы прямымъ отступленіемъ отъ принятаго уже начала не считать закономъ тѣ статьи Свода, которыя основаны на постановленіяхъ, не получившихъ Высочайшаго утвержденія, и которыя допускали дальнѣйшее ихъ измѣненіе ордерами Министра Юстиціи и распоряженіями Министра Финансовъ. Не было засимъ основанія присвоивать особливую силу и самому продолженію, потому что оно вышло въ самомъ непродолжительномъ послѣ Свода времени и не заключало никакихъ существенныхъ къ нему поправокъ [1]). Надо думать, что составитель указа не влагалъ въ приведенныя выше слова иного значенія, какъ равносильности издаваемаго продолженія и самаго Свода, т. е. желалъ выразить мысль, въ точности вытекавшую изъ смысла статьи 4 правилъ о приведеніи и указаніи законовъ при производствѣ дѣлъ [2]), и воспользовался для этого текстомъ указа 30 августа 1834 г. относительно перваго продолженія къ основному изданію Свода, упустивъ совершенно изъ вида особое значеніе словъ „законная сила" въ названномъ указѣ. Вѣроятіе такого случайнаго происхожденія этихъ словъ въ указѣ, который былъ поднесенъ къ Высочайшему подписанію [3]), усиливается какъ указаніемъ всеподданнѣйшаго доклада на представляемый „*сообразно прежнему порядку*, проектъ указа Правительствующему Сенату о введеніи нынѣшняго продолженія *въ дѣйствіе*", такъ и слѣдующимъ, относящимся къ этому же первому продолженію, поясненіемъ, которое содержится во всеподданнѣйшемъ докладѣ гр. Блудова по поводу выпущеннаго въ 1844 году второго продолженія: „оно должно быть употребляемо какъ первое, т. е. *въ равной силѣ* со Сводомъ изданія 1842 года" [4]), а засимъ и указаніемъ Высочайшаго повелѣнія о третьемъ продолженіи [5]) на введеніе его „подобно первымъ двумъ, въ употребленіе *въ равной силѣ*

---

[1]) Даже и число опечатокъ показано въ половину меньше, чѣмъ въ первомъ изданіи. Онѣ всѣ нашли себѣ исправленіе во второмъ тисненіи Свода 1842 года, понадобившемся уже къ 1844 году. Дополнительное это тисненіе довольно трудно отличимо отъ основного, потому что годъ печатанія означенъ на немъ также 1842-й, а не 1844-й.

[2]) Учр. Сенат., изд. 1842 г., ст. 102, прил.

[3]) Всеподданнѣйшій объ этомъ докладъ исходилъ на этотъ разъ, за отсутствіемъ гр. Блудова, отъ Балугьянскаго.

[4]) Докладъ 16 марта 1844 г. № 22 (въ т. V всеподд. докл. II Отд.). Въ самый однако текстъ сенатскаго указа, объявлявшаго о выходѣ продолженія (1844 г. апрѣля 3, П. С. З., № 17797), слова эти не вошли.

[5]) 1844 г. сентября 5 (П. С. З., № 18201).

со Сводомъ законовъ 1842 года". Изъ приведенныхъ словъ видно, съ одной стороны, что первое продолженіе ничѣмъ не отличается въ своей силѣ отъ второго и третьяго продолженій, по поводу которыхъ именного указа не издавалось, а съ другой стороны—что всѣ эти три продолженія равносильны самому Своду, при чемъ о *законной* силѣ сего послѣдняго или продолженій здѣсь не упомянуто. Наконецъ, не будетъ, быть можетъ, слишкомъ рискованнымъ и такое, въ данномъ случаѣ, истолкованіе словъ „законная сила и дѣйствіе", что тутъ они не имѣютъ значенія словъ „сила закона", какъ въ манифестѣ 1833 года, а означаютъ именно только законную силу, т. е. силу, опредѣленную въ законѣ или основанную на законѣ и заключающуюся,—такъ какъ закономъ въ данномъ случаѣ является приложеніе къ ст. 102 учрежденія Правительствующаго Сената,—въ обязательности, согласно этому приложенію, ссылокъ въ дѣлахъ не на подлинныя узаконенія, а на вмѣстившіе ихъ Сводъ и продолженія къ нему. Нѣкоторое основаніе для подобнаго предположенія создается тѣмъ, что въ сороковыхъ годахъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надлежало возвести какое либо правило на степень закона, писали уже не о законной его силѣ, а о силѣ закона, ему принадлежащей. Такъ, въ одной изъ упоминавшихся выше записокъ гр. Блудова относительно статьи 44 тома X указано, что она имѣетъ „полную силу закона", ибо помѣщена въ Сводѣ и на оную въ теченіе 9 или 10 лѣтъ не было ни возраженій, ни замѣчаній. Засимъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1840 г. № 5 Блудовъ, намѣчая пріемы къ составленію новаго изданія Свода, указываетъ на недопустимость измѣненія „даже выраженій, получившихъ силу закона". Наконецъ, въ Высочайшемъ указѣ 1 іюня 1845 г. [1]) юридическая сила впервые издаваемаго Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ (части 1 и 2) также была опредѣлена словами: „полная сила и дѣйствіе закона". Съ другой же стороны, законодательный памятникъ того времени—уложеніе о наказаніяхъ 1845 года, составленное, какъ извѣстно, по тому же Второму Отдѣленію,—употребляетъ прилагательное „законный" въ такихъ только сочетаніяхъ, какъ „законная власть", „законное дѣйствіе", „законныя повинности", „законное исполненіе обязанностей" [2]) и т. п., т. е. вездѣ въ смыслѣ основанности на законѣ [3]).

---

[1]) П. С. З., № 19146.

[2]) Ст. 303—306 улож. наказ. по изд. 1857 г.

[3]) Иногда выраженіе „законная сила и дѣйствіе" употребляется въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ „сила и дѣйствіе" вообще, т. е. въ видѣ оборота рѣчи

На основаніи общей совокупности приведенныхъ соображеній возможно, казалось бы, не придавать имѣющемуся въ указѣ 10 августа 1843 г. упоминанію о Сводѣ 1842 г. значенія указанія на присвоенную сему Своду силу закона,—хотя буква указа и могла бы служить опорой для обратнаго мнѣнія.

За вышеупомянутыми тремя продолженіями, обнимавшими узаконенія за 1842 и за 1843 годы, послѣдовало еще 16 такихъ же очередныхъ продолженій, издававшихся бо̀льшею частью по полугодіямъ [1]). Всѣ они подвергались обнародованію при объявляемыхъ Высочайшихъ повелѣніяхъ, а не при именныхъ указахъ, какъ первое. При этомъ въ цѣломъ рядѣ случаевъ соотвѣтствующія продолженія (а именно IV—VI и IX—XIII) названы были Высочайше одобренными. Такая квалификація однихъ продолженій и отсутствіе ея по отношенію къ другимъ не могутъ, однако, служить показателями различной юридической силы этихъ изданій Второго Отдѣленія. Въ литературѣ уже было отмѣчено [2]), что *всѣ* изданія Второго Отдѣленія имѣютъ за собою презумпцію такого Высочайшаго одобренія. Засимъ и самый терминъ „одобреніе" не долженъ быть отождествляемъ съ имѣющимъ опредѣленное юридическое значеніе терминомъ „утвержденіе". Равнымъ образомъ не играетъ роли и та внѣшняя форма, въ которую облекалось волеизъявленіе Высочайшей власти въ отношеніи введенія въ дѣйствіе изданныхъ продолженій: избраніе для перваго продолженія болѣе торжественной формы именного указа объяснено въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ гр. Блудова [3]) тѣмъ, что здѣсь объяснялась цѣль всѣхъ

безъ опредѣленнаго юридическаго оттѣнка. Примѣръ этому имѣемъ въ ст. 1 положенія 11 ноября 1847 г. о введеніи въ дѣйствіе въ Царствѣ Польскомъ уложенія о наказаніяхъ (Дн. Зак., т. 40, стр. 6), въ которой употреблены въ качествѣ равнозначащихъ оба эти выраженія: „ . . . теряютъ *силу свою и дѣйствіе* въ Царствѣ Польскомъ какъ . . . . уголовный кодексъ, такъ и изданныя въ дополненіе или измѣненіе онаго постановленія, а вмѣсто того . . . . имѣетъ воспріять *законную силу и дѣйствіе* уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ".

[1]) Эта система, по возможности, частаго выпуска продолженій была установлена гр. Блудовымъ съ Высочайшаго соизволенія; до его вступленія въ должность Балугьянскій высказалъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ мысль объ изданіи продолженій на будущее время только „по истеченіи 5, 10 или болѣе лѣтъ, по мѣрѣ какъ будетъ настоять надобность"; но уже тогда Государь помѣтилъ противъ этого мѣста: „необходимо по прежнему".

[2]) М. А. Лозина-Лозинскій. Кодификація законовъ по русскому государственному праву (Журн. Мин. Юст. 1897 г. № 5, стр. 129).

[3]) Докладъ 16 марта 1844 г. № 2 (т. V всепод. докл. II Отд.).

продолженій и опредѣлялся порядокъ, коимъ будутъ разсылаемы экземпляры оныхъ въ присутственныя мѣста и управленія, получающія книги законовъ на счетъ государственнаго казначейства.

Какъ не получили силы закона упомянутыя 19 продолженій къ Своду 1842 года, такъ не присвоено было ея и новой 5-ой части этого Свода, вышедшей въ 1848 году подъ названіемъ уставовъ счетныхъ. Обнародованіе и приведеніе ихъ въ дѣйствіе состоялось по именному указу 7 октября 1848 г. [1]), при чемъ въ исторической его части отмѣчено, что особый сводъ этимъ узаконеніямъ составленъ во Второмъ Отдѣленіи подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Монарха, а опредѣленіе силы самаго изданія заключалось въ слѣдующемъ предписаніи: „съ 1 мая 1849 года во всѣхъ мѣстахъ правительственныхъ и судебныхъ и вообще въ дѣлахъ при указаніи на постановленія и правила счетныя, подъ какимъ бы наименованіемъ оныя по управленію Государственнаго Контроля ни были изданы, за исключеніемъ лишь внесенныхъ въ Сводъ военныхъ постановленій, означать статьи свода уставовъ счетныхъ тѣмъ же порядкомъ, какъ означаются статьи прочихъ частей Общаго Свода законовъ Имперіи". Такимъ образомъ приданія новой части Свода свойства самостоятельнаго закона не состоялось [2]), и ея юридическая сила сводилась только къ той же обязательности въ ссылкахъ, какая присвоена была всему Своду приложеніемъ къ статьѣ 102 учрежденія Сената.

На силѣ принадлежащихъ къ тому же періоду дѣйствія Свода 1842 года изданій: а) 1845 года—новаго уложенія о наказаніяхъ и б) 1851 года—устава о земскихъ повинностяхъ—останавливаться не приходится, такъ какъ первое было лишь буквальнымъ воспроизведеніемъ—притомъ, пока, не въ составѣ самаго Свода законовъ—законоположенія 15 августа 1845 г. [3]), а второе—являлось не болѣе

---

[1]) П. С. З., № 22637.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ докладѣ отъ 7 октября 1848 г. № 57 объяснено, что „Сводъ уставовъ счетныхъ есть дополненіе и, слѣдственно, въ нѣкоторомъ смыслѣ продолженіе Общаго Свода. Онъ не можетъ быть почитаемъ закономъ новымъ, ибо составленъ изъ постановленій, имѣющихъ уже полную силу и болѣе или менѣе всѣмъ извѣстныхъ". Поэтому новый сводъ не подлежалъ внесенію въ Государственный Совѣтъ (ср. выноску на стр. 71), а, какъ „систематическое собраніе постановленій счетныхъ, ни въ чемъ не измѣненныхъ", долженъ быть, по мнѣнію гр. Блудова, предложенъ непосредственно Сенату такимъ же порядкомъ, какъ и продолженія Свода, но при Высочайшемъ указѣ.

[3]) См. Высочайшее повелѣніе 6 октября 1845 г. (П. С. З. № 19382).

какъ оттискомъ въ видѣ отдѣльной книжки помѣщеннаго въ составѣ XV продолженія заново переизданнаго, въ виду новыхъ правилъ 13 іюля 1851 г., устава о земскихъ повинностяхъ [1]).

XI.

Принятая Вторымъ Отдѣленіемъ, по мысли гр. Блудова, система изданія однихъ только очередныхъ, но въ близкіе другъ отъ друга сроки, продолженій, содѣйствуя скорѣйшему освѣдомленію населенія о происшедшихъ въ законодательствѣ измѣненіяхъ, не могла однако, при отсутствіи появленія, время отъ времени, сводныхъ продолженій, не затруднять пользованія Сводомъ. Въ виду этого уже черезъ 8 лѣтъ послѣ появленія второго изданія пришлось приступить къ составленію новаго, третьяго, Свода. Главное его заданіе, по смыслу перваго всеподданнѣйшаго доклада по этому предмету [2]), составляло, кромѣ объединенія Свода съ его продолженіями, также дополненіе его тѣми отдѣлами законодательства, которые еще не успѣли войти въ два предыдущихъ изданія. Полнаго осуществленія этой задачи уже въ изданіи 1857 года достигнуть не удалось; тѣмъ не менѣе, наряду съ восполненіемъ пробѣловъ въ существующихъ уже частяхъ Свода (напр., I томъ дополненъ былъ учрежденіемъ Министерства Двора, а вышедшіе въ 1848 году счетные уставы—счетными правилами учрежденій Императрицы Маріи), новое изданіе обогатилось нѣсколькими новыми уставами, а именно о духовныхъ дѣлахъ иностранныхъ исповѣданій, о телеграфахъ и почтовымъ. Самый процессъ ихъ составленія намѣченъ былъ гр. Блудовымъ еще въ 1843 году [3]) и сходился, въ отношеніи стадій работы, съ пріемами работъ по изданію 1832 года, при чемъ составляемые уставы предполагались къ выпуску одинъ за другимъ, по мѣрѣ завершенія просмотра ревизіонными комитетами и послѣ представленія проектовъ „на Всемилостивѣйшее усмотрѣніе непосредственно, или же чрезъ Государственный Совѣтъ, когда нужно будетъ какое либо объясненіе или исправленіе постановленій, въ сіи проекты входящихъ“.

Такъ какъ въ этомъ порядкѣ единичныхъ выпусковъ успѣли выйти только счетные уставы, то сила упомянутыхъ трехъ новыхъ уставовъ, обнародованныхъ впервые въ составѣ третьяго изданія,

[1]) См. Высочайшее повелѣніе 30 октября 1851 г. (П. С. З., № 25697).
[2]) Всеподданнѣйшій докладъ 1 ноября 1851 г.
[3]) Всеподданнѣйшій докладъ 6 мая 1843 г.

именуемаго Сводомъ 1857 года, должна опредѣляться тѣмъ общимъ указомъ, которымъ сопровождалось введеніе въ дѣйствіе этого полнаго изданія. И, дѣйствительно, именной указъ 12 мая 1858 г. (П. С. З., № 33140) въ объяснительной своей части не только упоминаетъ о дополненіи Свода, въ третьемъ его изданіи, „многими изъ уставовъ и учрежденій, которые по особымъ причинамъ доселѣ не были помѣщены въ Сводѣ“ [1]), но и перечисляетъ въ отдѣльности эти новыя части. Тѣмъ не менѣе, хотя новые уставы имѣли въ числѣ своихъ источниковъ указы XVIII вѣка и узаконенія первой трети XIX вѣка, которые, въ видѣ общаго правила, почитались безвозвратно замѣненными текстомъ Свода 1832 года, именной указъ 12 мая 1858 г. не проводитъ никакого различія между этими новыми и остальными переработанными книгами Свода. Общими для нихъ является не только резолютивная часть, но и вступительныя его указанія, а именно, что обширный и многосложный трудъ по составленію третьяго изданія совершенъ „подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ“ Монарха и подвергся его „разсмотрѣнію“ и что при дальнѣйшемъ употребленіи Свода по новому изданію слѣдуетъ „соображаться въ точности съ правилами, предписанными указомъ 4 марта 1843 года“. Исходя такимъ образомъ изъ предписаній, установленныхъ въ отношеніи второго изданія Свода, именной указъ 1858 года и въ резолютивной своей части построенъ вполнѣ по схемѣ предыдущаго указа 1843 года. Его назначеніе, слѣдовательно,—приспособить заключавшіяся въ приложеніи къ статьѣ 102 учр. Сенат. правила (на которыя и сдѣлана ссылка въ ст. 3 указа) къ видоизмѣняющемуся, въ зависимости отъ выхода новаго изданія, порядку ссылокъ на Сводъ. Отличіе указа 1858 года отъ указа 1843 года можно усмотрѣть, собственно, только въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ томъ, что статья 2, проводя дѣленіе начатыхъ производствомъ дѣлъ, въ отношеніи ссылокъ на прежнее и на новое изданія, на дѣла приготовленныя и еще неготовыя къ рѣшенію, воспроизводитъ установленный въ 1834 году и не упоминавшійся въ указѣ 1843 г. признакъ перваго рода дѣлъ—начатое рукоприкладство; и, во-вторыхъ, въ томъ, что въ концѣ указа 1858 г. добавленъ перечень тѣхъ случаевъ, когда, вмѣсто Свода, допустимы ссылки на подлинныя узаконенія.

---

[1]) О состоявшемся по этому изданію включеніи въ Сводъ уложенія о наказаніяхъ 1845 г. и счетныхъ уставовъ въ указѣ въ отдѣльности не упомянуто.

Какъ и въ предыдущемъ изданіи 1842 года, значительнѣйшая часть постановленій указа, при которомъ обнародованъ Сводъ 1857 года, уже принята въ соображеніе при видоизмѣненіи, соотвѣтственно замѣнѣ изданія 1842 года новымъ изданіемъ, упомянутаго приложенія въ сенатскомъ учрежденіи. Но, въ отличіе отъ пріема 1842 года, произведенныя въ этомъ направленіи измѣненія оправданы въ цитатахъ (при статьѣ 1) ссылкою на всеподданнѣйшіе доклады 1 ноября 1851 и 20 апрѣля 1856 г. [1]). За невозможностью предусмотрѣть, при печатаніи I тома, всѣ детали будущаго указа о выходѣ новаго изданія Свода пришлось, какъ и въ изданіи 1842 года, ограничить допустимость ссылокъ въ прошеніяхъ частныхъ лицъ на это, а не на новое изданіе (ст. 8) довольно неопредѣленнымъ указаніемъ „на время". Въ самомъ же указѣ установленъ былъ твердый для этого срокъ—1 января 1860 года. Надлежащее въ семъ отношеніи измѣненіе и вообще болѣе полное согласованіе съ именнымъ указомъ 12 мая 1858 г. было затѣмъ произведено въ первомъ послѣ Свода 1857 г. продолженіи.

Очерченное, почти полное, сходство актовъ, сопровождавшихъ вступленіе въ силу второго и третьяго изданій Свода,—при чемъ ни въ томъ, ни въ другомъ актѣ не содержится упоминанія объ *утвержденіи* этихъ изданій со стороны Монарха [2]),—а равно от-

---

[1]) Первый изъ нихъ (1851 г. № 53) касается главнымъ образомъ системы и подраздѣленій будущаго Свода, а вторымъ (отъ 12—20 апрѣля 1856 г. № 19) испрошено было Высочайшее соизволеніе на рядъ предположенныхъ гр. Блудовымъ измѣненій въ текстѣ новаго изданія основныхъ законовъ. Эти именно два доклада имѣетъ, вѣроятно, въ виду позднѣйшій всеподданнѣйшій докладъ кн. Урусова (17 марта 1877 г. № 28), свидѣтельствующій, что измѣненія въ изданіи 1857 г. правилъ учрежденія Сената 1842 г. о приведеніи законовъ при производствѣ дѣлъ были сдѣланы „на основаніи Высочайше утвержденныхъ докладовъ Главноуправлявшаго Вторымъ Отдѣленіемъ". Содержаніе перваго доклада приведено у П. М. Майкова—„О Сводѣ законовъ Россійской Имперіи", стр. 125 сл.

[2]) Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, несмотря на отсутствіе подобнаго указанія, одинъ изъ оффиціальныхъ документовъ позднѣйшаго происхожденія (а именно журналъ Высочайше учрежденнаго въ 1862 году Комитета для рѣшенія вопроса о ходѣ, какой должно дать разсмотрѣнію и утвержденію III части Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ) дважды называетъ Высочайше утвержденными третье, а отчасти и предыдущія изданія. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ составитель журнала, подводя итогъ предпосланному очерку разсмотрѣнія Общаго Свода Имперіи, чтобы примѣнить этотъ же порядокъ и къ Прибалтійскому своду, выразился слѣдующимъ образомъ: „всѣ изданія Свода подносимы были на Высочайшее усмотрѣніе и къ Высочайшему *утвержденію* отъ Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ, безъ всякаго разсмотрѣнія со стороны Государственнаго Совѣта; все участіе послѣдняго въ этомъ дѣлѣ ограничивалось

сутствіе въ дальнѣйшихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ о продолженіяхъ къ Своду 1857 года какихъ-либо дополнительныхъ указаній относительно его силы, заставляютъ признать, что и это изданіе въ полной его совокупности не было облечено силою закона. Иного результата, впрочемъ, и трудно было бы ожидать, потому что третье изданіе выполнено было подъ тѣмъ же, что и второе, ближайшимъ руководствомъ гр. Блудова, который продолжалъ придерживаться тѣхъ самыхъ пріемовъ, какіе онъ выработалъ для Свода 1842 года. Въ виду этого редакторамъ преподаны были въ особомъ „наставленіи о приготовленіи Общаго Свода законовъ Имперіи къ новому изданію“ [1]) тѣ же начала, какъ и при второмъ изданіи, и во главѣ ихъ „удобное для употребленія размѣщеніе“ постановленій, но „безъ всякихъ перемѣнъ въ изложеніи статей“. Общее это указаніе пояснялось далѣе, со ссылкою на наставленіе для второго изданія, слѣдующимъ образомъ: „Въ правилахъ, переносимыхъ вполнѣ въ новое изданіе изъ прежняго или изъ продолженій Свода, не перемѣнять ни одной буквы, ниже знака препинанія, не только слова или фразы. Изъ сего исключаются, по замѣчаніямъ въ теченіе работы, такія мѣста, которыя необходимо согласить вновь съ источниками или же съ силою другихъ дѣйствующихъ правилъ, если сіе какимъ-либо образомъ ускользнуло отъ вниманія составителей Свода и продолженій къ оному. Впрочемъ, и сіи мѣста исправляются не иначе, какъ по особымъ докладамъ редактора, съ утвержденія Главноуправляющаго. Узаконенія новыя, не вошедшія ни въ Сводъ 1842 г., ни въ продолженія его, вносятся въ тѣ части Свода, гдѣ, сообразно системѣ онаго, ихъ слѣдуетъ помѣстить, также буквально, хотя бы въ нихъ и встрѣчались какія-либо выраженія, не совсѣмъ точныя и ясныя, ибо Отдѣленіе не имѣетъ права исправлять по своимъ понятіямъ при введеніи въ Сводъ такихъ постановленій, которыя удостоены

разрѣшеніемъ: по первому изданію—вопроса о силѣ Свода и о срокѣ приведенія его въ исполненіе, а по второму и третьему—тѣхъ о самой сущности законовъ, долженствовавшихъ войти въ составъ Свода, вопросовъ, которые, по встрѣченнымъ въ нихъ Главноуправляющимъ сомнѣніямъ, признаваемо было нужнымъ разсмотрѣть въ законодательномъ порядкѣ“. Едва-ли въ этомъ историческомъ свидѣтельствѣ, центръ тяжести коего заключался въ отрицаніи законодательнаго участія въ повѣркѣ сводовъ съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія источникамъ, можно усматривать рѣшающій аргументъ въ пользу равносильности второго и третьяго изданій съ первымъ.

[1]) См. дѣло Второго Отдѣленія 1851 г. № 120а о новомъ (третьемъ) изданіи Общаго Свода законовъ Россійской Имперіи (въ 8 частяхъ).

Высочайшаго утвержденія и не принадлежатъ къ рѣшеніямъ сенатскимъ, противъ коихъ ему предоставлено, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, дѣлать представленія (прав. 15 декабря 1834 г.)".

Приведенное извлеченіе ясно опредѣляетъ отношеніе редакторовъ какъ къ источникамъ въ смыслѣ буквальнаго воспроизведенія его текста въ статьяхъ Свода, такъ и къ вошедшимъ уже въ прежнее изданіе Свода постановленіямъ, въ томъ же самомъ смыслѣ буквальнаго ихъ повторенія,—не исключая однако возможности исправленія вкравшихся несогласованностей. Предоставляя послѣднее „утвержденію" Главноуправляющаго, наставленіе имѣетъ, надо думать, въ виду прежде всего текстъ 1842 года, ибо, зная отношеніе гр. Блудова къ основному изданію Свода въ началѣ приступа работъ ко второму изданію, трудно предположить, чтобы онъ допускалъ измѣненіе этого основного текста, безъ испрошенія на то Высочайшаго разрѣшенія, во время составленія третьяго изданія. Отсутствіе соотвѣтствующей оговорки въ наставленіи 1851 г. объясняется, скорѣе всего, совершенною исключительностью подобныхъ случаевъ. Ибо, чѣмъ болѣе отдалялась отъ современности эпоха составленія перваго Свода, тѣмъ сильнѣе забывались отдѣльные его источники, и тѣмъ менѣе представлялось поводовъ обращаться къ изслѣдованію происхожденія старыхъ статей, и развѣ только открывавшіяся несоотвѣтствія между постановленіями разныхъ томовъ заставляли пересматривать ихъ образованіе [1]). Наконецъ, усиленная ревизіонная дѣятельность въ тридцатыхъ годахъ и новая повѣрка при составленіи второго изданія могли исчерпать всѣ дѣйствительныя несоотвѣтствія. Правда, сохранилось указаніе [2]), что въ 1856 году Второе Отдѣленіе намѣревалось пересмотрѣть вышедшіе къ тому времени два дополнительныхъ тома Полнаго Собранія Законовъ за 1826—1850 годы, съ тѣмъ, чтобы внести въ Сводъ то, что окажется пропущеннымъ при первыхъ его изданіяхъ. Едва-ли однако повѣрка эта могла дать

[1]) Такой случай составилъ содержаніе переписки между Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ и Вторымъ Отдѣленіемъ въ 1859 году: дѣло шло о взаимномъ согласованіи статьи 756 уст. пут. сообщ. и статей 200—202 уст. колон., относившихся до дорожной повинности колонистовъ. Такъ какъ гр. Блудовъ усмотрѣлъ здѣсь ошибку, вкравшуюся въ Сводъ 1832 года, то, найдя излишнимъ представленіе дѣла на разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ, предназначилъ исправить эту ошибку въ V продолженіи. (См. дѣло II Отд. 1859 г. № 25а; прод. 1863 г., уст. пут. сообщ., 756 п. 2; уст. колон., 202, прим.).

[2]) Всеподданнѣйшій докладъ 19 апр. 1856 г. № 18 (т. 45 всеподд. докл. II Отд., стр. 5254).

сколько-нибудь обильный матеріалъ, потому что дополнительные томы образовались изъ узаконеній, сообщавшихся въ теченіе не менѣе 25 лѣтъ [1]) и немедленно соображавшихся въ ихъ отношеніи къ Своду законовъ, ибо и самое ихъ разысканіе зачастую обусловливалось открывшимися въ Сводѣ пропусками.

Наиболѣе выдающійся, послѣ Сперанскаго, руководитель Второго Отдѣленія, успѣвшій за время своего управленія выпустить два полныхъ изданія Свода и осуществить какъ значительную долю плановъ создателя Свода въ отношеніи кодификаціи новыхъ отдѣловъ законодательства (въ томъ числѣ и мѣстныхъ узаконеній), такъ и переработку свода уголовныхъ законовъ въ уложеніе, часть завѣтной мечты того же Сперанскаго,—гр. Блудовъ и послѣ третьяго изданія Свода стремился возможно быстро отмѣчать въ немъ послѣдовавшія въ законодательствѣ измѣненія [2]). Поэтому онъ не только немедленно вслѣдъ за выпускомъ изданія объединилъ въ первомъ къ нему продолженіи 1858 г. все, что было издано до 12 мая этого года (дата именного указа о третьемъ изданіи) и не успѣло быть включеннымъ въ Сводъ, и не только продолжалъ принятую имъ съ сороковыхъ годовъ систему очередныхъ продолженій, а еще усилилъ ее, издавая эти продолженія въ 1859 и 1860 годахъ каждые 3 мѣсяца, въ видѣ выпусковъ, объединявшихся по истеченіи года въ отдѣльное годовое продолженіе [3]). Всѣ эти продолженія сообщались для обнародованія по принятому порядку, при Высочайшихъ повелѣніяхъ, не исключая и перваго продолженія [4]), каковое при дѣйствіи Сводовъ 1832 и 1842 годовъ препровождаемо было въ Сенатъ, какъ мы видѣли выше, при именномъ указѣ. Ни одинъ изъ этихъ актовъ не заключаетъ ни прямого, ни косвеннаго указанія на силу третьяго изданія Свода. Что же касается силы самыхъ продолженій, то и она не выходила за обычные для всѣхъ продолженій предѣлы, какъ они очерчены въ правилахъ о приведеніи и указаніи законовъ въ производствѣ дѣлъ,—что прямо и выражено въ предисловіи къ первому продолженію: „по правиламъ, приложеннымъ къ учрежденію Правительствующаго Сената, статьѣ 102, и по Высочайшему

---

[1]) Ср. у проф. А. Н. Филиппова—„Къ вопросу о составѣ Перваго Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи“ (Москва, 1916), стр. 122.

[2]) См. предисловіе къ продолженію III (за 1859 годъ).

[3]) Въ такомъ порядкѣ получилось продолженіе III (изъ 4 номеровъ) и IV (изъ такихъ же 4 номеровъ).

[4]) П. С. З. 1858 г. № 33640.

указу, данному Правительствующему Сенату въ 12 день мая 1858 года о третьемъ изданіи Свода законовъ, измѣнившіеся, указанные въ семъ продолженіи, пункты и примѣчанія Свода должны быть приводимы, гдѣ слѣдуетъ, тѣми словами, какъ они изложены въ продолженіи". Если засимъ въ отношеніи дальнѣйшихъ продолженій, при ихъ обнародованіи, и указывалось на то, что они удостоены Высочайшаго одобренія [1]), то такого рода указанія, какъ это уже отмѣчалось выше, не могутъ почитаться показателями особливой юридической силы данныхъ продолженій.

Графа Блудова, призваннаго, послѣ почти 22-лѣтняго служенія на посту Главноуправляющаго, въ концѣ 1861 г. занять должность Предсѣдателя Государственнаго Совѣта, смѣнилъ баронъ М. А. Корфъ, бывшій въ молодые годы однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ редакторовъ перваго изданія Свода и уже въ званіи члена Государственнаго Совѣта имѣвшій случай замѣщать отсутствующаго Блудова по управленію Вторымъ Отдѣленіемъ. Близко поэтому зная то дѣло, къ руководству котораго онъ былъ нынѣ призванъ, воодушевленный къ тому же новаторскими стремленіями, Корфъ долженъ былъ бы оставить глубокій слѣдъ въ исторіи Свода законовъ, если бы его управленіе не оказалось столь кратковременнымъ (съ 6 декабря 1861 по 24 февраля 1864 г.). Но, хотя число выпущенныхъ въ 1862—1863 годахъ книгъ законовъ вообще было невелико,— всего два изданія, изъ коихъ одно начато было еще при гр. Блудовѣ, тѣмъ не менѣе и онѣ не безразличны для занимающаго насъ вопроса. Еще болѣе однако вниманія заслуживаютъ тѣ, хотя и не воплотившіеся въ реальную дѣйствительность, планы относительно Свода законовъ, которые зародились у этого сподвижника Сперанскаго на почвѣ критическаго отношенія къ собственному въ извѣстной мѣрѣ творенію тридцатыхъ годовъ.

Формальный поводъ для поднятія вопроса о Сводѣ, а отчасти и самое направленіе ему, дало порученіе, возложенное на Второе Отдѣленіе еще въ 1858 году, порученіе, оставшееся при гр. Блудовѣ почему-то невыполненнымъ, хотя онъ лично участвовалъ въ постановкѣ самаго вопроса въ Совѣтѣ Министровъ. Послѣдній, разсматривая въ засѣданіи 30 октября 1858 г. предположенія Министра Юстиціи по усовершенствованію ввѣреннаго ему упра-

---

[1]) П. С. З. 1859 г. № 34267, 34554, 34830, 35158; 1860 г. № 35522, 35989, 36208, 36364.

вленія, остановился и на вопросѣ о Сводѣ законовъ и порядкѣ изданія продолженій къ нему. Обративъ вниманіе на то, что, при несомнѣнной пользѣ, принесенной изданіемъ Свода законовъ, онъ становится, благодаря своей огромности, неудобнымъ въ практическомъ употребленіи, особенно съ тѣхъ поръ, какъ размѣры его, въ послѣднемъ изданіи Свода, дошли до 21 книги, вмѣщающихъ около 90.000 статей, Совѣтъ Министровъ считалъ главнѣйшею сего причиною то, что при первоначальномъ изданіи Свода въ него вошли многіе такіе предметы, „кои, не составляя закона, общаго для исполненія всѣми, или государственнаго учрежденія, суть лишь частныя административныя распоряженія, которыя, будучи изданы властью административною, могли бы составлять отдѣльные уставы или положенія собственно той части управленія, до которой относятся“. Отсюда возникъ вопросъ, долженствовавшій „послужить основаніемъ къ самому составленію на будущее время Свода законовъ“, что̀ именно въ нашемъ законодательствѣ должно составлять законъ и что̀—административное распоряженіе. Приступая къ выполненію этого возложеннаго на Второе Отдѣленіе порученія, бар. Корфъ въ маѣ 1862 года [1]) представилъ Государю составленныя имъ въ сотрудничествѣ съ молодымъ Д. М. Сольскимъ извѣстныя три записки.

Въ начальныхъ главахъ настоящей работы намъ уже не разъ приходилось цитировать нѣкоторыя мѣста первой изъ этихъ записокъ, „касавшейся „кодификаціи вообще“, чтобы охарактеризовать личнымъ свидѣтельствомъ современника и участника работъ, составъ первоначальнаго Свода и пріемы его составителей, а также намѣренія его творца. Не повторяя здѣсь поэтому въ связномъ изложеніи исчисляемыхъ Корфомъ недостатковъ Свода въ зависимости отъ „основной идеи Свода“, не останавливаясь также на причинахъ „количественнаго размноженія“ статей Свода и вообще нашего многозаконія отъ несовершенства „методы послѣдовавшаго за Сводомъ законодательства“, отмѣтимъ только, въ поясненіе дальнѣйшаго, слѣдующія мысли первой записки. Однимъ изъ недостатковъ Свода 1832 г. слѣдуетъ признать, что, въ угоду систематики, или „внѣшней обстановки настоящихъ кодексовъ“, въ немъ разрывались и раз-

[1]) Къ этому какъ-разъ времени ему сообщены были Военнымъ Министромъ Милютинымъ и предположенія военно-кодификаціонной комиссіи о разграниченіи законовъ и постановленій въ Сводѣ военныхъ постановленій, съ тѣмъ чтобы военное законодательство не составляло болѣе особаго свода, а вошло въ составъ общаго кодекса законовъ Имперіи (дѣло II Отд. 1862 г. № 95а).

мѣщались частичками по разнымъ томамъ самые важные законодательные акты (напр., дворянская грамота), отъ чего многія изъ сихъ постановленій утратили настоящій ихъ смыслъ и значеніе. Затѣмъ и новыя законоположенія приходилось укладывать въ рамку Свода. „Но, чѣмъ болѣе проходило времени отъ перваго его изданія, чѣмъ болѣе измѣнялось и развивалось текущее законодательство, обнимая собою новые предметы и новыя стороны жизни, тѣмъ труднѣе становилось укладывать его въ эту рамку, и такая трудность превратилась почти въ невозможность съ тѣхъ поръ, какъ положенія 19 февраля 1861 г. представили рядъ постановленій о цѣломъ обширномъ кругѣ несуществовавшихъ дотолѣ отношеній, правъ и обязанностей: самое это положеніе,—вѣковой памятникъ нынѣшняго царствованія, если бы слѣдовать обыкновенной, донынѣ принятой методѣ составленія *продолженій* къ Своду, должно бы обратиться въ *приложеніе къ одной изъ статей* IX тома“.

Признавая недостижимымъ обращеніе всего Свода въ рядъ уложеній, ибо законы административные, по своей перемѣнчивости, не представляютъ пригоднаго матеріала для возведенія зданія кодекса, авторъ записки допускаетъ возможность внѣшняго усовершенствованія и этихъ, не поддающихся настоящей кодификаціи, отдѣловъ законодательства, но выражаетъ сомнѣніе, чтобы для этого уже наступило у насъ время, въ виду предпринятой по всѣмъ почти частямъ государственнаго управленія преобразовательной работы. Такимъ образомъ,—продолжаетъ бар. Корфъ,—главная, жизненная задача въ настоящее время—улучшеніе самаго существа законодательства, т. е. чтобы новые законы излагались лучше тѣхъ, мѣсто коихъ въ Сводѣ они должны занять, и, прежде всего, чтобы въ нихъ не заключалось наблюдаемаго нынѣ смѣшенія правилъ высшаго разряда, въ которыхъ опредѣляется существо правъ и обязанностей, съ распоряженіями или постановленіями, заключающими въ себѣ лишь примѣненіе первыхъ. На этомъ собственно основаніи Корфъ, пытаясь во второй своей запискѣ „объ отдѣленіи законовъ отъ постановленій административныхъ“ установить по основнымъ законамъ понятіе закона въ формальномъ смыслѣ и предлагая на будущее время твердо держаться правила, чтобы „все прошедшее чрезъ Государственный Совѣтъ или утвержденное собственноручною подписью Государя Императора могло быть отмѣняемо и измѣняемо не иначе, какъ такимъ же порядкомъ“, отнюдь не допускаетъ однако принятія этого за правило въ отношеніи сложившагося уже состава законодательства, ибо и

Государственный Совѣтъ нерѣдко вдавался въ законахъ въ самую мелочную иногда регламентацію, и правила Свода, первоначально заимствованныя изъ именныхъ повелѣній или мнѣній Государственнаго Совѣта, впослѣдствіи, даже многократно, измѣнялись Высочайшими повелѣніями, въ другой формѣ выраженными. Ставя такимъ образомъ усовершенствованіе Свода въ прямую зависимость отъ будущаго законодательства, бар. Корфъ признаетъ однако возможнымъ преобразовать установившійся порядокъ составленія продолженій и новыхъ изданій Свода,—чему, въ связи съ усовершенствованіемъ порядка обнародованія вновь издаваемыхъ узаконеній, посвящаетъ особую третью записку.

Нельзя сказать, чтобы эта спеціальная записка содержала много новыхъ мыслей въ сравненіи съ тѣми, которыя высказаны были въ главной запискѣ. Начало ея посвящено разсмотрѣнію недостатковъ продолженій или, вѣрнѣе, всей системы соглашенія существующаго Свода съ вновь выходящими узаконеніями. Кажущееся совершенство того порядка, при коемъ Сводъ постоянно поддерживается на уровнѣ современнаго законодательства, представляя „во всякое время готовое, полное, вѣрное руководство законовъ дѣйствующихъ", и благодаря коему Сводъ, по его общедоступности и легкости въ немъ справокъ, „есть машина, для обращенія съ которою не надобно большихъ свѣдѣній", таитъ въ себѣ, по мнѣнію автора записки, и рядъ неудобствъ. Кромѣ выше отмѣченныхъ разрыва законоположеній на части, нерѣдко ведущаго къ затемненію истиннаго разума и заглушенія, благодаря обращенію всего въ статьи Свода, различія между коренными правилами законовъ и мелочною регламентаціею, является еще опасность многихъ ошибокъ, такъ какъ Второму Отдѣленію приходится, не зная даже зачастую мотивовъ издаваемыхъ постановленій, брать на себя соглашеніе текста законовъ,—то соглашеніе, которое собственно должно было составлять задачу законодателя при изданіи новаго постановленія. Но, если даже устранить мысль объ ошибкахъ, то уже одно то, что Второе Отдѣленіе, „принимая на себя всю обязанность вникать въ смыслъ законовъ и опредѣлять истинный ихъ разумъ и взаимную связь", пріучаетъ судей и исполнителей „ожидать на малѣйшее недоразумѣніе разрѣшенія и указанія свыше, безъ всякаго обращенія къ собственнымъ умственнымъ усиліямъ", должно быть сочтено за препону къ развитію самостоятельности сужденій и къ созданію правильной юриспруденціи.

Не трудно видѣть, что эта критика бар. Корфа, развиваемая

въ запискѣ, для того чтобы мотивировать желательность прекращенія выпуска, по прежней системѣ, *продолженій* къ Своду (съ замѣною ихъ простыми указателями статей Свода, затронутыхъ новыми постановленіями) [1]), въ полной и даже бо́льшей мѣрѣ примѣнима къ *изданіямъ* самаго Свода, ибо въ нихъ элементъ „соглашенія текста законовъ“ выраженъ обыкновенно гораздо сильнѣе, чѣмъ въ продолженіяхъ, гдѣ вновь издаваемыя постановленія пріурочиваются преимущественно въ видѣ примѣчаній или дополненій къ существующему тексту, и такимъ образомъ не предрѣшается тотъ выводъ, къ которому слѣдуетъ прійти при сопоставленіи прежняго текста съ измѣнившимъ его новымъ постановленіемъ. Но составитель записки отнюдь не стремился отнять авторитетъ предыдущихъ изданій всего Свода. Чтобы однако намѣтить иной порядокъ для будущихъ выпусковъ, а прежде всего—чтобы еще болѣе обосновать прекращеніе продолженій, онъ обращаетъ вниманіе на наступившую въ нашей государственной жизни „общую ломку и перестройку существующаго“: „выходятъ законоположенія, обнимающія не одинъ какой-либо частный отдѣлъ Свода, но до корня отзывающіяся на весь составъ законодательства“. Если, напр., вводить въ продолженіе къ Своду крестьянскія положенія 19 февраля 1861 г., то нужно передѣлать множество правилъ во всѣхъ безъ исключенія томахъ, при чемъ „большая часть этихъ передѣлокъ такъ важны, что могутъ быть допущены не иначе, какъ съ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ“. Поэтому изданіе такого продолженія было бы сопряжено съ длинною процедурою, при чемъ только-что исправленныя статьи, въ зависимости отъ новыхъ преобразованій въ другой области, легко могутъ потребовать новыхъ измѣненій. Въ виду этого, „при такой педантливой методѣ“, угнаться за нынѣшнимъ быстрымъ движеніемъ законодательства для Второго Отдѣленія невозможно. Отвергая по этимъ причинамъ, а также въ связи съ намѣченнымъ во второй запискѣ

---

[1]) Такое прекращеніе продолженій бар. Корфъ связывалъ съ приведеніемъ въ исполненіе другого его весьма важнаго предположенія, а именно созданія *особаго* повременнаго изданія исключительно для обнародованія новыхъ узаконеній, подъ названіемъ „собранія законовъ и постановленій“. Это предположеніе, въ противоположность всѣмъ прочимъ, весьма скоро нашло себѣ осуществленіе, и уже съ 1 января 1863 года начало выходить, согласно изданному по представленію Министра Юстиціи закону 22 декабря 1862 г. (П. С. З., № 39070), особое при Сенатскихъ Вѣдомостяхъ изданіе, понынѣ существующее подъ одинаковымъ названіемъ „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“.

раздѣленіемъ въ будущемъ ходѣ законодательства законовъ отъ постановленій, дальнѣйшее изданіе продолженій, бар. Корфъ допускаетъ по тѣмъ отдѣламъ Свода, по которымъ не ожидается общей замѣны новыми обширными законоположеніями, но по которымъ будетъ много частныхъ измѣненій, порождающихъ запутанность и затрудняющихъ практику, предпринимать, по соглашенію съ вѣдомствами, общій пересмотръ и дѣлать новыя изданія, „не въ томъ смыслѣ, какъ дѣлались иногда подобныя отдѣльныя изданія донынѣ, а перерабатывая ихъ болѣе полнымъ образомъ, т. е. очищая, сокращая, отдѣляя законы отъ административной регламентаціи и издавая все вновь съ утвержденія законодательной власти“.

Придя такимъ образомъ въ третьей запискѣ все-таки къ выводу о переработкѣ отдѣльныхъ частей Свода въ уложенія (хотя въ первой запискѣ отрицалась возможность обращенія въ кодексы законовъ административныхъ), бар. Корфъ такъ заканчиваетъ свою записку: „Путемъ такихъ отдѣльныхъ изданій, и еще болѣе путемъ предстоящаго намъ общаго движенія законодательства, нынѣшній Сводъ, чрезъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, весь переработается и измѣнится. Тогда, если не намъ, то преемникамъ нашимъ можно будетъ приступить къ общему новому изданію его, въ видѣ уже двухъ сводовъ: Свода законовъ и Свода постановленій административныхъ, конечно, не по нынѣшнему плану, а по иному, соображенному съ тогдашнимъ составомъ и характеромъ законодательства“.

Вотъ тѣ отдаленныя перспективы, которыя рисовались передъ Корфомъ, ученикомъ Сперанскаго и какъ бы продолжателемъ чаяній его въ области кодификаціи. Но, если бы даже и признать теоретическую правильность разсужденій записки, первый къ тому практическій шагъ—прекращеніе продолженій, какъ пріемъ чисто отрицательный, былъ выбранъ неудачно. Это предположеніе встрѣтило почти единодушный отпоръ въ отзывахъ вѣдомствъ [1]), которымъ разосланы были на заключеніе записки Корфа, и оно же дало основаніе для неодобрительныхъ устныхъ сужденій о новомъ направленіи Второго Отдѣленія, отнесшихъ его,—устами, напр., прежняго сподвижника Сперанскаго, въ это время присутствующаго сенатора, К. Г. Рѣпинскаго,—на счетъ пониженія прежняго трудолюбія

[1]) Согласіе на прекращеніе продолженій выразили только: шефъ жандармовъ, оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, вѣдомства народнаго просвѣщенія, путейское и почтовое, не вдававшіеся по бóльшей части въ разборъ каждой записки въ отдѣльности.

какъ чиновъ, такъ и новаго руководителя Отдѣленія [1]). Не столько подъ вліяніемъ указанныхъ причинъ, сколько сознавъ дѣйствительную невозможность оставлять практику въ теченіе продолжительнаго по изданіи новыхъ законовъ времени безъ надежнаго руководительства въ вопросахъ отношенія этихъ законовъ къ прежнимъ, бар. Корфъ поспѣшилъ исправить ту задержку въ текущихъ работахъ, которая, собственно, началась еще ранѣе его вступленія въ должность Главноуправляющаго за несостоявшимся въ установленный срокъ выпускомъ продолженія съ узаконеніями за 1861 годъ. Непосредственною тому причиною послужилъ тотъ переворотъ въ законодательствѣ, который былъ вызванъ крестьянскими законоположеніями 19 февраля, совершенно не укладывавшимися въ рамки Свода, и тѣ затрудненія по согласованію съ ними Свода, которыя отмѣчалъ и бар. Корфъ въ разсмотрѣнныхъ выше запискахъ. Уже въ мартѣ 1861 г. гр. Блудовъ докладывалъ Государю объ этихъ затрудненіяхъ и о неудобствѣ раздробленія вышедшихъ положеній съ точки зрѣнія какъ крестьянскаго населенія, такъ и правительственныхъ органовъ. Тогда же высказана была мысль объ отсрочкѣ изданія слѣдующаго продолженія и о невключеніи въ него крестьянскихъ положеній, съ тѣмъ, чтобы эти послѣднія были изданы отдѣльно въ хронологическомъ порядкѣ, подъ заглавіемъ „Особое приложеніе къ IX тому Свода законовъ“ [2]). Новаго (V) очередного продолженія при гр. Блудовѣ, какъ мы видѣли, уже не состоялось. Не послѣдовало равнымъ образомъ и изданія „особаго приложенія“, хотя крестьянскія положенія и были тогда же въ 1861 году отпечатаны въ типографіи Второго Отдѣленія въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ подъ названіемъ „Высочайше утвержденныя Его Императорскимъ Величествомъ 19 февраля 1861 г. положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“ [3]). Только въ продолженіи 1863 года, которое рѣшился, „не отступая отъ прежняго убѣжденія въ необходимости коренного преобразованія системы продолженій *на будущее время*“, издать бар. Корфъ, чтобы не оставить безъ вниманія „то затруднительное положеніе, въ которомъ находится наша судебная и административная практика

---

[1]) Такой смыслъ имѣютъ язвительныя помѣтки, сохранившіяся на одномъ изъ печатныхъ экземпляровъ обсуждаемой записки.

[2]) См. всеподданнѣйшіе доклады 16 марта 1861 г. № 19 и 23 того же марта № 21, а также 5 декабря 1861 г. (т. XVIII всеподд. докл. II Отд., л. 7585).

[3]) См. дѣло Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія 1862 г. № 54.

собственно *въ настоящую минуту*, не имѣя никакого пособія для отысканія и примѣненія изданныхъ въ послѣдніе два года многочисленныхъ и важныхъ узаконеній" [1]), нашла себѣ осуществленіе мысль объ „особомъ приложеніи къ тому IX", посвященномъ исключительному воспроизведенію всѣхъ положеній 19 февраля, во главѣ съ манифестомъ (при чемъ, конечно, къ ихъ тексту пріурочены были въ видѣ примѣчаній мелкія постановленія, состоявшіяся по 31 марта 1863 г., болѣе же крупныя дополнительныя положенія, напр., о горнозаводскомъ населеніи, помѣщены въ концѣ, въ хронологическомъ порядкѣ).

Представляя эту существенную особенность въ отношеніи положеній о крестьянахъ, которыя одни заняли почти цѣлый томъ, четырехтомное продолженіе 1863 года отличается и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ отъ предыдущихъ продолженій. Такъ, въ него включено было два новыхъ изданія изъ состава V тома: уставы о питейномъ сборѣ и объ акцизѣ съ табака, въ виду происшедшихъ коренныхъ измѣненій въ системѣ этихъ сборовъ. Засимъ, согласно пріему въ отношеніи положеній о крестьянахъ, къ уставу о пошлинахъ приложено, въ томъ самомъ видѣ, какъ было издано, Высочайше утвержденное 1 января 1863 г. положеніе о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ. Наконецъ, преслѣдуя цѣли практическаго удобства, новое продолженіе обняло, кромѣ узаконеній „эпохи безпримѣрной въ исторіи нашей законодательной дѣятельности", вышедшихъ съ 1 января 1861 г., также и всѣ 4 предыдущихъ продолженія [2]). Такимъ образомъ, въ результатѣ перерыва въ выходѣ нѣсколькихъ очередныхъ продолженій, Второе Отдѣленіе увидѣло себя вынужденнымъ вернуться къ пріему *своднаго* продолженія, совершенно вышедшаго изъ его практики за время 20-лѣтняго управленія гр. Блудова. При всѣхъ этихъ достоинствахъ и полезныхъ нововведеніяхъ, обширнѣйшее продолженіе 1863 года имѣло одинъ недостатокъ, отразившійся и на послѣдующихъ трудахъ Второго Отдѣленія: въ немъ допущенъ былъ пробѣлъ въ отношеніи уставовъ кредитныхъ, „вслѣдствіе происшедшихъ съ 1859 года многочисленныхъ по кредитной части преобразованій", заставлявшихъ предпочесть выпускъ этихъ уставовъ новымъ изданіемъ. Въ дѣйствительности это новое изданіе

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ 21 февраля 1863 г.

[2]) См. всеподданнѣйшій докладъ 3 ноября 1863 г. и предисловіе къ продолженію.

состоялось лишь въ 1887 году, а однажды допущенный пробѣлъ въ продолженіи вызвалъ 25-лѣтній почти перерывъ въ согласованіи кредитнаго устава 1857 г. съ позднѣйшими узаконеніями.

Явившись такимъ образомъ, хотя и противъ собственнаго убѣжденія, иниціаторомъ своднаго продолженія, замѣняющаго рядъ предшествующихъ очередныхъ продолженій, бар. Корфъ оказался,— уже въ большемъ, но далеко не полномъ согласіи съ высказаннымъ въ его запискахъ взглядомъ,—основателемъ частичнаго переизданія Свода отдѣльными уставами. При немъ въ 1862 году вышла подъ названіемъ „изданія 1862 года" книга I тома IV—уставы рекрутскіе. Починъ этой мѣры собственно принадлежалъ еще гр. Блудову, который въ концѣ 1861 года испросилъ Высочайшее соизволеніе на выпускъ отдѣльною книгою оставшихся въ силѣ статей этихъ уставовъ 1857 года съ дополненіями на основаніи продолженій и новыхъ узаконеній,—для того, чтобы дать исполнителямъ удобнѣйшее руководство, особенно необходимое волостнымъ правленіямъ въ виду предоставленной крестьянскимъ обществамъ двоякой возможности отправленія рекрутской повинности [1]). Такимъ образомъ непосредственною причиною для этого отступленія отъ обычнаго порядка, какъ и для происшедшей перемѣны въ отношеніи системы продолженій, явились тѣ же законоположенія 19 февраля 1861 года. Ссылкою на эти именно законоположенія оправданъ не только во всеподданнѣйшихъ докладахъ обоихъ главноуправляющихъ, но и въ самомъ введеніи къ новому изданію, выпускъ этой книги [2]). Оно обнародовано было при именномъ указѣ [3]), т. е. въ отличной отъ продолженій формѣ. Но не столько это обстоятельство вызываетъ наше вниманіе къ этому изданію, связываемому и упомянутымъ указомъ съ именемъ гр. Блудова, сколько включенное бар. Корфомъ пояснительное указаніе, въ составѣ предисловія или введенія новой книги законовъ, о ея роли. „По распубликованіи настоящаго новаго изданія установленнымъ порядкомъ, оно, впредь до повелѣнія, должно быть принимаемо за *единственное оффиціальное руководство* [4]) въ дѣлахъ о

[1]) Всеподданнѣйшіе доклады 26 октября № 84, 16 ноября № 99 и 5 декабря 1861 г. (т. XVIII Всепод. докл. II Отд.); 10 мая 1862 г. (тамъ же, т. XIX).

[2]) Объяснительное предисловіе къ ней начинается такъ: „По случаю значительныхъ перемѣнъ, произведенныхъ въ правилахъ о рекрутской повинности законами 19 февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, Высочайше повелѣно .... сдѣлать новое изданіе ...."

[3]) Указанная въ Полномъ Собраніи Законовъ (№ 37637) дата его—$^{1}/_{16}$ ноября 1861 г.—совпадаетъ съ датою всеподданнѣйшаго доклада (т. XVIII всепод. докл. II Отд.); распубликованъ же онъ былъ лишь 12 іюня 1862 г.

[4]) Курсивъ нашъ.

рекрутской повинности",—такъ гласитъ средняя часть предисловія. Хотя выраженіе „руководство" упоминалось и въ докладѣ гр. Блудова, но тамъ оно не имѣло юридическаго значенія, характеризуя лишь мотивъ („для удобнѣйшаго руководства исполнителей") предпринимаемаго изданія. Сочетаніе же выраженія „единственное оффиціальное руководство" съ повелительнымъ указаніемъ на порядокъ употребленія едва-ли можетъ быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ опредѣленія той силы новаго сборника, какую онъ долженъ впредь имѣть. Такое указаніе являлось необходимымъ потому, что эта книга законовъ, имѣя самостоятельную хронологическую дату изданія 1862 года, не могла подчиняться дѣйствію именного указа 12 мая 1858 г. относительно третьяго изданія Свода, ибо послѣдній повелѣвалъ дѣлать ссылки исключительно на статьи по изданію 1857 года. Въ этомъ именно соображеніи, т. е. въ смыслѣ полной замѣны вышедшимъ въ 1862 году изданіемъ рекрутскихъ уставовъ подлежащей части тома IV третьяго изданія Свода, и было, вѣроятно, добавлено къ термину „оффиціальное руководство" прилагательное „единственное" [1]. Что же касается характеристики выпущеннаго труда въ качествѣ „руководства", то она отнюдь не имѣла цѣлью, несмотря на нѣкоторыя внѣшнія особенности выпуска [2], установить какую-либо особливую силу рекрутскихъ уставовъ 1862 г., большую или меньшую, чѣмъ ее имѣлъ тотъ же уставъ въ составѣ Свода 1842 и 1857 годовъ, а лишь выражала истинное, тождественное для всѣхъ этихъ трехъ изданій, значеніе этой, а вмѣстѣ съ тѣмъ и другихъ частей Свода законовъ, съ тѣхъ поръ какъ ихъ юридическая сила стала опредѣляться не манифестомъ 31 января 1833 г., а тѣми именными указами, при коихъ обнародывались новыя изданія Свода. Здѣсь, по отношенію къ отдѣльному изданію одной изъ частей Свода, Второе Отдѣленіе сумѣло въ двухъ словахъ совершенно точно и правильно выразить сущность той роли, которую отводятъ Своду указы 4 марта 1843 г. и 12 мая 1858 г. и которая заключается, согласно приложеннымъ къ учрежденію Правительствующаго

---

[1]) Возможно, конечно, допустить и иное еще значеніе этого слова, а именно въ смыслѣ противоположенія настоящаго кодификаціоннаго изданія другимъ, хотя-бы правительственнымъ изданіямъ. Въ условіяхъ однако того времени, т. е. полвѣка тому назадъ, когда издательской дѣятельности правительственныхъ учрежденій почти не существовало, такое предположеніе мало вѣроятно.

[2]) Такъ, въ цѣляхъ сохраненія прежняго счисленія статей, въ изданіи 1862 г. оставлены были номера отмѣненныхъ или замѣненныхъ статей; вслѣдствіе этого устранилась надобность сравнительнаго постатейнаго указателя. Но на ряду съ этимъ цѣлесообразнымъ нововведеніемъ въ изданіи 1862 г. почему-то сочтенъ былъ излишнимъ и хронологическій указатель узаконеній, въ него вошедшихъ.

Сената „правиламъ о приведенiи и указанiи законовъ при производствѣ дѣлъ", въ обязательности какъ для присутственныхъ мѣстъ, такъ и для частныхъ лицъ ссылокъ на законы по дѣйствующему Своду [1]). Чѣмъ инымъ, какъ не „оффицiальнымъ руководствомъ", является изданный отъ правительства и обязательный къ употребленiю сборникъ, въ которомъ сведено въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ все дѣйствующее право и въ которомъ, въ цѣляхъ практическаго удобства, въ одной статьѣ объединены разновременно и, можетъ быть, не въ одинаковомъ порядкѣ изданныя постановленiя, при томъ однако условiи, чтобы постановленiя эти удовлетворяли извѣстнымъ внѣшнимъ признакамъ и чтобы въ преимущественной силѣ всегда полагалось позднѣйшее постановленiе? Такое обязательное употребленiе и руководствованiе сборникомъ не равносильно еще полной безспорности каждаго отдѣльнаго его постановленiя. Возможность оспариванiя правильности текста должна почитаться устраненною въ томъ лишь случаѣ, если такому сборнику, во всемъ его объемѣ, присвоена сила закона. Но эта сила, какъ то доказано въ предыдущихъ главахъ, придана была только основному изданiю Свода, и засимъ не подтверждалась за дальнѣйшими его переизданiями. Такимъ образомъ безъ квалификацiи въ качествѣ „закона" всякая новая книга Свода могла быть только обязательнымъ къ употребленiю руководствомъ,—что̀ и выражено было въ предисловiи къ уставамъ рекрутскимъ, изданiя 1862 года. Вспомнимъ, что противоположенiе руководства закону мы встрѣчали, по отношенiю къ Своду законовъ, еще въ то время, когда впервые сталъ намѣчаться вопросъ о силѣ будущаго Свода. Уже тогда, въ началѣ 1832 года [2]), предусматривалась дилемма, быть-ли Своду „текстомъ закона" или же одобреннымъ отъ правительства руководствомъ, изъ коего можно было бы познавать истинный разумъ существующихъ узаконенiй и усматривать связь ихъ во всей совокупности, короче говоря, „руководствомъ къ правильному приложенiю и разумѣнiю законовъ". И, если тогда оказалось неизбѣжнымъ присвоить Своду значенiе Высочайше утвержденнаго текста, то въ позднѣйшее время было, какъ мы видѣли, достаточно основательныхъ причинъ, чтобы сохранить это значенiе только за первымъ изданiемъ, а по отношенiю къ дальнѣйшимъ изданiямъ ограничиться предписанiемъ обязательныхъ на оныя ссылокъ въ производимыхъ дѣлахъ. Что употребленная по отношенiю къ изданiю рекрутскихъ уставовъ 1862 года формула, хотя впо-

[1]) Учр. Сенат., изд. 1915 г., прил. II, ст. 7.

[2]) См. въ главѣ III (стр. 25—28).

слѣдствіи нигдѣ не была повторена, служила однако выраженіемъ господствовавшаго во Второмъ Отдѣленіи взгляда на выпускаемыя имъ изданія и что этотъ взглядъ сообщился преемственно и Кодификаціонному Отдѣлу при Государственномъ Совѣтѣ, доказательствомъ тому служитъ неоднократное упоминаніе о Сводѣ именно какъ о сборникѣ, предназначенномъ для практическаго руководства, въ представленіи Главноуправлявшаго этимъ Отдѣломъ о планѣ трудовъ по разработкѣ Свода законовъ [1]), при чемъ въ одномъ мѣстѣ значеніе его охарактеризовано почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ это было сдѣлано въ 1862 году для уставовъ рекрутскихъ: „Сводъ долженъ быть *единственнымъ*, *обязательнымъ для руководства* законодательнымъ сборникомъ за то время, за которое въ него внесены узаконенія“. Внутреннее же значеніе этого опредѣленія раскрывается изъ слѣдующихъ, непосредственно примыкающихъ къ выписаннымъ словамъ, разсужденій: „Но, такъ какъ въ новомъ изданіи столь обширнаго и сложнаго сборника, каковымъ представляется Сводъ законовъ, нельзя не предвидѣть неточностей, ошибокъ и редакціонныхъ недосмотровъ, несмотря на все стараніе сдѣлать сіе изданіе съ возможною тщательностью,—то само собою разумѣется, что эти ошибки, неточности и недосмотры не должны быть обязательны для практики; напротивъ, они должны быть указаны Кодификаціонному Отдѣлу для надлежащаго исправленія министрами и главноуправляющими, примѣняясь къ тому, какъ это было установлено для исправленія и дополненія перваго изданія Свода законовъ ....“.

Описанныя два изданія Второго Отдѣленія при бар. Корфѣ, выпускъ которыхъ состоялся подъ непосредственнымъ вліяніемъ того сдвига въ законодательствѣ, какой былъ вызванъ крестьянскою реформою, предопредѣлили, совершенно противъ чаяній самого Корфа, какъ въ ихъ положительныхъ, такъ и въ отрицательныхъ сторонахъ, всю дальнѣйшую систему поддержанія третьяго Свода на уровнѣ текущаго законодательства. Ни бывшій Министромъ Юстиціи графъ В. Н. Панинъ, смѣнившій барона М. А. Корфа въ концѣ февраля 1864 г. и не долѣе послѣдняго стоявшій во главѣ Второго Отдѣленія, ни князь С. Н. Урусовъ, служившій въ молодые годы въ этомъ Отдѣленіи, а ко времени назначенія въ главноуправляющіе состоявшій Государственнымъ Секретаремъ, не сочувствовали замысламъ бар. Корфа, и оба вообще мало были склонны искать новыхъ путей [2]).

---

[1]) Представленіе въ Государственный Совѣтъ 15 февраля 1885 г. № 97, стр. 9, 33, 34, 42, 61.

[2]) О судьбѣ предположеній Корфа объ отдѣленіи законовъ отъ административныхъ распоряженій въ Сводѣ законовъ см. у Майкова, Второе Отдѣленіе, стр. 487—489 и 522, а въ краткихъ чертахъ также въ статьѣ Г. Б—та „Законъ и Сводъ законовъ при новомъ государственномъ строѣ“ (Журн. Мин. Юст. 1908 г. № 2, стр. 22, 23). Справедливость требуетъ однако отмѣтить одинъ новый пріемъ за время преемниковъ Корфа, способствовавшій очищенію Свода, а именно рядъ уполномочій, данныхъ Второму Отдѣленію со стороны законодательной власти, при утвержденіи болѣе крупныхъ законодательныхъ мѣръ, на согласованіе съ ними

Тѣмъ не менѣе даже и кратковременное управленіе перваго изъ нихъ даетъ нѣкоторый матеріалъ по занимающему насъ вопросу.

Гр. Панинъ немедленно по вступленіи въ должность испросилъ Высочайшее соизволеніе на составленіе очередного продолженія, съ тѣмъ, чтобы оно обнимало узаконенія съ 1 апрѣля по 31 декабря 1863 г. Обнародовано оно было въ началѣ 1865 года [1]) подъ названіемъ продолженія 1864 года въ обычной для того формѣ. Сходствуя съ предыдущимъ продолженіемъ въ томъ отношеніи, что нѣкоторыя части Свода въ немъ оставлены безъ согласованія съ вышедшими узаконеніями, это продолженіе впервые содержитъ въ цитатахъ указаніе на номеръ, присвоенный подлежащему постановленію въ Собраніи узаконеній и распоряженій правительства. Вполнѣ естественное нововведеніе,—ибо именно въ 1863 году впервые начало выходить это спеціально установленное для обнародованія законовъ изданіе,—оно особо оговорено въ предисловіи къ продолженію, при чемъ любопытнымъ является объясненіе этого дополнительнаго указанія: „дабы тѣмъ облегчить пріисканіе постановленія въ самомъ Собраніи". Этими словами создается впечатлѣніе, какъ если бы должностное лицо, обязанное, по силѣ преподанныхъ въ учрежденіи Сената правилъ приведенія законовъ въ дѣлахъ, руководствоваться единственно Сводомъ законовъ и продолженіями къ нему, приглашалось провѣрять правильность внесенныхъ въ продолженіе дополненій и измѣненій по подлиннымъ узаконеніямъ. Но, если бы даже такое впечатлѣніе было только случайнымъ или могло быть навѣяно усиленными поисками за новыми данными по вопросу о сравнительной силѣ изданій Свода съ его источниками, то во всякомъ случаѣ приведенныя слова ясно свидѣтельствуютъ, что продолженіемъ 1864 года не считались покрытыми тѣ подлинныя узаконенія, которыя послужили для него матеріаломъ.

Въ томъ же 1864 году, при гр. Панинѣ, получило завершеніе, при дѣятельномъ до самаго конца участіи бар. Корфа, сложное дѣло изданія 3-ей части Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ. Первыя двѣ части этого Свода изданы были еще при гр. Блудовѣ, въ 1845 году, послѣ внесенія ихъ въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, съ удостовѣреніемъ особой изъ его членовъ

статей Свода и на устраненіе изъ него правилъ инструкціоннаго свойства. Такія порученія заключаются, напр., въ слѣдующихъ узаконеніяхъ: 1866 мая 30 (43354) ст. 2; 1866 декабря 22 (44024) ст. 18; 1873 іюня 9 (52363) II; 1878 марта 21 (58316) ст. 2. Изъ болѣе раннихъ порученій намъ встрѣтилось только одно: 1863 января 4 (39128) V, по поводу изданія положенія о пошлинахъ за право торговли и промысловъ.

[1]) Выс. пов. 23 января 1865 г. (П. С. З., № 41714).

комиссіи, что проектъ не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго основнымъ законамъ Имперіи и общему духу нашего законодательства. Обѣ онѣ были объявлены въ сопровождавшемъ ихъ именномъ указѣ 1 іюля 1845 г. [1]) въ полной силѣ закона. Тѣ же законная сила и дѣйствіе были присвоены первому (и единственному) къ нимъ продолженію, согласно Высочайшему повелѣнію 29 декабря 1853 г. [2]). Поэтому и заключающіяся въ 3-ей части гражданскія узаконенія Прибалтійской окраины не могли, при первоначальномъ ихъ изданіи, не быть облечены силою самостоятельнаго закона,—тѣмъ болѣе, что при составленіи этого изданія пришлось объединить не только писанные источники древнихъ временъ, но и обычное право. Сомнѣній въ необходимости особаго утвержденія этой части быть не могло; неяснымъ представлялся только вопросъ о самомъ порядкѣ такого утвержденія. Гр. Блудовъ, въ ту пору уже Предсѣдатель Государственнаго Совѣта, и замѣщавшій его, по случаю болѣзни, кн. Гагаринъ полагали для этого необходимымъ участіе Совѣта. Преемникъ же Блудова по Второму Отдѣленію бар. Корфъ находилъ возможнымъ прямо распубликовать этотъ Сводъ при именномъ указѣ. Важность и спорность вопроса привели къ установленію Высочайше учрежденнаго особаго комитета, въ составѣ 4-хъ лицъ, „для рѣшенія вопроса о ходѣ, какой должно дать разсмотрѣнію и утвержденію третьей части Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ". Единогласнаго рѣшенія достигнуто здѣсь не было, ибо предсѣдательствовавшій въ комитетѣ кн. Гагаринъ остался при прежде имъ высказывавшемся мнѣніи. Высочайшаго утвержденія удостоилось мнѣніе трехъ членовъ, проводившееся Корфомъ, о томъ, что „нѣтъ ни повода, ни основанія, ни удобства подвергать III часть Свода мѣстныхъ узаконеній дальнѣйшему еще въ Государственномъ Совѣтѣ пересмотру". Не воспроизводя здѣсь, какъ уже ставшихъ достояніемъ ученыхъ, благодаря трудамъ проф. бар. А. Э. Нольде [3]), тѣхъ доводовъ, которые приводились съ той и другой стороны въ пользу отстаиваемаго мнѣнія и которыми оттѣнялась разница между имѣвшими другое теченіе первыми двумя и третьею частью Свода,

---

[1]) П. С. З., № 19146. О возникшемъ въ 60-хъ годахъ въ балтійской литературѣ разногласіи о значеніи капитуляцій послѣ изданія мѣстнаго Свода см. у бар. Б. Э. Нольде, Очерки русскаго государственнаго права, стр. 356 сл.

[2]) П. С. З., № 27817.

[3]) „Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при гр. Сперанскомъ", вып. II, 1914 г., гдѣ, въ главѣ XVI (стр. 444 сл.), приведенъ подробный пересказъ и разобранъ журналъ комитета по этому вопросу. Самый журналъ имѣется въ дѣлѣ II Отдѣленія 1862 г. № 198а.

отмѣтимъ только тѣ мѣста журнала, въ коихъ сопоставлялась роль законосовѣщательнаго и кодификаціоннаго учрежденій. Повторительная ревизія проекта III части въ Государственномъ Совѣтѣ „излишня потому, что всѣ предметы, дававшіе поводъ къ сомнѣніямъ въ законодательномъ отношеніи, уже разрѣшены Государственнымъ Совѣтомъ по представленіямъ, внесеннымъ въ оный, въ исполненіе Высочайшей воли, Вторымъ Отдѣленіемъ, а все прочее лежитъ на обязанности и отвѣтственности сего послѣдняго, такъ какъ приведеніе существующихъ законовъ въ составъ систематическаго свода, когда въ нихъ не дѣлается и не предполагается никакой перемѣны, никогда не входило въ предметы Государственнаго Совѣта и всегда совершалось окончательно подъ непосредственнымъ руководствомъ Государя Императора, въ томъ мѣстѣ, которое именно для сего и учреждено, т. е. въ упомянутомъ Отдѣленіи“. Эта же мысль болѣе подробно развита при отдѣльномъ изложеніи мнѣнія трехъ членовъ. „Извѣстно, что въ общей сферѣ законодательныхъ работъ есть два главныхъ разряда. Одинъ изъ нихъ обнимаетъ собою составленіе новыхъ законовъ и поясненіе, дополненіе или отмѣну законовъ существующихъ; другой—приведеніе сихъ послѣднихъ въ порядокъ и систему, безъ всякой перемѣны въ ихъ сущности. Первый разрядъ составляетъ *законодательство*, второй—такъ называемую *кодификацію* (своды). Тотъ и другой имѣютъ у насъ свое средоточіе въ Верховной Самодержавной Власти и отъ нея одной получаютъ окончательное утвержденіе, но порядокъ, которымъ они восходятъ къ этому утвержденію, различенъ: законодательство, во всѣхъ его степеняхъ, сосредоточено въ Государственномъ Совѣтѣ; кодификація же предоставлена исключительно Второму Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, подъ непосредственнымъ Высочайшимъ руководствомъ и надзоромъ. Такимъ образомъ, когда работы сего Отдѣленія прикасаются къ вопросамъ законодательнымъ, то они вносятся въ Государственный Совѣтъ; но когда ограничиваются одною кодификаціею,—то не подлежатъ контролю Совѣта, потому что такой контроль, по самому свойству своему составляя трудъ кабинетный, несогласенъ съ назначеніемъ высшаго законодательнаго учрежденія и даже, по самому роду и образу требующейся тутъ дѣятельности, для него невозможенъ. Такова была мысль незабвеннаго учредителя Второго Отдѣленія, блаженныя памяти Императора Николая I, и этимъ объясняется цѣль, для которой существовавшую дотолѣ Комиссію составленія зако-

ковъ Онъ преобразовалъ не въ какой-либо министерскій департаментъ, не въ часть Государственной или иной Канцеляріи, а въ Отдѣленіе *Собственной Своей* Канцеляріи. Съ тѣхъ поръ это различіе было всегда строго и неизмѣнно соблюдаемо ...., но самые своды, въ цѣломъ остальномъ ихъ составѣ, подносились Императору Николаю I и нынѣ царствующему Государю Императору Вторымъ Отдѣленіемъ непосредственно, обращаясь потомъ къ ихъ исполненію безъ всякой предварительной повѣрки въ Государственномъ Совѣтѣ". Если въ настоящемъ случаѣ отъ этого различія отступить, то „нарушится, безъ всякой цѣли, порядокъ, принятый съ первоначальнаго учрежденія Второго Отдѣленія, и само оно утратитъ присвоенный ему характеръ Собственной Государевой Канцеляріи, дѣйствующей подъ непосредственнымъ Высочайшимъ руководствомъ".

Если въ этихъ краснорѣчивыхъ строкахъ самого, вѣроятно, бар. Корфа, составляющихъ какъ бы идеологію Второго Отдѣленія, вѣрно выраженъ взглядъ Отдѣленія не только на послѣдній, но и на всѣ предшествующіе его труды, то не приходится удивляться, почему этотъ же журналъ Комитета называетъ второе и третье изданія Свода Высочайше утвержденными, хотя прямого на это указанія въ касающихся тѣхъ изданій именныхъ указахъ нѣтъ. Но въ такомъ случаѣ нѣсколько поражаетъ то рѣзко критическое отношеніе, какое проявлено было бар. Корфомъ въ томъ же 1862 году къ другимъ въ той же области трудамъ Второго Отдѣленія— къ продолженіямъ Свода законовъ, относительно которыхъ должна была существовать та же презумпція непосредственнаго вѣдѣнія и руководства со стороны Верховной власти.

Исполненіе того, что было предрѣшено принятіемъ 26 ноября 1862 г. мнѣнія трехъ членовъ Комитета, наступило только въ концѣ 1864 года, когда бар. Корфа уже не было во Второмъ Отдѣленіи. Именной указъ 12 ноября 1864 г. [1]), при которомъ послѣдовало обнародованіе „Свода гражданскихъ узаконеній губерній Остзейскихъ, повелѣніемъ Государя Императора Александра Николаевича составленнаго", указывая на связь этого труда съ именнымъ указомъ 1 іюля 1845 г. о первыхъ двухъ частяхъ Свода мѣстныхъ узаконеній, только въ одной собственно статьѣ сходствуетъ, въ резолютивной своей части, съ названнымъ указомъ, а отличествуетъ отъ него, равно какъ отъ указовъ, сопровожда-

[1]) П. С. З., № 41443.

вшихъ выходъ общаго Свода вторымъ и третьимъ изданіями, въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: 1) онъ содержитъ (во вводной части) прямое указаніе на *утвержденіе* Свода гражданскихъ узаконеній Высочайшею властью, и 2) не упоминаетъ за то, въ статьѣ 1, о присвоеніи ему силы закона, ограничиваясь предписаніемъ о введеніи его въ дѣйствіе съ 1 іюля 1865 г. [1]). Такое сочетаніе отклоненій отъ предыдущихъ образцовъ приводитъ только къ одному, казалось бы, совершенно неизбѣжному выводу: сила этого изданія 1864 года та же самая, что вышедшихъ въ 1845 году первыхъ двухъ частей мѣстнаго Свода, и та же самая, что сила общаго Свода законовъ 1832 года,—несмотря на различіе въ деталяхъ прохожденія ихъ проектовъ, и, если указы въ одномъ случаѣ говорятъ объ утвержденіи изданія Высочайшею властью, а въ другихъ—только о присвоеніи имъ законной силы или силы закона, то это суть только различные способы выраженія одной и той же мысли, вполнѣ соотвѣтствующіе тому времени, когда незыблемаго порядка для изданія законовъ въ собственномъ смыслѣ этого слова еще не существовало и когда всякое Высочайше утвержденное постановленіе, въ какомъ бы порядкѣ оно ни было подготовлено, почиталось въ одинаковой силѣ закона. Отсюда же и обратное, не менѣе, думается, безспорное заключеніе: если въ именномъ указѣ или Высочайшемъ повелѣніи, при которомъ было обнародовано то или иное изданіе Второго Отдѣленія, нѣтъ прямого указанія на Монаршее утвержденіе этого изданія или на присвоеніе ему силы закона, то нѣтъ и основаній къ признанію подобнаго изданія въ силѣ Высочайше утвержденнаго текста.

Съ бóльшимъ правомъ, чѣмъ обсуждавшаяся III часть Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ, должно быть приписано трудамъ гр. Панина уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. По его представленію, въ концѣ 1865 года [2]) былъ изданъ законъ о согласованіи уложенія о нака-

---

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ въ указѣ 1864 года имѣется еще особое постановленіе о примѣненіи тѣхъ статей сего Свода, которыя заключаютъ необходимыя къ дѣйствовавшимъ доселѣ законамъ дополненія, лишь къ тѣмъ дѣламъ, кои возникнутъ *по обнародованіи Свода*. Нарочитое объ этомъ предписаніе находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что отдѣльныя послѣдовавшія, по представленію гр. Блудова, мнѣнія Государственнаго Совѣта относительно такихъ дополненій не были, по ихъ утвержденіи, обнародованы (см. въ главѣ VI выноску 1 на стр. 75).

[2]) Высочайше утвержденное 27 декабря 1865 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта (П. С. З., № 42839).

заніяхъ съ Высочайше утвержденнымъ, одновременно съ Судебными Уставами 20 ноября 1864 г., уставомъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями. Тѣмъ же мнѣніемъ Государственнаго Совѣта [1]) на Второе Отдѣленіе возложено было, „въ видахъ доставленія судебнымъ мѣстамъ средствъ къ удобнѣйшему примѣненію законовъ уголовныхъ впредь до общаго пересмотра уложенія 1845 года", приготовить новое изданіе этого уложенія. Быстро выполнивъ это законодательное порученіе, гр. Панинъ уже 5 мая 1866 г. могъ представить Государю къ подписанію именной указъ Правительствующему Сенату относительно обнародованія этого труда. Въ составѣ сего акта содержатся два указанія, выдѣляющія новое изданіе уложенія изъ числа обыкновенныхъ кодификаціонныхъ выпусковъ: во-первыхъ, во вступительной части этого указа объявляется: „По исполненіи нынѣ II Отдѣленіемъ Собственной Нашей Канцеляріи возложеннаго на него труда, Мы *утвердили* составленное имъ изданіе Уложенія", и, во-вторыхъ, повелѣніе о введеніи его въ дѣйствіе изложено не въ видѣ предписанія „ссылаться на статьи" новаго изданія взамѣнъ прежняго (какъ это было въ именныхъ указахъ относительно Сводовъ 1842 и 1857 г.г.), а въ той формѣ, какъ это говорится относительно новыхъ законовъ: „*примѣнять* уложеніе о наказаніяхъ изданія 1866 года ко всѣмъ нерѣшеннымъ еще дѣламъ, со дня полученія онаго судебными мѣстами". Если указаніе на Высочайшее *утвержденіе* уложенія лишній разъ подкрѣпляетъ высказанную выше мысль по поводу такого же указанія въ составѣ акта, сопровождавшаго обнародованіе Свода гражданскихъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній, то терминъ „*примѣнять* уложеніе" не можетъ не быть сопоставленъ съ имѣвшимся въ манифестѣ 31 января 1833 г. относительно перваго изданія Свода (и для позднѣйшихъ изданій не повтореннымъ) поясненіемъ силы Свода, долженствующей „состоять въ *приложеніи* и приведеніи статей его въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ". Итакъ, кодификаціонное изданіе уложенія 1866 года должно быть признано, на основаніи указа 5 мая 1866 г. [2]), имѣющимъ свойства самостоятельнаго закона,—въ отли-

---

[1]) Объ этомъ упомянуто въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 21 февраля 1866 г., сопровождавшемъ обнародованіе закона 27 декабря 1865 г. (П. С. З., № 42839).

[2]) Высочайшій указъ этой даты сопровождался, какъ видно изъ Полнаго Собранія, еще особымъ, объявленнымъ Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ, Высочайшимъ повелѣніемъ о сохраненіи въ силѣ, хотя и не внесеннаго въ но-

чіе отъ нынѣ дѣйствующаго уложенія 1885 года, которое, будучи издано уже въ порядкѣ правилъ 5 ноября 1885 г., не обладаетъ никакою особливою силою въ сравненіи съ другими переизданіями уставовъ 1857 года.

Преемнику гр. Панина на посту Главноуправляющаго, съ 16 апрѣля 1867 г., князю С. Н. Урусову пришлось начать свою дѣятельность также съ выполненія законодательнаго порученія. Высочайше утвержденнымъ 27 іюня 1866 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта (П. С. З., № 43437), вслѣдъ за установленіемъ новаго изложенія до полусотни статей устава о питейномъ сборѣ, касавшихся акцизнаго сбора съ водокъ и съ изюмнаго вина, было опредѣлено (отд. II): „предоставить Министру Финансовъ, по соглашенію съ Главноуправляющимъ Вторымъ Отдѣленіемъ . . . , сдѣлать новое изданіе устава о питейномъ сборѣ, со включеніемъ какъ вышеприведенныхъ, такъ и вообще всѣхъ утвержденныхъ по оному измѣненій и дополненій". Оказавшееся, вѣроятно, болѣе сложнымъ, чѣмъ изготовленіе новаго изданія уложенія о наказаніяхъ, и требовавшее сотрудничества съ другимъ вѣдомствомъ, переизданіе устава о питейномъ сборѣ могло совершиться только къ концу 1867 года. Обнародованіе его сопровождалось Высочайшимъ актомъ отъ 12 октября того года, названнымъ въ Полномъ Собраніи Законовъ именнымъ (указомъ), хотя внѣшнихъ признаковъ такого указа опубликованный его текстъ не носитъ. За то по содержанію своему этотъ актъ приближается къ предшествовавшему указу 1866 года относительно уложенія о наказаніяхъ. Здѣсь также содержится вполнѣ опредѣленное указаніе на то, что это новое изданіе удостоено было Высочайшаго утвержденія. Надо думать, что сего требовало свойство тѣхъ измѣненій, которыя внесены были въ уставъ по инициативѣ финансоваго вѣдом-

---

вое изданіе, содержавшагося въ ст. 62 прим. уложенія 1857 года правила о наложеніи нѣкоторыхъ взысканій безъ формальнаго производства суда. Отмѣчаемъ это, какъ рѣдкій случай оставленія въ силѣ, внѣ дѣйствующаго Свода, правила прежняго Свода,—съ особаго Высочайшаго разрѣшенія. Нѣчто подобное мы имѣемъ въ настоящее время въ отношеніи устава пробирнаго, составлявшаго содержаніе особой книги (ст. 489—555) устава о промышленности 1893 г., по прод. 1912 г., и не внесеннаго въ новый уставъ о промышленности, изданія 1913 г., въ ожиданіи выхода въ скоромъ времени новаго общаго закона по пробирной части. Такъ какъ законъ этотъ до сихъ поръ не состоялся, то на ряду съ уставомъ о промышленности 1913 г. оказываются сохранившими силу до 66 статей продолженія къ предыдущему, болѣе не дѣйствующему, изданію (Правительственный Вѣстникъ 31 декабря 1914 г. № 318).

ства или по соглашенію съ нимъ и которыя, вѣроятно, выходили за предѣлы обыкновенныхъ кодификаціонныхъ пріемовъ,—ибо, въ противномъ случаѣ, не было основаній придавать этому переработанному изданію бо́льшую силу, чѣмъ какая принадлежала предыдущему изданію 1863 года, вышедшему въ составѣ своднаго продолженія этого года.

Около того же времени, именнымъ указомъ 9 декабря 1867 г. о преобразованіи управленія Кавказскаго и Закавказскаго края, на Второе Отдѣленіе возложено было новое законодательное порученіе: „для предотвращенія... всякихъ въ семъ отношеніи (т. е. по вопросу, какія постановленія Свода 1857 года утратили силу и какія сохраняютъ дѣйствіе) затрудненій и недоразумѣній предоставить Второму Отдѣленію..., сообразивъ всѣ... постановленія съ настоящимъ указомъ..., немедленно приступить, по соглашенію съ Намѣстникомъ, къ передѣлкѣ и новому изданію II и III книгъ 2 части тома II Свода законовъ 1857 г., съ тѣмъ, чтобы, по исключеніи всего отмѣненнаго и утратившаго силу, изложить въ нихъ, въ надлежащей системѣ, совокупность дѣйствующихъ объ учрежденіяхъ Кавказскаго и Закавказскаго края узаконеній“ [1]). Надо полагать, что и въ этомъ случаѣ существо передѣлки не было настолько незначительнымъ, чтобы не требовалось Высочайшей санкціи этому труду. Но, можетъ быть, въ виду того, что на эту передѣлку послѣдовало особое со стороны законодательной власти уполномочіе, или же по той причинѣ, что докладъ Его Величеству о новомъ изданіи исходилъ не со стороны Главноуправляющаго Вторымъ Отдѣленіемъ, а былъ представленъ при посредствѣ Великаго Князя Намѣстника Кавказскаго, въ подлежащемъ актѣ Верховной власти [2]) никакого указанія на Высочайшее утвержденіе изданія не содержится. То же самое слѣдуетъ сказать и про послѣдовавшее въ 1871 году дополненіе новаго учрежденія управленія Кавказскаго и Закавказскаго края особою главою для областей Кубанской и Терской [3]).

Кромѣ этихъ частичныхъ, по особымъ причинамъ, переизданій отдѣльныхъ уставовъ, за 14-лѣтнее управленіе кн. Урусова вышли новыми изданіями многія другія части Свода законовъ, какъ отдѣльно, такъ и въ составѣ продолженій, при чемъ одно изъ такихъ изда-

[1]) П. С. З. 1867 г. № 45259, отд. IX.
[2]) Именной указъ 12 декабря 1869 г. (П. С. З., № 47772).
[3]) Именной указъ 30 іюля 1871 г. (П. С. З., № 49859).

ній, а именно уставъ объ акцизѣ съ табаку 1872 года, означено въ Высочайшемъ повелѣніи удостоеннымъ Высочайшаго одобренія [1]).

Въ отношеніи выпуска продолженій при кн. Урусовѣ не переставала примѣняться смѣшанная система. Издавъ рядъ очередныхъ продолженій (1868, 1869, 1871 и 1872 г.г.) [2]) съ нѣкоторыми, вошедшими уже въ обиходъ кодификаціонныхъ трудовъ, „особыми приложеніями" и съ пробѣлами въ отношеніи ряда уставовъ, ставшими хроническимъ недугомъ Свода, Второе Отдѣленіе выпустило, послѣ 5-лѣтняго перерыва, подъ названіемъ продолженія 1876 года и изданій этого же года, сводное въ 3 книгахъ продолженіе и цѣлый рядъ томовъ Свода, либо въ полномъ видѣ, либо и обособленными уставами. Относящееся до всѣхъ этихъ изданій общее Высочайшее повелѣніе 14 февраля 1878 г. [3]), несмотря на крупное значеніе одновременнаго выпуска стольких частей Свода (составлявшихъ болѣе, чѣмъ треть его названій), не содержитъ никакихъ, достойныхъ упоминанія, подробностей или указаній относительно силы обновленной половины Свода. Тѣмъ не менѣе это событіе, какъ бы предуказывавшее и дальнѣйшее слѣдованіе тому же пріему частичнаго переизданія Свода, не могло остаться безъ вліянія на содержаніе излагавшихся въ учрежденіи Сената правилъ о приведеніи и указаніи законовъ при производствѣ дѣлъ. Заключавшееся въ нихъ предписаніе руководствоваться и ссылаться на изданіе Свода 1857 года сохраняло отнынѣ полное свое значеніе только въ отношеніи къ томамъ и уставамъ, не подвергшимся переизданію съ 1857 года, но требовало измѣненія по отношенію къ болѣе позднимъ изданіямъ, замѣнившимъ собою подлежащія части 1857 года. Поэтому всеподданнѣйшимъ докладомъ 17 марта 1877 г., еще ранѣе выхода изготовлявшихся изданій, кн. Урусовъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на дополненіе упоминавшихся выше правилъ новымъ примѣчаніемъ, указывающимъ, что „по тѣмъ частямъ Свода законовъ, по коимъ, съ 1857 года, послѣдовали новыя изданія, ссылки дѣлаются на статьи сихъ новыхъ изданій, примѣняясь

---

[1]) Выс. пов. 20 іюля 1872 г. (П. С. З., № 51129).

[2]) Выс. пов. 19 декабря 1868 г. (П. С. З., № 46570), 2 апрѣля 1870 г. (48212), 3 декабря 1871 г. (50262) и 29 ноября 1872 г. (51593). Первое изъ этихъ повелѣній, относящееся къ продолженію 1868 года, называетъ его Высочайше одобреннымъ. Отмѣтимъ также, что предисловія ко второму изъ этихъ продолженій были, чего прежде не дѣлалось, повергаемы на Высочайшее утвержденіе.

[3]) П. С. З., № 58195.

къ правиламъ сего приложенія“ [1]). На этомъ именно примѣчаніи, предусмотрительно изложенномъ въ 1877 году такъ, чтобы оно обнимало собою не только уже имѣвшіяся въ то время въ виду, но и вообще предстоявшія въ будущемъ переизданія, покоилась и нынѣ зиждется сила всѣхъ тѣхъ многочисленныхъ новыхъ изданій, которыя успѣли воспослѣдовать въ 40-лѣтній съ того времени срокъ,—ибо именной указъ 12 мая 1858 года, опредѣлявшій силу третьяго изданія Свода, сохраняетъ полное свое дѣйствіе, собственно говоря, только въ отношеніи одной, отживающей свой вѣкъ, части современнаго Свода—уставовъ счетныхъ [2]).

Слѣдовавшія за плодовитымъ 1877 годомъ остальныя 4—5 лѣтъ существованія Второго Отдѣленія были уже годами его упадка. Къ Своду законовъ за это время прибавилось два небольшихъ очередныхъ продолженія (1879 и 1881 годовъ), и переизданію подверглись, въ 1879 году, три мелкихъ устава изъ 2 части XI тома [3]).

Что касается внутренней стороны трудовъ Второго Отдѣленія, имѣющей отношеніе къ нашей темѣ, то время кн. Урусова отличается обиліемъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ даже и по малозначительнымъ поводамъ, и неоднократнымъ обращеніемъ по кодификаціоннымъ вопросамъ въ Государственный Совѣтъ. По словамъ историка Второго Отдѣленія [4]), кн. Урусовъ вообще избѣгалъ измѣненія статей Свода въ кодификаціонномъ порядкѣ, находя, что въ этомъ порядкѣ могутъ быть дѣлаемы только такія измѣненія, которыя вытекаютъ изъ буквальнаго смысла узаконеній, и что новая редакція статей законовъ не можетъ возымѣть дѣйствіе иначе, какъ по утвержденіи ея Верховною властью [5]). Исходя изъ такого взгляда, онъ представлялъ

---

[1]) Всеподданнѣйшіе доклады II Отдѣленія, т. XXXIV, л. 13226; учр. Сенат., по прод. 1876 г., ст. 102, прил., примѣчаніе, а по дѣйствующему учрежденію 1915 года—прил. II, ст. 1, прим.

[2]) Т. VIII, ч. 2 (изд. 1857 г.). Такъ обстоитъ дѣло однако лишь съ самаго недавняго времени, а именно вслѣдствіе послѣдовавшаго въ началѣ 1917 года переизданія устава путей сообщенія 1857 года (т. XII, ч. 1), который полныхъ почти 60 лѣтъ ожидалъ своего кодификаціоннаго обновленія.

[3]) Выс. пов. 14 февр. 1880 г. (П. С. З., № 60499) и 17 дек. 1881 г. (П. С. З., № 567а). При первомъ изъ нихъ было обнародовано также и продолженіе 1876 года къ уставу о земскихъ повинностяхъ.

[4]) П. М. Майковъ, Второе Отдѣленіе, стр. 558 и 559.

[5]) Послѣдняго рода указаніе содержится, въ этихъ именно словахъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ 13 мая 1871 г. № 47.

на Высочайшее утвержденіе даже и такія предположенія по согласованію статей Свода съ принятыми законодательными мѣрами, на которыя онъ былъ уполномоченъ, непосредственно или по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, особымъ постановленіемъ законодательной власти,—и почиталъ себя обязаннымъ вновь возбуждать законодательный вопросъ, какъ только приходилось „выйти изъ предѣловъ, положенныхъ вообще для редакціонныхъ работъ“ [1]). Что такое воззрѣніе не всегда сходилось съ мнѣніемъ того учрежденія, куда Главноуправляющій вносилъ свое представленіе, свидѣтельствомъ тому служитъ журналъ Государственнаго Совѣта по дѣлу о согласованіи Свода съ законами о правахъ дѣтей лицъ православнаго и армяно-грегоріанскаго духовенства. Совѣтъ нашелъ, что въ представленіи Второго Отдѣленія содержатся, на ряду съ вопросами, требующими законодательнаго разрѣшенія, и проекты весьма многихъ статей, по которымъ законодательныхъ вопросовъ не возникаетъ вовсе. Полагая, что измѣненіе сихъ послѣднихъ статей могло удобнѣе послѣдовать въ кодификаціонномъ порядкѣ, Государственный Совѣтъ возвратилъ по этой причинѣ представленіе для переработки. Исполнивъ это, кн. Урусовъ тѣмъ не менѣе счелъ нужнымъ представить на Высочайшее воззрѣніе, особо отъ этого дѣла, проектъ новой редакціи всѣхъ статей о правахъ дѣтей лицъ православнаго и армяно-грегоріанскаго духовенства. Соотвѣтствующее Высочайшее повелѣніе, по обнародованіи новой редакціи, нашло себѣ мѣсто и въ Полномъ Собраніи законовъ [2]). Равнымъ образомъ, въ порядкѣ всеподданнѣйшаго доклада, состоялось согласованіе съ уставомъ 1874 г. о воинской повинности статьи 188 тома IX о правѣ россійскаго дворянства вступать на государственную службу безъ принужденія къ оной [3]), при чемъ

---

[1]) Это видно, въ частности, изъ всеподданнѣйшаго доклада 27 августа 1870 г. № 74.—Съ другой, однако, стороны, кн. Урусовъ не счелъ нужнымъ входить съ законодательнымъ представленіемъ, когда при согласованіи статей Свода съ закономъ 9 іюня 1873 г. (52363) выяснилась необходимость измѣнить не Сводъ, а самый этотъ законъ, для установленія единообразія въ употребленіи терминовъ: жалованье, содержаніе, денежное довольствіе. Желательныя измѣненія въ текстѣ подлежащихъ, основанныхъ на этомъ законѣ, статей устава о пошлинахъ произведены были по всеподданнѣйшему докладу 21 января 1879 г., который и понынѣ значится въ цитатахъ статей 317 (прим. 2), 321 (прим.) и 323 названнаго устава (изд. 1914 г.).

[2]) 1871 мая 13 (П. С. З., № 49595) Имен. ук.

[3]) Нынѣ ст. 71 зак. сост., изд. 1899 г. (ср. всеподд. докл. 13 янв. и 5 февр. 1877 г., т. XXXIV, л. 13100 и 13173).

новая редакція была утверждена, на докладѣ Военнаго Министра, Собственноручнымъ начертаніемъ „быть по сему". Другія статьи того же тома объ однодворцахъ для согласованія съ тѣмъ же новымъ законоположеніемъ внесены были Вторымъ Отдѣленіемъ на разсмотрѣніе Особаго Присутствія по воинской повинности въ составѣ Государственнаго Совѣта [1]).

Если таково было отношеніе кн. Урусова къ тексту Свода въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній подлежалъ измѣненію для согласованія съ новѣйшими узаконеніями, то тѣмъ естественнѣе, конечно, было обращеніе къ Высочайшей власти въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло объ исправленіи основного изданія Свода. Въ 1869 году Министръ Внутреннихъ Дѣлъ обратилъ вниманіе Второго Отдѣленія на то, что статья 386 устава о земскихъ повинностяхъ не вполнѣ согласна съ ея источникомъ: полагающійся отпускъ дровъ въ казармы съ голландскими печами въ положеніи 9 мая 1817 года былъ опредѣленъ такъ: „считая каждую печь *за* десять человѣкъ нижнихъ чиновъ"; между тѣмъ въ Сводѣ сказано: „считая каждую печь *на* десять человѣкъ". Такъ какъ, вслѣдствіе этого, по свидѣтельству Министерства, на практикѣ возбуждались разномыслія въ способѣ примѣненія статьи 386 уст. зем. пов., то кн. Урусовъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на соотвѣтствующее исправленіе статьи Свода согласно источнику, которое и было выполнено перепечаткою ея въ продолженіи 1869 года, со ссылкою въ цитатахъ на Высочайше утвержденный 4 декабря 1869 г. докладъ Главноуправляющаго [2]). Въ данномъ случаѣ вкравшійся недосмотръ могъ бы быть объясненъ и простою опечаткою (вмѣсто предлога „за" напечатано „на"); тѣмъ не менѣе и это незначительное исправленіе кн. Урусовъ счелъ долгомъ оправдать особымъ Высочайшимъ повелѣніемъ [3]). Воз-

---

[1]) См. всеподд. докладъ 24 апрѣля 1875 г. (т. XXXII, стр. 12424) и Выс. утв. 10 іюня 1875 г. мнѣніе Гос. Сов. (П. С. З., № 54801).

[2]) Всеподд. доклады II Отдѣленія за 1869 годъ (т. XXVI), л. 10185.

[3]) Въ позднѣйшее время кодификаціонное учрежденіе въ однородныхъ случаяхъ къ такого рода порядку, повидимому, не прибѣгало. Такъ, въ статьѣ 95 тома IX, изданія 1899 г., основанной на законоположеніи 1831 года, слова предшествовавшихъ изданій „столичныя вѣдомости" были замѣнены, согласно источнику, указаніемъ на „публичныя вѣдомости" (см. стр. 59 во 2-мъ изданіи Канторовича „Законы о состояніяхъ"). Болѣе важное значеніе имѣетъ отмѣченный А. Э. Ворисомъ (Комментарій Законовъ Гражданскихъ, т. I, стр. 9) случай исправленія въ изданіи тома X (ч. 1) 1900 года опечатки изданія 1832 года (ст. 278), перешедшей и во всѣ позднѣйшія изданія, а именно замѣна словъ

никшій годомъ позже въ перепискѣ между С.-Петербургскимъ губернаторомъ, Министерствомъ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ вопросъ, могутъ-ли быть приведены въ исполненіе и служить руководствомъ законоположенія, помѣщенныя въ Полномъ Собраніи Законовъ, но не вошедшія въ статьи Свода 1832 года [1]), не получилъ прямого разрѣшенія, такъ какъ постановленіе указа 24 іюня 1803 г., о коемъ въ данномъ случаѣ шла рѣчь, оказалось утратившимъ силу ранѣе 1832 года, въ виду ясно и точно обозначеннаго въ немъ срока. При этомъ случаѣ Второе Отдѣленіе не преминуло тѣмъ не менѣе отмѣтить, что на основаніи манифеста 31 января 1833 г. въ дѣлахъ правительственныхъ и судебныхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приводятся законы, слѣдуетъ руководствоваться *только статьями* Свода, куда вошли всѣ узаконенія, сохранившія свою силу и дѣйствіе и, по системѣ Свода, долженствовавшія войти въ оный [2]).

По болѣе общему вопросу объ источникахъ для пополненія Свода, за время управленія кн. Урусова слѣдуетъ отмѣтить два акта. Оба они касались помѣщенія въ Сводѣ разъяснительныхъ постановленій и оба, разрѣшивъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, стремились, однако, къ внѣшнему выдѣленію этихъ разъясненій отъ основного текста Свода. Считая весьма полезнымъ помѣщеніе въ немъ обнародованныхъ во всеобщее свѣдѣніе указовъ Сената, разъясняющихъ точный смыслъ дѣйствующихъ узаконеній (а отчасти и тѣхъ указовъ, которые содержатъ распоряженія Министра Юстиціи въ исполненіе данныхъ ему въ законодательномъ порядкѣ полномочій), кн. Урусовъ предлагалъ помѣщать ихъ въ продолженія въ видѣ примѣчаній, „для которыхъ, въ отличіе отъ постановленій, утвержденныхъ законодательнымъ порядкомъ, принять въ руководство слѣдующую форму: Въ такомъ-то году, указомъ Правительствующаго Сената, въ разъ-

---

„но судоходныя“ словомъ „несудоходныя“ (ср. объясненія г. Розенблюма къ ст. 440 въ томъ же Комментаріи). Другая важная опечатка въ той же статьѣ 1832 года (было напечатано: столбахъ и сваяхъ, а слѣдовало: слабыхъ сваяхъ) была замѣчена и исправлена еще по первому продолженію къ Своду 1832 года.

[1]) См. дѣло II Отдѣленія 1870 г. № 56 подъ этимъ заглавіемъ.

[2]) Исходя изъ той же, очевидно, точки зрѣнія, кн. Урусовъ полагалъ направить въ законодательномъ порядкѣ дѣло о дополненіи одной изъ статей устава о паспортахъ ссылкою на оставшіяся невнесенными въ Сводъ 1832 года нѣкоторыя постановленія (относительно правъ обоюдныхъ подданныхъ), значившіяся въ договорахъ, заключенныхъ въ Вѣнѣ въ 1815 году.

ясненіе такой-то статьи, опредѣлено—и затѣмъ прописывать опредѣленіе Сената". Высочайшее указаніе послѣдовало въ смыслѣ разрѣшенія, „не установляя общаго, безусловнаго правила", вносить въ продолженія, въ вышеозначенной формѣ, только тѣ указы, которые, по ихъ важности, будутъ признаны совѣщаніемъ редакторовъ подлежащими помѣщенію въ Сводѣ. Этотъ порядокъ внесенія Сенатскихъ указовъ, установленный Высочайшимъ повелѣніемъ 12 февраля 1870 г. [1]), въ сущности устранялъ дѣйствіе статьи 4 правилъ 15 декабря 1834 г. [2]), по крайней мѣрѣ, въ той ея части, которая касалась „пояснительныхъ мѣръ, утвержденныхъ и опубликованныхъ отъ Правительствующаго Сената". Но засимъ, если имѣть въ виду, что кн. Урусовъ въ томъ же докладѣ проектировалъ внесеніе указовъ, содержащихъ распоряженія Министра Юстиціи въ силу предоставленныхъ ему полномочій [3]), а по смыслу послѣдовавшаго Высочайшаго указанія эта часть доклада была отвергнута, то можно прійти къ заключенію, что съ этого времени потеряли силу и другія постановленія тѣхъ же правилъ 15 декабря 1834 г., касавшіяся распорядительныхъ предписаній министровъ и давно уже, повидимому, не находившія себѣ практическаго примѣненія (кромѣ предписаній по таможенной части, по прежнему вносившихся въ Сводъ). Такимъ образомъ Высочайшее повелѣніе 1870 г. имѣетъ двоякое для насъ значеніе: во-первыхъ, въ качествѣ постановленія, сокращающаго число источниковъ Свода законовъ, и, во-вторыхъ, какъ требованіе внѣшняго въ немъ обособленія такихъ включаемыхъ постановленій, которыя не имѣютъ законодательнаго свойства. Въ видѣ примѣра новому способу включенія сенатскихъ указовъ, сошлемся на внесенныя по продолженію 1879 года въ общее положеніе о крестьянахъ [4]), преподанныя въ указѣ 11 января 1878 г., „правила о порядкѣ взысканія частныхъ долговъ съ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ по рѣшеніямъ судебныхъ мѣстъ". Правила эти

---

[1]) Оно осталось необнародованнымъ и въ Полномъ Собраніи Законовъ не приведено.

[2]) См. въ главѣ VIII (стр. 143, вын.).

[3]) Въ качествѣ примѣра въ докладѣ указывались распоряженія о соединеніи и упраздненіи судебныхъ учрежденій прежняго устройства, о передачѣ дѣлъ изъ одного суда въ другой и т. п., а доводомъ для ихъ включенія въ Сводъ отмѣчалось, что ими нерѣдко отмѣняется или измѣняется содержаніе многихъ статей Свода (?) или ограничивается пространство ихъ дѣйствія.

[4]) Ст. 24, прим. 4 и прил.

не только и понынѣ сохраняютъ свое значеніе [1]), но успѣли получить и большую силу благодаря косвенной ихъ законодательной санкціи неоднократными на эти разъяснительныя постановленія ссылками въ позднѣйшихъ законахъ [2]).

Руководствуясь, вѣроятно, сказавшимся въ Высочайшемъ повелѣніи 12 февраля 1870 г. направленіемъ, кн. Урусовъ почиталъ себя обязаннымъ, когда въ 1876 году, при составленіи новаго изданія устава о воинской повинности, возникъ вопросъ о томъ, включать или не включать въ него разъяснительныя постановленія по предмету устава, послѣдовавшія со стороны Высочайше учрежденнаго въ составѣ Государственнаго Совѣта Присутствія о воинской повинности, испрашивать по этому вопросу указаній предсѣдателя этого Присутствія. Главноуправляющій колебался между слѣдующими рѣшеніями вопроса: съ одной стороны, слѣдовало бы, сообразно принятому въ кодификаціонныхъ работахъ порядку, по тщательномъ разсмотрѣніи всѣхъ постановленій вышеупомянутаго Особаго Присутствія, тѣ изъ нихъ, которыя не только разъясняютъ, но въ извѣстной мѣрѣ и дополняютъ правила устава о воинской повинности, внести въ новое изданіе въ самый текстъ устава; съ другой, однако, стороны, имѣло цѣну иное мнѣніе, а именно—сохранить за симъ уставомъ положительный характеръ кодекса, каковой приданъ ему при первоначальномъ составѣ, и потому не помѣщать таковыхъ правилъ въ текстъ, какъ заключающихъ въ себѣ только разъясненіе закона. Записка кн. Урусова подвергнута была обсужденію въ Особомъ Присутствіи. Послѣднее нашло, что, „хотя значеніе *закона*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, имѣютъ тѣ собственно мнѣнія Государственнаго Совѣта, которыя удостоиваются Высочайшаго утвержденія Его Императорскаго Величества по меморіямъ Общаго Собранія Совѣта, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать значенія законодательнаго и за представляемыми непосредственно на Высочайшее усмотрѣніе, безъ внесенія въ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта, положеніями Департаментовъ онаго (на правахъ коихъ состоитъ Особое по воинской повинности Присутствіе), заключающими въ себѣ изъясненіе точнаго разума существующихъ законовъ“. Пріобрѣтая

---

[1]) Т. IX, особ. прил., изд. 1902 г., кн. I, ст. 6 (по прод. 1912 г.) и прил. II (по тому же прод.).

[2]) 1889 дек. 29 (6483) прав., ст. 106; 1890 янв. 15 (6527)=прав. суд. част. земск. начальн., разд. II, ст. 106; зак. сост., ст. 809 (по прод. 1912 г.); уст. гражд. суд., ст. 935, прим. 2.

силу разъясненій законодательныхъ (interprétation authentique), такія положенія должны быть помѣщаемы въ оффиціальныхъ законодательныхъ изданіяхъ, и притомъ не только въ видахъ предоставленія исполнителямъ закона и частнымъ лицамъ возможности руководствоваться означенными постановленіями, но и „для того, чтобы разъясненія законодательныя разграничить отъ другихъ разъясненій, исходящихъ отъ Правительствующаго Сената и министровъ, которыя не имѣютъ безусловно обязательной силы,—ибо, на основаніи статей 76—78 законовъ основныхъ, допускается по онымъ заявленіе сомнѣній со стороны исполнителей". Эти соображенія Присутствія послужили, съ одной стороны, къ установленію правила о внесеніи въ Сводъ всѣхъ удостоившихся Высочайшаго утвержденія постановленій Особаго Присутствія (кромѣ тѣхъ, которыя будутъ признаны не содержащими въ себѣ правила или разъясненія, обязательнаго на будущее время), а съ другой—къ установленію и самаго порядка такого внесенія: въ текстъ статей должны быть вводимы только тѣ постановленія, которыми въ чемъ либо измѣняется или дополняется существо законодательныхъ правилъ, а тѣ постановленія Присутствія, кои содержатъ въ себѣ разъясненіе закона или опредѣляютъ образъ его примѣненія, должны быть излагаемы особо, при подлежащихъ статьяхъ или отдѣлахъ, съ извѣстными особенностями во внѣшней формѣ для сохраненія явственнаго отличія ихъ отъ текста узаконеній. Это заключеніе Особаго Присутствія получило Высочайшее утвержденіе 23 марта 1877 г. [1]), а въ его исполненіи повлекло за собою помѣщеніе такихъ разъясненій въ видѣ примѣчаній, начинавшихся съ указанія: „въ разъясненіе . . . Особымъ Присутствіемъ о воинской повинности постановлено . . ." [2]).

Разсмотрѣнныя мѣропріятія семидесятыхъ годовъ не составляютъ еще этаповъ въ исторіи вопроса объ источникахъ Свода законовъ, но тѣмъ не менѣе показываютъ, какъ, естественнымъ ходомъ вещей, кругъ этихъ источниковъ постепенно суживался и какъ, пока еще допускалось включеніе въ него постановленій, не имѣвшихъ Высочайшаго утвержденія, налаживалось внѣшнее ихъ обособленіе въ Сводѣ отъ основного его матеріала.

---

[1]) П. С. З., № 57082.—Приведенныя выше свѣдѣнія заимствованы изъ дѣла Прис. воин. пов. Гос. Сов. 1877 г. № 5.

[2]) Майковъ, Второе Отдѣленіе, стр. 532.

XII.

Князь С. Н. Урусовъ былъ послѣднимъ главноуправляющимъ Второго Отдѣленія. Еще въ бытность его на этомъ посту,—а именно немедленно вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Императора Александра III,—возобновился возбуждавшійся имъ уже въ 1867 году вопросъ о сближеніи кодификаціонной дѣятельности съ законодательною. Не получивъ тогда осуществленія, намѣченное сближеніе вылилось теперь, взамѣнъ предлагавшагося кн. Урусовымъ сосредоточенія кодификаціонныхъ работъ въ вѣдѣніи Государственнаго Секретаря, безъ одновременнаго упраздненія Второго Отдѣленія [1]), въ образованіи изъ этого Отдѣленія Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ. Устранивъ такимъ образомъ ту близость между Монархомъ и кодификаціоннымъ учрежденіемъ, которая вытекала изъ сосредоточенія кодификаціоннаго дѣла въ Собственной Государевой Канцеляріи и которая обусловливала „непосредственное вѣдѣніе и руководство" имъ Государя Императора, именной указъ 23 января 1882 г. не могъ не предоставить будущему главѣ новаго вѣдомства возможности обращаться въ потребныхъ случаяхъ за разрѣшеніемъ къ Высочайшей власти. Будучи выражено въ слѣдующей общей формѣ: „по предметамъ, подлежащимъ непосредственному Государя Императора разрѣшенію, Главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ испрашиваетъ указаній Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшими докладами" [2]), право непосредственнаго доклада могло, конечно, касаться, кромѣ всякихъ предметовъ управленія новаго учрежденія, также и вопросовъ изложенія статей Свода, но едва-ли эти именно вопросы имѣлись на первомъ планѣ, или и вообще, въ виду при установленіи сего права, ибо тотъ же самый указъ, непосредственно вслѣдъ за вышеприведеннымъ постановленіемъ статьи 3, возлагаетъ на новаго Главноуправляющаго (согласно статьѣ 1 указа,—изъ числа членовъ Государственнаго Совѣта) немедленное, для разсмотрѣнія въ законодательномъ порядкѣ, составленіе плана предстоящихъ Отдѣлу трудовъ по разработкѣ Свода и по изданію Полнаго Собранія Законовъ. Отсюда слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что законодатель 1882 года имѣлъ въ виду установить на будущее время твердыя и гласныя правила для изданія

---

[1]) Майковъ, назв. соч., стр. 584.

[2]) Ст. 3 указа 23 января 1882 г. (П. С. З., № 621); см. учрежд. Госуд. Сов., изд. 1892 г., ст. 139.

этихъ сборниковъ и предупредить тѣмъ всякую неустойчивость пріемовъ въ ихъ составленіи, какая казалась возможною, при отсутствіи или неизвѣстности точныхъ полномочій кодификаціоннаго учрежденія, въ зависимости отъ личныхъ взглядовъ лицъ, стоящихъ во главѣ этого учрежденія.

На выполненіе вышеуказаннаго порученія, прежде всего нуждавшееся въ историческомъ обзорѣ предшествующихъ работъ надъ Сводомъ законовъ, требовалось извѣстное время. Чтобы не прерывать издательской дѣятельности, Кодификаціонный Отдѣлъ, ранѣе осуществленія возложенной на него задачи, долженъ былъ, конечно, идти по стопамъ Второго Отдѣленія. Въ 1884 году имъ было выпущено очередное двухтомное продолженіе 1883 года, содержавшее въ себѣ и нѣсколько мелкихъ новыхъ изданій. Около того же времени состоялось переизданіе Судебныхъ Уставовъ. Если первый трудъ не представляетъ никакихъ особенностей—Высочайшее повелѣніе, при которомъ было обнародовано продолженіе [1]), не отличалось отъ текста однородныхъ предшествовавшихъ ему актовъ,—то новое изданіе Уставовъ 20 ноября 1864 г. заслуживаетъ того, чтобы нѣсколько подробнѣе остановиться на его значеніи.

Впервые Судебные Уставы были отпечатаны Вторымъ Отдѣленіемъ, немедленно вслѣдъ за ихъ обнародованіемъ, въ видѣ особой книги, безъ включенія въ систему Свода законовъ и безъ означенія прямой къ нему принадлежности. Только въ 1876 году, при переизданіи главнѣйшихъ томовъ Свода, законоположенія 20 ноября 1864 г. подверглись, съ Высочайшаго соизволенія, распредѣленію между этими томами согласно исконной системѣ Свода [2]). Такимъ образомъ, часть учрежденія судебныхъ установленій оказалась въ I томѣ, другая его доля въ общемъ губернскомъ учрежденіи, уставъ гражданскаго судопроизводства—во 2-й части X тома, уставъ уголовнаго судопроизводства—во 2-й части тома XV. Такое дробленіе представляло, съ практической стороны, неудобства для судебныхъ дѣятелей, хотя, надо сказать, во вниманіе къ ихъ интересамъ Второе Отдѣленіе отступило отъ обычныхъ своихъ пріемовъ въ томъ отношеніи, что оставило на ряду съ новою нумераціею статей по Своду также и прежніе подлинные номера этихъ законоположеній, сохранивъ такимъ образомъ возможность ссылокъ на статьи самыхъ Уставовъ. Къ непривычкѣ новаго распредѣленія

---

[1]) Выс. пов. 30 мая 1884 г. (П. С. З., № 2269).

[2]) Подробности см. у Майкова, Второе Отдѣленіе, стр. 562—564.

присоединились, послѣ трагической кончины Основателя новыхъ судебныхъ порядковъ, нареканія и въ томъ еще отношеніи, что такимъ пріемомъ какъ-бы нарушалась благоговѣйная память одной изъ крупнѣйшихъ реформъ царствованія Императора Александра II. Со стороны значительнаго числа судебныхъ установленій стали поступать ходатайства о возстановленіи слитнаго изложенія Судебныхъ Уставовъ въ видѣ одной книги. Это послужило непосредственнымъ основаніемъ для образованія, съ Высочайшаго соизволенія, особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ сенатора Полнера изъ чиновъ Министерства Юстиціи и Кодификаціоннаго Отдѣла. Высочайше учрежденная 17 іюня 1881 г. комиссія руководилась прежде всего стремленіемъ не только сохранить за новымъ изданіемъ единство и цѣльность законоположеній 20 ноября 1864 г., но и придать ему характеръ законодательнаго памятника минувшаго царствованія. Въ виду этого она ввела въ текстъ будущаго изданія, кромѣ матеріала собственно 1864 года, и всѣ тѣ сохранившія силу узаконенія по судебной части, которыя вообще были утверждены въ царствованіе Александра II.

Однако ко времени завершенія работъ комиссіи успѣлъ состояться рядъ новыхъ узаконеній, которыя, принадлежа уже къ новому царствованію, не удовлетворяли формальному признаку, положенному въ основу изданія, долженствовавшаго именоваться Судебными Уставами Императора Александра II. Чтобы не нарушать заданія, но въ то же время не слишкомъ отойти отъ современности—естественнаго требованія отъ всякаго новаго кодификаціоннаго труда, т. е. чтобы, говоря словами комиссіи, сохранить за выпускаемою книгою Уставовъ „значеніе дѣйствующаго закона", она изготовила проектъ продолженія къ нему, включивъ въ него узаконенія до 1 іюля 1883 г. Совмѣстно докладывая объ этомъ Государю въ мартѣ 1884 г., Министръ Юстиціи Набоковъ и Главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ Фришъ представили, въ видѣ своихъ уже предположеній, о тѣхъ *дополнительныхъ* измѣненіяхъ, которыя, по ихъ мнѣнію, надлежало сдѣлать въ трудѣ комиссіи, какъ въ отношеніи изложенія нѣкоторыхъ статей (по приложенному къ докладу особому списку), такъ и во внѣшней сторонѣ. Къ числу измѣненій послѣдняго рода относилось возстановленіе, въ видѣ самостоятельнаго устава, положенія о нотаріальной части (которое въ проектѣ было распредѣлено между учрежденіемъ судебныхъ установленій и уставомъ гражданскаго судопроизводства) и введеніе изготовленнаго продолженія въ самый текстъ Судебныхъ Уста-

вовъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ докладчики предложили присвоить новому изданію и нѣсколько видоизмѣненное названіе, а именно: „Судебные Уставы Императора Александра Втораго, изданные по повелѣнію Императора Александра Александровича". Высочайшее соизволеніе на всѣ эти предположенія послѣдовало 21 марта 1884 г., а 17 апрѣля состоялся именной указъ Правительствующему Сенату [2]) „о новомъ изданіи Судебныхъ Уставовъ 20 ноября 1864 г. и о наименованіи оныхъ Судебными Уставами Императора Александра II".

Содержаніе этого указа нѣсколько иное, чѣмъ другихъ, упоминавшихся выше, указовъ о выходѣ отдѣльныхъ уставовъ Свода новыми изданіями. Прежде всего въ немъ отмѣчено выполненіе изготовленнаго труда особою Высочайше учрежденною комиссіей. Засимъ, послѣ перечня составныхъ частей окончательно, „по тщательномъ разсмотрѣніи", изготовленнаго изданія, которыя были представлены Министромъ Юстиціи и Главноуправляющимъ Кодификаціоннымъ Отдѣломъ „на воззрѣніе" Государя, такъ опредѣлено назначеніе сборника: „Дабы изданіе сіе, служа законодательнымъ памятникомъ царствованія въ Бозѣ почивающаго Родителя Нашего Императора Александра Втораго, вмѣстѣ съ тѣмъ могло имѣть значеніе дѣйствующаго закона, въ оное включены дополняющія Судебные Уставы узаконенія, изданныя по 30 іюня 1883 года". Самыя же постановленія именного указа ограничиваются двумя пунктами, изъ которыхъ въ первомъ устанавливается новое наименованіе Судебныхъ Уставовъ и соотвѣтственное сему названіе изготовленнаго новаго ихъ изданія, а во второмъ заключается предписаніе „всѣ въ дѣлахъ ссылки и указанія на законы, вмѣсто статей учрежденія судебныхъ установленій, уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, и положенія о нотаріальной части, помѣщенныхъ въ Сводѣ законовъ и въ продолженіяхъ къ оному, дѣлать на статьи Судебныхъ Уставовъ, изданія 1883 года".

Особый порядокъ, въ которомъ было составлено обсуждаемое изданіе, а отчасти и нѣкоторыя выраженія самаго указа, при которомъ оно было обнародовано, могутъ вызвать предположеніе о законодательныхъ свойствахъ этого сборника, устраняющихъ возможность внесенія кодификаціонныхъ исправленій въ отредактированные

---

[1]) Журналъ комиссіи № 2 отъ 25 сентября 1881 г. (дѣло Кодиф. Отд. 1881 г. № 58а, приложеніе).

[2]) П. С. З. 1884 г., № 2153.

въ немъ постановленія. Дѣйствительно, Судебные Уставы 1883 г. не представляли собою труда одного только кодификаціоннаго учрежденія, а были разсмотрѣны въ особомъ порядкѣ, наиболѣе обезпечивавшемъ полноту собранныхъ законодательныхъ матеріаловъ и точность ихъ изложенія. Нельзя забыть и того, что цѣлью Высочайше учрежденной комиссіи было не только исполненіе этихъ двухъ заданій всякаго кодификаціоннаго труда, но и „*разрѣшеніе* могущихъ возникнуть при семъ вопросовъ и недоразумѣній",—тогда какъ кодификаціонное учрежденіе, при обычныхъ условіяхъ, не призвано, собственною властью, къ такому разрѣшенію. Наконецъ, изъ приведеннаго выше содержанія всеподданнѣйшаго доклада 21 марта усматривается, что многія измѣненія были представлены на непосредственное Высочайшее разрѣшеніе. При всемъ томъ, однако, приведенныя данныя еще не могутъ, по нашему мнѣнію, обосновать приравненіе Судебныхъ Уставовъ 1883 года къ тѣмъ изданіямъ Свода, которыя получили силу закона [1]).

Главный доводъ противъ наличности такой силы заключается въ томъ, что въ именномъ указѣ 17 апрѣля 1884 г. не содержится прямого указанія ни на состоявшееся Высочайшее утвержденіе изготовленнаго труда, ни на то, чтобы ему присвоивалась сила закона. Высочайше утвержденными въ составѣ этого кодификаціоннаго сборника могутъ почитаться лишь тѣ дополнительно внесенныя измѣненія, о которыхъ докладывали 21 марта Фришъ и Набоковъ, остальныя же, проектированныя комиссіею, измѣненія особой санкціи не получили, ни въ отдѣльности по докладу, ни въ общей совокупности всей переработки — по указу. Съ другой стороны, содержащаяся въ семъ послѣднемъ характеристика изданія въ качествѣ имѣющаго „значеніе дѣйствующаго закона", какъ она ни близка въ обычномъ словоупотребленіи къ юридическому термину „сила закона", далеко не однозначаща послѣднему. Какъ изъ указа, такъ, еще болѣе, изъ предшествовавшаго испрошенію его всеподданнѣйшаго доклада 21 марта, откуда слова эти заимствованы, усматривается, что выражаемая ими цѣль изданія противополагается другой его же цѣли—быть „законодательнымъ памятникомъ" и что центръ тяжести въ данномъ случаѣ лежитъ въ словѣ „дѣйствующій", т. е., что „значеніе *дѣйствующаго* закона" новый

---

[1]) Другого, повидимому, мнѣнія придерживается проф. П. И. Люблинскій (см. статью его: „Борьба съ женской адвокатурой и уроки законности" въ газетѣ „Право" 1915 г. № 21, столб. 1545, 1546).

сборникъ пріобрѣтаетъ благодаря сосредоточенію въ немъ, кромѣ того матеріала, который способенъ служить памятникомъ предшествующаго царствованія, также и новеллъ 1881—1883 годовъ. Что же касается предписанія о ссылкахъ на новое изданіе, заключающагося въ пунктѣ 2, предписанія, въ другихъ Высочайшихъ указахъ и повелѣніяхъ относительно частичныхъ переизданій Свода не встрѣчающагося (а имѣющагося лишь въ общихъ указахъ о второмъ и третьемъ полныхъ его изданіяхъ), то не надо забывать, что подобное указаніе было необходимымъ уже потому, что въ данномъ случаѣ дѣло касалось перехода отъ ссылокъ на статьи Свода не къ другимъ статьямъ того же Свода, а къ статьямъ сборника, совершенно не принадлежавшаго къ Своду законовъ и потому не подходившаго подъ общія правила о приведеніи законовъ въ дѣлахъ согласно извѣстному приложенію учрежденія Сената. Составною же частью Свода Судебные Уставы вновь стали только въ изданіи ихъ 1892 года, въ силу предуказанія статьи 1 правилъ 5 ноября 1885 г. объ образованіи изъ нихъ XVI тома.

Изложенныя соображенія приводятъ насъ къ выводу, что по допускающему различныя мнѣнія вопросу о силѣ изданія Судебныхъ Уставовъ 1883 года чашка вѣсовъ склоняется болѣе въ сторону отрицательнаго рѣшенія: изданіе это можетъ имѣть за собою большій внутренній авторитетъ, но юридическая его сила не отличается ни отъ предыдущаго, ни отъ послѣдующихъ выпусковъ книгъ судопроизводственныхъ законовъ.

Всѣ дальнѣйшія за этимъ, не по обычному руслу протекшимъ, изданіемъ 1883 года, кодификаціонныя изданія какъ Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ (въ томъ числѣ уложеніе и уставъ о наказаніяхъ, изданія 1885 г.)[1]), такъ и унаслѣдовавшей его обязанности и полномочія Государственной Канцеляріи, лежатъ уже, такъ-сказать, въ орбитѣ правилъ 5 ноября 1885 года[2]), преподанныхъ для переработки Свода законовъ Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, во исполненіе упоминавшагося выше требованія указа 23 января 1882 г. объ образованіи этого Отдѣла взамѣнъ Второго Отдѣленія. Будучи изданы въ видѣ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта,

---

[1]) Выс. пов. 22 янв. 1886 г. (П. С. З., № 3468).
[2]) П. С. З., № 3261.

т. е. не въ настоящемъ, а, такъ сказать, въ полу-законодательномъ порядкѣ,—ибо заключеніе Департамента Законовъ не проходило черезъ Общее Собраніе Государственнаго Совѣта,—правила эти и по содержанію носятъ нѣсколько смѣшанный характеръ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ они являются постановленіями инструкціоннаго свойства, а въ другихъ заключаютъ нормативныя указанія (напр., относительно порядка разрѣшенія возникающихъ при изготовленіи новаго изданія вопросовъ кодификаціоннаго и законодательнаго свойства). Здѣсь сказалось, надо думать, желаніе составителей объединить въ одной общей инструкціи, кромѣ правилъ новыхъ, также и всѣ прежнія правила, когда-либо установленныя или отдѣльными всеподданнѣйшими докладами, или въ узаконеніяхъ, оставшихся необнародованными. Неодинаковый удѣльный вѣсъ изданныхъ въ 1885 году правилъ отразился и на дальнѣйшей ихъ судьбѣ. Въ то время какъ одни изъ нихъ либо уже исчерпаны въ своемъ значеніи, либо, по малозначительности своей, только вскользъ и суммарно съ правилами о Полномъ Собраніи Законовъ упомянуты, подъ неопредѣленнымъ означеніемъ „особо установленныя правила", въ одной изъ статей той главы дѣйствующаго учрежденія Государственнаго Совѣта, которая посвящена порядку изданія Государственною Канцеляріею Свода законовъ,—другія, болѣе важныя, правила возведены въ этой главѣ на степень постояннаго закона. Формальное это дѣленіе ведетъ свое начало со времени новаго учрежденія Государственнаго Совѣта 30 марта 1901 г. [1]), въ которомъ впервые воспроизведены были главнѣйшія изъ правилъ 1885 года, въ томъ, надо думать, соображеніи, что они должны имѣть значеніе не только на срокъ „переработки" Свода (какъ позволяло бы думать общее заглавіе, данное всѣмъ правиламъ въ 1885 году), но и на все время, покуда существуетъ кодификаціонная „обработка" текущаго законодательства. Учрежденіе преобразованнаго Государственнаго Совѣта 24 апрѣля 1906 г. [2]) вновь подтвердило и это дѣленіе, и большую часть получившихъ законодательное значеніе статей изъ состава инструкціи 1885 года.

Не вдаваясь въ полный постатейный разборъ правилъ 5 ноября 1885 г., какъ уже сдѣланный въ спеціальной литературѣ [3]), отмѣтимъ только нѣкоторыя ихъ постановленія, имѣющія отношеніе

---

[1]) П. С. З. № 19883, ст. 134—138.

[2]) П. С. З., № 27808, ст. 121—124.

[3]) М. А. Лозина-Лозинскій, Кодификація законовъ по русскому государственному праву (Журн. Мин. Юст. 1897 г., № 4, стр. 171—180).

къ затронутымъ выше вопросамъ. Несомнѣннымъ отголоскомъ того, что произошло съ Судебными Уставами, является статья 2, требующая при помѣщеніи въ Сводъ отдѣльныхъ уставовъ и вообще узаконеній, имѣющихъ значеніе самостоятельныхъ законодательныхъ актовъ, сохраненія, по возможности, не только ихъ самостоятельности, но и счисленія статей. Изъ числа будущихъ источниковъ Свода статьею 9 окончательно устранены постановленія, издаваемыя министрами и главноуправляющими, въ силу предоставленной имъ законами власти; изъятіе, сохраненное въ этомъ отношеніи для VI тома, впредь до утвержденія законодательнымъ порядкомъ новаго таможеннаго устава, оказалось возможнымъ отмѣнить уже въ слѣдующемъ 1886 году [1]). Дальнѣйшее включеніе въ Сводъ сенатскихъ указовъ ограничено статьею 8 случаями особой ихъ важности для разъясненія закона и обусловлено испрошеніемъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, Высочайшаго на то соизволенія. Постановленіе это большого примѣненія на практикѣ не получило, судя по тому, что за 9 лѣтъ, съ 1885 по 1893 годъ, состоялось всего 35 всеподданнѣйшихъ докладовъ относительно этого предмета (при чемъ изъ включенныхъ въ такомъ порядкѣ сенатскихъ указовъ въ дѣйствующемъ Сводѣ сохранилось лишь 8). Переставъ примѣняться со времени возложенія кодификаціоннаго дѣла на Государственную Канцелярію, т. е. въ теченіе уже болѣе 23 лѣтъ, правило статьи 8 подверглось въ прошломъ 1916 году, въ связи съ обсужденіемъ въ Государственномъ Совѣтѣ извѣстнаго законопроекта объ измѣненіяхъ въ производствѣ дѣлъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, полной отмѣнѣ [2]).

Вниманія заслуживаютъ, съ точки зрѣнія нашей темы, еще постановленія статей 14—17, изъ которыхъ большинство составляютъ нынѣ постоянныя нормы въ видѣ ст. 123 и 124 учрежденія Государственнаго Совѣта. Ими узаконена дѣйствовавшая уже съ шестидесятыхъ годовъ система частичнаго переизданія Свода и смѣшанная система продолженій, т. е. выпускъ „по мѣрѣ надобности“ ряда очередныхъ, замѣняемыхъ потомъ время отъ времени своднымъ, продолженій,—въ противоположность господствовавшей, въ тридцатые годы прошлаго столѣтія, системѣ сводныхъ, а въ сороковые,—исключительно очередныхъ продолженій. Онѣ же

[1]) Законъ 18 марта 1886 г. (П. С. З., № 3581), отд. VIII.

[2]) Выс. пов. 7 апр. 1916 г. (Собр. узак., 1187).—По вопросу о порядкѣ отмѣны см. пренія въ засѣданіи Государственнаго Совѣта 1 декабря 1916 г. (Стеногр. отч., столб. 449—453).

закрѣпили примѣнявшійся уже много десятковъ лѣтъ порядокъ обнародованія кодификаціонныхъ изданій. Наконецъ, въ одной изъ этихъ статей, не перешедшей, какъ она того заслуживала бы по своему содержанію, въ учрежденіе Государственнаго Совѣта 1901 года и потому не имѣющейся и въ дѣйствующемъ его учрежденіи 1906 года, опредѣленъ былъ порядокъ исправленія ошибокъ, могущихъ обнаружиться въ новомъ изданіи. Въ дальнѣйшемъ намъ предстоитъ еще встрѣтиться съ этими постановленіями.

Если правила 1885 года и не исчерпали, быть можетъ, предмета во всей его полнотѣ, тѣмъ не менѣе благодаря ихъ изданію возможно утверждать, что кодификація съ этого времени поставлена была въ законныя рамки и, слѣдовательно, стала изъ акта, имѣвшаго за собой авторитетъ постояннаго участія стоящей надъ закономъ верховной власти, дѣйствіемъ подзаконнымъ. Не вполнѣ очерченнымъ въ этихъ правилахъ является вопросъ обращенія дѣлъ на непосредственное Высочайшее разрѣшеніе. Прямо предусмотрѣннымъ оказывается только: испрошеніе Высочайшаго соизволенія на включеніе сенатскаго указа (ст. 8) и на обнародованіе Свода черезъ Правительствующій Сенатъ (ст. 14). При самой однако разработкѣ правилъ участіе это предполагалось болѣе широкимъ, ибо, согласно проекту [1]), Главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ уполномочивался, между прочимъ, „представлять на Высочайшее воззрѣніе, всеподданнѣйшими докладами, всѣ тѣ относительно системы и содержанія Свода вопросы, кои не измѣняютъ существа самыхъ узаконеній“. Сколько можно судить по мотивамъ [2]), это право должно было обнимать не только вопросы системы Свода, т. е. распредѣленія въ немъ законодательнаго матеріала по рубрикамъ, но даже и „необходимое для цѣлей кодификаціи разъясненіе (?) законовъ“. Постановленіе это въ Высочайше утвержденный и обнародованный текстъ правилъ не вошло. Означаетъ ли это, что выраженное въ немъ начало было отверг-

[1]) Статья 13 заключенія, представленнаго въ Государственный Совѣтъ 15 февраля 1885 г. № 97.

[2]) На стран. 59 и 60 представленія, при перечисленіи предметовъ, подлежащихъ разрѣшенію Государственнаго Совѣта, сказано: „Впрочемъ, разъясненіе законовъ, въ видахъ правильной ихъ кодификаціи, могло бы также быть предоставлено и Главноуправляющему Кодификаціоннымъ Отдѣломъ, на основаніи объявляемыхъ Высочайшихъ повелѣній, по силѣ ст. 51, прим., 54, 55 т. I, зак. осн.“.

нуто, или же что право поднесенія на Высочайшее разрѣшеніе такихъ вопросовъ, разрѣшеніе коихъ не подлежало законодательной власти и которыхъ не желалъ разрѣшать глава вѣдомства собственною властью, не требовало особаго упоминанія, какъ вытекающее изъ общаго права непосредственныхъ всеподданнѣйшихъ докладовъ, предоставленнаго Главноуправляющему статьею 3 именного указа 23 января 1882 года [1])? Въ журналѣ Департамента Законовъ [2]) прямыхъ по этому предмету объясненій не приведено, хотя и упомянуто, что вышеуказанное правило, при наличности въ дальнѣйшемъ текстѣ проекта перечня условій, при коихъ вопросъ подлежитъ разрѣшенію не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, можетъ быть исключено, какъ разумѣющееся само собою. На этомъ, вѣроятно, основаніи Кодификаціонный Отдѣлъ не считалъ себя лишеннымъ того права, которымъ пользовалось въ этомъ отношеніи Второе Отдѣленіе. Такъ, всеподданнѣйшимъ докладомъ 4 іюня 1886 г. Главноуправляющій, отмѣчая, что всѣ измѣненія, внесенныя въ изготовленное новое изданіе учрежденія Сената, составлены по соглашенію съ Министромъ Юстиціи, испрашивалъ разрѣшеніе Государя на цѣлый рядъ своихъ предположеній и на выработанную новую редакцію нѣкоторыхъ статей, при чемъ докладъ этотъ начинался ссылкою именно на упоминавшійся выше указъ 1882 года. Тогда же испрошено было Высочайшее соизволеніе на новое изложеніе нѣкоторыхъ статей учрежденія Комитета Министровъ. Въ позднѣйшіе однако годы существованія Кодификаціоннаго Отдѣла подобные доклады прекратились совсѣмъ (за исключеніемъ вопросовъ, относившихся до редакціонныхъ измѣненій въ основныхъ законахъ). Не возобновились они и послѣ возложенія въ 1893 году обязанностей Кодификаціоннаго Отдѣла на Государственную Канцелярію, когда Государственному Секретарю было повелѣно: „по предметамъ кодификаціонной части, подлежащимъ непосредственному (Государя Императора) разрѣшенію, испрашивать указаній. . . . всеподданѣйшими докладами [3])“. Отсюда возможно заключить, что вскорѣ же послѣ подчиненія кодифика-

[1]) Учрежд. Госуд. Совѣта, изд. 1892 г., ст. 139.

[2]) Дѣло Деп. Зак. 1885 г. № 42.

[3]) Постановленіе это составило въ Сводѣ часть дополненія, по прод. 1895 г., къ ст. 180 учр. Гос. Сов., а впослѣдствіи, при утвержденіи новаго учрежденія 1901 года, послужило источникомъ однородной (съ небольшимъ редакціоннымъ измѣненіемъ) статьи 133, обратившейся затѣмъ въ статью 120 учрежденія Государственнаго Совѣта 1906 года.

ціонной дѣятельности опредѣленнымъ правиламъ признано было несоотвѣтствующимъ ихъ духу обращаться къ Высочайшей власти за утвержденіемъ выработаннаго въ кодификаціонномъ порядкѣ текста. Такимъ образомъ еще при старомъ строѣ устранился тотъ путь приданія отдѣльнымъ статьямъ Свода самостоятельной силы, на прохожденіе котораго намекала тамъ и сямъ наличность среди цитатъ заключенной въ скобки ссылки на „Выс. утв. докл. Главноупр. Код. Отд. при Гос. Сов.“ или на „Выс. пов. (по II Отд. Собств. Е. И. В. Канц.)“ [1]),—ссылки, не сопровождаемой обычнымъ указаніемъ на номеръ по Полному Собранію Законовъ или по Собранію узаконеній. Тѣмъ менѣе, конечно, допустимо возвращеніе на этотъ путь при современныхъ условіяхъ, ибо нынѣ статья 120 учр. Гос. Сов. никакъ не можетъ, среди „предметовъ, относящихся до изданія Свода и Полнаго Собранія Законовъ и подлежащихъ непосредственному Государя Императора разрѣшенію“, подразумѣвать присвоеніе статьямъ Свода, по всеподданнѣйшему докладу, какой-либо иной силы въ сравненіи съ той, какая принадлежитъ каждому ихъ источнику въ отдѣльности.

Возвращаясь къ значенію правилъ 1885 года, какъ той правовой основы, которая создана была для дальнѣйшей кодификаціонной дѣятельности, мы напрасно, конечно, стали бы искать въ нихъ прямыхъ указаній на силу вышедшихъ уже изданій Свода, но въ правѣ все-таки ожидать хотя бы намековъ на юридическое значеніе тѣхъ изданій, какія имѣли воспослѣдовать на основѣ новыхъ правилъ. Въ этомъ отношеніи мы должны обратить вниманіе на упоминавшіяся уже выше статьи 123 и 124 дѣйствующаго учрежденія Государственнаго Совѣта, воспроизводящія, съ поправкою [2]), статьи 14 и 16 правилъ 1885 года и требующія обнародованія новыхъ изданій отдѣльныхъ томовъ и частей Свода, равно какъ и продолженій, очередныхъ и сводныхъ. Такъ какъ и тѣ и другія составляются, въ силу статьи 10 тѣхъ же правилъ 1885 года, только изъ узаконеній обнародованныхъ и, слѣдовательно, уже почитаемыхъ извѣстными и примѣнителямъ закона и частнымъ лицамъ, то выполненіе этого юридическаго обряда „обнародованія“ вызывается иными соображеніями, чѣмъ тѣ, ради которыхъ публикуется

[1]) Встрѣчаются, впрочемъ, и такія постановленія въ Сводѣ, которыя цѣликомъ основаны на подобныхъ всеподданнѣйшихъ докладахъ. Таково примѣчаніе къ ст. 82 раздѣла I устава кредитнаго (изд. 1903 г.), оправданное единственною цитатою „1843 февр. 18, Выс. утв. докл. Главноупр. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц.“.

[2]) Правила 1885 г. не указывали,—вѣроятно, по простому недосмотру,—на необходимость обнародованія продолженій къ Своду.

новое узаконеніе. Основанія для него слѣдуетъ искать въ наличности особаго для Свода законовъ, изложеннаго въ учрежденіи Сената, правила, которое заключается въ обязательности ссылокъ, во всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ дѣлахъ, на Сводъ законовъ. Обнародованію подвергается, конечно, не текстъ вышедшей книги законовъ, а то Высочайшее повелѣніе о приведеніи ея, въ вышеуказанномъ смыслѣ, въ дѣйствіе, которое испрашивается Государственнымъ Секретаремъ и которое, на основаніи тѣхъ же статей, должно быть объявлено имъ Правительствующему Сенату. Этимъ, слѣдовательно, косвенно подтверждено дальнѣйшее дѣйствіе упомянутыхъ правилъ сенатскаго учрежденія. Далѣе, установляя одинаковый порядокъ приведенія въ дѣйствіе какъ изданій, такъ и продолженій, обсуждаемыя постановленія тѣмъ самымъ признаютъ равносильность этихъ двухъ типовъ кодификаціонныхъ сборниковъ, несмотря на нѣкоторое различіе пріемовъ ихъ составленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ статья 123, обращая свои предписанія къ новому изданію только „отдѣльныхъ томовъ или частей", совершенно не предопредѣляетъ порядка обнародованія новаго изданія *всего* Свода законовъ. Такое умолчаніе оставляетъ просторъ для всякихъ предположеній; намѣреніямъ же составителей правилъ 1885 года, т. е. Кодификаціоннаго Отдѣла, соотвѣтствовало, какъ это въ точности видно изъ его представленія, изданіе Свода при *именномъ указѣ*, безъ какого-либо въ этомъ участія Государственнаго Совѣта [1]).

Уже эти немногія постановленія даютъ нѣкоторый матеріалъ, чтобы отнести дѣло составленія Свода законовъ къ области управленія. И, если прежде, во времена Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, особое положеніе кодификаціоннаго учрежденія и презумпція, сопровождавшая появленіе всякаго его труда, могли служить къ юридическому обоснованію принадлежности этой отрасли управленія всецѣло къ области *верховнаго* управленія, то со времени 1885 г. и, a fortiori, при нынѣ существующемъ разграниченіи, она должна быть приравнена, въ обычныхъ условіяхъ текущей работы, къ сферѣ управленія подчиненнаго [2]). Участіе верховной власти необходимо или для того, чтобы сообщить выпускаемому кодификаціонному сборнику то юридическое значеніе, которое присвоено Своду въ учрежденіи Сената, или по тѣмъ могущимъ встрѣтиться вопросамъ, для разрѣшенія

---

[1]) Представленіе 15 февраля 1885 г. № 97, стр. 61.

[2]) То же М. А. Лозина-Лозинскій, Кодификація законовъ по русскому государственному праву (Журн. Мин. Юст. 1897 г. № 4, стр. 169).

которыхъ необходимо соблюденіе порядка, указаннаго статьею 120 учрежденія Государственнаго Совѣта. Поставленіе дѣятельности кодификаціоннаго учрежденія въ тѣ же примѣрно условія, какія присущи законоподчиненнымъ „вѣдомствамъ" (за исключеніемъ, однако, непосредственной подчиненности Правительствующему Сенату [1]), сказывается въ статьѣ 15 правилъ 1885 года, въ силу коей ошибки въ новыхъ изданіяхъ устраняются, независимо отъ того, какимъ путемъ онѣ были обнаружены, простымъ „распоряженіемъ" главноуправляющаго (подобно порядку исправленія, по общему началу министерскаго управленія, властью министра, ошибочнаго дѣйствія подчиненнаго органа), при чемъ „въ потребныхъ случаяхъ" главноуправляющій входитъ по этому предмету въ соглашеніе съ подлежащими вѣдомствами. Этотъ порядокъ, установленный, можно думать, на случай обнаруженія неточности, пропуска или иной ошибки въ Сводѣ тѣмъ или другимъ правительственнымъ органомъ, вполнѣ примѣнимъ и къ случаямъ оспариванія правильности текста въ Сводѣ со стороны частнаго лица, которое, доводя дѣло, путемъ обжалованія судебнаго рѣшенія или вообще дѣйствія правительственной власти, до центральнаго учрежденія, можетъ добиться этимъ, хотя бы и медленнымъ, способомъ устраненія вкравшейся ошибки, если бы кодификаціонное учрежденіе не успѣло уже къ тому времени, само усмотрѣвъ эту ошибку, исправить ее въ ближайшемъ продолженіи. Неяснымъ однако остается въ настоящее время порядокъ разрѣшенія того вѣдомственнаго „разномыслія", которое могло бы возникнуть при обсужденіи подобнаго вопроса. Статья 15 правилъ 1885 года предписываетъ для этихъ случаевъ внесеніе вопроса, подавшаго къ сему поводъ, „на разрѣшеніе Государственнаго Совѣта, установленнымъ порядкомъ". Въ прежнее время, дѣйствительно, законосовѣщательное учрежденіе призывалось и къ разрѣшенію такого рода разногласій. Нынѣ же, со времени объединенія правительства въ Совѣтѣ Министровъ, законодательныя учрежденія уже не имѣютъ дѣла съ формальными среди вѣдомствъ разногласіями; послѣднія считаются полностью устраненными въ Совѣтѣ еще до внесенія дѣла въ Государственную Думу. Такимъ образомъ вторая половина статьи 15 уже не можетъ быть признана соотвѣтствующею новому нашему строю. Практическое ея значеніе, впрочемъ, не настолько

[1]) Ср. Высочайшее повелѣніе 12 декабря 1883 г. и опредѣленіе Правительствующаго Сената 4 сентября 1875 г. въ Сборникѣ „Государственный Совѣтъ" Шеина и Блосфельдта, стр. 162, § 588, съ выноской.

велико, чтобы ощущалась потребность ея переработки, ибо за тѣ 30 лѣтъ, которыя уже существуютъ правила 1885 года, ни одного, повидимому, раза не наступало условій для ея примѣненія.

При вышеописанномъ порядкѣ исправленія новыхъ изданій Свода, какое, собственно, значеніе можетъ быть приписано этимъ новымъ изданіямъ? Если, какъ мы видѣли выше, еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка первое, вышедшее послѣ Свода 1857 года, отдѣльное изданіе уставовъ рекрутскихъ, почитавшееся какъ бы усовершенствованнымъ продолженіемъ подлежащей части тома IV, 1857 года, было названо оффиціальнымъ *руководствомъ*, то правила 1885 года не установили ничего, что сообщало бы дальнѣйшимъ такимъ изданіямъ иное свойство, болѣе приближающее ихъ, напр., къ первому Своду. Съ другой же стороны, эти правила совершенно открыто указали тотъ простой сравнительно путь къ исправленію Свода, который, хотя примѣнялся и прежде, но продолжалъ до того времени оставаться негласнымъ. Благодаря этому то, что доступно было прежде инициативѣ единственно правительственныхъ учрежденій, стало доступнымъ и для всякаго заинтересованнаго лица. Такимъ образомъ и послѣ 1885 года за всѣми новыми изданіями, какъ не утратившими еще значенія усовершенствованныхъ продолженій къ отдѣльнымъ частямъ третьяго изданія Свода, не можетъ быть признано иного значенія, какъ оффиціальнаго, обязательнаго къ употребленію, систематическаго сборника дѣйствующихъ законовъ, который долженъ служить единственнымъ руководствомъ [1]) какъ въ дѣятельности всѣхъ правительственныхъ установленій, такъ и въ сношеніяхъ съ ними частныхъ лицъ. Такое его свойство выражается въ требованіи всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ опредѣленныхъ, въ законѣ [2]) перечисленныхъ случаевъ, ссылаться, вмѣсто отдѣльныхъ узаконеній, на подлежащія статьи Свода. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако эти отдѣльныя узаконенія отнюдь не утрачиваютъ самостоятельнаго своего бытія. Лишь въ цѣляхъ практическаго удобства,—чтобы избавить органы правительственной власти отъ траты времени и отъ риска впасть въ невѣрное заключеніе при разысканіи и сопоставленіи между собою относящихся къ дѣлу узаконеній, а также чтобы устранить возникновеніе домогательствъ, основанныхъ на

[1]) Въ этомъ же смыслѣ употреблено было еще гр. Блудовымъ, во всеподданнѣйшемъ его докладѣ 18 марта 1843 г. (№ 20), выраженіе „общая ручная книга".

[2]) А именно въ ст. 5 прил. II учр. Сенат. (изд. 1915 г.).

неправильныхъ выводахъ о соотношеніи между собою этихъ отдѣльныхъ узаконеній,—законъ обязываетъ обращаться къ Своду. Въ этомъ оффиціальномъ изданіи уже соображены, внѣ конкретныхъ случаевъ практики, всѣ вопросы такого соотношенія, и задача эта выполнена правительственнымъ учрежденіемъ, не только спеціально для того приспособленнымъ по организаціи и по обезпечивающему его безпристрастіе положенію среди другихъ учрежденій, но и располагающимъ, вслѣдствіе близости къ законодательнымъ источникамъ, всѣми средствами для возможно безошибочнаго раскрытія ихъ истиннаго смысла. Выпуская въ обращеніе новое изданіе, правительственная власть какъ бы заранѣе объявляетъ, какъ она понимаетъ взаимную связь чередовавшихся отдѣльныхъ въ данной области узаконеній и чтó именно и въ какомъ видѣ является нынѣ дѣйствующимъ закономъ. Такъ какъ выработанныя въ Сводѣ статьи, предполагается, вполнѣ вѣрно отражаютъ и смыслъ и текстъ ихъ источниковъ [1]), а посему всякій ссылающійся на Сводъ не обязанъ доказывать его правильности [2]), какъ всегда подразумѣваемой, donec probetur contrarium, за этимъ достовѣрнымъ сборникомъ,—то государственная власть не только освобождаетъ примѣнителя этихъ статей отъ изслѣдованія ея источниковъ, но даже обязываетъ его принимать статьи Свода на вѣру, поскольку не возникаетъ вопроса о неполнотѣ, неясности, недостаткѣ или противорѣчіи законовъ. Но, какъ только эта презумпція правильности падаетъ, какъ только сторона, утверждающая наличность ошибки, успѣла ее доказать, выступаетъ на сцену подлинный текстъ источника, всегда сохраняющій свое полное и преимущественное значеніе,—который и долженъ быть примѣненъ, не ожидая исправленія подлежащей статьи въ Сводѣ. Таковы тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ признанія за современными кодификаціонными сборниками значенія руководства или, какъ выразился одинъ изъ государствовѣдовъ [3]), „своего рода комментарія къ законамъ“. Но, какъ ни скромна роль такого руководства въ сравненіи съ тѣмъ, что представляло изъ

---

[1]) А. Э. Вормсъ („Законы гражданскіе“, вып. 1, стр. 12) правильно отмѣтилъ, что кодификаціонное учрежденіе нынѣ не *излагаетъ* законовъ въ Сводѣ, сохраняя лишь смыслъ ихъ, а *вноситъ* туда буквальный ихъ текстъ.

[2]) См. рѣшенія Правительствующаго Сената 1903 г. № 75, 1881 г. № 81, 1880 г. № 107, 1879 г. № 16, 1869 г. № 980.—Н. И. Лазаревскій. Русское государственное право, т. I, изд. 3, стр. 622, вын.

[3]) М. Б. Горенбергъ въ томѣ II курса „Русское государственное право“ Н. М. Коркунова (стр. 263, вын.).

себя первое изданіе Свода, тѣмъ не менѣе между ними допустимо слѣдующее теоретическое сближеніе. Если изданіе 1832 года можетъ быть охарактеризовано, какъ актъ автентическаго истолкованія накопившагося къ тому времени законодательства, то нынѣ дѣйствующій Сводъ являетъ собою тоже какъ бы видъ оффиціальнаго изъясненія законовъ,—но только въ узкой сравнительно области *отношенія* разновременно изданныхъ по одному предмету узаконеній *между собою* [1]). Эта сторона толковательной дѣятельности, вообще кодификаціонному учрежденію не присвоенной, совершенно для него неизбѣжна, разъ Сводъ предназначенъ содержать одни только дѣйствующія узаконенія и притомъ въ надлежащей между собою связи. При всемъ томъ и этотъ приближающійся къ легальному видъ толкованія имѣетъ свои границы: какъ только вопросъ о соотношеніи между новымъ и старымъ закономъ не можетъ быть въ точности разрѣшенъ на основаніи тѣхъ данныхъ, которыми располагаетъ кодификаціонное учрежденіе, или допускаетъ различное разрѣшеніе, обязанность дать въ Сводѣ прямой и опредѣленный отвѣтъ отпадаетъ,—ибо Сводъ является лишь отраженіемъ законодательства со всѣми его неясностями и недомолвками,—и все стараніе кодификаторовъ должно быть направлено въ такомъ случаѣ лишь къ изложенію статьи Свода такъ, чтобы не отнять у практики возможности самостоятельнаго въ ту или другую сторону ея истолкованія. Въ этихъ предѣлахъ, но не далѣе ихъ, возможно вполнѣ согласиться съ проф. Н. И. Лазаревскимъ, который среди усматриваемыхъ имъ у насъ пяти видовъ „оффиціальнаго толкованія въ формѣ абстрактныхъ положеній“ отводитъ самостоятельное и видное мѣсто „кодификаціонному толкованію законовъ“, ставя его, по значенію, вслѣдъ за автентическимъ толкованіемъ [2]).

Признаніе современнаго Свода только „руководствомъ“, въ противоположность первому его изданію съ самостоятельною силою закона, связано еще съ однимъ послѣдствіемъ. Сколько по условіямъ первоначальнаго своего составленія, столько же и подъ вліяніемъ одинаковой силы закона, при абсолютномъ государственномъ строѣ, всѣхъ Высочайше утвержденныхъ постановленій, Сводъ сложился изъ весьма различныхъ источниковъ. Правила 1885 года также допустили (ст. 7) дополненіе его не только законами въ собствен-

---

[1]) См. объ этомъ въ главѣ VI (стр. 90, 91).

[2]) См. статью его „Законодательство подъ видомъ толкованія законовъ“ въ Вѣстникѣ гражданскаго права 1916 г. № 2.

номъ, тогда же формально отмежеванномъ, смыслѣ, но и пояснительными постановленіями, удостоившимися Высочайшаго утвержденія, а также—смотря по содержанію—состоявшимися въ порядкѣ верховнаго управленія Высочайшими повелѣніями. Такимъ образомъ Сводъ законовъ никогда не былъ сборникомъ законовъ въ формальномъ смыслѣ, а объединялъ въ себѣ законы-нормы въ матеріальномъ смыслѣ, какъ ихъ разумѣли статьи 47 и 53 старыхъ основныхъ законовъ [1]). По необходимости сохраняя это свое свойство и въ то время, когда вышеозначенныя понятія и по нашему праву стали доступны къ разграниченію, Сводъ отнюдь не предназначенъ къ тому, чтобы мѣнять юридическую природу включаемаго въ него матеріала. Только основное его изданіе отсѣкло, такъ сказать, разысканіе происхожденія его статей. Но съ тѣхъ поръ, какъ Сводъ есть только руководство, включеніе въ него той или другой нормы ни въ какой мѣрѣ не отражается на ея силѣ: то, что заимствовано изъ Высочайшаго повелѣнія, не становится, хотя и значится въ сборникѣ, именуемомъ Сводомъ *законовъ*, отъ этого закономъ; распоряженіе Министра Финансовъ по таможенной части, будучи включено по силѣ статьи 9 правилъ 1885 года въ VI томъ Свода законовъ, не теряло этого свойства административнаго постановленія, ибо, въ противномъ случаѣ, оно не могло бы быть измѣнено властью того же министра; наконецъ, и включенное на основаніи статьи 8 тѣхъ же правилъ сенатское разъясненіе не могло, конечно, отъ одного такого включенія возвыситься до степени нормы, изданной въ законодательномъ порядкѣ. Именно для того, чтобы оттѣнить происхожденіе, а слѣдовательно, и порядокъ дальнѣйшей измѣняемости всѣхъ подобныхъ постановленій, правила 1885 года [2]) (а равно и предыдущая практика) стремились обособить ихъ внѣшнимъ образомъ въ Сводѣ. Но, если бы этого и не было предписано, то не отъ кодификаціоннаго, конечно, учрежденія зависѣло, и въ дореформенное время, сравнять, объединеніемъ въ составѣ Свода, юридическую природу отдѣльныхъ постановленій.

Если таково было значеніе Свода законовъ при дѣйствіи правилъ 1885 года и соотвѣтствующихъ имъ статей учрежденія Государственнаго Совѣта 1901 года, то измѣнилось ли что-нибудь въ этомъ

[1]) Ср. М. Б. Горенбергъ, „О предметахъ, требующихъ изданія закона", Право 1915 г., № 46, стр. 2921.

[2]) См. конецъ статьи 7 ихъ.

отношеніи съ преобразованіемъ государственнаго строя? Основные законы 23 апрѣля 1906 года о Сводѣ законовъ не упоминаютъ ни разу. Сопутствовавшее имъ новое учрежденіе Государственнаго Совѣта воспроизводитъ въ статьяхъ 119—124 почти полностью содержаніе постановленій объ изданіи Свода предыдущаго учрежденія [1]), при чемъ въ первой статьѣ содержитъ ту же самую ссылку на „особо установленныя правила", по коимъ и впредь имѣетъ быть составляемъ Сводъ. Этимъ какъ бы подтверждено дѣйствіе Высочайше утвержденнаго 5 ноября 1885 г. мнѣнія Департамента Законовъ, поскольку таковое не было замѣнено или измѣнено учрежденіемъ Государственнаго Совѣта 30 марта 1901 г. и нѣкоторыми другими узаконеніями. Все это указываетъ, что ни роль, ни сила Свода законовъ, ни главныя черты его составленія, не мыслились законодателемъ стоящими въ какой либо непосредственной зависимости отъ измѣненія государственнаго строя. Да это и не должно удивлять, разъ Сводъ законовъ не былъ и не могъ быть сборникомъ однихъ только законовъ въ формальномъ смыслѣ и разъ сила его давно уже не была болѣе силою закона. Если Сводъ былъ и остается руководствомъ и первенствующее значеніе, въ вопросахъ сравнительной силы, всегда сохраняется за подлиннымъ текстомъ узаконенія, то ни главенство закона не будетъ умалено, ни сила акта, состоявшагося въ порядкѣ верховнаго управленія, не будетъ возведена на степень закона, хотя бы они стояли въ Сводѣ рядомъ или даже подверглись, по редакціоннымъ соображеніямъ, сліянію въ одной статьѣ.

Сказанное не означаетъ однако, чтобы и самыя правила, установленныя для переработки Свода, остались безъ всякаго воздѣйствія со стороны установившихъ новый строй законоположеній 1906 года. Одно изъ постановленій 1885 года, не отвѣчающихъ уже современнымъ условіямъ, нами было отмѣчено выше, при разборѣ статьи 15 правилъ 5 ноября о порядкѣ исправленія ошибокъ въ Сводѣ. Другое измѣненіе уже получило свое осуществленіе въ дѣйствующей статьѣ 121 учрежденія Государственнаго Совѣта 1906 года, которая, подобно послужившимъ ей источникомъ, статьѣ 134 предыдущаго учрежденія 1901 года и статьѣ 11 правилъ 1885 года, перечисляетъ случаи, когда Государственному Секретарю или подле-

---

[1]) Статьи 132—134, 136—138 изд. 1901 г. Двѣ статьи (135 и 139) въ учрежденіе 1906 г. не перешли; о различныхъ изъ этого выводахъ см. въ статьѣ г. Яшунскаго „Уставъ благочинія и безопасности", Юридическій Вѣстникъ 1916 г., кн. XVI (IV), стр. 182, 183.

жащему министру надлежитъ входить съ представленіями „о разъясненіи, измѣненіи или дополненіи подлежащихъ статей Свода или другихъ узаконеній“, но, въ отличіе отъ тѣхъ же своихъ источниковъ, не указываетъ, куда надлежитъ вносить эти представленія. Въ 1885 году для сего указанъ былъ одинъ путь: „въ Государственный Совѣтъ“. Въ учрежденіи 24 апрѣля 1906 года этихъ словъ не воспроизведено,—очевидно, въ томъ соображеніи, что среди статей Свода законовъ есть весьма много такихъ, установленіе или измѣненіе которыхъ при новыхъ основныхъ законахъ должно слѣдовать не законодательному порядку, а порядку верховнаго управленія[1]). И въ самомъ дѣлѣ, Собраніе узаконеній уже даетъ нѣсколько примѣровъ разрѣшенія, въ порядкѣ статьи 11 основныхъ законовъ, черезъ Совѣтъ Министровъ, нѣсколькихъ вопросовъ по таможенному и горному уставамъ, а также по особому приложенію къ IX тому, которые не могли быть разрѣшены порядкомъ кодификаціоннымъ[2]).

Затѣмъ, болѣе глубокаго согласованія съ существомъ происшедшихъ измѣненій требуетъ и статья 7 правилъ 1885 года, перечисляющая главные источники для дополненія Свода со времени изданія этихъ правилъ. Въ качествѣ таковыхъ указывались: на первомъ мѣстѣ „законы“, т. е., какъ тутъ же пояснено, Высочайшія повелѣнія за Собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ и Высочайше утвержденныя мнѣнія Государственнаго Совѣта, и на второмъ, кромѣ пояснительныхъ, удостоившихся Высочайшаго утвержденія, постановленій (къ числу коихъ относились положенія департаментовъ Государственнаго Совѣта), также „Высочайшія повелѣнія, состоявшіяся въ порядкѣ верховнаго управленія по тѣмъ имѣющимъ отношеніе къ содержанію Свода предметамъ, по коимъ не существуетъ правилъ, изданныхъ въ порядкѣ законодательномъ“. Какъ надлежитъ нынѣ читать ту часть 7-й статьи, которая касается законовъ, въ этомъ никакихъ сомнѣній быть не можетъ, ибо съ 23 апрѣля 1906 года мы имѣемъ вполнѣ точно

---

[1]) Для поясненія можно указать на тѣ отдѣлы Свода, которые касаются ограничительныхъ постановленій для служащихъ, условій и порядка пожалованія титуловъ, орденовъ и отличій, устройства и управленія установленій Министерства Двора и др. (ср. осн. зак., ст. 18, 19, 21).

[2]) Высочайше утвержденныя положенія Совѣта Министровъ 23 іюля 1910 г. (П. С. З., № 33983) и 29 марта 1913 г. (П. С. З., № 39060) о распредѣленіи между Министерствами Финансовъ и Торговли и Промышленности таможенно-торговыхъ полномочій и объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій Свода законовъ въ зависимости отъ передачи завѣдыванія горною частью въ Министерство Торговли и Промышленности.

отграниченное понятіе закона въ формальномъ смыслѣ [1]), а прежнее опредѣленіе можетъ относиться только до актовъ, получившихъ Высочайшее утвержденіе до 27 апрѣля (т. е. не позже 26 апрѣля) того же года. Не столь легкимъ для замѣны „въ кодификаціонномъ порядкѣ" представляется постановленіе той же статьи о субсидіарной прежде группѣ источниковъ. Здѣсь надлежитъ считаться: а) въ отношеніи пояснительныхъ постановленій—съ тѣмъ, что въ переходную эпоху, узаконеніемъ 6 іюня 1905 г. [2]), „преподаваемое Высочайшею властью изъясненіе истиннаго разума законовъ" отнесено было всецѣло къ области законодательнаго порядка, но что, съ другой стороны, статья 31 учрежденія Государственной Думы, перечисляющая предметы вѣдомства законодательныхъ учрежденій, не упоминаетъ, въ частности, объ этомъ изъясненіи [3]); б) касательно Высочайшихъ повелѣній—съ тѣмъ, что то соотношеніе между ними и законами, какое предполагается въ обсуждаемой статьѣ, стремящейся избѣжать въ Сводѣ законовъ коллизіи между статьями законодательнаго происхожденія и позднѣйшими постановленіями, состоявшимися внѣ этого порядка,—въ извѣстной мѣрѣ, быть можетъ, отвѣчаетъ конструкціи статьи 11 основныхъ законовъ (указы „въ соотвѣтствіи съ законами" и „повелѣнія, необходимыя для исполненія законовъ"), но не обнимаетъ той обширной группы Высочайшихъ повелѣній, которая является послѣдствіемъ выдѣленія дальнѣйшими статьями основныхъ законовъ нѣкоторыхъ предметовъ въ исключительное вѣдѣніе Верховной власти. Наконецъ, слѣдуетъ имѣть въ виду еще одно обстоятельство. Статья 7 правилъ 1885 года, обусловливая включеніе Высочайшихъ повелѣній наличностью ихъ связи съ предметами Свода законовъ и отсутствіемъ относящихся къ тѣмъ же вопросамъ законодательныхъ постановленій, ставила Главноуправляющаго Кодификаціоннымъ Отдѣломъ какъ бы въ роль единоличнаго судьи въ законности изданныхъ не въ законодательномъ порядкѣ правилъ. Такъ какъ въ настоящее время, по силѣ статьи 92 основныхъ законовъ [4]), наблюденіе за такою законностью сосредоточено въ Правительствующемъ Сенатѣ, ибо несоблюденіе при изданіи постановленій законодательнаго свойства установлен-

---

[1]) Т. I, ч. 1, ст. 7, 9, 86.

[2]) П. С. З., 26345.

[3]) Болѣе подробныя по этому предмету данныя см. въ статьѣ, Г. Б-та „Одинъ изъ источниковъ дѣйствующихъ основныхъ законовъ" въ Журн. Мин. Юст. 1915 г. № 5 (стр. 251).

[4]) Ср. ст. 20 п. 1 и 74^{1} п. 1 учр. Сенат. въ законѣ 26 декабря 1916 г. (Собр. узак. 1917 г., ст. 68).

наго для того порядка влечетъ за собою необнародованіе ихъ, то единственнымъ нынѣ мѣриломъ для кодификаціоннаго учрежденія въ вопросѣ помѣщенія или непомѣщенія обнародованнаго Высочайшаго повелѣнія въ Сводѣ законовъ является наличность или отсутствіе связи его съ предметами Свода, вопросъ же о томъ, имѣется или не имѣется въ настоящемъ случаѣ коллизія съ правилами, изданными въ иномъ порядкѣ, долженъ, въ глазахъ сего учрежденія, почитаться разрѣшеннымъ самымъ фактомъ его обнародованія со стороны Сената. Но, если бы всѣ намѣченные выше вопросы даже и находили правильное себѣ разрѣшеніе въ современной кодификаціонной практикѣ, то нельзя все-таки не пожалѣть, что статья 7 правилъ 1885 года въ свое время не вошла въ число тѣхъ постановленій, которымъ было сочтено нужнымъ, при разработкѣ въ 1901 году новаго учрежденія Государственнаго Совѣта, дать мѣсто въ числѣ основныхъ положеній о Сводѣ, ибо въ этомъ послѣднемъ случаѣ она не преминула бы предстать въ учрежденіи 1906 года въ надлежащемъ, согласованномъ съ новыми основными законами, видѣ, и тогда, вѣроятно, надъ простымъ, самимъ по себѣ, вопросомъ о будущихъ источникахъ Свода не рѣялъ бы тотъ туманъ, какой создался вокругъ него при первыхъ же послѣ 1906 года продолженіяхъ. Въ одномъ, впрочемъ, отношеніи, даже и въ случаѣ такой своевременной переработки статьи 7, она—можно быть увѣреннымъ—не сумѣла бы дать исчерпывающаго отвѣта, а именно по вопросу, включать ли въ Сводъ и, если включать, то съ соблюденіемъ какихъ ограничительныхъ условій, тѣ измѣняющія и дополняющія Сводъ законовъ временныя постановленія, которыя издаются на основаніи статьи 87 основныхъ законовъ. Вѣдь въ 1906 году едва-ли кто могъ предвидѣть, сколь обширный источникъ дѣйствующаго права суждено будетъ составить, къ концу перваго десятилѣтія, мѣропріятіямъ, принимаемымъ по чрезвычайнымъ обстоятельствамъ во время прекращенія занятій Государственной Думы, сколь сильно ими окажется затронутымъ Сводъ законовъ и сколь много иногда можетъ потребоваться времени, чтобы даже болѣе важнымъ изъ такихъ мѣропріятій (каковъ указъ 5 октября 1906 г. о крестьянскомъ равноправіи) претвориться въ законъ.

XIII.

Разсмотрѣвъ по періодамъ почти всю внѣшнюю исторію Свода законовъ, а также въ хронологической послѣдовательности всѣ тѣ узаконенія, которыя относились къ его составленію и изданію, для

того, чтобы извлечь изъ нихъ или пояснить сохранившимися архивными слѣдами то, что касается силы и дѣйствія Свода, сдѣлавъ также необходимыя сопоставленія между добытыми данными и придя къ извѣстнымъ выводамъ для отдѣльныхъ періодовъ, — остается подвести всему этому матеріалу общій и окончательный итогъ.

Прежде всего мы убѣждаемся, что вопросъ о юридической силѣ Свода не можетъ быть разрѣшаемъ совокупно для всѣхъ его изданій. Общими для нихъ или, вѣрнѣе, преемственными были лишь правила о приведеніи и указаніи законовъ при производствѣ дѣлъ, излагавшіяся и нынѣ излагаемыя въ учрежденіи Правительствующаго Сената. Но ни манифестъ 31 января 1833 г. не предопредѣлилъ силы Свода на все время его существованія, ни указы 4 марта 1843 и 12 мая 1858 г. о второмъ и третьемъ его изданіяхъ не явились развитіемъ сего манифеста. Каждый изъ этихъ актовъ опредѣлялъ юридическое значеніе только того Свода, который при немъ былъ обнародованъ. Но не только всякое полное изданіе Свода является въ этомъ отношеніи обособленнымъ отъ предыдущихъ изданій, а и каждый отдѣльно доизданный уставъ въ промежутокъ между полными изданіями или отдѣльно переизданная часть послѣ полнаго изданія Свода имѣетъ свой особый сопроводительный актъ, на основаніи котораго должна быть опредѣляема ихъ сила. Равнымъ образомъ и продолженія къ Своду облечены, каждое, тѣмъ юридическимъ свойствомъ, какое можно открыть въ Высочайшемъ повелѣніи о ихъ обнародованіи. То же начало, и даже болѣе, касается издававшагося постепенно самостоятельнаго Свода мѣстныхъ прибалтійскихъ узаконеній.

На основаніи сопоставленія между собою этихъ отдѣльныхъ актовъ выпуски Свода должны быть подраздѣлены на двѣ группы: тѣ, которые обладаютъ силою закона и, устраняя дѣйствіе источниковъ, не допускаютъ возраженій противъ ихъ текста, и тѣ, которые, не обладая такою силою, являются тѣмъ не менѣе обязательнымъ руководствомъ, подъ условіемъ тождества ихъ съ источниками, а, поскольку отъ этого условія случайно отступаютъ, могутъ быть корректируемы на основаніи подлинныхъ источниковъ, всегда сохраняющихъ преимущественную свою силу. Первая квалификація основана на наличности въ подлежащихъ актахъ о введеніи въ дѣйствіе указанія на силу закона (законную силу) или—по смѣнившей эту формулѣ шестидесятыхъ годовъ—на Высочайшее утвержденіе обнародываемой книги. Она свойственна по преимуществу первоначальнымъ изданіямъ, а именно Своду законовъ 1832 года съ пер-

вымъ къ нему продолженіемъ и вышедшимъ въ 1845 и 1864 годахъ тремъ частямъ Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ, съ продолженіемъ къ первымъ двумъ частямъ 1853 года. Въ видѣ исключенія, значеніе самостоятельнаго закона оказывается, однако, присвоеннымъ двумъ повторнымъ, подвергшимся существенной переработкѣ, изданіямъ: уложенію о наказаніяхъ 1866 года и уставу о питейномъ сборѣ 1867 года. Сюда же приходится отнести повторительныя, весьма мало мѣнявшіяся, изданія 1842—1892 г.г. 1-ой части I тома,—въ виду испрашивавшагося по каждому изъ этихъ изданій основныхъ законовъ Высочайшаго соизволенія на всякое въ нихъ измѣненіе въ отдѣльности. Вторая, болѣе обширная группа, для которой вышеозначенной квалификаціи нигдѣ не употреблено, образуется изъ двухъ разновидностей: съ одной стороны,—изъ второго и третьяго полныхъ изданій Свода, относительно коихъ въ именныхъ указахъ оттѣнены непосредственные надзоръ и руководительство со стороны Монарха, а съ другой—изъ продолженій ко всѣмъ тремъ изданіямъ (начиная съ 1835 года) и изъ сближаемыхъ съ продолженіями новыхъ изданій отдѣльныхъ томовъ или уставовъ послѣ третьяго полнаго выпуска Свода,—юридическая природа каковыхъ сборниковъ ясно характеризуется употребленнымъ въ предисловіи перваго такого изданія [1]) терминомъ: оффиціальное руководство. Изъ этой группы не изъемлются и нѣкоторые первоначальные выпуски, напр., вышедшіе въ промежутокъ между 2-мъ и 3-мъ изданіями Свода уставы счетные (1848 г.) или въ составѣ 3-го изданія уставы духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, почтовый и телеграфный (1857 г.). Имѣя нерѣдко корни въ законодательномъ матеріалѣ той же, примѣрно, эпохи, какъ Сводъ 1832 года, эти изданія, уже послѣдовательности ради, должны бы быть въ одинаковой съ нимъ силѣ, но таковой формально не получили, потому что остались внѣ дѣйствія манифеста 31 января 1833 г. Благодаря этому названные уставы, а равно и рядъ другихъ, вышедшихъ въ позднѣйшее время, частей Свода (уставы ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, положенія о сельскомъ состояніи и пр.), которыя не имѣли за собою Свода 1832 года, образуютъ самостоятельный разрядъ уставовъ, отличающійся отъ прочихъ, болѣе давнихъ, частей тѣмъ, что они никогда не имѣли силы закона.

Если бы изъ всего изложеннаго надлежало извлечь практическій выводъ для случаевъ предполагаемаго несоотвѣтствія какой-

---

[1]) Уставы рекрутскіе, изд. 1862 г.

либо статьи Свода ея источникамъ, то онъ таковъ: прежде чѣмъ возбудить вопросъ объ устраненіи этого несоотвѣтствія, слѣдуетъ удостовѣриться: 1) не имѣла-ли данная часть Свода когда-либо силы закона, и 2) не сохранилось-ли это свойство за вызывающею сомнѣніе статьею либо потому, что она является прямымъ воспроизведеніемъ текста, бывшаго въ изданіи 1832 года или исправленнаго на основаніи негласной ревизіи Свода въ одномъ изъ его продолженій, либо потому, что на существующее ея изложеніе было испрошено въ свое время Высочайшее соизволеніе въ порядкѣ всеподданнѣйшаго доклада, или, наконецъ, потому, что такое изложеніе было выработано Вторымъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи либо Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ въ силу особо имъ предоставленнаго законодательною властью полномочія.

Съ точки же зрѣнія научной, смѣемъ думать, историческое обозрѣніе, съ одной стороны, дало полное подтвержденіе господствующей теоріи о различной правовой силѣ перваго и дальнѣйшихъ изданій Свода законовъ, а съ другой—выяснило необходимость внесенія нѣсколькихъ въ нее поправокъ, общей формулировкѣ которыхъ были посвящены предыдущія строки. Не будемъ утверждать, что разграничительная черта между тѣмъ и другимъ свойствомъ изданія всегда неизмѣнно ясна и отчетлива, какъ нельзя утверждать и того, что кодификаціонное учрежденіе въ пріемахъ своихъ всегда было строго послѣдовательнымъ. Въ этомъ отношеніи Сводъ военныхъ постановленій, при всей его громоздкости, представляетъ болѣе однообразную и нынѣ вполнѣ разработанную систему. Уже первый актъ о его изданіи—манифестъ 25 іюня 1839 г. (П. С. З., № 12468), являющійся сколкомъ съ манифеста 31 января 1833 г. и, тождественно съ послѣднимъ, присвоивающій Своду военныхъ постановленій „законную силу и дѣйствіе“ съ 1 января 1840 г., въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ это было постановлено для общаго Свода законовъ, имѣетъ то преимущество опредѣленности передъ законоположеніемъ 1833 года, что, предписывая къ единственному руководству новый Сводъ, объявляетъ отмѣненными всѣ прочія постановленія [1]). Равнымъ образомъ имен-

---

[1]) Это слѣдуетъ изъ статьи 2 манифеста, опредѣляющей приложеніе и приведеніе статей Свода въ дѣлахъ, гдѣ въ концѣ сказано: „Сообразно сему комиссіямъ военнаго суда и всѣмъ вообще военно-суднымъ инстанціямъ въ приложеніи военно-уголовныхъ законовъ, съ 1 января 1840 года, руководствоваться только Сводомъ, и затѣмъ всѣ прочія постановленія считать отмѣненными“.

ной указъ 28 декабря 1860 г. (П. С. З., № 36464), при которомъ обнародовано было второе изданіе Свода военныхъ постановленій 1859 года, гораздо ближе по своему содержанію къ манифесту 1839 года и, слѣдовательно, яснѣе опредѣляетъ взаимное между ними отношеніе, нежели то можно сказать про манифестъ 1833 года и указы 1843 и 1858 годовъ относительно второго и третьяго изданій общаго Свода законовъ. Наконецъ, начиная съ выпусковъ 1869 года переработаннаго Свода военныхъ постановленій, переизданіе всякаго отдѣльнаго устава сопровождалось именнымъ указомъ, воспроизводившимся во главѣ каждаго изъ такихъ уставовъ, въ текстѣ и заглавіи котораго совершенно точно указано на послѣдовавшее Высочайшее *утвержденіе* выпускаемаго сборника. Наоборотъ, при выходѣ продолженій никакого именного указа не издается, а въ составѣ предисловія, въ послѣднее время, отмѣчается, что данное продолженіе, подъ такимъ-то названіемъ, преподано, съ Высочайшаго соизволенія, „*къ руководству*“ [1]). Здѣсь, слѣдовательно, въ противоположность общему Своду, юридическая сила изданій разнится отъ силы продолженій, такъ какъ послѣднія на Высочайшее утвержденіе не повергаются, и кромѣ того не наблюдается различія между основнымъ и послѣдующими изданіями. Но, если общій Сводъ законовъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи младшему своему собрату, то и онъ все-таки въ исторической перспективѣ являетъ достаточно выпукло два понятія и двѣ эпохи: сборникъ-законъ для законодательства, предшествовавшаго 1-му января 1834 года, и сборникъ - руководство для законодательнаго матеріала позднѣйшей формаціи. Первое положеніе установлено манифестомъ 31 января 1833 года; второе создалось постепенно, но ведетъ свое начало отъ тѣхъ же временъ Сперанскаго, который, въ схемѣ возможныхъ рѣшеній о силѣ Свода, противополагалъ Своду, какъ единственному основанію въ рѣшеніи дѣлъ, такое его обязательное дѣйствіе, при которомъ не исключается примѣненіе и самаго текста закона: послѣдній предпочитается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, какъ скоро предстанетъ сомнѣніе о существованіи закона или о смыслѣ его.

Январь 1917 г.

---

[1]) Близкое къ продолженіямъ значеніе имѣло выпущенное въ 1888 году изданіе „Постановленія по довольствію войскъ“, которое предназначалось служить лишь „пособіемъ“ при руководствѣ подлежащею частью Свода 1859 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ:

Страница.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
8 (сред.) 9 (вверху)	30 января 1836 г.	20 января 1836 г.
19 (сред.)	nova legum	nova veterum legum

СОДЕРЖАНІЕ [1]).

---

[1]) Набранныя жирнымъ шрифтомъ цифры относятся къ страницамъ книги.—С. З. означаетъ Сводъ Законовъ.

V.

(Производство въ Государственномъ Совѣтѣ).

VI.

(Манифестъ 31 января 1833 г.).

VII.

(Негласная ревизія С. З. для перваго продолженія).

повѣрка Второго Отдѣленія **120—122**.—Первое продолженіе С. З. и его сила **122—124**.—Повторныя тисненія С. З. **124—127**.

VIII.

(Дальнѣйшія исправленія С. З. по второму продолженію).

Предѣльный срокъ негласной ревизіи по правиламъ 1833 г. **127—130**.—Нарожденіе вопроса о дальнѣйшихъ исправленіяхъ въ связи съ общимъ вопросомъ о соотношеніи между С. З. и его источниками, поставленнымъ Министромъ Юстиціи въ его отзывѣ на 3 записки Сперанскаго 1834 г. **130—136**.—Отношеніе Гос. Сов. къ дальнѣйшему включенію въ С. З. министерскихъ предписаній и указовъ Сената **136—138**.—Затрудненія въ разрѣшеніи вопроса о пробѣлахъ и неточностяхъ въ С. З. **139—141**.—Правила 12 и 15 дек. 1834 г. **141—142**.—Второе продолженіе С. З. и юридическая сила произведенныхъ въ немъ исправленій **143—147**.

IX.

(Работы 1835—1839 г.г.).

Механизмъ исправленія С. З. на основаніи правилъ 16 марта 1833 г. **148**.—Внесеніе въ 1835 г. перваго представленія въ Гос. Сов. по возникшимъ разногласіямъ между Комитетомъ при Министерствѣ Юстиціи и Вторымъ Отдѣленіемъ и задержка въ его разсмотрѣніи вслѣдствіе необходимости разрѣшенія отложеннаго въ 1834 г. общаго вопроса о порядкѣ исправленія неточностей и пробѣловъ С. З. **149—150**.—Разрѣшеніе сего послѣдняго вопроса мнѣніемъ Гос. Сов. 20 янв. 1836 г. **150—153**.—Разборъ его **153—161**. — Отношеніе Департамента Законовъ къ 36 разногласнымъ пунктамъ и вопросъ объ обратной силѣ вынесенныхъ рѣшеній **161—169**.—Ослабленіе силы нѣкоторыхъ частей С. З. **169—172**.—Третье и послѣдующія продолженія С. З. и данныя для опредѣленія ихъ силы **172—175**.—Второе законодательное представленіе Министерства Юстиціи 1837 г. **176—181**.—Ревизіонная дѣятельность другихъ вѣдомствъ и общее ея сокращеніе **181—189**.—Послѣднее продолженіе 1839 г. и обстоятельства этого года **189—192**.—Высоч. повелѣніе 18 мая 1839 г. объ упраздненіи Комитета при Министерствѣ Юстиціи **192—195**.—Указъ 29 дек. 1839 г. о 6-омъ продолженіи и вопросъ о силѣ произведенныхъ въ С. З. исправленій **195—200**.

X.

(Второе изданіе Свода 1842 г.).

Нѣкоторые выводы изъ предыдущихъ главъ **200—202**.—Разборъ указа 4 марта 1843 г. о второмъ изданіи С. З. **203—204**.—

Цѣна 2 р. 50 к.

